

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. И. С. НИКИТИНА

ФОНД им. А. А. ХОВАНСКОГО

**ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ:
К 160-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»**

*Сборник статей
международной научно-практической конференции*

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2021

УДК 81'36
ББК 74.0
Я41

Печатается по решению ученого совета
филологического факультета ВГУ от 29.08.2021 г.

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук Л. М. Кольцова; д-р филол. наук Г. Ф. Ковалев;
д-р пед. наук Э. П. Комарова; д-р филос. наук С. В. Лебедев

Я41 **Язык, мышление, цифровизация: к 160-летию журнала «Филологические записки»** : сборник статей международной научно-практической конференции / отв. ред.: А.И. Лазарев. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. – 348 с. – ISBN 978-5-4446-1598-0. – Текст : непосредственный.

Настоящий сборник научных статей посвящен 160-летию старейшего российского языковедческого журнала «Филологические записки», выпускавшегося в Воронеже А.А. Хованским – одним из самых заслуженных редакторов российских научных изданий. Этот журнал заложил основы отечественного сравнительно-исторического языкознания и внес весомый вклад в разработку теории и практику преподавания русской словесности. Международный коллектив авторов представляет здесь широкий спектр векторов современного переосмысления и последующего развития научного наследия журнала в соответствии с его разделами. Сборник состоит из девяти разделов, посвященных ряду вопросов лингвистики и педагогики, философии языка и журналистики, практики перевода и литературоведения, а также междисциплинарным проблемам. В книге представлены материалы, наглядно демонстрирующие научно-педагогический потенциал издания А.А. Хованского. Предложенные авторами статей подходы и концепции отличаются эвристической ценностью и призваны способствовать плодотворной разработке научных идей, представленных в журнале. Сборник предназначен широкому кругу читателей: специалистам в области изучения языка и литературы, студентам филологических факультетов, всем интересующимся историей филологической науки и её современным состоянием.

Знак информационной продукции: 12+

УДК 81'36
ББК 74.0

© Коллектив авторов, 2021
© Фонд Хованского, 2021
© Оформление.
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2021

ISBN 978-5-4446-1598-0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» (1860).....7

Раздел I

НАСЛЕДИЕ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПИСОК»

Каверина В.В. ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» (1860-1917) О ПРОБЛЕМАХ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ.....	11
Лукин О.В. «СИСТЕМА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ» КАРЛА ГЕЙЗЕ И «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ».....	18
Лазарев Ю.В. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛОВЕСНОСТИ В ЖУРНАЛЕ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ».....	25
Кривотулова Е.В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖУРНАЛА «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ».....	32
Русинова Е.Е. ЦИФРА И БУКВА: СЛИЯНИЕ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ? («ЖИВОЕ СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ).....	38

Раздел II

ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Заварзина Л.Э. ЕЩЁ РАЗ О СПЕЦИФИКЕ УРОКОВ РУССКОГО (РОДНОГО) ЯЗЫКА.....	48
Заварзина Л.Э. П.Ф. КАПТЕРЕВ О ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛЕ.....	55
Панина Л.Ю. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА»	63
Гладышева С.Н. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЭМИГРАНТ- СКИХ ДЕТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ».....	70
Швецова О.А. РОЛЬ СОЧИНЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ «ЦИФРОВОЙ ЭРЫ».....	77
Карначук И.Ю. КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	83
Devlin A.M. THE ACQUISITION OF RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE: SOCIOPRAGMATIC DEVELOPMENT DURING A SHORT-TERM STUDY ABROAD SOJOURN.....	86

Раздел III
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА, ПРИКЛАДНАЯ И
КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Меркулова И.А.</i> НУКЛЕАРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	94
<i>Калинин С.С.</i> О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ СХОЖЕСТИ МЕХАНИЗМОВ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ АФФИКСАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ КЕТСКОГО И НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ.....	100
<i>Посацкий А.</i> ДИСКУРС НЕОГНОЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ.....	106
<i>Лазарев А.И.</i> ФИЛОСОФИЯ ГЛАГОЛА: ВРЕМЯ В ОБЩЕЙ И ЧАСТНЫХ ГРАММАТИКАХ.....	116

Раздел IV
СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Щеголев Б.А., Мерунка В.</i> МЕЖСЛАВЯНСКИЙ ЗОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК – СТРАТЕГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА.....	127
<i>Микулаш С.</i> ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ С ЗАВИСИМЫМ ОБЪЕКТНЫМ ИНФИНИТИВОМ: СРАВНЕНИЕ НА ОСНОВЕ ГРАММАТИК И НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ РУС. И ЧЕШ. ЯЗЫКОВ.....	134
<i>Сапунов В.И.</i> ЕЩЁ РАЗ О ПОЛИТИКО-ЯЗЫКОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НА БАЛКАНАХ: ЯЗЫКИ ИЛИ ДИАЛЕКТЫ?.....	147
<i>Бондаренко Н.А.</i> «ПИСЬМА В.А. ПАНОВА К МАТЕРИ М.А. ПАНОВОЙ «ВСТРЕЧА С ЕВРОПОЙ» И ОЧЕРКИ Н.С. ЛЕСКОВА «ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА» В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ.....	154
<i>Ковалев Г.Ф.</i> ОНОМАСТИКА В ТРУДАХ В.И.ДАЛЯ И ЕЁ РОЛЬ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	160

Раздел V
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

<i>Катермина В.В., Жаворонкова В.Б.</i> ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА.....	170
<i>Молчанова Л.В., Межецкая Г.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УСТАРЕВШИХ СЛОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТИ.....	176

<i>Сичинава Н.Г.</i> СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».....	182
<i>Гарсия де ла Пуэнтте И.</i> ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, КОГДА ОН «ПРЕКЛАДАШЕ»?.....	190
<i>Чен Хайдун.</i> ПЕРЕВОД ТУРИСТИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ КАК ПРИМЕР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	194
<i>Олейник А.Н.</i> ОПИСАНИЕ ПРИРОДЫ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ ПРИ КОММУНИКАТИВНОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	198

Раздел VI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Белянин В.П.</i> «ПЕЧАЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	204
<i>Хорольский В.В.</i> МОРТАЛЬНЫЙ МОТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ВО И ДЖ. БАРНСА: СОПОСТАВЛЕНИЕ НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ.....	211
<i>Киллар А.</i> МОТИВ СМЕРТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ.....	217
<i>Церцвадзе М.Г.</i> ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ.....	224
<i>Королева А.М.</i> ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ПОЧТИ 100-ЛЕТНИХ НАБЛЮДЕНИЙ.....	231
<i>Ратникова И.Э., Хоанг Тхи Бен.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ).....	240
<i>Барабаш О.В., Крапчина Л.Н.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕРМИН КАК КОМПОНЕНТ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ).....	248
<i>Пивоварчик Т.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАБУ В СЕТЕВОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ.....	254
<i>Боева Г.Н.</i> ИНТЕРНЕТ-СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ: ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	261
<i>Сандлер Л.Л.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	268
<i>Фатеева Е.Н.</i> ЭМОДЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	274

Раздел VII

**ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА, ИЛИ
ЯЗЫК В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ**

<i>Горохова Л.А.</i> СТРУКТУРА «ЗВУКОВОГО ЛАНДШАФТА» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	279
<i>Грачева Ж.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА Н.Н. УШАКОВА ПОВЕСТИ М. КОЦЮБИНСКОГО «ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ».....	285
<i>Погадай Е.В.</i> «ОСЕНЬ» А.С. ПУШКИНА КАК РИТОРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.....	294
<i>Белова П.Е.</i> МИФЫ И МОТИВЫ МОСКОВСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА.....	301
<i>Витович А.О.</i> СЮЖЕТ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. АКСЁНОВА «ЗАТОВАРЕННАЯ БОЧКОТАРА».....	308
<i>Нефедова Я.Ю.</i> ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТИКЕТНОЙ РАМКИ В ПИСЬМАХ А.П. ЧЕХОВА, АДРЕСОВАННЫХ О.Л. КНИППЕР.....	314

Раздел VIII

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Тулунов В.В.</i> ЮБИЛЕЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «АКЦЕНТЫ. НОВОЕ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ».....	319
<i>Альдауд М.</i> СИРИЙСКИЙ КРИЗИС В ЗЕРКАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ.....	325
<i>Альтамемми М. Ш. М.</i> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ АРАБСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА.....	331

Раздел IX

РЕЦЕНЗИИ

<i>Фирсов Е.Ф.</i> ПО СЛЕДАМ ШТУТГАРТСКОГО НАУЧНОГО ТРУДА «МЕЖДУ ДЕРПТОМ, ПРЕССБУРГОМ И ВЕНОЙ», ПОСВЯЩЕННОГО ЯНУ КВАЧАЛЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.....	339
ОБ АВТОРАХ.....	345

Журнал Алексея Андреевича Хованского «Филологические записки» являет собой яркую страницу в истории не только отечественной, но и европейской научной журналистики, а почти 40-летний стаж бессменного руководства изданием представляется самым выдающимся достижением на редакторской nive.

«Филологические записки» стояли у истоков вновь номинированного в те времена направления светской науки – филологии, или *любословия*, главным образом благодаря сравнительно-историческим исследованиям, которым были специально посвящены. Мысль о том, что история развития науки в XIX в. есть, по существу, история научной журналистики, похожа на афоризм, в свете которого это издание представляется метафорическим зеркалом, отразившим ключевой этап в становлении российской филологии. Журнал послужил официальным печатным органом для заявления о начале деятельности Филологического общества при Санкт-Петербургском университете (1869).

Вклад журнала в отечественное языкознание настолько значителен, что позволяет утверждать: без знакомства с содержанием «Филологических записок» невозможно получить полного представления о развитии русского литературоведения, сравнительной и славянской филологии, преподавания классических и родных языков, педагогики вообще.

В своё время «Филологические записки» играли роль официального печатного органа всероссийского *невидимого колледжа*, а правильнее сказать, *невидимой академии* (поскольку у Академии наук долгое время не было собственного языковедческого издания) – неформального объединения значительного числа лучших словесников и педагогов, стоявших у истоков настоящего образовательного течения и объединённых эпитафией: «*Ум хорошо, а два лучше. Сто голов – сто умов*». Тогда журналу Хованского удалось исполнить свою историческую миссию в формировании отечественной филологии и педагогики, однако с началом революционных событий дух этой невидимой академии почти на столетие испарился с советских научно-просветительских просторов, а номера журнала на долгие годы оказались в «спецхране», в связи с чем образовалась лакуна, размером порядка 40 000 страниц, в значительной части состоящая из подлинных шедевров мирового языкознания. Несмотря на то что «Филологические записки» признавались лучшим языковедческим изданием

Российской империи (удостоены золотой медали 1-й Всероссийской выставки печатного дела, 1895 г.), известным без преувеличения каждому практикующему учителю-словеснику, советские научно-педагогическая и филологическая школы игнорировали их богатейшее наследие настолько, что даже ведущие учёные, за редким исключением, целое столетие практически не обращались к этим публикациям и непочтительно редко использовали их в своей научной работе. Такое отношение к трудам выдающихся европейских и отечественных лингвистов и педагогов невозможно объяснить иначе, как идеологической конъюнктурой или действием злого рока. Как бы там ни было, важно заметить, что забвение журнала А.А. Хованского негативно сказалось на российском гуманитарном знании в целом, что время от времени так или иначе проявляется в различных аспектах современных филологических изысканий.

В период репрессивного разгула *нового учения о языке* Н.Я. Марра, когда сравнительно-историческое языкознание было официально признано *ложным буржуазным учением* (в ходе «Дела славистов», «Дела краеведов» и т.п.), наследие этой школы было практически исключено из научно-библиографической базы. Это объясняется специализацией журнала на исследованиях индоевропейских и славянских культурообразующих религиозных и мифологических текстов, а также ориентацией на христианские моральные ценности в сформировавшейся на его страницах эвристической методике интеллектуального и нравственного развития учащихся «Живое слово», которую редактор предлагал сделать базовой в преподавании русской словесности.

После долгих лет забвения, к концу нулевых годов нового тысячелетия, опознаваемость журнала катастрофически стремилась к мизерным величинам, поэтому необходимо было приложить максимум усилий к восполнению выявленной лакуны. Именно такому стечению обстоятельств и положению дел к началу второго десятилетия XXI века обязан своим восстановлением педагогический Фонд им. А. Хованского, под эгидой которого был реализован ряд научно-практических и просветительско-популяризаторских проектов: проведение конференций к 200-летию А. Хованского и к юбилеям «Филологических записок» и «Славянского вестника», публикации научных сборников и репринты уникальных статей и монографий из первых номеров журнала, организация реальных и виртуальных выставок в библиотеках и литературном музее, публичные лекции известных учёных и презентации издания на образовательных форумах, съездах и салонах, учреждение медали «Живое слово», продюсирование научно-популярных фильмов «"Филологические записки" А. Хованского», «Воронежская педагогическая школа. Истоки» и др., а также многочисленные публикации в региональных, федеральных и международных СМИ, включая статьи на разных языках в Википедии.

Приуроченный к 160-летию «Филологических записок» сборник международной научно-практической конференции объединяет труды на русском и английском языках, касающиеся различных проблем филологии и лингвистики, философии, педагогики и журналистики в соответствии с разделами журнала. В работе конференции приняли участие исследователи из 16 стран: Армении, Беларуси, Великобритании, Вьетнама, Грузии, Ирака, Ирана, Ирландии, Канады, Китая, Польши, России, Сирии, США, Чехии и Украины. Среди авторов сборника наряду с заслуженными деканами факультетов и заведующими кафедрами, докторами и кандидатами наук – молодые аспиранты и магистранты, учителя школ и независимые исследователи, другими словами – международная креативная научная элита, включая и предэлиту.*

Первый раздел содержит ряд статей, освещающих в публикациях журнала Хованского задачи построения общей системы языкознания, проблемы русской орфографии и преподавания словесности и отражающих педагогический потенциал этого заслуженного издания, его актуальность в современном контексте; здесь же рассматривается содержание самого понятия «научный потенциал». Второй раздел посвящен проблемам педагогики вообще и преподаванию родных языков, русского как иностранного, а также связи наследия педагогов XIX века с современными тенденциями развития словесности в условиях тотальной цифровизации.

Наметившееся противостояние *цифры* и *буквы* ставит цивилизацию перед необходимостью выбора вектора развития: какое начало в образовании станет приоритетным – цифровое или гуманистическое? Авторы статей убеждены в том, что нет необходимости подвергать систему образования радикальной цифровой трансформации, достаточно и того, что «цифровые технологии могут улучшить хорошо проводимое обучение», они должны выполнять сопроводительную функцию, а не вытеснять *человеческий фактор*. В этой связи особое значение приобретает методика «Живое слово», создавая которую авторы выполняли всегда актуальный общественный запрос на качественное образование и нравственное воспитание, не только не потерявший своей злободневности, но ставший сегодня ещё более насущным. Таким образом, реализация методических разработок *живого слова* в условиях цифровизации представляется чрезвычайно актуальной задачей.

Статьи третьего раздела показывают способность проникновения мысли в самые глубины философии и богословия, обращая внимание читателя на *философию глагола* в контексте общей и частных грамматик и достигая ядерного лингвистического уровня; здесь же рассматривается *дискурс неогнозиса* в языке современной массовой культуры и в литературе.

* Классификация научной элиты может быть осуществлена по разным основаниям: по уровню признания выделяются *мировые, национальные и региональные элиты*; помимо того, исследователи разделяют научную элиту на *постэлитную, креативную элиту и эмбриональную, или предэлитную*; далее научная элита разделяется на *официальную (номинальную) и неформальную (сущностную) элиту*, являющуюся порождением межинституциональных исследовательских структур («невидимых колледжей», научных течений и школ).

Четвёртый раздел посвящён *славянице*, проблемам межславянской коммуникации, жизнеспособности и долговечности славянской взаимности, а также дискуссии о статусе южнославянских национальных языков и их диалектов. Отдельное внимание в пятом разделе сборника уделено теории и практике перевода, в частности – его диахроническому аспекту, влиянию фоновых знаний на качество перевода, стратегии достижения межъязыковой эквивалентности при переводе, а также практике перевода в организации межкультурной коммуникации; обозначаются проблемы в описании природы радикальных изменений языковых форм при коммуникативном посредничестве.

Статьи следующих двух разделов сборника касаются вопросов литературоведения, психолингвистики и культурологии, языка художественной литературы и фольклора в его эстетической функции. В частности в дополнение к жанровой классификации предлагаются новые подходы к анализу художественных текстов, выделяющие в них эмоционально-смысловую доминанту, определяются психолингвистические критерии классификации «печальных» текстов; анализируется отражение концепта *печаль* в лексико-фразеологических системах, рассматривается проявление в литературе *мотива смерти* как одного из двух фундаментальных психологических побуждений (*мортидо* и *либидо*). В ряде статей затрагиваются проблемы устойчивого развития русского языка в пространстве интернет-коммуникации, влияния эмодзи на качество коммуникации в социальных сетях, и вместе с тем речь идет о коммуникативных табу и визуальном аспекте восприятия интернет-стереотипов русской классики. Особый смысловой блок в разделах составляют статьи, затрагивающие проблемы *философии имени* и касающиеся *поэтики заглавия* в специфике национальных метафорических номинаций. Далее описывается структура *звукового ландшафта* художественного произведения, рассматриваются мифы и мотивы *московского текста* в русской лингвокультуре, изображается *сюжет героя* и лексико-стилистические особенности *этикетной рамки*, а также обсуждаются другие тематические вопросы.

В восьмом разделе представлены статьи об истории и актуальных вопросах журналистики, особенностях национально-культурных стилей средств массовой информации, публицистики и кинематографа. В заключительном разделе публикуется рецензия на монографию о выдающемся словацко-русском педагоге Яне Квачале, научная биография которого связана с началом *университетского периода* в истории воронежской педагогической школы.

Таким образом, настоящий сборник подводит итог прошедшему десятилетию в развитии журнальной традиции, открывает новое и отражает текущее положение дел в направлениях, основы изучения которых заложены в подшивках журнала «Филологические записки».

Раздел I. НАСЛЕДИЕ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПИСОК»

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» (1860-1917)
О ПРОБЛЕМАХ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В.В. Каверина (Московский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена орфографическим публикациям в журнале «Филологические записки» в период 1860-1917 гг. Такие известные ученые, как В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт, А.А. Потебня, высказывали здесь свое мнение относительно орфографической ситуации того времени в целом и обсуждали трудные случаи правописания окончаний имен прилагательных, написания частиц *Нь* и *Нн*, орфографии причастных форм в русском и церковнославянском языках. Кроме того, в журнале поднимались вопросы усовершенствования обучения орфографии, а также публиковались заметки, объясняющие правописание некоторых особенно затруднительных слов.

Ключевые слова: реформа орфографии 1917-1918; орфографические дискуссии рубежа XIX-XX вв.; журнал «Филологические записки».

JOURNAL "PHILOLOGICAL NOTES" (1860-1917)
ABOUT THE PROBLEMS OF RUSSIAN SPELLING

V.V. Kaverina (Moscow State University)

Abstract. The article is devoted to spelling publications in the journal "Philological Notes" in the period 1860-1917. Such famous scientists as V.A. Bogoroditsky, I.A. Boudouin de Courtenay, R.F. Brandt, A.A. Potebnya, expressed here their opinion on the spelling situation of that time as a whole and discussed the difficult cases of spelling the endings of adjectives, the spelling of the *Hь* and *Hu* particles, the spelling of participial forms in the Russian and Church Slavonic languages. In addition, the journal raised questions of improving the teaching of spelling. As well, notes were published explaining the spelling of some particularly difficult words.

Keywords: spelling reform 1917-1918; the journal "Philological Notes"; spelling discussions at the turn of the 19th-20th centuries.

Журнал «Филологические записки», созданный педагогом, филологом, переводчиком, основоположником воронежской научно-педагогической школы А.А. Хованским, с самого начала уделял очень серьёзное внимание обсуждению проблем правописания. Такие известные ученые, как В.А. Богородицкий,

И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт, А.А. Потебня, в своих публикациях не только давали разные оценки орфографической ситуации того времени в целом, но и предлагали пути преодоления трудностей и упрощения существующих правил.

Открыл тему обсуждения современной орфографии в первом же выпуске журнала редактор и издатель А.А. Хованский. В программной статье «Взгляд на правописание вообще» [7] назвал русское правописание камнем преткновения для образованных людей. Анализируя состояние современного письма в последние 20 лет, Хованский отметил его недостаточную изученность и неупорядоченность, которые выражаются, в первую очередь, в области слитного и раздельного написания, пунктуации, орфографии собственных имен, употребления строчных и прописных букв.

Показательно, что учёный настаивал на необходимости выделения орфографии в самостоятельный раздел языкознания. С сожалением отмечая периферийное место правописания в филологии, редактор журнала подверг критике механистичность, бездоказательность русского правописания, которое приводит к отсутствию понимания его важности. Вместе с тем Хованский предостерег и от следования правописания за выговором. В качестве положительного примера Хованский привел реформу правописания в Германии, которая должна служить некоторым ориентиром в выборе пути для русской орфографии: необходимо «общими усилиями приискать средство к установлению твердых правил правописания в важнейших спорных случаях», при этом сохраняя «господствующий обычай там, где нет споров» [7: 41].

Исходя из своего опыта изучения русского правописания в текстах разных писателей и составителей грамматик, учёный отметил сосуществование там различных написаний одних и тех же слов. Этим недостатком отличались не только издания классиков, но и орфографические рекомендации в учебниках Н.И. Греча и А.Х. Востокова, которые в течение долгого времени выступали как наиболее авторитетные. Не помог установить единства, а, напротив, умножил неупорядоченность и Словарь Академии Российской. Автор привел примеры несоответствия рекомендаций названных кодифицирующих сочинений: *пять сажень, обьемь, азиатский, прильжный* (у Востокова); *сажень, обьемь, азиатский, прилежный* (у Греча); *заецъ* (у Греча) и *заяць* (в Словаре Акад. Рос.) [7: 53]. Понимая истинную причину явления, Хованский вместе с тем не одобрил «орфографического вольнодумства в среде писателей», некоторые из которых стали следовать неким новым, своим правилам [7: 56]. В заключение Хованский настаивает на необходимости выяснить то начало, на котором можно было бы основать неоспоримое доказательство русского правописания, и только тогда «разноречие само собой уступит место единообразию» [7: 65].

Редактор и издатель «Филологических записок» вернулся к проблемам орфографии через 10 лет в статье «К вопросу о русском правописании» [8]. По мнению автора, ситуация за это время изменилась в худшую сторону: выпускники школ и студенты проявляют необычайное равнодушие к языку, пишут без соблюдения орфографических правил. Причины этого автор нашел в нерациональных приемах преподавания родного языка, недостаточности отводимого на изучение родного языка времени, отсутствии единых норм правописания («чуть не у каждого преподавателя свое правописание»), разладе и произволе правописания в прессе. Все это, по мнению Хованского, должно вызвать «протест в ученом мире», и русское правописание, как и правописание других образованных народов, должно стать предметом «особенной заботливости ученых» [8: 1-5]. Вместе с тем попытки изгнать буквы Ъ, Ы и Ь он рассматривает как «пустые затеи», потому что в деле правописания каждая буква находится на своем месте [8: 5].

«Филологические записки» одними из первых откликнулись на появление в свет исследования Я.К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873). В целом одоблив новаторские идеи академика, рецензент изложил свои орфографические позиции в противовес некоторым решениям автора. Во-первых, изгнание букв из русского алфавита «никогда не может состояться»: если этого не произошло в результате почти двухсотлетней борьбы, то и всякая подобная попытка в будущем «будет напрасной тратой времени, напрасным посягательством на неприкосновенность азбуки». Во-вторых, вопреки мнению Грота, в русском правописании «разноречия в начертаниях одних и тех же слов останутся надолго», поскольку пишущие по большей части придерживаются диаметрально противоположных взглядов и убеждений [9: 40-41]. Отзывы об орфографических работах академика Грота и о практических руководствах, составленных в соответствии с ними, публиковались и в последующих выпусках журнала в статьях Н. Андросова, Д.В. Аннинского, А.С. Рождествина, И.С. Соломоновского, Н.И. Иванова и др.

Однако в «Филологических записках» обсуждались не только сочинения Грота. Так, в коротких публикациях И. Николитча под общим названием «Выдержки из словаря Даля» (1874-1876 гг.) прозвучала критика в адрес словаря и принятого в нем правописания. Автор заметок осудил то, что В.И. Даль вступил в противоречие с существующим правописанием и усугубил и без того сильный орфографический разнобой. По мнению Николитча, «страсть к слитному написанию в одно слово таких выражений, которые... состоят из двух или трех самостоятельных частей, завела составителя Толкового словаря чересчур далеко и наполнила его труд довольно значительным, не нужным вовсе материалом» [5: 8]. Особенно это касается написания НЕ с другими

частями речи, «расшатывающего основные грамматические правила и филологические соображения» [5: 10]. Кроме того, в стремлении писать одну согласную вместо двойной автор критических заметок видел следование скорее «прихотливому отрицанию бесполезности употреблять двойные согласные буквы, чем научным выводам и историческому укладу нашей письменной речи» [5: 10]. Николич решительно заявил, что при всей авторитетности словарь не может служить орфографическим образцом, а для разрешения вопроса о правописании вообще и относительно раздельного и слитного письма составных выражений «ссылка на Толковый словарь Даля не может считаться наилучшей и благонадежной опорой» [5: 10-11]. В связи с оценкой словаря критик дал и общую оценку орфографической ситуации: «К сожалению, у нас сделалось чересчур ходячим убеждение, будто в русском языке недостаточно утвердились грамматические правила, а потому трудно руководствоваться в деле орфографии положительными указаниями нашей этимологии и синтаксиса. Едва ли это так. Скорее следует допустить, что безотчетность, а иногда и просто прихоть, не желающая справиться с корнесловием... раздвинули пределы... отступлениям от того правописания, которому следовали Карамзин, Жуковский и Пушкин» [6: 1].

«Филологические записки» давали возможность высказаться и преподавателям-словесникам, решающим конкретные проблемы русской орфографии. Так, в заметке П.С. Козловского «Из записной книжки учителя» рассмотрена одна из таких трудностей — правила правописания приставок на -З. Отметив крайнюю непоследовательность сложившегося правила («этимологические» написания для приставок *без-* и *чрез-* и «фонетическое» для приставок *воз-*, *из-*, *раз-*), автор отдал предпочтение «фонетической» орфографии. Однако редакция журнала представила свои возражения в комментарии статье: «...нам кажется, что вопрос о фонетическом письме может решиться только тогда, когда доказано будет, что в правописании рациональнее — этимологическое начало или фонетическое?» [4: 3].

Дискуссия по вопросам правописания второй половины XIX столетия привлекла внимание видного ученого-слависта Р.Ф. Брандта. Свою орфографическую программу ученый изложил в трех публикациях журнала «Филологические записки». Лекция «О лженаучности нашего правописания» была напечатана в 1901 г. [1], статьи «Загробный голос о русском языке и письме» и «Мнения о русском правописании И.В. Ягича, Ф.Е. Корша, А.С. Будиловича и А.И. Томсона» вышли в 1904 г.

Наблюдения над проблемами русской орфографии были обобщены Брандтом в докладе по отделению российской словесности «О лженаучности нашего правописания», сделанном им в Педагогическом обществе при

Московском университете (1899). Брандт выразил мнение многих учёных и педагогов о том, что принятая в то время гротовская орфография научно не обоснована, лишена последовательности и изобилует традиционными написаниями. Называя «историческое» правописание Грота проявлением «полузнания», Брандт предложил для орфографии два основания – «звуковое» (фонетическое) и «производственное» (этимологическое). По мнению учёного, «исторические» (традиционные) написания основываются либо на фонетическом, либо на этимологическом принципе, поэтому их особое выделение нецелесообразно. Профессор привел следующие аргументы: «Мы по преданию, потому что в старину так писали, пишем в слове *источник* предлог *из* с буквою *с*, но такое историческое начертание соответствует вместе с тем старинному и теперешнему произношению, и есть, значит, звуковое. Мы исторически пишем в слове *дорожка* букву *ж*, но это историческое написание следует признать и производственным, т.к. оно указывает на то, что произносимый здесь звук *ш* развился из более раннего звука *ж*» [1: 2]. А случаи, где написание противоречит и произношению, и происхождению слова, являются, по мнению Брандта, лишь недоразумением, «мудрствованием какого-нибудь малосведущего грамматиста, переходившим из поколения в поколение» [1: 3]. Учёный привел примеры таких случаев: «Таково написание превосходных степеней – «высший» и «низший» через *с* и *з*, тогда как этимология (в первом слове и выговор) требуют написания *иши* и *жиш*, притом *ш* и *ж* до сих пор явственно выступают в сравнительных степенях «выше» и «ниже» [1: 3]. Подобные правила, как считал Брандт, показывают, насколько орфография зависит от грамотности и воли переписчика, выступающего в роли кодификатора правописания. Вывод профессора однозначен: особого исторического правописания не существует, а есть лишь звуковое и производственное.

Концепцию орфографического нормирования Брандт изложил в «Прибавлении» к докладу. В первую очередь, здесь содержится мысль о демократизации письма, о его прикладном характере, о необходимости его сближения с выговором. Ученый выделил три причины расхождения орфографии с выговором, критикуя стремление отразить на письме историческое развитие слов и устарелых начертаний: «Разногласие письма с выговором обусловлено: а) несовершенством пришлых, недостаточно приспособленных к данным языкам азбук; б) сохранением, по косности, начертаний, соответствующих произношению прежних времен, но противоречащих современному, и в) мудрствованием грамматистов» [1: 57-58]. По мнению профессора, существующее правописание не отражает в точности ни современную, ни историческую грамматику. Отрицая возможность передачи на письме диалектных черт и влияния на него иностранных языков, он

предложил ориентироваться на русский литературный язык и допускал этимологические написания, только если они связаны с живым литературным языком. Учёный выступал за сокращение алфавита и отмену произвольных правил, что должно было привести к упрощению правописания, а значит, к высвобождению времени учащихся для других занятий по языку и словесности и облегчению жизни будущих поколений. По словам Брандта, при упорядочении письма нельзя руководствоваться «чутьем» и не обязательно стремиться к полному единству орфографии, но разнообразие не должно затруднять понимание смысла [1: 57-58].

Очевидно, что из всех авторов журнала именно Р.Ф. Брандт был тем, кто реально мог повлиять на ситуацию и активно участвовал в подготовке реформы [2: 3]. В 1900 г. учёный возглавил вновь созданную орфографическую комиссию — Педагогическое общество, состоящее при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии. Свои воззрения учёный отстаивал и на Первом заседании комиссии по вопросу о русском правописании (под председательством К.К. Романова) 12 апреля 1904 г. После принятия комиссией решения о необходимости упрощения орфографии Брандт начал работу над его проектом в составе Подкомиссии под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова.

Таким образом, журнал «Филологические записки», ставший по инициативе его создателя и редактора А.А. Хованского площадкой для орфографических дискуссий с самого первого номера 1860 г., сыграл огромную роль в выявлении проблем русского правописания второй половины XIX в. и выработке принципов их решения в рамках подготовки реформы орфографии 1917-1918 гг. Обсуждение как конкретных правил правописания, так и принципиальных его основ, состоявшееся на страницах журнала, нашло своё место в сложном процессе становления новой орфографии. Особое место среди публикаций «Филологических записок», на наш взгляд, заняла программная статья видного слависта Р.Ф. Брандта, активного участника орфографических комиссий, готовивших реформу.

Литература

1. Брандт Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) 1901 // Филологические записки, 1901. – Вып. 1-2. – С. 1-58.
2. Каверина В.В. Роль интеллигенции в подготовке реформы русской орфографии 1917-1918 гг. // Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. – Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия, Пула, 2019. – С. 75-88.

3. Каверина В.В. Роман Федорович Брандт и реформа русской орфографии // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 26-28 ноября 2013 г. / Ред. кол. М.Л. Ремнёва и др. – МАКС Пресс, Москва, 2013. – С. 146-149.
4. Козловский П.С. Из записной книжки учителя. Один из пробелов в учебниках русской грамматики (по правописанию) // Фил. записки, 1875. – Вып. 2. – С. 1-4.
5. Николитч И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филологические записки, 1874. – Вып. 6. – С. 24-28.
6. Николитч И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филологические записки, 1875. – Вып. 3. – С. 8-11.
7. Хованский А.А. Взгляд на правописание вообще. Движение правописания. Необходимость и важность его. Отчего оно затруднительно? Разница между разговорным языком и письменным. Разноречия и нововведения в правописании // Филологические записки, 1860. – Вып. 1. – С. 38-66.
8. Хованский А.А. К вопросу о русском правописании // Филологические записки, 1872. – Вып. 5. – С. 1-12.
9. Хованский А.А. [Рец.]. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филол. разыскания Я.К. Грота. СПб., 1873 // Филологические записки, 1873. – Вып. 2. – С. 1-41.

«СИСТЕМА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ» КАРЛА ГЕЙЗЕ
И «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

О.В. Лукин (Ярославский государственный педагогический университет)

Аннотация. Известно, что XIX столетие сыграло в истории науки о языке совершенно особую роль: в это время она стала самостоятельной наукой. Огромную роль в становлении языкознания сыграли немецкие ученые. Образованный в Воронеже в 1860 году журнал «Филологические записки» много сделал для популяризации идей таких немецких лингвистов как К. Беккер, К. Гейзе, Я. Гримм, Б. Дельбрюк, Г. Курциус, В. Фрейнд, А. Шлейхер, Г. Штейнталь. В нем были опубликованы переводы их произведений на русский язык, обзоры и рецензии. Это стало одной из важных причин, почему журнал стал признанным европейским лингвистическим изданием своего времени. Одно из крупнейших произведений немецкого языкознания XIX «Система языковедения» К. Гейзе (нем. Karl Wilhelm Ludwig Heyse) было опубликовано на русском языке в журнале «Филологические записки» в переводе И.М. Желтова.

Ключевые слова: лингвистическая историография, «Филологические записки», немецкое языкознание, XIX век, «Система языковедения», К. Гейзе, И.М. Желтов.

"SYSTEM OF LANGUAGE" BY K. HEYSE
AND "PHILOLOGICAL NOTES"

O.V. Lukin (Yaroslavl State Pedagogical University)

Abstract. It is known that the XIX century played a very special role in the history of the science of language: at this time it became an independent science. German scientists played a huge role in the development of linguistics. Founded in Voronezh in 1860, the journal "Philological Notes" did a lot to popularize the ideas of such German linguists as K. Becker, K. Heyse, J. Grimm, B. Delbrück, G. Curtius, W. Freund, A. Schleicher, H. Steinthal. It published translations of their works into Russian, overviews and reviews. This was one of the important reasons why the journal became a recognized European linguistic publication of its time. One of the largest works of German linguistics of the XIX century, "The System of Linguistics" by Karl Wilhelm Ludwig Heyse, was published in the journal "Philological Notes" in a translated into Russian by I.M. Zheltov.

Keywords: linguohistoriography, "Philological notes", German linguistics, XIX century, "System of linguistics", K. Heyse, I.M. Zheltov.

Девятнадцатый век, как известно, стал тем рубежом, когда языкознание стало самостоятельной наукой, со своим объектом и предметом, проделав путь длиной более двух тысячелетий и выйдя за пределы философии и филологии. Неоценимую роль в становлении языкознания как науки сыграли немецкие ученые. Именно Германия дала миру основоположника теоретического языкознания и создателя философии языка XIX века В. фон Гумбольдта (нем. Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt; 22.06.1767 – 8.04.1835), основоположников сравнительно-исторического метода Ф. Боппа (нем. Franz Bopp; 14.09.1791 – 23.10.1867) и Я. Гримма (нем. Jacob Ludwig Karl Grimm; 4.01.1785 – 20.09.1867), выдающихся представителей психологического направления в языкознании Г. Штейнталья (нем. Heymann Steinthal; 16.05.1823 – 14.03.1899), М. Лацаруса (нем. Moritz Lazarus; 15.09.1824 – 13.04.1903) и В. Вундта (нем. Wilhelm Maximilian Wundt; 16.08.1832 – 31.08.1920), основателя натуралистического направления языкознания А. Шлейхера (нем. August Schleicher; 19.02.1821 – 6.12.1868), основоположника логико-грамматического учения о языке К. Ф. Беккера (нем. Karl Ferdinand Becker; 14. 04.1775 – 4.09.1849). В Германии появилось и младограмматическое направление компаративизма, виднейшими представителями которого были К. Бругман (нем. Karl Brugman(n); 16.03.1849 – 26.06.1919), Г. Остгоф (нем. Hermann Osthoff; 18.04.1847 – 7.05.1909), Б. Дельбрюк (нем. Berthold Gustav Gottlieb Delbrück; 26.07.1842 – 3.01.1922), А. Лескин (нем. August Leskien; 8.07.1840 – 20.09.1916), Г. Пауль (нем. Hermann Otto Theodor Paul; 7.08.1846 – 29.12.1921).

И в том же девятнадцатом столетии вдали от Германии, в российском городе Воронеже был основан первый российский научный лингвистический журнал, чье значение выходило далеко за пределы не только этого города, но и всего российского языкознания той эпохи. Частное издание, просуществовавшее с 1860 по 1917 год, публиковало не только исследования по русскому языку и литературе, но и по славистике и сравнительно-историческому языкознанию. «Филологические записки» позиционировали себя как «журнал, посвященный исследованиям и разработке разных вопросов по языку, литературе и вообще по сравнительному языкознанию и славянским наречиям». Известность журнала вскоре перешла российские границы: журнал стали выписывать крупнейшие университеты Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Финляндии, Франции, Америки.

Основатель журнала А.А. Хованский (22.02.1814 – 29.01.1899), сын дьякона Богородицкой церкви села Хованщино Пензенской губернии Андрея Хованского, закончил Пензенское духовное училище и Саратовскую духовную семинарию. С 1837 по 1845 год он преподавал русский язык в Камышинском духовном и Петровском уездном училищах Саратовской губернии. К моменту

основания журнала А. А. Хованский пятнадцать лет преподавал русский язык и русскую словесность в Михайловском кадетском корпусе Воронежа.

Удивительно, что этот человек создал журнал, для которого писали свои работы крупнейшие отечественные лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ (польск. Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay; 1.(13).03.1845 – 3.11.1929), Р.Ф. Брандт (нем. Robert Ernst Martin Brandt; 4.(16).12.1853 – 2.03.1920), Е.Ф. Будде (13.(25).12.1859 – 31.07.1931), Ф.И. Буслаев (13.(25).04.1818 – 31.07.(12.08).1897), Я. К. Грот (15.(27).12.1812 – 24.05(5.06)1893), А. А. Потебня (10.(22).09.1835 – 29.11.(11.12).1891), А.И. Соболевский (26.12.1856(7.01.1857 – 24.05.1929), И.И. Срезневский (1.(13).06.1812 – 9.(21).02.1880), И.В. Ягич (хорв. Vatroslav Jagić; 6.07.1838 – 5.08.1923) и мн. др.

Однако о поистине европейском уровне «Филологических записок» говорит тот факт, что в журнале были опубликованы труды крупных учёных из университетов Европы, в том числе, Германии, признанного центра мировой лингвистической мысли XIX столетия. На страницах журнала в русском переводе, как правило, в приложении в разное время печатались такие работы как «Организм языка» К. Беккера, «Система языковедения» К. Гейзе (нем. Karl Wilhelm Ludwig Heyse; 15.10.1797 – 25.11.1855), «История немецкого языка» Я. Гримма, «Введение в изучение языка: К истории и методике сравнительного языкознания» Б. Дельбрюка, «Язык, языки и народы» Г. Курциуса (нем. Georg Curtius; 16.04.1820 – 12.08.1885), «Предмет и задачи филологии» В. Фрейнда (нем. Wilhelm Freund; 27.01.1806 – 4.06.1894), «Сравнительная грамматика индоевропейских языков», «О значении языка для естественной истории человека» и «Очерк истории славянского языка» А. Шлейхера и «Характеристика главных типов языкостроения» Г. Штейнталя.

Некоторые из названных выше работ были переведены не полностью, но в значительных фрагментах этих произведений, так чтобы русский читатель смог получить впечатление об опубликованных новинках языкознания. Одной из наиболее полно представленных на страницах «Филологических записок» работ немецких лингвистов стала «Система языковедения» К. Гейзе, которая печаталась на протяжении многих лет – с 1862 по 1874 гг. – в переводе И.М. Желтова (см. [2: III-XIV], [3] и [7: 5]).

Автор этой работы, как известно, принадлежал знаменитой семье филологов и педагогов, которая дала миру автора знаменитых школьных грамматик и словарей немецкого языка И. Гейзе (нем. Johann Christian August Heyse, 21.04.1764 – 27.07.1829, отец К. Гейзе) и лауреата Нобелевской премии в области литературы за 1910 год П. Гейзе (нем. Paul Johann Ludwig von Heyse, 15.03.1830 – 2.04.1914, сын К. Гейзе) (подробней об этом см. наши статьи [6] и [10]). А. Лескин полагал, что одной из важнейших задач научной деятельности

К. Гейзе было «... издание и совершенствование грамматических учебников его отца, многие из которых была так им переработаны, что могли рассматриваться как его собственные произведения» [9: 381].

Случилось так, что своё главное лингвистическое произведение «Система языковедения» (нем. „System der Sprachwissenschaft“) К. Гейзе не смог закончить: оно было впервые издано Г. Штейнталем в Германии на немецком языке в 1856 году вскоре после смерти автора. Основой этого труда послужили лекции, которые К. Гейзе читал в Берлинском университете на протяжении значительного периода времени – с 1829 по 1851 год. В его работе над «Системой языковедения» выделяют три основных периода: первый, до 1836 года, который называют собственно периодом творчества, во второй период, до 1846 года, автор терминологически прорабатывает найденные им принципы анализа, третий период, с 1848 по 1851 гг., характеризуется осмыслением всего созданного автором с идеями современного ему сравнительно-исторического языкознания [11: IX-X]. Работа К. Гейзе обрывается на § 235: вторая глава второго раздела должна быть посвящена синтаксису [8: 476]. В своем предисловии к изданию, написанном уже в сентябре 1856 года, Г. Штейнталь особо отмечал, прежде всего, краткость, ясность и обозримость изложения, которую редко встретишь в произведениях немецких ученых [11: III].

Книга К. Гейзе не случайно носит название «Система языковедения»: в ней автор в систематическом изложении попытался показать все достижения этой науки в первой половине столетия.

Книга состоит из введения [8: 1-22] и двух частей. Первая часть состоит из трех неравных по объему разделов:

I раздел «Язык в сфере всеобщности, как орган человеческого духа вообще» [8: 23-155]:

- 1 глава «Понятие и сущность языка. Его необходимость и происхождение»,
- 2 глава «Реализация языковой идеи. Внутреннее (доисторическое развитие)»,

II раздел «Язык в сфере особенности» [8: 155-252],

III раздел «Язык как орган индивидуального духа» [8: 253-258].

Вторая незаконченная часть книги состоит из двух разделов:

I раздел «Фонетика» [8: 262-348]:

- 1 глава «Природа звуков языка вообще»,
 - 2 глава «Различия и отношения звуков языка по их материальной субстанции»,
 - 3 глава «Акцидентальные элементы или свойства звуков языка»,
- II раздел (незаконченный) «Интеллектуальная сторона языка» [8: 349-476]:
- 1 глава «Морфология»,
 - 2 глава (начатая) «Синтаксис».

Для «Филологических записок» «Система языковедения» К. Гейзе была переведена на русский язык И.М. Желтовым. Весьма скудные биографические сведения об этом неординарном учёном можно найти в некрологе, опубликованном в «Филологических записках» в 1900 году. И.М. Желтов родился 11 ноября 1822 года в деревне Стародубское Любимского уезда Ярославской губернии в купеческой семье, учился в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге. С 1843 года началась его преподавательская работа: в Петровском уездном училище Саратовской губернии, затем в Дерптской гимназии, Ломоносовской и Александровской гимназиях в Риге.

Его сотрудничество с «Филологическими записками» продолжалось с 1862 по 1890 годы. Важно отметить, что кроме работ по русскому и другим славянским языкам И.М. Желтов публиковал материалы, связанные с современным ему европейским, в том числе, и немецким языкознанием, например, «Критико-библиографические заметки на книгу А. Шлейхера: «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen»» (1862-1863), «Библиографические новости по иностранной филологической литературе» (1877-1878), «Обзор иностранной библиографии» (1879), Критико-библиографические заметки о «Analogisch-vergleichendes Wörterbuch über den Gesamtgebiet der Indogermanischen Sprachen» (1880), «Критико-библиографические заметки на «Синтаксис немецкого языка» Гофмана» (1886). Но, несомненно, наиболее известной его публикацией в «Филологических записках» стал перевод книги «Система языковедения. Сочинение К. В. Л. Гейзе, изданное после его смерти Г. Штейнталем, приват-доцентом Берлинского университета». Эта работа публиковалась не только в виде журнальных статей, но и вышла двумя отдельными томами в 1864 и 1874 гг. (см. [4], [5]).

О выдающемся значении этого новаторского произведения для науки о языке сам И.М. Желтов в предисловии «От переводчика» пишет так: «Но основная мысль системы решительно принадлежит автору, – тут он не следует ничьему авторитету. К преобладающим направлениям языковедения он находится в оппозиции, и то, что у него общего с Гумбольдтом, не заимствовано у последнего. Его мысли о сущности, происхождении и развитии языка изложены им отчасти еще до появления Гумбольдтова сочинения, и притом яснее и отчетливее, чем у последнего» [4: I-II].

Важно отметить, что «Система языковедения» К. Гейзе благодаря её переводу и публикации в «Филологических записках» стала широко известна в России и цитировалась многими учёными, в том числе, такими выдающимися представителями российской лингвистики как И.А. Бодуэн де Куртенэ и В.А. Богородицкий (7(19).04.1857 – 23.12.1941). При этом современные

отечественные исследователи особо подчеркивают, например, тот факт, что «... диалектический метод Гегеля осваивался И.А. Бодуэном де Куртенэ и его учениками и опосредованно, через работы немецкого лингвиста, слушавшего лекции по философии у Гегеля, по санскриту – у Ф. Боппа» [1: 16]. Так достижения самой современной лингвистической науки становились доступными широкому российскому читателю благодаря замечательному журналу, основанному А.А. Хованским.

Литература

1. *Андреева Л.С.* Принципы исследования языка в трудах Казанской лингвистической школы в контексте наследия немецких компаративистов XIX столетия // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 15-18.
2. *Б. а.* Указатель статей, напечатанных в «Филологических записках» за все годы (с 1860 по 1872)// Филологические записки, 1872. – Вып. VI.– Воронеж: В типографиях: Н.Д. Гольдштейн и Губернского Правления, 1872. – С. I-XIV.
3. *Б. а.* Указатель статей, напечатанных в «Филологических записках» за 13-летний период этого издания. – Воронеж: Типо-литография Е. И. Гребенщиковой, 1900. – 34, 4, IV с.
4. *Гейзе К.В.Л.* Система языковедения / Сочинение К.В.Л. Гейзе, изданное после его смерти Г. Штейнталем, приват-доцентом Берлинского университета. Пер. с нем. [авт. предисл.] И. Желтов. Ч. 1. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1864. – 308 с.
5. *Гейзе К.В.Л.* Система языковедения / Сочинение К. В. Л. Гейзе, изданное после его смерти Г. Штейнталем, приват-доцентом Берлинского университета. Пер. с нем. [авт. предисл.] И. Желтов. Ч. 2. – Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1874. – 292 с.
6. *Лукин О.В.* Семья Гейзе: два поколения в немецкой педагогике и филологии // Ярославский педагогический вестник. Серия «Психолого-педагогические науки». – Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета. – 2013, № 3. – С. 74-78.
7. *Радишаускайте Н.В.* (сост.) Журнал «Филологические записки» (1860-1917). Аннотированный указатель статей (на материалах фонда редких и ценных изданий ДВГНБ). – Хабаровск: ДВГНБ, 2016. – 107 с.
8. *Heyse K.W.L.* System der Sprachwissenschaft. – Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung. – XX, 476 S.

9. *Leskien A.* Heyse, Karl Wilhelm Ludwig // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). – Band 12. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1880. – S. 380-381.

10. *Lukin O.V.* Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur // Пути развития немецкого языка: российско-немецкие инициативы. Материалы Международной научно-практической конференции (27-31 марта 2013 г.)/ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Лекторат Германской службы академических обменов в Архангельске (отв. ред. и сост. Щипицина Л.Ю.). – Архангельск: КИРА, 2013. – С. 79-84.

11. *Steinthal H.* Vorrrede des Herausgebers // Heyse K. W. L. System der Sprachwissenschaft. – Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung. – S. III-XII.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛОВЕСНОСТИ В ЖУРНАЛЕ
«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Ю.В. Лазарев (Рязанский государственный университет)

Аннотация. Значительное влияние на развитие школьного образования оказывает педагогическая журналистика. В статье показано, как отражались проблемы преподавания словесности в журнале «Филологические записки». Выявлена взаимосвязь проводившихся образовательных реформ и дискуссий о путях школьного литературного образования. Показано, что проблемы преподавания словесности в рассматриваемом издании относились к числу приоритетных, к сотрудничеству в журнале привлекались лучшие учителя-предметники и учёные, внесшие значительный вклад в филологию и методики преподавания, а авторы использовали страницы журнала как трибуну для пропаганды своих взглядов.

Ключевые слова: Филологические записки, педагогическая журналистика, история школьного литературного образования, преподавание словесности.

PROBLEMS OF TEACHING LITERATURE IN THE JOURNAL
«PHILOLOGICAL NOTES»

Yu.V. Lazarev (Ryazan State University named for S.A. Yesenin)

Abstract. Pedagogical journalism has a significant impact on the development of school education. The article shows how the problems of teaching literature were reflected in in the provincial journal "Philological Notes". The interrelation of the ongoing educational reforms and discussions about the ways of school literary education is shown. It is revealed that the problems of teaching literature in the considered publication were among the priorities, the best subject teachers and scientists who made a significant contribution to philology and teaching methods were involved in cooperation in the journal, and the authors used the pages of the journal as a platform for promoting their views.

Keywords: Philological notes, pedagogical journalism, history of school literary education, teaching of literature.

Научный журнал «Филологические записки» начал выходить во время реформ конца 50-х – начала 60-х гг. XIX века, в период активного интереса российского общества к проблемам образования и воспитания. Несмотря на то, что журнал позиционировался как издание, «посвященное исследованию и разработке разных вопросов по языку, литературе и вообще по сравнительному

языкознанию и славянским наречиям», обойти вопрос школьного преподавания словесности он не мог. В редакционной статье первого номера была сформулирована одна из целей издания: «доставлять учащим пособие для преподавания Русского языка и Словесности в средних и особенно в низших учебных заведениях» [1: 1].

В первые годы издания журнал имел преимущественно научный характер; статьи о преподавании словесности, предназначенные для учителей, встречаются на его страницах лишь с 1870-х гг. и гораздо чаще касаются преподавания русского языка. До конца 80-х гг. XIX века в журнале помещаются в основном образцы разборов изучаемых в школе литературных произведений И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.В. Кольцова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и пр., написанные сотрудничавшими с «Филологическими записками» провинциальными учителями-словесниками К.Г. Говоровым (Орел), А.Н. Чудиновым (Орел), А.В. Барсовым (Ереван), С.Н. Браиловским (Новгород-Северский), К.В. Ельницким (Омск), Г.Е. Линником (Глухов) и др.

Лишь с конца 1880-х гг. заметно увеличение интереса журнала к преподаванию литературы, что проявляется в расширении проблематики и жанрового разнообразия публикаций.

В ряду проблем, наиболее часто поднимавшихся на страницах педагогических изданий конца XIX – начала XX вв., отметим следующие:

- о внеклассном чтении учащихся;
- о программах и учебных планах по словесности;
- об образовательно-воспитательном значении древней русской словесности;
- о сочинениях и письменных работах учащихся;
- о переутомлении учителей-словесников и др.

В ряду полемических публикаций «Филологических записок» отметим две статьи Ю.Н. Верещагина [2: 3], который подвергает резкой критике всю систему преподавания словесности (точнее, процесс формирования этой системы) в первой половине XIX века за отсутствие связи с жизнью, а также выступает против исключения из программ произведений древнерусской литературы. Статьи Верещагина вызвали отклик у словесников, в частности одна самых острых статей В.П. Острогорского «Учитель словесности» [4], написана как полемический отклик на публикации Верещагина.

Проблемы внеклассного чтения учащихся волнуют авторов многих публикаций. Один из них – заведующий библиотекой в реальном училище [5]. Выводы, к которым он приходит, весьма показательны. Автор отмечает значительное снижение интереса учащихся к ученической библиотеке. Но это свидетельствует о том, что школьники начинают интересоваться не теми книгами, которые входят в официальный каталог. Их привлекают произведения

Н.В. Шелгунова, Д.И. Писарева, В.М. Гаршина, Н.А. Некрасова и другие о современной им русской действительности. Тот факт, отмечает автор, что юноши 16-19 лет мало пользуются школьной библиотекой и добывают книги на стороне, указывает не на снижение интереса к чтению, а только на непригодность ныне действующего каталога и необходимость включения в его списки новейших писателей (беллетристов, критиков и публицистов).

«Вопрос старый, но вечно новый и – увы – остающийся в практическом отношении и доселе открытым» [7: 522], вторит словесник В. Катранов. Он считает, что необходимо шире распространять внеклассное чтение. При этом не следует идти на поводу у молодежи, увлеченной модными писателями (типа Ф.К. Сологуба, М.А. Кузьмина, М.П. Арцыбашева), а обращаться к проверенным классикам. Составляя каталог ученической библиотеки, Педагогический Совет учебного заведения должен заботиться в первую очередь о морали и нравственности учащихся. В этой связи нежелательно обращаться к таким произведениям, как, например, «Арап Петра Великого» А.С. Пушкина, «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого, где показано «пробуждение, а потом и рост половых стремлений» (в ссылке автор помещает объемные цитаты, подтверждающие преждевременность этих произведений для учащихся).

Также Катранов дает ряд полезных рекомендаций для организации чтения:

- список произведений для чтения следует сообщать родителям учеников, чтобы те поощряли ребенка к чтению;
- учащимся рекомендуется вести дневник, где должны быть описаны впечатления от прочитанных книг;
- ученики должны писать рефераты о книгах и прочитанных статьях и обсуждать их в классе.

Отразилась в публикациях журнала Учебная реформа начала XX века. Проект этой реформы активно обсуждался и в учебных заведениях, и в печати. По новому проекту количество часов на изучение русского языка и словесности увеличивается с 28 до 30 часов. Основное внимание в 1-4 классах планировалось уделять русскому языку, а в 5-7 – словесности. При этом из 4 класса исключается систематический курс грамматики древнего церковно-славянского языка и исключается из программы как самостоятельный отдел теория словесности, но включаются шире образцы иностранной словесности, а русская словесность заканчивается лучшими писателями новейшего времени.

Автор предлагает свою систему преподавания языка и словесности и считает необходимым разделить русский язык и русскую словесность на два отдельных предмета, вести которые должны разные преподаватели: «при соединении этих двух предметов в одних руках, к преподаванию предъявляется такое обильное количество требований, о которых преподавателям других предметов думать не приходится» [6: 21]. Например, учитель литературы должен

быть знаком с научными работами по словесности, знать произведения выдающихся русских писателей, быть знакомым с главнейшими явлениями литературы Запада, должен уметь выразительно читать, иметь развитый литературный вкус, руководить домашним чтением учеников, устройством литературных вечеров. И при всем этом успевать проверять тысячи письменных работ.

Публикации в журнале «Филологические записки» 1910-х годов были ориентированы на полемику, на поиск новых путей в преподавании словесности. Подтверждением этого является объемная статья учителя-словесника Д.М. Павлова с провокационным заглавием «Новые принципы преподавания истории русской литературы» [8]. Как отмечает автор, материал, легший в основу статьи, был представлен в виде доклада на Педагогическом Совете одного из средних учебных заведений, но не был рекомендован Советом к распространению. Кроме того, от статьи отказались «два русских распространенных педагогических журнала».

Категорично заявив в начале статьи, что «до настоящего времени в нашей средней школе преподавание литературы ведется крайне неудовлетворительно» [8: 89], автор определяет, что причины этого кроются в «неудовлетворительных программах», «совершенно нетерпимых, вопиюще-антипедагогических учебниках, в корне расходящихся с требованиями педагогической психологии и «притупляющих методах преподавания».

По каждому из направлений Павлов предлагает рекомендации. Так, анализируя современные программы, он приходит к выводу о необходимости исключения из них древнерусской литературы. «Нечего преподавателю словесности, – образно пишет автор, – тратить свои и ученические силы на кропотливое анатомирование древнерусской литературной мертвечины, если перед ним удивительная сокровищница художественных красот и благодарнейшая по содержательности – новая и новейшая русская литература» [8: 92]. С исключением древней литературы из программы ученики не пострадают. Ведь наиболее значительные тексты могут изучаться на уроках истории («Поучение» Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Домострой», Переписка Курбского с Грозным и другие «чисто исторические памятники»)*.

* Отметим, что далеко не все авторы так однозначно были против древнерусской литературы. В полемику с теми, кто отказывается от изучения древней литературы и пытается заменить её чтением иностранных произведений, включается на страницах «Филологических записок» известный методист, автор пособий ереванский словесник А.В. Барсов. В статье «Задача преподавания литературы, выбор материала, метод и приемы преподавания», опубликованной в №5-6 за 1916 год, он, сторонник национальной основы воспитания, утверждает, что нельзя поддаваться мнению значительной части педагогического общества, выступающего против древней словесности. Исключение памятников древнерусской литературы лишает учеников возможности познакомиться с высокогуманными мыслями и воззрениями, которые в ней содержатся и дают богатый историко-культурный материал.

Литература XVIII века тоже нуждается в значительном сокращении. А освободившееся в результате этого время нужно употребить на изучение «новейших авторов». Также следует расширить курс мировой литературы, ведь без знания западноевропейской словесности невозможно целостно понять творчество отечественных писателей.

Критике удостоиваются и учебники, страдающие отсутствием научности. Павлов предлагает переработать структуру статей, посвященных творчеству автора. Биография должна быть более живой и расширенной, а не представлять собой перечень дат и названий произведений. Раздел, посвященный творчеству писателя, тоже нужно корректировать: следует ученикам показать, какие из произведений того или иного автора подлежат тщательному обязательному изучению; при этом, категорично заявляет автор, «никакого пересказа быть не должно!» [8: 113]. В учебнике обязательно должна быть тщательно составленная аннотированная библиография по каждому изучаемому автору.

Важен вопрос и о методах преподавания. Следует использовать так называемый «экспериментальный метод», вносить элементы наглядности, которые чаще всего в современной школе ограничиваются портретами изучаемых писателей. Потому необходимо организовывать историко-литературные кабинеты, оборудованные наглядными пособиями: портретами писателей и виднейших ученых, картинами, иллюстрирующими моменты в писательской биографии, и иллюстрациями к произведениям словесности, копиями с древнейших литературных памятников, таблицами.

Особенностью «Филологических записок» являлось жанровое разнообразие публикуемых материалов. Помимо традиционных (статья, обзор, методические разборы) в журнале представлены такие жанровые формы, как рецензия, биографический очерк [11], юбилейная статья, педагогические воспоминания [12].

Так, жанр развернутой рецензии представлен в статье А.Н. Вознесенского «Несколько мыслей о преподавании русской литературы в школе» [9] о книге А.Ю. Купалова «Литературные конспекты» [10]. Данное пособие для школьников – своего рода конспекты к изучаемым в школе произведениям, напоминающее современные краткие пересказы. Цель своей работы Купалов определил так: «помимо того, что конспекты в форме оглавлений и указателей помогают ориентироваться в произведениях, они закрепляют в памяти читаемое и освежают уже прочтенное, что особенно важно тогда, когда невозможно, за неимением времени или даже книги, вновь прочесть произведение» [10: 6].

Рецензия дает возможность Вознесенскому показать, что преподавание истории русской литературы в современной школе ориентировано на используемые словесником учебные пособия: «В одних заведениях русскую

литературу проходят по Саводнику, в других – по Незелену, в-третьих – по Сиповскому, в-четвертых – по Смирновскому» [9: 778]. А сами произведения, с горечью пишет автор, чаще всего не читают. По подсчетам Вознесенского, преподававшего филологические дисциплины в училищах Варшавы, читают сами произведения не более 40% учащихся. Потому пересказы, выходящие тысячами экземпляров, пользуются такой большой популярностью у учащихся.

Это явление, считает Воскресенский, представляет «настоящее зло, неприкрашенную болезнь, притом более эпидемического характера» [9: 780]. По его мнению, учебник совсем не нужен, кроме тех частей, где есть биография автора и сведения о литературных направлениях. Каждый преподаватель и ученик, убежден автор, способен прочитать произведение, охарактеризовать героев, определить проблематику. «Вспомнив» в конце о рецензируемом пособии, Вознесенский дает ему негативную оценку и относит к изданиям, «запрещенным для школьного употребления».

Юбилейные статьи, посвященные видным учёным, преподавателям – не редкость в научных и педагогических изданиях. Однако нечасто признания при жизни в педагогическом мире удостоивался провинциальный педагог. В 1909 году «Филологические записки» двумя статьями [13; 14] отметил 25-летие научно-педагогической деятельности талантливого учителя своего постоянного автора С.Н. Браиловского, «являющего собой редкий образчик настоящего учителя, который один может создать оздоровление болеющей средней школе» [13: 3-4].

Анализ публикаций по проблемам преподавания словесности в журнале «Филологические записки» позволил прийти к следующим выводам. В условиях общей неразвитости журнальной прессы, отличающейся отсутствием дифференциации, «Филологические записки» относили проблемы преподавания словесности к числу приоритетных. Издание в основном придерживалось прогрессивного направления, что отразилось в тематике и проблематике публикаций, позиции авторов по актуальным педагогическим вопросам.

Публикации в журнале отражали преимущественно наиболее общие, вызывавшие бурные споры проблемы преподавания словесности (программы для школы, учебники, изучение древнерусской литературы, работа над сочинениями в школе и др.) и передовой опыт работы учителей-словесников.

Благодаря редакционной политике к работе в журналах привлекались лучшие учителя-предметники, обладающие опытом работы в школе, неравнодушные к проблемам образования.

Литература

1. *Хованский А.А.* От редакции // Филологические записки. – 1860. – №1.

2. *Верецагин Ю.Н.* Изучение словесности в наших гимназиях // Филологические записки. – 1893. – №2/3. – С. 1-34; – №5/6. – С. 35-57.
3. *Верецагин Ю.Н.* Каков должен быть гимназический учебник русской словесности: (Дополнение к статье: «Изучение словесности...») // Филологические записки, 1893. – №5/6. – С. 1-38.
4. *Острогорский В.П.* Учитель словесности // Образование, 1895. – №1. – С. 83-87.
5. *П.Е.* К вопросу о внеклассном чтении книг в средней школе // Филологические записки. – 1902. – №1. – С. 1-10.
6. *П.А.* По поводу постановки преподавания русского языка и словесности в будущей новой средней школы // Филологические записки, 1902. – №2. – С. 14-24.
7. *Катранов В.* Несколько слов о внеклассном чтении учащихся // Филологические записки, 1912. – №4. – С. 522-536.
8. *Павлов Д.М.* Новые принципы преподавания истории русской литературы // Филологические записки, 1916. – №1. – С. 83-122; – №2-3. – С. 310-345.
9. *Вознесенский А.Н.* Несколько мыслей о преподавании русской литературы в школе // Филологические записки, 1915. – №5-6. – С. 76-784.
10. *Купалов А.Ю.* Литературные конспекты: Гоголь, Тургенев, Гончаров, Островский, Достоевский, Лев Толстой. – Полтава. – 1914. – 179 с.
11. *Ельницкий К.В.* Павел Евфимович Басистов // Филологические записки, 1904. – №2. – С. 11-18.
12. *Ельницкий К.В.* Из пережитого // Филологические записки, 1910. – №4. – С. 565-583; – №5. – С. 684-695.
13. Двадцатипятилетний юбилей педагога-писателя // Филологические записки, 1909. – №3. – С. 1-4.
14. *Ляскоронский Виталий.* Новгородсеверская эпоха в жизни С.Н. Браиловского (По поводу двадцатипятилетия его педагогической и ученой деятельности) // Филологические записки, 1909. – №5. – С. 1-8.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖУРНАЛА
«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Е.В. Кривотулова (Воронежский государственный университет)

Аннотация. В статье оценивается авторитет и содержательность журнала «Филологические записки», обладающего научно-педагогическим потенциалом, способным позитивно влиять на личностно-профессиональное развитие учителя, а также раскрывается сущность педагогического потенциала, свойственного педагогической периодике XIX века. Автор описывает педагогический потенциал журнала А.А. Хованского: ценности, идеи, модели научно-педагогической деятельности, представленные и в научных статьях посвященных преподаванию языков и литературы, и в методических статьях для преподавателей русского языка и словесности, и в библиографии учёных и известных педагогов XIX века.

Ключевые слова: журнал «Филологические записки», педагогический потенциал, личностно-профессиональное развитие, учитель.

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE JOURNAL
«PHILOLOGICAL NOTES»

E.V. Krivotulova (Voronezh State University)

Abstract. The author notes the relevance and authority of the journal «Philological Notes» in Russia in the nineteenth century, which was published six times a year, and during its existence more than 300 issues were published, including more than 2000 articles containing scientific and pedagogical potential that can influence personal and professional development of teachers. Therefore, the article examines the essence of the pedagogical potential inherent in the pedagogical periodicals of the nineteenth century. The author describes the pedagogical potential of the journal «Philological Notes»: values, ideas, models of scientific and pedagogical activity, revealed in scientific articles devoted to the teaching of languages and literature, in methodological articles for teachers of the Russian language and literature, in the bibliography of scientists and famous teachers of the 19th century.

Key words: journal «Philological Notes», pedagogical potential, personal and professional development, teacher.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта развития отечественного педагогического образования и факторов, влияющих на этот процесс в условиях реформирования его в настоящее время (в начале XXI века).

Педагогическая печать в России на рубеже XIX-XX вв. была одним из действенных факторов, позитивно влиявших на совершенствование всей системы педагогического образования. Следует отметить, что в России в то время издательское дело стало развиваться более активно. По данным Г.В. Кондратьева к концу XIX века в России выходит 89 педагогических периодических изданий, из которых 52 издавались частными лицами. Именно частные журналы были более востребованы, т.к. они предоставляли для педагога расширенные возможности представить авторское видение решений педагогических проблем, что не возможно было осуществить в официальных педагогических журналах [1: 64].

В данный период в Воронежской губернии увеличивается количество школ, учителей и как следствие растет потребность в педагогических знаниях, что стимулирует развитие педагогической журналистики и появление журнала «Филологические записки» (1860).

В историческом очерке Н.В. Воскресенского «Пятидесятилетие Воронежским губернским ведомостям» отмечается, что журнал был первым частным изданием не только в провинциальном Воронеже, но и в России. Это был журнал «исследований, рассуждений и критики по русскому языку и словесности» [2: 129]. Деятельность журнала «Филологические записки» в течение почти тридцати лет (1860-1890) была чрезвычайно важной для развития литературоведения, языкознания, сравнительно-исторической методики (компаративистики), вообще филологической науки в России [4: 64]. Особенно следует отметить влияние «Филологических записок» на развитие педагогического просвещения, системы регионального образования учителей в XIX в. в Воронежской губернии.

Многие статьи, изданные в журнале А.А. Хованского, уникальны и обладают педагогическим потенциалом, способным влиять на личностно-профессиональное развитие учителя. Опираясь на аннотированный указатель статей Н.В. Радишаускайте, можно утверждать, что «...журнал был самым авторитетным филологическим периодическим изданием в России. За время его существования вышло больше 300 номеров, включающих более двух тысяч статей» [3:3].

Для рассмотрения педагогического потенциала журнала «Филологические записки» считаем необходимым остановиться на понятии *педагогический потенциал* вообще. Употребление термина «педагогический потенциал» в педагогике становится традиционным, однако, содержание

данной дефиниции не имеет однозначного понимания. Раскрытию сути данного феномена посвящены исследования А.О. Гавриловой, С.В. Поповой, В.С. Торохтина, М.С. Якушкиной и т.д. «В современных гуманитарных науках понятие «потенциал», – пишет С.В. Попова, – применяется для обозначения средств, источников, предпосылок развития... Это источник будущего действия, внутренняя возможность, то, что в данный момент находится в свернутом зарезервированном виде. Для того чтобы мобилизовать возможности, потенциал индивида, группы, сообщества, актуализировать в действующее, нужна определенная сила (внутренняя или внешняя)» [5:24].

Рефлексивный анализ феномена «педагогический потенциал» позволяет нам вслед за В.С. Якушкиной утверждать, что это «развивающийся целостный комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных возможностей, ресурсов, способных влиять на личностное развитие в процессе её образования» [7]. Следовательно, понятие *потенциал* как педагогическая категория характеризуется наличием тех возможностей и средств, которые имеют педагогическую направленность, связанную с формированием, развитием.

Среди структурных компонентов педагогического потенциала журнала «Филологические записки» мы выделяем: педагогические ценности, идеи, модели научно-педагогической деятельности, методические и иные средства, раскрытые в научных статьях, посвященных преподаванию языков и литературы, в методических статьях для преподавателей русского языка и словесности, в библиографии учёных и известных педагогов XIX века.

Рассмотрим один из компонентов педагогического потенциала журнала «Филологические записки» – *педагогические ценности*, которые составляют основу нравственных убеждений, поведения и являются значимыми для педагогического образования учителя.

Особенное внимание в научных публикациях журнала «Филологические записки» уделено не только памятникам древнерусской литературы, ориентировавшим образование на развитие уникального опыта отечественной культуры с опорой на её духовные ценности (нравственность, добродушие, терпение, культура), но и трудам современных российских и зарубежных филологов и педагогов. Это работы: П.А. Адамова о воспитательном значении сочинений А.С. Пушкина и литературной деятельности И.С. Тургенева; Н.Ф. Бунакова о жизни и творчестве поэта А.В. Кольцова; литературного критика В.Г. Белинского; Н.И. Баталина о греческом литературном произведении XII в., написанном в форме послания индийского царя и одновременно пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу; Ф.А. Верева о жизни и творчестве известного французского философа, педагога и писателя Жан-Жак Руссо; К.В. Ельницкого о нравственных

проявлениях, изображенных в поэтических произведениях (автор рассматривает изображение в поэзии следующих нравственных категорий: долг, верность данному слову, дружба, сострадание и милосердие, угрызения совести и мн. др.) [3:30-50; 3: 80].

Отдельно следует остановиться на такой ценности как *научное образование для учителя*. Педагоги того времени научно обогащались, читая статьи, посвященные филологии в целом, языкознанию, славянским языкам, в том числе церковнославянскому и русскому, западноевропейским языкам, древнерусской и русской литературе, русскому фольклору, а также зарубежной литературе и фольклору. Полученные знания позволяли им реализовывать себя в образовательной практике как компетентных и образованных личностей.

Опираясь на исследования А.А. Прохоренкова, отметим, что требования к образовательному цензу учителя второй половины XIX в. определялись уставами 1828, 1864, 1871 гг., но каким должно быть образование учителя и в каких именно учебных заведениях он должен его получить, не отмечалось. Только устав 1871 г. обозначил необходимость испытания на звание учителя «...для тех, кто желал оказаться в числе гимназических преподавателей наук и языков», а требование о прохождении особого педагогического курса исчезло. Образовательный ценз учителей для земских и церковно-приходских школ данного периода определялся семинарским или гимназическим образованием, иногда (как исключение) учителя имели образование уездного училища [6].

В данном контексте становится очевидной необходимость овладения дополнительными научными знаниями для учителя. В наше время, опираясь на исследования современных психологов (Б.Г. Ананьев, Д.Б. Эльконин), педагогов (П.И. Пидкасистый, Г.И. Щукина), мы можем утверждать, что научно-познавательный интерес учителя является базовой основой и для формирования познавательной активности ребенка.

Значительное число работ на страницах журнала «Филологические записки» посвящено таким *ценностям*, как *предметные* и *педагогические знания*. Они раскрывают значение и смысл методических и педагогических знаний в процессе осуществления педагогической деятельности, показывают условия её успешности. Среди работ этой направленности следует отметить: статьи К.В. Ельницкого [3:64-65] о преподавании русского языка, теории словесности и о приёмах, как научить школьников разумно исполнять письменные работы; о практических советах преподавателям русского языка; вопросы о рациональной постановке преподавания отечественного языка в средних учебных заведениях; об учебных программах и планах; о методике преподавания русской словесности в отечественных духовных семинариях; статьи

А.В. Барсова [Там же: 57, 65], посвященные методике «Живое слово» («Методика русского языка», «Живое слово для изучения родного языка» и т.д.). В ряде работ автор раскрывает «примеры действенности этой методики из собственной практики». Статьи В.С. Катранова, А.В. Круковского, В.А. Лебедева [Там же: 67], посвященные внеклассному чтению учащихся, дают ответ на вопрос: какие книги должны быть в школьной библиотеке, что следует читать школьникам, «дабы зародить и укрепить в юной душе религиозно-нравственные и патриотические начала, а вместе с тем и стремления к правде, добру и красоте» [3]. Авторы делятся опытом проведения занятий, показывают, как можно сгруппировать материал для внеклассного чтения в «низших и средних классах», как его подобрать в соответствии с развитием учеников, как связать с уроками объяснительного чтения.

На этом фоне обращает на себя внимание консерватизм, характерный для методик преподавания учебных предметов в XIX в. Практика проведения занятий в гимназиях свидетельствовала о неправильной постановке преподавания учебных предметов, что и вызывало умственную пассивность на уроке, о чём писали многие исследователи того периода.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX века в образовании учителя не уделялось надлежащего внимания педагогической стороне дела. Учителя не составляли профессиональную группу, они относились к чиновникам, поэтому существовала потребность в обсуждении насущных для них проблем с целью разработки методов и путей совершенствования образования. Эту потребность и стремился удовлетворить редактор журнала.

На страницах «Филологических записок» рассматривались и вопросы профессионального труда учителя, его педагогического образования. В этом отношении интересны научные публикации К.В. Ельницкого, Н.Ф. Бунакова, описывающие *Положения* о преподавателе русского языка в гимназиях и рассматривающие организацию учебных занятий на краткосрочных педагогических курсах для учащихся в начальных школах, а также условия успешности этих занятий [3:60; 3:64]. К.В. Ельницкий и Н.Ф. Бунаков были активными участниками педагогических курсов, поэтому прекрасно понимали потребность народного образования в хорошо подготовленных педагогах.

Таким образом, можно утверждать, что журнал «Филологические записки» служил дискуссионной площадкой для широкого круга учителей и учёных-педагогов, что давало им возможность совершенствовать своё педагогическое мастерство на основе «идеи, выведенной из опыта» и способной быть передаваемой из рук в руки, от одного педагога к другому. Журнал создал

достойную научно-педагогическую базу, способствующую эффективному и продуктивному личностно-профессиональному развитию учителей в XIX веке.

Литература

1. *Аблов Н.Н.* Педагогическая печать (1803-1916) / М.: Советское просвещение. – 1937. – 235 с.
2. *Воскресенский Н.В.* Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей: Ист. очерк. – Воронеж: Типолит. губернс. правления, 1888. – 623 с.
3. *Радишаускайте Н.В.* Журнал «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» (1860 – 1917). Аннотированный указатель статей (на материалах фонда редких и ценных изданий ДВГНБ). – Хабаровск: ДГНБ, Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края. – 2016. – 107 с.
4. *Кондратьева Г.В.* Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. // Педагогика. – 2002. – №2. – С. 64.
5. *Попова С.В.* Воспитательный потенциал разновозрастного коллектива в условиях детского загородного лагеря: монография / Под ред. И.Ф. Бережной. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – 166 с.
6. *Прохоренков А.А.* Российский учитель второй половины XIX века (на примере Первой Санкт-Петербургской гимназии) // *Universum: Вестник Герценовского университета*, 2010. – №1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-uchitel-vtoroy-poloviny-xix-veka-na-primere-pervoy-sankt-peterburgskoy-gimnazii>. (Дата посещения: 08.04.2021).
7. *Якушкина М.С.* Педагогический потенциал культуры как ресурс развития современного социального центра // *Научный диалог*. – 2015. №10 – (46). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-potentsial-kultury-kak-resurs-razvitiya-sovremennogo-sotsialnogo-tsentra>. (Дата посещения: 08.05.2021).

ЦИФРА И БУКВА: СЛИЯНИЕ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?
 («ЖИВОЕ СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ)

Е.Е.Русинова (Воронежский институт высоких технологий)

Аннотация. Статья посвящена проблеме цифровой трансформации образования. Основные изменения в образовании связаны с цифровизацией, что во многом определяет изменение подходов к обучению. В публикации рассматриваются условия сохранения ценностных характеристик методики «Живое слово» в контексте требований времени, дается анализ задач внедрения цифровых технологий в преподавание гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая среда, методика «Живое слово», «видимое обучение».

NUMBER AND LETTER: MERGER OR CONFRONTATION?
 ("LIVING WORD" IN THE CONTEXT OF TIME)

E.E. Rusinova (Voronezh Institute of High Technologies)

Abstract. The article is devoted to the problem of the digital transformation of education. The main changes in education are related to digitalization, which largely determines the shift in approaches to learning. The article explores conditions for preserving the value characteristics of the "Living Word" methodology in the context of the necessities of the time and provides an analysis of the tasks of implementing digital technologies in the teaching humanities.

Key words: digitalization, digital technologies, digital environment, "Living Word" methodology, "visible learning".

Противостояние «цифры» и «буквы», живого слова и отсутствия такового, обучения человека и киберсущества, которое будет только называться человеком, продолжение гуманистической традиции или дегуманизация – вот линия противостояния, которая определяет градус напряженности поисков верного пути в выборе современной образовательной модели. Обращение к наследию А.А. Хованского как нельзя более кстати в этой борьбе не только за человека будущего, но и за человека в настоящем. Устроители нового *цифрового рая* на земле предлагают организовать жизнь частного человека и человечества в целом, ориентируясь на идею тотальной цифровизации, которая провозглашается не только как средство «оптимизации, систематизации и

управления», но превращается едва ли не в идеологию и единственно возможную целесообразность, становится панацеей от всех бед и средством решения многих проблем, в том числе и в образовании.

Так, на состоявшейся в Высшей школе экономики II Российско-китайской конференции исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект», где обсуждались проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и (Москва, Россия 26-27 сентября 2019 г.) прозвучала мысль о необходимости коренного изменения в подходах к организации образовательного процесса в средней и высшей школах. Аргумент простой, и заявляют о нем сторонники и промоутеры идеи цифровизации весьма прямолинейно: «Система образования не успевает абсорбировать происходящие изменения». И далее: требуется «перевести цифровую трансформацию образования из режима «проб и ошибок» в режим поступательного научно обоснованного развития, как это уже делается в технологической сфере». Иными словами, между технологической и образовательной сферами легко и беспечно ставится знак равенства, а значит, предполагается применение тех же принципов и технологий трансформации, что и на производстве. Разумеется, в этом есть смысл, если относиться к человеку как материалу для «проб и ошибок».

Нет ничего удивительного в том, что энтузиасты и прагматики от экономики вдруг заинтересовались такой сферой, как образование, ведь именно там, в недрах рождения нового, завтрашнего сознания и должны возникнуть, а в дальнейшем и быть задействованы механизмы «поступательного научно обоснованного развития», т.к. формировать, разумеется, лучше податливый, мягкий материал.

«Люди – вторая нефть» – политическая метафора, введенная в публичный оборот Сергеем Ивановым в 2009 году для обозначения того, что в экономике знаний россияне являются ключевым ресурсом, а «в человеческий капитал нужно инвестировать средства». Петродискурс в связи с этим выступил как обозначение семантической доминанты времени. «Выплеснувшись в пространство культуры, нефть превратилась в субстанцию, конденсирующую в себе историческую энергию, различные этические ценности и культурные смыслы ..., задающую горизонт пластичного и подвижного формообразования, характерного для современной культуры» [1:219-254]. Эта тема прекрасно коррелирует с идеей трансформации образования, а вместе с ним и человека. На наш взгляд, это опасная тенденция, т.к. во всем этом видится посягательство на изначальное право человека иметь свободу самоопределения, а не быть частью большинства, запрограммированного, структурированного и используемого в особых, всегда удобных для кого-то, целях. Как это происходит с нефтью.

Решительность подобных заявлений обусловлена экономической и политической целесообразностью, как, впрочем, и объективной реальностью – тотальным проникновением «цифры» во все сферы жизни. Любопытно в этой связи привести наблюдения и вполне обоснованные выводы Генри Киссинджера: «Компьютер до определенной степени решил проблему приобретения, сохранения и извлечения информации, ... но одновременно он суживает поле зрения. Информация легко доступна, коммуникации мгновенны, а потому утрачивается внимание к значению, теряется понимание того, что имеет значение. ... Когда это происходит, манипулирование информацией заменяет ее осмысление... Сдвиг в человеческом сознании может изменить саму природу человека и характер взаимодействия людей, вследствие чего человек перестанет быть самим собой» [2: 480-481].

«Цифровая трансформация образования призвана сместить акценты в обучении с освоения способностей в области алгоритмизируемого (работа с данными, информацией и знаниями) на освоение специфических человеческих способностей (способностей к экспертизе и переносу освоенных знаний и умений в новые ситуации)» [3:43]. Но и традиционная, и бихейвиористская (поведенческая) парадигмы образования прекрасно развивали именно эти «специфические человеческие способности», значит, нет необходимости полностью подвергать систему образования цифровой трансформации, достаточно и того, что «цифровые технологии могут улучшить хорошо проводимое обучение», т.е. всё-таки они должны выполнять сопроводительную функцию, а не вытеснять пресловутый «человеческий фактор».

«Согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» к сквозным технологиям относятся: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный Интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи (включая 5G) и технологии виртуальной реальности». Вот к какой программе следует подстроиться образованию. В этом случае школу как общественный институт в ближайшей перспективе ожидают следующие «сценарии»:

- «консервативный сценарий», при котором... цифровые технологии помогают вводить и соблюдать проводимые сверху решения, усиливать контроль, гарантировать единообразие испытуемых образовательных материалов и методических решений;
- «сценарий размывания школы», где недостаточная эффективность традиционных образовательных организаций устраняется за счёт использования быстро развивающихся сетевых образовательных

сервисов», том числе, «дистанционных образовательных технологий, дополнительного образования детей, где всё шире используются ЦТ»;

- «сценарий трансформации образовательных организаций», которые превращаются в центры местных (и (или) профессиональных) сообществ, место учебы на протяжении всей жизни. Здесь ЦТ помогают преодолевать формализм, поддерживать персонализированное обучение, а также заинтересованность учащихся и педагогов в результативности учебной работы» [3:75,76].

Таким образом, необходимость в школе как социальном институте вскоре отпадет. Однако очевиден тот факт, что только при непосредственном личном взаимодействии и возникают те тонкие связи, которые определяют социализацию личности, формируется социально приемлемое поведение. При дистанционном, опосредованном, общении всё обстоит иначе. Вот почему так важно сохранить в том числе и «грамматику учебы», о которой говорит Дж. Хэтти, ученый, проанализировавший за 15 лет результаты более 5000 исследований в области педагогики, с суммарным охватом более 86 миллионов школьников во всем мире. Отобрав список наиболее значимых факторов, он оценил степень влияния каждого из них на достижения школьника как конечный результат. Вот как он объясняет необходимость сохранения школы как общественного института:

«Грамматика учёбы сохранилась отчасти потому, что она позволяет учителям исполнять свои обязанности предсказуемым образом, как от них ожидают. И обеспечивать максимальную стабильность всем, кто имеет дело со школой». По мнению М. Фуллана, известного специалиста в области теории изменений, одна из наиболее острых проблем, с которой сталкивается наша школа, состоит не в том, что они «сопротивляются инновациям, а во фрагментарности, перегрузке, непоследовательности бессистемного некоординированного внедрения слишком большого количества инноваций, с которыми школы не в состоянии справиться» [4:177]. Следует учесть ещё и то, что не все инновации апробированы, обоснованы с научной точки зрения и верифицированы.

Дж. Хэтти называет важнейшее условие успешного обучения – энтузиазм. Энтузиазм – это нечто большее, чем знание материала, навыки преподавания или умение увлечь учеников. Учитель, работающий умело и с энтузиазмом, формирует стойкий интерес к предмету, к самому процессу познания, он демонстрирует ученикам не только готовность научить, но и сам учится вместе с ними, разделяя радость открытия. Эти же постулаты составляют основу методики А.В. Барсова и А.А. Хованского «Живое слово», у которой было

звучное и обстоятельное название «Живое слово для изучения русского языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам, в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно требованиям педагогических принципов».

Главная задача «Методики» состояла в том, чтобы «посредством живых рассказов и объяснений в виде собеседований с детьми – во-первых, заинтересовать молодых слушателей и тем избавить их от зубрилки; и во-вторых, дать более широкое направление и образование, не только умственное, но и нравственное воспитание, тогда как школа более учит, а не воспитывает, а надо уравновесить и то, и другое». Создавая свою методику «Живое слово», А.А. Хованский в соавторстве с А.В. Барсовым выполнял всегда актуальный общественный запрос о качественном образовании и нравственном воспитании, который не только не потерял своей злободневности, но сегодня обрел еще большую остроту. А.А. Хованский был убежден: только та методика, которая стала частью живой души преподавателя и воплотилась в его живом слове, может принести свои живые плоды.

Спустя 150 лет А.А. Хованскому вторит Джон Хэтти: «...мы редко говорим об энтузиазме в образовании, словно он делает работу учителя менее серьезной, скорее эмоциональной, чем разумной, заставляет относиться к ней с некоторой предвзятостью... Тем не менее энтузиазм является одним из ценнейших результатов образования, хотя и редко исследуется в научных работах. Энтузиазм – нечто большее, чем знание материала, навыки преподавания или умение увлечь учеников» [4:44]. Учитель, работающий умело и с энтузиазмом, формирует устойчивый интерес и к предмету, и к самому процессу познания, он демонстрирует ученикам не только готовность научить, но и сам учится вместе с ними, разделяя эвристическую радость открытия. Однако предполагаю, что у инициаторов «цифровой трансформации образования» именно это положение вызовет саркастическую усмешку: «Среди педагогов по-прежнему немало тех, кто полагает, будто цифровая трансформация образования – лишь очередная кампания из тех, которые нередко возникают в сфере образования. Педагоги свыклись с мыслью о «вечных ценностях» образования, о том, что образование – самый стабильный общественный институт. Наивно думать, что начавшаяся революция не будет иметь ... драматических последствий» [4:85]. И далее императив: «Требуются научно обоснованные прогнозы и решения, которые помогут цифровую трансформацию образования перевести из режима «проб и ошибок» в режим поступательного научно обоснованного развития, как это уже делается в технологической сфере» [4:86]. Это означает, что следует лишить процесс познания живого участия живого человека, превратив всех нас сначала в

субъектов образовательного процесса, а затем в производственные единицы. Наметившееся противостояние «цифры» и «буквы» ставит человечество перед необходимостью выбора вектора развития: какое начало в образовании станет приоритетным – цифровое или гуманистическое?

Если всё же оставить право на существование гуманистическому подходу, возникает вопрос: как следует преподавать в современных условиях, чтобы добиться результата и вовлеченности обучающихся?

Острота обозначенной проблемы тесно связана с проблемой отношения учащихся к школе и процессу обучения. Современная статистика показывает, что 40% учащихся учатся механически, т.е. физически присутствуют, но психологически отсутствуют [4:345].

Как преодолеть этот кризис? Как добиться положительного результата? Прежде всего следует ответить на вопросы: «Чему учить, как учить и кому учить?»

Чему учить? Задача школы – сформировать способность к мышлению высшего порядка. «Но задачу *научить и научиться* можно считать полностью решенной только тогда, когда затрагиваются все три мира – идей, мышления и конструирования знаний» [4:49,50]. Добавим: самостоятельного конструирования знаний.

Говоря об организации процесса познания, есть смысл обратиться к гипотезе трех миров К. Поппера: мира физических объектов, мира психических и ментальных состояний и мира объективного знания. Опираясь на его модель, можно провести параллели «между мирами Поппера и уровнями успешного обучения: миру физических объектов соответствует поверхностное, начальное знание, миру психических и ментальных состояний – мыслительные стратегии и глубокое понимание, миру объективного знания – путь, которым ученик конструирует знание и получает собственную версию реальности» [4:48]. Такой подход позволяет осмысленно, а не по наитию, профессионально, а не дилетантски выбирать стратегии обучения современных учащихся.

Следующий вопрос: **как учить?** Современное обучение должно быть не фронтальным, а точно направленным, активным, т.е. таким, чтобы в него был вовлечен ученик. Для этого следует соблюдать порядок осознанных и выполняемых учениками действий:

- 1) целеполагание, в том числе и в большей степени амбициозные жизненные цели;
- 2) формулирование планируемого результата;
- 3) определение интенций, мотивов и, как следствие, выработка навыков самообучения, самоорганизации;
- 4) определение критериев успеха;

5) выработка учебных стратегий, приемов, позволяющих добиться желаемого, эксплицитных когнитивных схем, инфографики, создание паттернов, алгоритмов; использование *аджайл технологий*;

6) практическое воплощение задуманного.

Эффективность осознанной практики зависит от амбиций ученика, его интенций, готовности использовать широкий арсенал учебных стратегий, от вводных информационных блоков до подробного инструктажа, при этом не исключается тьюторство, взаимопомощь, использование альтернативных стратегий.

Любопытно, что при этом нет необходимости полностью трансформировать образование, достаточно только модернизировать технологическую базу и использовать цифровизацию как образовательный ресурс, оставляя за человеком право выбрать «живое слово».

Джон Хэтти предлагает рассмотреть «парадигму видимого обучения», суть которой выражается в простой формуле, вполне созвучной методике «Живое слово»: «Учителя видят учебный процесс глазами своих учеников, а ученики видят себя в качестве собственных учителей», т.к. постепенно под влиянием, патронажем опытных и умелых (подчеркиваю!) педагогов обретают самостоятельность в оценке и использовании не только учебного контента, но, что самое главное, в умении мыслить самостоятельно. Двойной эффект обратной связи таков: учащиеся озвучивают свои трудности – учитель понимает, над чем ему следует работать, какая «клавиша» западает.

Особое внимание уделяется формированию релятивного мышления, т.к. релятивное суждение отражает отношения между предметами. Изменение качества мышления возможно при формировании способности выносить релятивные суждения. При этом оно требует интеграции не менее двух частей конкретного знания фактов, идей. «Иными словами, для того чтобы вынести релятивное суждение, ученик должен применить организующий паттерн», а значит, «выйти за рамки уже известной ему информации, знания или идеи и вывести общее правило или доказательство, справедливое для всех случаев. На основе этих поверхностных и глубоких знаний ученик сможет ... создать мир конструктивного понимания» [4:51].

Процесс обучения должен стать осознанным со стороны ученика, он должен понимать, что знает и чего не знает. Необходима обратная связь, которая включает три главных вопроса: «К чему стремимся?», «Как у нас это получается?», «Каков следующий шаг?» [4:62]. Обратная связь обеспечивается и поддерживается постановкой сложных задач. При этом и действия учителя, направляющие, активизирующие и вовлекающие в учение, а также разумно структурированное содержание образования делают процесс обучения

открытым, а значит, понятным ученику. Обратная связь, правильно организованная, предоставляет информацию об успешности обучения. Здесь уместно применять аджайл-технологии для того, чтобы сделать процесс обучения открытым и гибким. В результате обучающийся «сможет находить оптимальные способы получения новых знаний, искать ресурсы, помогающие ему в учении, *самостоятельно* ставить перед собой адекватные и амбициозные цели». Ученики должны участвовать в выработке критериев успеха, повышать уровень своих ожиданий и быть открытыми для нового опыта, связанного с учением и решением проблем.

Если мы говорим об обратной связи, то важно знать и то, как воспринимают учащиеся *хорошие уроки*. Д. Кембер и Э. Вонг рассмотрели различия между активными и пассивными учениками. «Исследователи обнаружили, что пассивные ученики предпочитают организованных педагогов, четко структурирующих урок, ставящих ясные цели обучения, активные ученики «отдают предпочтение учителям, которые «демонстрируют высокий уровень энтузиазма, делают акцент на взаимодействии в классе» [4:62]. Чтобы добиться результативности в классах, где собраны различно ориентированные учащиеся, педагогу важно быть гибким и органично сочетать организационную четкость и эмоциональность. Современные исследователи, в частности Я. Ширенс и Р. Боскер, пришли к выводу, что «хорошо структурированное, или прямое, обучение с акцентом на контроль и обратную связь вновь выступает в качестве наиболее эффективной формы обучения» [4:64]. Педагоги должны наблюдать за тем, *как* ученики получают знания, руководить этим процессом, пока он не приобретет характер самостоятельного осознанного действия.

И наконец, *кто должен учить?* В педагогике различают два типа учителей: учитель – активатор и учитель – фасилитатор. Разница в размере эффекта значительна: для первой категории этот показатель составляет 60%, а для второй – 17%.

Методы, используемые учителем-активатором: взаимное обучение, обратная связь, обучение самовербализации, метакогнитивные стратегии, прямое обучение, система полного усвоения знаний, постановка амбициозных учебных целей повторяющееся тестирование, постановка поведенческих целей.

Методы, используемые учителем-фасилитатором: симуляторы и игры. Снижение наполняемости класса, индивидуализированное обучение, проблемно-ориентированное обучение, использование интернет-ресурсов в обучении, метод целого текста, индуктивное обучение [4:335].

Какова готовность современных учителей к инновациям? Статистика неутешительная: 10% готовы к переменам, чтобы сделать преподавание более эффективным, 5% готовы внедрять инновации и 85% не хотят менять методы,

являющиеся, на их взгляд, результативными. Педагоги не стремятся узнать, как выглядит обучение глазами учеников. Инертность, незаинтересованность – враг любого дела, тем более такого, как преподавание: слишком высока цена – пассивность наших учеников, их нелюбовь к школе. На самом деле, именно процесс обучения должен стать предметом совместного обсуждения учеников и учителя, именно такие доверительные отношения помогут сделать процесс обучения *общим делом*, которым живут участники – и учителя, и ученики.

Не менее важно, чтобы учитель был еще и высоко нравственным человеком. «Когда мы слышим о методически подготовленном учителе, компетентном учителе, опытном учителе, мы должны напомнить себе, что образование по сути своей является моральной деятельностью, и в этой деятельности центральную роль играет нравственный учитель». А. Снук утверждает: «Образование ... никогда не бывает нейтральным, и его фундаментальная цель – вмешательство или изменение поведения» [4:352]. Роль учителя как раз и заключается в эффективном вмешательстве, позволяющем воспитать нравственного человека.

О высокой нравственности настоящего учителя говорил и А.А. Хованский (каким и сам являлся), определяя его роль в становлении личности учеников и в воспитании уважительного отношения к «живому слову». Вот почему реализация методических разработок *живого слова* в условиях цифровизации представляется чрезвычайно актуальной задачей.

Образование было и остается фактором национальной безопасности, т.к. устремлено в будущее, ориентировано на него и его обеспечивает. Важно понимать это и со всей ответственностью относиться к процессам, явно или неявно происходящим сегодня, когда навязывается, обосновывается и уже внедряется образовательная модель, имеющая мало общего с таким удивительным феноменом, как человек.

Литература

1. Калинин И. Русская петропозитика: литературные продукты нефтепереработки // Неприкосновенный запас, 2019. – № 4. – С. 219-254.
2. Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 544 с.
3. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26-27 сентября 2019 г. / А.Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др.; отв. ред.

И.В. Дворецкая; пер. с кит. Н.С. Кучмы; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 155 с.

4. Хэтти Д.А.С. Видимое обучение: синтез результатов более 50000 исследований с охватом более 86 миллионов школьников / Под ред. В.К. Загвоздкина, Е.А. Хамраевой. – М.: Издательство «Национальное образование», 2017. – 496 с.

Раздел II. ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ЕЩЁ РАЗ О СПЕЦИФИКЕ УРОКОВ РУССКОГО (РОДНОГО) ЯЗЫКА

Л.Э. Заварзина (Воронежский государственный педагогический университет)

Аннотация. В статье акцентируется внимание на развитии самостоятельности учащихся при обучении их русскому (родному) языку. Прослеживается связь языка с культурой народа, его носителя.

Ключевые слова: образовательный процесс, саморазвитие, самообразование, воспитывающее обучение, культура, П.Ф. Каптерев.

ONCE AGAIN ABOUT THE SPECIFICS OF RUSSIAN (NATIVE)
LANGUAGE LESSONS

L.E. Zavarzina (Voronezh State Pedagogical University)

Abstract. The article focuses on the development of students' independence while teaching them the Russian (native) language. The connection between the language and the culture of the people, its native speakers, is traced.

Keywords. Educational process, self-development, self-education, educational training, culture, P.F. Kapterev.

Некоторые педагоги полагают, что юное поколение в процессе обучения должно сравниваться в знаниях с предыдущим, поскольку, по их мнению, образовательный процесс – это передача чего-либо от одного поколения другому. Поэтому образование они отождествляют лишь со скоростью усвоения знаний. Между тем, справедливо подчеркивал П.Ф. Каптерев, представлять образовательный процесс посредником между поколениями, какой-то трубкой, «по которой культура переливается от одного поколения к другому, неудобно» [1: 351]. Это только внешняя сторона образовательного процесса. Без его внутренней стороны, которая состоит в саморазвитии, обучения не происходит. Человеческая природа такова, что помимо самостоятельности человек развиваться не может. Человек начинается с саморазвития и самообразования, и школьное обучение также должно опираться на те начала и методы, которыми совершаются эти процессы. Школа, считал П.Ф. Каптерев, «есть не что иное, как применение к детям начал самообразования» [1: 355].

Все объяснения учителя будут напрасны, если ученик не проявит необходимой умственной деятельности, чтобы их запомнить. Чтобы выучить правило, стихотворение, необходимо сосредоточиться, быть внимательным. Внимание же – это проявление самодеятельности организма, требующее от человека напряжения воли. Учитель может сколько угодно объяснять учащемуся то или иное правило, но если сам учащийся не поймет, в чем дело, не проявит собственной умственной деятельности, «то все объяснение будет напрасно, правило останется чуждым учащемуся, будет находиться вне его сознания, не войдет в него» [1: 357]. Знания станут собственностью ученика только тогда, когда учитель при объяснении, внушении, доказательстве сможет возбудить собственный самобытный процесс в сознании ученика, который в известной степени был бы подобен процессу в голове учителя и имел бы такую же силу убедительности.

Одним из начал самообразования является наглядное обучение. Применительно к урокам родного языка недостаточно внешней наглядности в виде таблиц, схем, наглядных пособий. «Картинки, опыты, приборы и коллекции всевозможных видов могут в изобилии быть налицо, – писал П.Ф. Каптерев, – а между тем преподавание будет оставаться отвлеченным, не соответствующим детскому уму» [1: 532]. Существенное свойство наглядного обучения есть его элементарность. «Элементарное обучение, – пояснял ученый, – наглядно по своей сущности, наглядно психологически, внутренне; содержание науки разбито в нем на элементы, сочетания которых и изучаются последовательно» [1: 534]. Примером элементарного обучения служит звуковой метод обучения чтению. Наглядность предполагает опору на внешние чувства. При изучении родного языка особую важность приобретает развитие слуха, развитие языкового чутья. В начальной школе, тем более в среднем звене учащийся обладает достаточным словарным запасом, как правило, представляет собой развитую языковую личность. «Усваивая родной язык, – справедливо писал К.Д. Ушинский, – ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка» [3: 560]. Языковая подготовленность учащегося позволяет в полной мере опираться на слуховую наглядность при изучении родного языка. Вывод, сделанный немецким философом М. Хайдеггером, говорит в пользу этого принципа: «Говорение само по себе есть уже слушание. Это – слушание языка, которым мы говорим. Говорение есть таким образом даже не одновременно, но *прежде всего* слушание. <...> Мы говорим не только *на* языке, мы говорим *от* него. Говорить мы можем единственно благодаря тому, что всякий раз *уже* слышали язык. Что мы тут слышим? Мы слышим, как

язык – говорит» [4: 266]. Материал для наблюдений на уроках родного языка всегда под рукой. Нужно только с помощью учителя научиться им пользоваться. Анализ языковых фактов должен вести к формулировке определений и правил, а не наоборот. Если ученик забыл определение, то он сам его вспомнит, проанализировав необходимый языковой материал.

Важный самообразовательный потенциал, по мнению П.Ф. Каптерева, содержит в себе игра. Различные учебные игры эффективны на всем протяжении изучения родного языка. Не вникнув в правила игры, ученик не может принять в ней участие. Игра требует внимания, активности, самостоятельности.

«Обучение есть непосредственное воспитание ума и опосредованное воспитание всего человека», – писал П.Ф. Каптерев [1: 381] о специфике образовательного процесса, который находится в тесной связи с нравственным развитием человека. Возрастая духовно под влиянием образования, человек должен делаться не только умнее, но и лучше, добрее.

Учителю следует заботиться не только о сообщении сведений, сколько пробуждать и укреплять охоту к умственному труду, развивать любовь к мышлению. Ученики с невозбужденной и неразвитой любознательностью, но нахватавшие благодаря памяти много различных знаний в школе, по выходе из неё считают свое образование законченным и мало-помалу начинают терять имеющиеся знания. Не познав привлекательность умственного труда, такие учащиеся все теоретические вопросы и интересы забрасывают как нечто ненужное. Приобретенные знания, не пополняясь, идут на убыль, «печать образования все более и более стирается, и, наконец, человек, продолжая по преданию и по диплому считаться образованным, впадает в рецидивизм необразования», – справедливо утверждал П.Ф. Каптерев [1: 387].

Кроме задачи развития умственной пытливости, педагогу следует заботиться и об образовании правильного мировоззрения учащихся. «Конечно, – уточнял П.Ф. Каптерев, – мировоззрение не может быть создано в школе целиком: оно будет результатом дальнейшей самостоятельной деятельности лица, но его основа, фундамент, несомненно должны быть заложены школьным обучением» [1: 387]. В школе дети учатся разумно глядеть на мир, познают законы развития природы и человеческого общества. Особыми полномочиями наделены в данном случае уроки родного языка, на которых учащиеся осознают, что без языка невозможно общение, овладение искусством которого позволяет человеку комфортно чувствовать себя в любом обществе. Владение же богатой, чистой, правильной речью показывает уважение человека к окружающим людям. Овладение культурой устной и письменной речи – это одно из важных основ человеческого общежития. Учащиеся, соглашаясь с

таким тезисом, порой следуют ему только в официальном общении: на уроках, в разговорах с педагогами, родителями и под., но в других ситуациях общения сквернословят, бранятся, словом, их речь трудно назвать человеческой. Уже в этой двойственности поведения проявляется безнравственность личности. Если человек действительно разделяет ту или иную истину, то он её везде отстаивает и защищает, его нравственное мировоззрение должно пронизывать все его поступки.

Каждый учебный предмет содействует нравственному развитию учащихся, «так как каждому предмету при разумной постановке его непременно присуща нравственно-воспитательная и образовательная сила», – полагал П.Ф. Каптерев. Он считал, что при преподавании каждого предмета следует требовать: «1) отсутствия неряшливости и лени в рассуждении; 2) тщательного взвешивания всех доводов за и против, хотя бы и по отношению к любимой гипотезе; 3) устранения в рассуждении собственного самолюбия, пристрастий, слепой покорности авторитетам и принятым господствующим мнениям; 4) стремления учиться, расширять свои знания, совершенствовать свой ум; 5) смелого высказывания своих мнений и мужественной, энергичной защиты положений, признанных истинными» [1: 392].

Выполняя эти рекомендации, школьники постепенно приучатся к самостоятельной умственной работе, у них разовьется умственная пытливость и любознательность. Однако, как это порой бывает, нравственно-образовательная сторона обучения не только упускается из виду, она даже намеренно заменяется безнравственной. В настоящее время многочисленные решебники, «помощники» в выполнении упражнений по русскому языку, сборники готовых сочинений, дайджесты крупных произведений русской классики, умещающие «Войну и мир» на одной страничке, целенаправленно пропагандируют иждивенчество, отучают школьников самостоятельно принимать решения, думать, словом, попросту учиться. Учителя, как правило, совсем не препятствуют подобной практике. О какой же нравственности здесь можно говорить!

П.Ф. Каптерев подчеркивал, что в тесной связи с умственным и нравственным находится и эстетическое образование человека. Он писал, что эстетическое чувство «до известной степени индивидуалистично и чувственно, но в то же время до известной степени оно и социально, способствует развитию общности» [1: 396]. Эстетическому развитию человека служат средства двух родов: созерцательные и деятельные. Учителю-словеснику важно устраивать коллективные экскурсии на природу, когда учащиеся общаются либо отдельно стоящим деревом, либо красками осеннего леса, либо цветущим бело-розовым садом. Подобные созерцания природных объектов, а

затем и созерцание красоты в искусстве (при посещении музеев, галерей, обозрении памятников, рассматривании репродукций) развивают не только чувство прекрасного в человеке, но и пробуждают чувства симпатии, благожелательности, любви и милосердия к людям. Наблюдение красоты в природе и искусстве обязательно должно завершиться деятельным средством эстетического развития. Применительно к урокам русского языка это, безусловно, написание сочинений.

Выполнение любой учебной работы, в том числе и написание сочинений (в классе и дома) должно быть самостоятельным. Ученик должен понять, что умственная деятельность невозможна без настойчивости, систематичности действий, борьбы с препятствиями. Учение требует выдержки, упорства в труде, умения владеть собой.

Преподавание русского языка как родного, безусловно, имеет свою специфику, поскольку, справедливо отмечал П.Ф. Каптерев, «усвоить народный язык – значит усвоить и известную культуру, приобретенные народом знания, а вместе и народный способ мышления, намеченные в языке руководящие точки зрения на весь мир» [1: 409]. Задача учителя состоит в том, чтобы научить школьников замечать в словах «народную душу». Например, распределяя слова по предметам, которые они обозначают, можно увидеть, что относительно одних предметов в языке существует много наименований, а относительно других – сравнительно мало: «язык народа есть сокровищница его наблюдений, дум, знаний, в нем выражен весь запас его психической опытности» [1: 468]. Так, аргументировал свою мысль П.Ф. Каптерев, «санскритский язык богат словами религиозно-философского значения; греческий – словами и оборотами, относящимися к науке, искусству и мореплаванию; латинский – словами, касающимися земледелия, военного искусства и управления государством; английский – словами относительно мореплавания, торговли и ремесел» [1: 468]. Эти примеры показывают особенности народного ума и главнейшие склонности названных народов.

Слова какой тематической группы преобладают в русском языке? Этот вопрос правомерно задать даже пятиклассникам. Не следует ждать от них быстрого и правильного ответа, важно другое: учащиеся, размышляя над ним, откроют для себя много нового о своем народе, стране, отечественной истории. Урок родного языка значительно раздвинет свои рамки. Пусть школьники докажут, что С.А. Есенин прав в своем обращении к родине: «Русь моя, деревянная Русь!» Они увидят, что «древесностью» пронизан образ жизни русского народа. В подтверждении этого тезиса можно познакомить учащихся с наблюдениями Джорджа Турбервилля (он в качестве секретаря посла сэра Томаса Рандольфа посетил Россию в XVI веке):

Нет оловянных блюдов, но очень хороши
Здесь деревянные блюда, и чаши, и ковши.
Такие ж ложки здесь; всегда у мужика
Резная ложка для еды висит у кушака.
Кто носит две и три на поясе своем.
А знатный русский, тот всегда и с ложкой, и с ножом.
Постройки здесь низки, высоких нет палат,
Но на возвышенных местах всегда они стоят,
Чтоб не занес их снег, суровою зимой
Все покрывающий кругом сплошную пеленой.
Ни камня нет в стране, ни каменных домов.
Из досок крыши на домах, а стены из стволов.
Искусно возведен из бревен каждый дом,
Чтоб не проникнул внутрь мороз, забыты щели мхом;
Сверх деревянных крыш положена кора, –
Сток для воды, когда придет дождливая пора... [2: 270].

Следует также обратить внимание школьников на то, что в каждом языке существует своя система синонимов, которая отражает народный взгляд на мир. Вряд ли в каком-либо еще языке, кроме русского, синонимом к слову *медведь* явится уважительное *Михайло Иваныч* или *Михайло Потатыч*. Уже в беседе об этом синониме учащиеся узнают о том, что отчество – это атрибут обращения к человеку, свойственный только восточным славянам, поймут, почему русские люди благожелательны и уважительны в сказках к медведю. Неплохо, если учитель обратит внимание и на такой факт, что стиль одного и того же слова даже в двух близко родственных языках различен. Знарок перевода К. Чуковский доказывал этот тезис, сравнивая русское *мать* и украинское *мати*. Он подметил также, что английское *friend* «далеко не всегда соответствует русскому *друг*, так же, как и французское *ami*. <...> У англичан и у французов оно часто бывает холоднее, скупее. Ставить знак равенства между этими словами и словом *друг* далеко не всегда возможно» [5: 59-60]. Много экстралингвистической информации об особенностях своего народа получают учащиеся, знакомясь с этимологией устойчивых словосочетаний, поскольку фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. «Отражают, как свет утра отражается в капле росы» (Б.А. Ларин). Одно и то же образное значение в разных языках, как правило, передается разными устойчивыми словосочетаниями, а прямой смысл фразеологизмов выражает ценностные ориентации народа, носителя языка. Так, значению ‘быть удачливым, счастливым, везучим’ в русском языке

соответствует оборот *родиться в рубашке (сорочке)*, в английском – *родиться с серебряной ложкой во рту*, а во французском – *родиться причесанным*.

Народная душа обнаруживается и в грамматике каждого языка. Учителю надо непременно обратить внимание на различие в построении, скажем, русских и английских фраз, вопросительных и других предложений и прокомментировать эти языковые факты.

Таким образом, диапазон уроков русского языка, значительно расширенный за счет привлечения сведений из отечественной истории, культуры, сопоставления с другими языками, позволит учителю организовать так работу учащихся над словом и предложением, связным текстом, что они будут благодарно приобщаться к родной культуре, заново открывать для себя свой народ, постигать его душу, осознавать себя его частицей, вырабатывать мировоззрение, которое сродни миропониманию и жизнепониманию.

Литература

1. *Каптерев П.Ф.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
2. *Горсей Д.* Записки о России XVI – начало XVII в. // Под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. – М., 1990. – 287 с.
3. *Ушинский К.Д.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 2. – М.-Л.: АПН РСФСР, 1948. – 655 с.
4. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
5. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. – М.: Советский писатель, 1988. – 350 с.

П.Ф. КАПТЕРЕВ О ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛЕ

Л.Э. Заварзина (Воронежский государственный педагогический университет)

Аннотация. В статье представлены передовые взгляды П.Ф. Каптерева на проблему гуманизации образовательного процесса в школе; показана роль развития личности обучающегося как фундаментальной слагаемой гуманизации образовательного процесса; разъяснены, вслед за П.Ф. Каптеревым, функции государства и общества в этом процессе; объяснена значимость антропологических знаний учителя и его личности в гуманизации образовательного пространства; подчеркнуты воспитательная функция школы и значение взаимоотношений учителей и учащихся.

Ключевые слова: П.Ф. Каптерев, гуманизация образования, развитие, личность учащегося и учителя.

P.F. KAPTEREV ABOUT HUMANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT SCHOOL

L.E. Zavarzina (Voronezh State Pedagogical University)

Abstract. The article presents the advanced views of P.F. Kapterev on the problem of humanizing the educational process at school; it shows the role of the development of the student's identity as a fundamental component of the humanization of the educational process. It highlights, following P.F. Kapterev, the functions of the state and society in this process; the importance of the anthropological knowledge of the teacher and his identity in the humanization of the educational space. The educational function of the school and the importance of the relationship between teachers and students are emphasized.

Keywords: P.F. Kapterev, humanization of education, development, personality of a student and teacher.

Гуманизация образования, предполагающая уважение к личности обучающегося, доверие к нему, принятие его личностных целей, запросов и интересов, создание максимально благоприятных условий для развития способностей школьника, органическое соединение в нем личностного и коллективистского начал, делающее для него общественно значимое личностно значимым и обеспечивающее полноценность его настоящей жизни, всегда была в центре размышлений передовых отечественных мыслителей. Выдающийся педагог и психолог П.Ф. Каптерев (1849-1922) в течение всей своей творческой деятельности занимался решением проблемы гуманизации образования в учебных заведениях различного типа.

Еще в начале творческого пути в статье «Эвристическая форма обучения в народной школе» педагог писал: «Не в том задача народной школы, чтобы набить головы детей возможно большей массой сведений, надавать им различных практически полезных рецептов на различные случаи их жизни и быта, а в том, чтобы сообщенными сведениями подействовать возбуждательным и образовательным образом на духовную природу ребенка, дать, если возможно, такой сильный толчок его умственным силам, чтобы они не пришли в покой, в усыпление во всю остальную жизнь, чтобы в ребенке во всю остальную жизнь тлела искра любви к дальнейшему развитию и усовершенствованию» [1: 6].

О том, что педагог постоянно имеет дело с развитием, «и даже не только с развитием, но и с усовершенствованием», П.Ф. Каптерев считал важным неустанно напоминать учителям, воспитателям и управленцам образования. «Где нет развития, там нет педагогики, и не может быть о ней речи. Развитие, усовершенствование, педагогика – три связанные между собою начала», – подчеркивал он в статье «О педагогическом образовании», написанной в 1921 г. и составившей с другими трудами, созданными в послереволюционный период, так называемый завет великого педагога [2: 293-294]. П.Ф.Каптерев так объяснял сущность этой органической связи: «Педагог занимается воспитанием и образованием не в каких-либо теоретических интересах <...>, а для того, чтобы сделать человека лучше. А лучшим человек может сделаться лишь в том случае, если он способен к изменению, если он развивается» [Там же]. Поэтому, утверждал он, «педагогика и теория развития делят одну и ту же судьбу» [Там же].

Показательно, что эта мысль как «ключевой момент нового педагогического мышления» подчеркивалась Э.Д. Днепровым в период реформирования отечественного образования в 90-е гг. XX в. Первый министр образования в истории новейшей России, в частности, писал, что гуманизация требует пересмотра, переоценки всех компонентов педагогического процесса в свете их человекообразующей функции. Она радикально меняет саму суть и характер этого процесса, ставя в центр его ребенка. **Основным смыслом педагогического процесса становится развитие ребенка** (выделено Э. Днепровым. – Л.3.» [3: 47]. Отраднo, что современные учёные пришли к тому заключению, которое было высказано нашими соотечественниками почти полтора столетия назад.

П.Ф. Каптерев разъяснял, почему для педагогики категория *развитие* не являлась основополагающей. В истории российского образования практически всегда преобладающим было влияние государства, которое руководствуется своими собственными, государственными, интересами, а не положением детей,

их интересами. Государство, постоянно имея дело с большими массами личностей, стремясь к достижению общих целей, является представителем и заступником общих начал, закона, системы, а не интересов отдельных лиц. Оно вырабатывает уставы школ разных категорий, определяет их программы, контролирует учебный процесс, следит за тем, чтобы не было много исключенных из учебных заведений и т.д. А это значит, констатировал П.Ф. Каптерев, что отдельные лица и их интересы «пред государством стираются, учащиеся, как живые самостоятельные личности, исчезают, вместо них оно имеет дело с числами, процентами и таблицами» [4: 59]. Государство с необходимостью защищает единообразие и твердый порядок в школе, оно не приветствует какие-либо изменения и, как правило, бывает более склонно к некоторой рутине и формализму. Государство лишь управляет образованием, но не изобретает педагогических систем и принципов. Для государства в деле образования, подчеркивал П.Ф. Каптерев, важно твердое и последовательное проведение признанной правильно образовательной системы, «достижение общегосударственных целей, законов, порядок <...>, а не педагогика и успех отдельных личностей, до всестороннего и гармонического развития которых ему нет дела» [Там же].

П.Ф. Каптерев, не оспаривая государственной точки зрения на образование, в то же время утверждал, что «она *одна* недостаточна, что задачи и постановка образования не могут быть исчерпаны и определены одними государственными целями» [4: 63]. В образовании есть еще другая важная и существенная сторона – общественная, представленная родителями, их различными ассоциациями, а также педагогической общественностью.

Точка зрения государства общая, внешняя, практическая, для которой важно не столько благо самого воспитываемого, сколько благо государства; точка зрения общества внутренняя, индивидуалистическая, гуманная, направленная на развитие и благо личности. Для государства, констатировал П.Ф. Каптерев, «выше всего политика, государственный интерес, все равняющий, все приводящий к одному знаменателю закон, для общества – живая своеобразная детская личность, обыкновенно плохо укладывающаяся в общие рамки и формы, имеющая свои совершенно законные интересы» [4: 65]. Необходимо, чтобы государство и общество действовали в деле образования согласованно. Руководители образования должны помнить, что *не дети для школы, а школа для детей*. Общество требует от всех деятелей школы «сердечного и теплого отношения к учащимся, а не формальных мероприятий на почве общих указаний; оно требует, чтобы отдельные воспитываемые лица не тонули и не растворялись в общей учащейся массе, чтобы живая детская личность не признавалась только числом, процентом, дробью» [4: 64].

Школа, не раз подчеркивал П.Ф. Каптерев, должна развивать не только умственные силы учащихся. Человек – это целостное и органически единое существо, проявляющее себя в различных направлениях деятельности, поэтому школа должна затрагивать всего человека, воздействовать на развитие всех его сторон. «Родители надеются, – писал ученый, – что школа сделает их детей не только более умными, но и более добрыми, нравственно лучшими, не только обогатит сведениями, но и разовьет чувство долга, сделает более чуткой их совесть; родители ждут, что и характер, и физические силы детей найдут в школе надлежащие внимание и упражнение [4: 66]. «Воспитывать и образовывать, – подчеркивал П.Ф. Каптерев, – нужно прежде всего и больше всего человека, а не специалиста; все мы прежде всего люди и общечеловеческие гуманные свойства, мыслительность и чувствование и суть самые высшие дары человека, достойные культуры» [4: 69].

Конечно, ключевую роль в гуманизации образовательного процесса играет учитель, который, прежде всего, должен обладать обширными антропологическими знаниями. П.Ф. Каптерев неоднократно повторял, что хорошими педагогами «могут быть только люди широкого, основательного образования на почве антропологии, и притом тонкие наблюдатели» [4: 1112]. «Разумная деятельность педагога, – писал он, – может истекать только из обстоятельного знания свойств данной личности, без чего невозможно воздействовать на нее в истинно педагогическом смысле», поскольку правильное и естественное воспитание есть воспитание индивидуальное [4: 1112-1113].

Дети, поступая в школу, «приносят с собою широкую любознательность и большую наклонность к самостоятельности. Школьным учителям не нужно хлопотать о создании этих драгоценных свойств, на укреплении которых основывается образовательное влияние школы на учащихся <...> от учителей требуется лишь идти дальше по намеченному пути, поддерживать, холить не только посеянное доброе зерно, но уже показавшееся произрастание, даже давшее уже некоторый плод. <...> Природа как бы говорит школьному учителю: не губи моего добра, заложенного в детях, а, напротив, пользуйся теми свойствами, которые в них уже есть» [6: 180].

Учитель будет тогда эффективно пользоваться имеющимися в детях любознательностью и самостоятельностью, когда хорошо их узнает, проведя для этого психологическое обследование. Необходимо выяснить особенности памяти каждого школьника, пределы внимания, развитость воображения, наличие волевых качеств, объем словаря каждого учащегося и, соответственно, преобладающие группы представлений, т.е. размер «умственного горизонта» детей. Психологическое обследование учащихся, советовал ученый, поможет учителю узнать те области, в которых он с особенною силою может влиять на

учащихся глубоко и образовательно. Таким образом, учёный был убежден в том, что освоение комплекса наук о человеке обеспечит гуманистический вектор в выполнении учителем, воспитателем их профессиональной деятельности.

Вообще учителя, по мнению П.Ф. Каптерева, должны постоянно «учиться, учиться и учиться» [5: 598]. Без собственного развития и усовершенствования не может быть учителя. Не развиваясь, постепенно отходя в сторону от культуры, учитель не может развивать других, он способен только учить, т.е. сообщать затверженные формулы и знания. Такие педагоги не могут оживить свое преподавание, «они учителя по обязанности, по привычке, по невозможности другого дела, а не по призванию и сердечному расположению» [5: 601].

Имея основательные знания, учитель, по мнению П.Ф. Каптерева, должен проявлять себя художником: оставаясь свободным и самостоятельным деятелем, он должен творчески пользоваться методом, сделать его своим достоянием, уметь пользоваться им в работе с детьми, имеющими разную подготовку и различные природные свойства. Овладение данной способностью – одно из важнейших условий достижения гуманистической направленности образования, его реального приближения к запросам и ожиданиям развивающейся личности ученика, учета его индивидуальных особенностей.

Любая школа, как народная, так и гимназия, должна быть образовательно-воспитательным учреждением, поскольку «Сколько-нибудь разумное обучение невозможно без воспитательного влияния на ум и все существо учащегося» [8: 174]. Воспитательная составляющая образовательного процесса, по мнению П.Ф. Каптерева, состоит хотя бы в том, что «нужно добросовестно готовить уроки, не довольствоваться полузванием, не успокаиваться при неясности представлений, не выдавать себя за знающего, при незнании, учителю, не превозноситься своими знаниями пред товарищами, выражаться всегда точно и прямо, чуждаясь всякой двусмысленности и недомолвок» [8: 175].

Сводить обучение к сплошной механической выучке наизусть недопустимо. Негативные последствия такого процесса обучения, когда в основном идет нагрузка на память школьников, одинаковы как в народной школе, так и в классической гимназии. В статье «Основы классической школы» П.Ф. Каптерев так описывал процедуру приобретения знаний: «Материал учащиеся просто учат, по частям механически вбирают в себя, как губка воду. Память бухнет, но ума, т.е. формального развития, не прибавляется, потому что не выясняется, чем изучаемый материал отличается от прежде изученного, какие части прежнего материала вошли в новый, как он здесь изменился» [9: 114]. «Просвещение, – напоминал автор, – есть просветление ума и сердца и разумное дисциплинирование воли, а не собирание механических навыков и не вызубривание текстов, грамматических правил и счета» [8: 176]. Поэтому

учителю необходимо работать над образованием ума, т.е. пробуждать умственный интерес, развивать умственную самостоятельность учащихся, создавать навык к умственной работе. Школьник должен чувствовать, что он, умственно работая, становится умнее и лучше.

Как известно, школа не может существовать без дисциплины. Но установление её не должно быть насильственным делом. Важнейшей воспитательной задачей школы является укрепление в сознании учащихся необходимости определенного и твердого порядка. Существенными условиями для его установления являются высокий интерес обучения и нравственная авторитетность учителя. Но если эти условия почему-либо не могут быть выполнены, то в установлении дисциплины учитель должен руководствоваться следующим. Устанавливая порядок, необходимо обстоятельно и толково разъяснять его смысл: «Ни одного неосмысленного, необоснованного требования не должно быть предъявляемо учащимся», – предупреждал П.Ф. Каптерев [10: 177]. Как правило, в каждой школе есть группа детей, рьяных ревнителей порядка и учения, которые добровольно станут на страже школьных законов. «Учителю всячески нужно поддерживать эту группу детей-законников, заботливо стараясь об ее увеличении» [10: 178].

Для поддержания дисциплины необходимы еще некоторые свойства самого учителя, а именно любовь к детям и авторитет. Любовь к детям приобрести по заказу нельзя. Авторитет же приобретается знанием, опытностью, настойчивым твердым характером и преданностью своему делу. П.Ф. Каптерев предупреждал, что учителя, «не любящие детей и не владеющие авторитетом <...> первые враги и разрушители дисциплины в своей школе; их положение и положение обучаемых ими детей печально» [Там же, с. 182].

Учителю необходимо заботиться и об эстетическом воспитании учащихся. Первая составляющая такого воспитания – чистота и опрятность. П.Ф. Каптерев афористически напоминал: «Чистота и красота – родные сестры». Дети должны следить за чистотой классного помещения, посильным способом они могут его украсить. Эстетическое чувство развивают многие учебные предметы, а не только пение, рисование, художественное чтение. Пересказ прочитанного – сильное средство развития любви к искусству слова. Не лишены красоты и логичные, оригинальные решения математических задач, выполнение опытно-экспериментальных заданий. Красота находится не только в искусстве, но и в природе. Необходимо научить детей видеть прекрасное в самых простых явлениях. Природа красива во все времена года. Экскурсии и прогулки полезны для эстетического развития учащихся. Действенным средством эстетического воспитания является устройство школьных праздников. Подобные мероприятия должны иметь определенную цель и готовиться заранее.

Гуманизация образовательного процесса не мыслима без гуманного взаимоотношения учителя и учащихся. В школе, по мнению учёного, самое важное – человеческое, а не формальное отношение к детям, сердечность, укоренение в учителях убеждения, что они – руководители детей, а не полицейские надзиратели и начальники. «Педагогическое дело, – пояснял П.Ф. Каптерев, – есть дело тонкое, деликатное, есть соприкосновение душ поколений, непрерывное воздействие друг на друга умов и сердец» [11: 333]. Каждой школе необходимо заботиться о том, чтобы учащиеся чувствовали себя свободно, непринужденно, «чтобы их не встречали суровые, холодные и хмурые лица, чтобы все их действия не трактовали с точки зрения сухой и мелочной дисциплины» [12: 237]. В своих отношениях к учащимся, подчеркивал П.Ф. Каптерев, школа не должна забывать, что «она имеет дело с личностями еще развивающимися, неопределёнными, неокрепшими ни физически, ни нравственно, ни умственно. При таких условиях терпеливая осторожность, при постоянном сердечном внимании и участии, приводит к более удовлетворительным результатам, чем рискованная поспешность, могущая иногда подействовать на минуту, но не представляющая никакого ручательства на будущее» [Там же].

Рекомендации П.Ф. Каптерева наполняют конкретным практическим смыслом абстрактное понятие *гуманизация образования* и помогают нашим современным педагогам воплощать в жизнь самые передовые, самые гуманные идеи, связанные с обучением детей в школе.

Литература

1. *Каптерев П.Ф.* Эвристическая форма обучения в народной школе // Народная школа, 1874. – № 11. – С. 5-20.
2. *Каптерев П.Ф.* О педагогическом образовании // Общественно-педагогическая и научная деятельность П.Ф.Каптерева в Воронежском крае. Воронеж: изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. – С.290-298.
3. *Днепров Э.Д.* Новейшая политическая история российского образования. Изд. 2-е, доп. – М.: Мариос, 2011. – 472 с.
4. *Каптерев П.Ф.* Об общественных задачах образования // Русская школа, 1892. – № 1. – С.55-71.
5. *Каптерев П.Ф.* Беседы о воспитании. Что такое ребенок // Журнал для всех, 1899. – №9. – Стлб. 1103-1114.
6. *Каптерев П.Ф.* Народная школа как образовательно-воспитательное учреждение // Русская школа, 1902. – № 5-6. – С.179-190.
7. *Каптерев П.Ф.* Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. – М., 1982. – 704 с.

8. Кантерев П.Ф. Народная школа как образовательно-воспитательное учреждение // Русская школа, 1902. – № 4. – С.172-185.
9. Кантерев П.Ф. Основы классической школы // Русская школа, 1899. – №11. – С.100-123.
10. Кантерев П.Ф. Народная школа как образовательно-воспитательное учреждение // Русская школа, 1902. – № 7-8. – С.174-182.
11. Кантерев П.Ф. Новая школа в новой России // Педагогический сборник, 1917. – №10-11. – С.307-348.
12. Десятилетие женской гимназии М.Н. Стоюниной // Русская школа, 1891. – №11. – С.232-239.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА»

Л.Ю. Панина (Воронежский государственный педагогический университет)

Аннотация. В статье рассматриваются история становления и основные этапы развития журнала «Советская педагогика». На страницах «Советской педагогики» разрабатывались методологические основы теории воспитания, обсуждались вопросы философии педагогики, общих проблем дидактики, психологические проблемы воспитания и обучения и др. Журнал становится ведущим педагогическим изданием советской эпохи. Он задает тон, стратегию и основной дискурс педагогической реальности.

Ключевые слова: Советская педагогика, журнал «Советская педагогика», образование, воспитание.

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE JOURNAL "SOVIET PEDAGOGY"

L. Yu. Panina (Voronezh State Pedagogical University)

Abstract. The article examines the history of the formation and the main stages of the development of the journal "Soviet Pedagogy". In the pages of "Soviet Pedagogy" methodological foundations of the theory of education were developed, and also questions regarding the philosophy of pedagogy, general problems of didactics, psychological problems of education and training, etc were discussed. The journal became the leading pedagogical publication of the Soviet era. It sets the tone, strategy, and basic discourse of pedagogical reality.

Keywords: Soviet pedagogy, journal "Soviet Pedagogy".

В июле 1937 г. выходит в свет журнал «Советская педагогика», который стал «средоточием научно-педагогической мысли в стране» [1: 10]. Несмотря на то, что среди основных направлений работы нового издания были политически обусловленные цели, например: «реализация исторических решений партии и правительства в школе», «марксистская разработка всех важнейших педагогических проблем, содействие глубокому изучению Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина» [1: 12] и пр., журнал прежде всего восстанавливал в правах педагогику и создавал новую советскую педагогическую науку.

Безусловно, в центре внимания авторов журнала, особенно в его первые годы, были наиболее актуальные вопросы школьной практики: воспитательная

работа, повышение успеваемости, преодоление второгодничества и пр. Однако вопросы становления советской педагогики как науки также были не менее важными в свете принятых в 1931-1936 гг. постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о путях становления и совершенствования советской школы и педагогической науки.

Перед журналом стоял ряд серьезных задач: разработка методологических основ теории воспитания, решение вопросов философии педагогики, «общих проблем дидактики, проблем психологии обучения, вопроса о частных методиках, специальных педагогических вопросов (дошкольных и дефектологических), психологических проблем воспитания и обучения, организационно-педагогических вопросов (система школ и народного образования)» [1: 13]; преодоление разрыва между педагогической наукой и педагогической практикой; обобщение опыта учителей-практиков, анализ историко-педагогического наследия. Особый раздел журнала был посвящен хронике и информации о работе научно-исследовательских институтов по педагогике, педагогических лабораторий, публикации материалов совещаний, конференций, съездов, кратким авторефератам отдельных научных трудов. Уже на этапе своего становления «Советская педагогика» рассматривалась как издание, интегрирующее историю и современность отечественной педагогической науки, как образцовый научно-теоретический журнал, позволяющий осмысливать прошлое и ставить актуальные педагогические проблемы.

За короткий промежуток времени, конец 1930-х – начало 1940-х гг., «Советская педагогика» завоевала авторитетные позиции в научно-педагогическом сообществе СССР. Новым этапом в жизни журнала стал его переход в ведение Академии педагогических наук, созданной в 1943 г. Реальную поддержку в решении задач, поставленных перед Академией, должен был оказывать журнал «Советская педагогика». Это значительно повысило научный статус издания.

Журнал не прекращал работы ни в период Великой Отечественной войны, ни в трудные послевоенные годы. Важнейшими направлениями его работы в начале 1950-х гг. становятся: методологические проблемы педагогики и истории педагогики, вопросы возрастной физиологии и психологии, перестройка преподавания педагогических дисциплин в вузах, методика научного исследования по педагогическим наукам [2: 8-9].

Необходимо было повысить требования к теоретическим статьям и статьям, освещающим опыт практической учебно-воспитательной работы. Особое внимание сосредоточить на воспитании самостоятельности школьников в процессе обучения, улучшении эстетического и физического воспитания,

взаимодействии педагогического и ученического коллективов, повышение эффективности деятельности методических объединений учителей.

Специальное место в журнале отдавалось критико-библиографическому направлению. Здесь читатель получал информацию о новинках педагогической и детской литературы, рецензии способствовали развитию педагогической мысли, ориентировали читателей в оценке и выборе литературы.

Несмотря на сохраняющееся партийное давление, необходимость следовать курсу, обозначенному трудами Сталина, работа журнала никогда не измерялась только обслуживанием идеологического заказа. Начиная с первых номеров, редакция очень много делала для того, чтобы придать ему полемичный характер. Эта традиция сохранялась и в начале 50-х гг. XX в. На страницах «Советской педагогики» предоставлялась возможность выражения различных точек зрения по спорным вопросам. Конечно, настоящую дискуссию в условиях существующей цензуры развернуть было невозможно, но само указание на неоднозначность решения ряда, пусть и не самых принципиальных, педагогических проблем стимулировало развитие педагогической науки, содействовало повышению ее авторитета.

Определенным этапом в развитии журнала стал 1955 г. В связи с переходом советской школы ко всеобщему среднему образованию возникла потребность в серьезной политехнической подготовке учащихся, в соединении обучения с производственным трудом. В соответствии с этим возросли требования к педагогической науке и к ее главному печатному органу – «Советской педагогике». Был проделан глубокий критический анализ деятельности журнала, результаты которого отразились в решении Президиума Академии педагогических наук РСФСР от 29 августа 1955 г. На основе выявленных недостатков были обозначены узловые теоретические вопросы, на которых необходимо сосредоточить особое внимание. Журнал должен был активно участвовать в разработке теоретических и практических вопросов политехнизации школы, в определении содержания политехнического обучения и путей его эффективного осуществления. Одной из острых проблем была названа проблема повышения качества учебно-воспитательного процесса, снижения процента неуспеваемости. Назрела необходимость по-новому осмыслить вопрос о системе народного образования, о закономерностях возрастного развития.

Впервые в формулировке задач, стоявших перед журналом, особо подчеркивалась принципиальная важность проблем педагогического образования и улучшения работы соответствующего отдела. Президиум Академии предложил «Советской педагогике» «сосредоточить внимание редакции на освещении тех вопросов подготовки педагогических кадров,

решение которых имеет важное значение для вооружения молодых учителей знаниями, умениями, навыками, необходимыми для осуществления политехнического обучения в школе, более глубоко освещать вопросы повышения качества преподавания педагогических и методических дисциплин, улучшения постановки педагогической практики, особенно по вопросам воспитательной работы» [4: 7].

Журналу «Советская педагогика» предлагалось более внимательно относиться к освещению развития школы и педагогической науки за рубежом. Это довольно символическая деталь. На смену идеологической нетерпимости к буржуазному наследию шло более спокойное и взвешенное отношение к опыту других стран. Правда, обращение к нему должно было быть предельно осторожным: клише «реакционно-буржуазная педагогическая мысль» сохраняется, но при этом предлагается видеть за недопустимыми идеалистическими теориями «то прогрессивное, что создается передовыми учеными капиталистических стран», освещать «то положительное, что имеется в практике работы этих стран» [Там же].

В связи с проводившейся Академией педагогических наук, научно-исследовательскими институтами педагогики и кафедрами педагогики профильных вузов широкой экспериментальной работой журнал поставил себе задачей постоянно освещать ее ход и промежуточные итоги. Методика экспериментальной работы, основные результаты исследований отражались на страницах «Советской педагогики».

Журнал играл интегрирующую роль, устанавливая связь с научными институтами и учительством. Показательно, что в новом взгляде на судьбу «Советской педагогики», предложенном АПН, особенно подчеркивается не столько его значение как идеологического орудия, сколько его влияние как одного из авторитетнейших академических изданий, поэтому достаточно много внимания уделяется повышению научно-теоретического уровня журнала. Хотя приведенное выше постановление появилось до XX съезда партии, в нем уже чувствовалось приближение перемен.

В конце 1969 г. редакция журнала «Советская педагогика» вновь подводит итоги своей работы и намечает перспективы развития. «Советская педагогика» «как теоретический орган АПН СССР «не может ограничивать свою деятельность фиксацией научных достижений институтов Академии педагогических наук, педагогических кафедр и научно-исследовательских институтов школ и педагогики союзных республик. Он призван активно влиять на развитие педагогической науки, организовывать разработку острых теоретических и методологических проблем педагогики» [3: 3].

«Советская педагогика» вновь берет курс на повышение уровня научности и академизма своих публикаций. Особенно подчеркивается важность теоретической разработки таких проблем, как образование взрослых, учет индивидуальных, возрастных особенностей детей в процессе обучения и воспитания, методологические основы истории педагогики, совершенствование системы народного образования и др. Однако по-прежнему деятельность журнала определяется в первую очередь не нуждами школы и педагогической науки, а партийными постановлениями. В частности, пересмотр работы редакции и формулировка очередных задач происходят в ответ на постановления ЦК КПСС «Об основных направлениях деятельности Академии педагогических наук СССР» и «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В связи с этим ключевыми темами, над освещением которых должен работать журнал, избираются «Ленин и педагогика», «Коллектив и личность», «Марксистско-ленинская методология».

Направления и приоритеты, обозначенные в 1970 г., в целом сохранялись на протяжении практически 15 лет работы журнала.

Деятельность журнала определялась перспективами педагогической науки в целом. Педагогика, как и другие области знания, нуждалась в новом мышлении, оригинальных концепциях, способных преобразовать практику, отойти от схоластики и догматизма. Журнал «Советская педагогика» должен был стать зеркалом обновляющейся педагогической науки. Редколлегия своей главной задачей считала активное участие в определении научно-исследовательских приоритетов в развитии школы и народного образования. Основные темы публикаций конца 80-х гг. прошлого века – пути перестройки педагогической науки, критическая оценка сложившегося фонда идей, возвращение незаслуженно забытого педагогического наследия.

Характеризуя свои перспективные и текущие планы, редакция журнала особенно выделила несколько ведущих направлений деятельности. Прежде всего, методологические проблемы современной педагогической науки. В статьях подчеркивалась важность методологии и для ученого, и для учителя. Кроме того, указывалось на целесообразность проведения редакцией встреч с учеными-методологами для обсуждения следующих вопросов: в какой мере методология может быть сопряжена с педагогической действительностью? Как методология противостоит отчуждению знания от деятельности, проекта и реализации, замысла и действия? Что входит в объект методологии? Такое внимание к методологической проблематике было неслучайным. В 1989 г. еще рано было говорить о преодолении монополии социалистической идеологии, однако уже сам факт перестройки партийного курса, критической оценки

периода застоя, ряда партийных перегибов открывал возможность для свободного методологического поиска оснований педагогической науки.

В связи с перестройкой всех сторон жизни страны естественным был интерес журнала к вопросу о создании целостной концепции системы народного образования СССР. С её появлением связывалась выработка научной государственно-общественной платформы преобразований в области образования, поэтому «Советская педагогика» не могла оставаться в стороне. Новой для журнала проблемой стала интеграция образования, науки, производства, связи педагогики с другими общественными науками. Она признавалась одной из перспективных тем «круглых столов» на страницах «Советской педагогики».

Спецификой времени определялось усиление полемичности журнальных публикаций. Приветствовались острые, дискуссионные статьи, особенно по таким вопросам, как развитие творческого потенциала, социальной активности учащихся, изменение морального облика современного школьника, неформальные молодежные объединения, теоретические основания современной возрастной психологии, возрождение антропологического подхода в педагогике, гражданская позиция учителя, новые требования к учебнику. Сквозными темами публикаций журнала становятся мотивация учения, повышение познавательного интереса, индивидуальный подход к каждому ученику, нравственный мир ребенка, демократизация учебно-воспитательного процесса, ученическое самоуправление. Новыми реалиями в работе журнала можно назвать также установку на диалог с читателем, «обратную связь», пропаганду опыта творчески работающих учителей, педагогов-новаторов, администраторов, ведущих экспериментальную работу, ликвидацию «белых пятен» в истории отечественной педагогики.

В целом «Советская педагогика» в конце 80-х гг. прошлого века активно отстаивала независимость собственной позиции, гласность как условие нормального труда и цель работы журнала.

В 1992 г. после распада СССР журнал стал называться «Педагогика».

Можно, конечно, указать на недостатки журнала, например, зависимости от партийных постановлений, подмене исследовательских методик обобщением передового опыта учителей, интересе не к реальным проблемам образования, а к идеальному учителю и образцовому ученику. Однако не стоит забывать, что журнал отражал эпоху со всеми её недостатками, и надо отметить, что советская педагогика – это часть истории отечественной педагогической науки, которую нельзя выхолостить, перечеркнуть, стереть из памяти. К ней следует обращаться, критически осмысливать, видеть и достоинства, и просчеты.

Сегодня «Педагогика» задает высокие стандарты качества научных публикаций, формирует культуру педагогического текста. Журнал сохраняет свои позиции и авторитет в научном сообществе. Одно из несомненных достоинств журнала, которое привлекает к нему и читателей, и авторов, – открытость, смелость в суждениях и оценках, свобода от конъюнктуры, верность своей миссии.

Литература

1. О задачах журнала // Советская педагогика, – 1937. – № 1. – С. 10-13.
2. План научно-исследовательской работы Академии педагогических наук на 1951 год и задачи нашего журнала // Советская педагогика, 1951. – № 3. – С. 3-9.
3. Журнал «Советская педагогика» в 1970 г. // Советская педагогика, 1969. – № 12. – С. 3-6.
4. Неустанно повышать научно-теоретический уровень журнала // Советская педагогика, 1955. – № 10. – С. 3-10.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЭМИГРАНТСКИХ ДЕТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ»

С. Н. Гладышева (Воронежский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования педагогического журнала «Русская школа за рубежом», выходившего в Праге в 1923-1931 гг. под редакцией С.И. Гессена. В центре внимания автора – публикации журнала, посвященные социально-психологической защите детей в эмиграции, деятельности школы в русском зарубежье, борьбе с денационализацией эмигрантских детей, воспитанию в них любви и уважения к ценностям русской культуры.

Ключевые слова: русское зарубежье, педагогический журнал, публицистика, С.И. Гессен, образование, воспитание

PROBLEMS OF EDUCATION AND UPBRINGING OF EMIGRANT
CHILDREN IN THE JOURNAL «RUSSIAN SCHOOL ABROAD»

S. N. Gladysheva (Voronezh State University)

Abstract. The article analyses the activities of the pedagogical journal “Russian school abroad” which was published between 1923 and 1934 in Prague. Its editor was S.I. Hessen. Special attention is paid to publications devoted to social and psychological support (maintainance) of Émigré children. The functioning of Russian Émigré schools and problems of denationalization in Russian Émigré children, and the instillation in the children of Russian cultural values were also taken into consideration.

Keywords: Russian Émigré, pedagogical journal, Public Writings, S.I. Hessen, education, upbringing

Трагический разлом русской жизни после революционных событий 1917 г., породивших масштабную эмиграцию, сказался на судьбах людей разных поколений. Уже в первые годы формирования русского зарубежья обозначилась сложная проблема воспитания и образования младшего поколения эмигрантов. Большое количество детей в русском рассеянии (по подсчетам исследователя, примерно 40 тыс., или 2% от общего числа эмигрантов [1: 251]) потребовало создания особой культурно-образовательной среды, которая позволила бы воспитать подрастающее поколение в традициях отечественной культуры.

Рассматривая свое пребывание за границей как временное явление, русские эмигранты прилагали все усилия, чтобы сохранить все составляющие Русского мира для молодого поколения. «Для эмиграции первой волны, <...> было важно передать свой опыт, взгляды на сущность истинной русской культуры молодому поколению, которому предстояло в будущем создавать новую свободную страну на родине» [4: 196-197].

Положение эмигрантских детей широко обсуждалось в прессе русского зарубежья, и все публицисты сходились в одном: эмигрантские дети должны оставаться русскими. Задача русского зарубежья – «дать России здоровое поколение, *новое* поколение, еще неизвестное в истории, возросшее у семи дорог, на семи ветрах <...>, спаянное любовью к родине чувством родимой крови <...>» [15]. Отметим, что в эмиграции издавалось немало книг для детей – сборники Н.А. Тэффи, А.Т. Аверченко, Саши Черного и др. Большую роль в воспитании детей русскими даже вдали от родины сыграли иллюстрированные детские журналы «Зеленая палочка» (Париж, 1920-1921), «Восход» (Париж, 1927-1933), «Огоньки» (Париж, 1932-1933), «Черпачок» (Париж, 1934-1937), «Сверчок» (Париж, 1937-1939), «Ласточка» (Харбин, 1926-1945) и др.

Однако особую роль в решении проблем воспитания и образования русских детей в эмиграции играли специализированные – педагогические – журналы, которые занимали достойное место в системе печати русского зарубежья. Подобные журналы были созданы в различных центрах русского рассеяния: в Праге – «Русская школа за рубежом» (1923-1931), «Русская школа» (1934-1940), «Бюллетень (Вестник) Педагогического бюро» (1923-1931); в Берлине – «Вестник самообразования» (1922-1924); в Париже – «Вопросы религиозного воспитания и образования» (1927-1928); в Харбине – «Вопросы школьной жизни» (1934-1937); в Сан-Франциско – «День русского ребенка» (1934-1955) и др.

По общему признанию исследователей [14; 15], журнал «Русская школа за рубежом», выходящий ежеквартально в Праге, был лучшим эмигрантским периодическим изданием в области педагогики. Многое в истории функционирования этого журнала было обусловлено личностью его редактора – Сергея Иосифовича Гессена (1887-1950), выдающегося философа и педагога, (находящегося в эмиграции с 1922 г.), прекрасного организатора педагогической работы. В 1923 г. С.И. Гессен был избран профессором Русского научного института в Берлине. К изучению его опыта активно обращаются современные исследователи [5; 8]. В этом же году был издан его фундаментальный труд «Основы педагогики», в котором был детально проанализирован опыт мировой педагогики и традиции педагогического образования в России. С 1924 г. Гессен –

профессор Русского педагогического института в Праге. В 1934 г. он переехал в Польшу, где преподавал в Варшаве, а после Второй мировой войны – в Лодзи.

Следует отметить, что Гессен был не только одним из ведущих теоретиков и практиков педагогики в эмиграции, но и имел большой опыт журналистской работы, а также редакторской деятельности. В 1910-1914 гг. он был соредактором международного философского журнала «Логос», в юности исполнял технические обязанности в газете кадетов «Речь», которую редактировал его отец И.В. Гессен вместе с П.Н. Милюковым. Он активно публиковался в прессе и в период своего пребывания в России, и в годы эмиграции.

Отмечая в первом номере журнала, что «русские школы разбросаны чуть ли не по всем пяти частям света», редакция выдвигает главную задачу издания: «работать над возможно большим объединением русских зарубежных школ, русского зарубежного учительства» [9: 2]. С.И. Гессен в 1928 г. так охарактеризовал программу своего издания: «Журнал этот, являющийся в настоящее время единственным свободным педагогическим журналом на русском языке, отводит большое место не только теоретическим вопросам педагогики и психологии, но и смежным с педагогикой дисциплинам <...> и научному изучению школьных систем и законодательства о детях Западной Европы и Америки, в частности школы славянских стран и лимитрофов. Много места отводится в нем также систематическому изучению школы в Советской России. Кроме хроники и обзоров советской школы, в каждом номере имеется статья, разрабатывающая ту или иную сторону советской школы» [2: 273].

В редакционную коллегию издания в разные периоды входили известные педагоги С.И. Карцевский, В.А. Риган, Н.Ф. Новожилов, Д.М. Сокольников и др. Постоянными авторами «Русской школы за рубежом» были ведущие философы, педагоги, общественные деятели эмиграции В.В. Зеньковский, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, А.В. Жекулина, И.И. Лапшин, П.Д. Долгоруков, А.Т. Павлов, Г.Я. Трошин, В.В. Руднев и др.

Одним из главных направлений деятельности журнала стала социально-психологическая защита детства в эмиграции. Авторы издания обращали пристальное внимание на особую, «беженскую психологию» подрастающего поколения эмигрантов, которая формировалась под влиянием революционных потрясений, ужасов гражданской войны, потери родины, жизни в иноязычной, инокультурной среде. Учитель Шуменской школы-интерната, находящейся в Болгарии, А.П. Дехтерев отмечал в статье «Школьный год (дневник воспитателя)», что «дети, преодолевшие гражданскую войну и осилившие эмиграцию, – вне прошлого. У них иная психика, иные нервы, иные понятия об отношениях. По-моему, у них даже состав крови другой» [6: 33].

П.Д. Долгоруков в статье «Русская беженская школа» подчеркивал, что приходилось работать с детьми, «выбитыми из колеи в младшем возрасте от беспризорности, а в старшем от пребывания сплошь да рядом на фронте европейской войны, от участия в гражданской войне и от самостоятельной борьбы за существование в беженской обстановке» [7: 73].

Публицисты журнала уделяли серьезное внимание роли семьи в национальном воспитании детей в эмиграции. Особо подчеркивалось, что часть детей имели неполную семью: многие были разлучены с родителями, которые остались на родине; у кого-то родные погибли; некоторые ничего не знали о судьбе своих близких. В издании показывалось, что суровые условия эмиграции не позволяли даже полной семье осуществлять должное воспитание детей. В журнале активно обсуждалась тема трагедии и кризиса эмигрантской трудовой семьи.

Статья Н.А. Рауш-Траубенберг дает наглядное представление о положении дел в эмигрантских семьях: «Русский ребенок в Чехии живет в атмосфере очень бедной интеллигентной трудовой семьи; эта семья по своему духовному уровню могла бы дать своему ребенку достаточное нравственное и умственное развитие, но условиями жизни и недостаточностью средств возможность эта ограничивается настолько, что в иных случаях сводится к нулю. И мать, и отец усиленно учатся, с утра уходят в университет, возвращаются домой поздно вечером; ребенок остается один и подпадает случайным влиянием домохозяев, соседей, товарищей по уличным играм» [11: 441].

По мнению автора, дети эмигрантов остаются без надлежащего родительского внимания. Публицист с сожалением отмечает, что вследствие низкой оплаты труда эмигрантов и непостоянства их заработка обеспечить семью можно было при условии работы всех взрослых, включая стариков. Зачастую родители были вынуждены искать заработок вдали от дома и по этой причине долго отсутствовали в семье. Среди наиболее нуждающейся части русской эмиграции был распространен детский промышленный труд. По мнению публицистов журнала, семья в условиях эмиграции зачастую лишалась своего внутреннего духовного содержания и не могла полноценно заниматься воспитанием детей.

Публицисты журнала неизменно обращали внимание на трудные условия жизни эмигрантских семей. В.В. Руднев в очерке «Условия жизни детей эмиграции» отмечал: «Обычно одна семья из 5-7 человек занимала квартиру в 1-2 комнаты. В маленьких комнатах скученно живут взрослые и дети обоего пола. Здесь же спят, готовят кушанье, едят, стирают белье и часто тут же семья занимается каким-нибудь кустарным ремеслом. Духота, пыль, грязь. Сырость, холод, недостаток света» [12: 183].

В чрезвычайно сложных условиях эмиграции школа приобретала особое значение для воспитанников, гораздо большее, чем в России. Многим она заменила не только семью, но и стала частичкой их родины. Реальная школьная практика неизменно была в центре внимания журнала «Русская школа за рубежом». В издании отмечалось, что за первые годы эмиграции был создан особый тип школы, ставивший задачи воспитания в изгнании русских детей, которые должны быть подготовлены, с одной стороны, к активной деятельности в родном Отечестве, с другой, к реальной жизни в чужой стране, дающий необходимую общую и профессиональную подготовку.

В журнале подчеркивалось, что в основу деятельности школ русского зарубежья были положены передовые идеи русской и мировой педагогики, прежде всего проект реформы среднего образования, разработанный еще в 1915-1916 гг. под руководством графа П.Н. Игнатъева, министра народного просвещения Российской империи. Это был смешанный тип гимназии, представлявший собой синтез классической и реальной, который по объему знаний и требований обеспечивал доступ в высшие учебные заведения Европы. В нем сочетался европейский, государственный (страны пребывания) и национальный (русский) компоненты содержания образования.

Одно из ведущих мест на страницах «Русской школы за рубежом» занимают статьи, посвященные теории и практике преподавания цикла «Россика», который рассматривался как средство борьбы с денационализацией эмигрантских детей. Подчеркивалось, что национальный компонент содержания образования в школах русского зарубежья был направлен на сохранение родного языка, русских традиций, воспитание любви и уважения к ценностям национальной культуры. В цикл «Россика» входили следующие предметы учебного плана: русский язык, литература, история, география, Закон Божий, пение.

Авторы журнала обращали внимание на сложные условия работы русской школы за рубежом. В многочисленных публикациях говорилось о недостатке литературы, учебных пособий на русском языке, канцелярских принадлежностей, об отсутствии школьной мебели, плохом отоплении. Отмечалась еще одна трудность в работе школы – подвижность и неоднородность контингента учеников как по возрасту, так и по уровню подготовки. Возраст старшеклассников зачастую достигал 20-25 лет, учащиеся одного класса заметно различались по уровню своей подготовки, т.к. многие из них имели длительные перерывы в обучении. А.П. Петров приводит данные о деятельности Первой Константинопольской гимназии Всероссийского союза городов за 1921 г.: общее число учеников в среднем колебалось от 300 до 350, а подвижность контингента учащихся за 13 месяцев составила 960 человек [10: 98].

Авторы журнала отмечали также тяжелое материальное и правовое положение преподавательского состава русских школ за рубежом. Например, П.Д. Долгоруков пишет о том, что часто учителя «по собственной инициативе начинают занятия безвозмездно или за гроши. Но и получая определенное вознаграждение, низведенное до минимальных размеров, они с трудом, особенно семейные, сводят концы с концами. Получая большей частью поурочное вознаграждение, они во время каникул лишаются заработка» [7: 72].

Особая тема для публицистов журнала – состояние школы и педагогики в Советской России. Отметим, что на оценки теории и практики образования в послереволюционной России зачастую влияли политические мотивы, но журнал стремился объективно представить состояние школьного дела на родине. Авторы издания негативно оценивали репрессии среди интеллигенции, партийно-классовый подход к образованию. При этом в журнале неизменно отмечался интересный педагогический опыт, самоотверженные усилия учителей в России: «Наши многие товарищи за годы революции накопили свой весьма поучительный опыт. Мы будем с глубоким вниманием и уважением прислушиваться к их голосу. Мы, как и они, знаем, что возврата к старой школе нет» [9: 3]. В последнем номере издания была опубликована статья С.И. Гессена и М.Ф. Новожилова «Школьная политика советской власти за 1927-1930 гг.», в которой авторы с тревогой отмечали: «И личность ребенка, и автономия образования приносятся в жертву абсолютизму государства, превращаемого в плацдарм классовой борьбы» [3: 420].

В 1931 г. журнал был закрыт, т.к. после прекращения «Русской акции» Чехословацкого правительства ему не удалось справиться с материальными трудностями. Журнал «Русская школа за рубежом» под руководством С.И. Гессена стал самым значительным педагогическим изданием эмиграции, полноценно отражавшим не только важнейшие тенденции развития педагогической мысли, но и жизнь беженской школы в регионах русского рассеяния, освоение в школьной практике новых методов и приемов преподавания, анализ состояния школы и теории образования в СССР. Издание внесло существенный вклад в борьбу с денационализацией эмигрантских детей, способствовало воспитанию в них любви и уважения к ценностям русской культуры.

Литература

1. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 303 с.
2. Гессен С.И. Науки философские и общественные // Русские в Праге. 1918-1928 гг.: (К десятилетию Чехословацкой республики). – Прага, 1928. – С. 272-273.

3. Гессен С.И., Новожилов Н.Ф. Школьная политика советской власти за 1927-1930 гг. // Русская школа за рубежом. – 1931. – Кн. 34. – С. 385-420.
4. Гладышева С.Н. Проблема отцов и детей эмиграции в зеркале прессы русского зарубежья 1920-1940-х гг. // Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры: в 2-х ч. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 196-208.
5. Дерюга В.Е. Философская концепция воспитания С.И. Гессена // Проблемы современного образования. – 2017. – №5. – С.26-32.
6. Дехтерев А.П. Школьный год (дневник воспитателя) // Русская школа за рубежом. – 1927-1928. – № 25. – С. 30-38.
7. Долгоруков П.Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. – 1923. – № 1. – С. 71-79.
8. Осовский Е.Г. Гессен: странности судьбы // Педагогика. – 1993. – №6. – С. 57-59.
9. От редакции // Русская школа за рубежом. – 1923. – № 1. – С. 2-3.
10. Петров А.П. Первая Константинопольская гимназия Всероссийского союза городов // Русская школа за рубежом. – 1924. – № 9. – С. 92-98.
11. Рауш-Траубенберг Н.А. Дошкольные учреждения русской эмиграции в Чехии // Русская школа за рубежом. – 1931. – № 34. – С. 436-445.
12. Руднев В.В. Условия жизни детей эмиграции // Русская школа за рубежом. – 1927-1928. – № 26. – С. 179-185.
13. Седова Е.Е. Журнал «Русская школа за рубежом» в социокультурном и образовательном пространстве Европы // «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923-1931. № 1-34): указатель содержания. – СПб.: Сударыня, 2009. – С.7-30.
14. Тереня Ю.Ю. Проблематика педагогических журналов русского зарубежья (1920-1940 гг.) // Историко-педагогический журнал. – 2014. – №2. – С. 180-191.
15. Шмелев И.С. Для России // Возрождение. – 1929. – 15 марта. – С. 3.

РОЛЬ СОЧИНЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ «ЦИФРОВОЙ ЭРЫ»

О.А. Швецова (Воронежский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена анализу роли сочинения в обучении и воспитании школьников «цифровой эры». Рассматриваются условия успешного написания сочинения, его воспитательная и образовательная ценности, виды. Отдельное внимание уделяется жанру эссе, а также новому виду творческой письменной работы – метафорическому портрету слова.

Ключевые слова: сочинение, коммуникативно-речевые умения, отечественное образование, текст, эссе, метафорический портрет слова.

THE ROLE OF THE ESSAY IN TEACHING AND EDUCATING SCHOOLCHILDREN OF THE «DIGITAL AGE»

O.A. Shvezova (Voronezh State University)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the essay in the teaching and education of schoolchildren during the "digital era." The conditions for successful essay writing, its educational values and types are considered. Special attention is paid to the genre of essays, as well as a new type of creative written work – a metaphorical portrait of the word.

Keywords: composition, communicative-speech skills, domestic education, text, essay, metaphorical portrait of the word.

*Относительно немногим доступны
физика и математика, но повествование подвластно всякому –
возможно, потому, что оно заложено в самой природе языка.*

Э.Л. Доктороу

*Надо вырабатывать душу,
Поскольку опасен интеллект без совести.*

Ю.М. Лотман

Сочинение собственных текстов за долгую историю существования практики развития речи занимало в ней особое место, ведь создание текста – это сложная работа, требующая напряжения всех умственных сил, опоры личности ученика как на свой, так и чужой жизненный опыт, а также сформированности ряда умений.

Требования к сочинению в отечественной методике были определены ещё в дореволюционной России. Так, в седьмом номере «Журнала Министерства народного просвещения» в 1872 году для мужских гимназий был опубликован «Учебный план русского языка с церковнославянским и словесности», где говорилось следующее: «От сочинения, написанного воспитанником среднего учебного заведения, не следует ожидать ни новизны, ни оригинальности мысли, не полноты содержания, которая требует многосторонних знаний и более зрелой обдуманности, ни изящного языка, для приобретения которого нужно не только учение, но и особенное дарование; но это сочинение должно быть написано языком правильным, чистым и точным, изложение его должно удовлетворять условиям логической связи и последовательности, а содержание отличаться естественностью и дельностью, прямо относящихся к теме. Этими качествами и обозначится та степень умственного развития, которую должно засвидетельствовать русское сочинение гимназиста на выпускном экзамене» [цит. по: 1: 4-5].

В современной методике под сочинением понимается вид самостоятельной письменной работы учащихся, состоящей в изложении ими собственных мыслей, переживаний, суждений, намерений [3: 207-208]. К сожалению, сегодня мы наблюдаем снижение у школьников коммуникативно-речевых умений и преобладание прагматического отношения как к сочинению, так и к чтению вообще: пишу и читаю, чтобы получить оценку, баллы.

Как известно, начало XXI века в школьной практике ознаменовалось отходом от традиций в обучении сочинению. Потери, связанные с утратой обязательного выпускного сочинения очевидны для всех неравнодушных к судьбам отечественного образования. Только в 2014 году обязательное выпускное сочинение по литературе было вновь введено в практику российского обучения в школе. «Восстановление в правах обязательного выпускного сочинения – свидетельство потребности общества в укреплении гуманитарной составляющей отечественного образования, которое не впервые демонстрирует свою способность к устранению всего неограниченного, наносного и возврату к подлинному, «сердцевинному». Сочинение на литературном материале – один из способов увести школьника от дискретного, клипового мышления в сферу полноценного, глубокого осмысления богатейшего мира «радостей и бедствий человеческих»...» [1: 9]. Поэтому в настоящее время особенно актуальным является изучение образовательно-воспитательного значения данного вида творческой работы учащихся.

Сегодня как никогда особенно значимым оказывается учёт возможности письма как деятельности на основе художественного произведения, что позволяет глубже постичь изученный текст, осмыслить личность автора. «... в

художественном произведении есть всё, что нужно живой душе. И «общение» с текстом после его анализа даёт возможность читателю в процессе письма почувствовать себя писателем, т.е. создавать собственные произведения по законам того или иного жанра и с каждым новым текстом (своим текстом!) приобретать речевую свободу, получать удовольствие от деятельности и ее результата. Наконец, «письменное общение» с художественным произведением может стать и интеллектуальным развлечением, и креативной вербальной игрой... Только очень важно для читателя не только понимать то, что он хочет получить от общения с текстом, но и овладеть приёмами, стратегиями, которые позволят реализовать цели обращения к тексту» [5: 69].

Е.С. Богданова в своей работе «Русский язык: сочинение по прочитанному тексту на уроках в старших классах и ЕГЭ: 9-11 классы» называет следующие условия успешного написания современным школьником сочинения: 1) достижение определённого уровня личностной зрелости, т.е. способности адекватно осознавать своё место в обществе и отношение к общественным институтам, сформированность мировоззрения и ответственного отношения к своим обязанностям, гражданскому долгу и поведению; 2) широта кругозора; 3) сформированность лингвистической компетенции; 4) богатство лексического грамматического строя речи, обеспечивающее процесс текстопорождения [2: 7-8].

По мнению учёного, образовательная и воспитательная ценность сочинения как вида письменной творческой работы школьника заключается в том, что в процессе работы над ним он приобретает и совершенствует всё то, что необходимо для текстообразующей деятельности, учится мыслить творчески, выражать себя через слово, осваивает приёмы рефлексивной деятельности, обретает способность регулировать своё поведение, концентрировать внимание. Ученик также глубже познаёт свой язык, совершенствует умение выбирать слово, строить синтаксические конструкции.

Работа над сочинением – это и обучение диалогу, путь к познанию мира и собственной личности через сопоставление своих мыслей, отражённых в текстах, с мыслями других людей; это развитие литературных способностей; это попытка задуматься об актуальных для человечества и личности проблемах добра и зла, ценностей и антиценностей, сиюминутного и вечного, верности и предательства, любви и ненависти, задуматься о вопросах важности культуры и сохранения её наследия, традиций, языка, исторической памяти; взаимоотношения человека и природы, ответственности людей за последствия своей деятельности и соблюдение экологического баланса.

Работа над сочинением требует от подростка эмоционального реагирования на то, о чём он пишет, формирует эмоциональный интеллект, тренирует усидчивость, собранность, аккуратность. Это одно из основных

средств речевого развития учащихся и формирования у них культуры интеллектуального труда [2: 12-15].

В школьной практике на уроках русского языка дети осваивают разные виды сочинений, которые отличаются объёмом, структурой, композиционным и речевым оформлением, авторской коммуникативной задачей, подходами к обучению приёмам их создания и мыслительными действиями пишущего. Так, например, в современной речевой практике школьника, наряду с традиционными, мы встречаем следующие виды сочинения: дневниковая запись, эссе, письмо, пост в блоге, портрет, реклама, репортаж, интервью, литературно-критическая статья. Отдельно хочется остановиться на таком жанре сочинения, как эссе.

Эссе – прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по поводу философского, духовно-нравственного, историко-биографического, научного вопроса. Сочинения этого жанра отражают мировоззрение, ценностные установки, смысловые ориентиры автора, его мироощущение, чувства, эмоции. Эссе формирует самостоятельное творческое мышление, способность рассуждать, аргументировать. Небольшой объём эссе и свободный стиль изложения, проявление в нём авторской позиции определяют то, что тема эссе всегда конкретна и, как правило, не очень широка (2: 20-21).

По мнению Г.В. Пранцовой и Е.С. Романичевой, хорошее эссе может написать только тот, кто свободно владеет темой, видит её с различных сторон и готов предъявить читателю не исчерпывающий, но многоаспектный взгляд на явление, ставшее отправной точкой его размышлений. Поэтому эссе характеризуется также непринуждённостью повествования, парадоксальностью (эссе призвано удивлять читателя), внутренним смысловым единством (согласованность ключевых тезисов и утверждений, внутренней гармонией аргументов и ассоциаций, непротиворечивостью тех суждений, в которых выражена личностная позиция автора), открытостью, особым языком. Эссе – жанр субъективный, оно интересно и ценно именно тем, что даёт возможность увидеть личность автора, своеобразие его позиции, стиля мышления, речи, отношения к миру [5: 295-297].

Актуальность разработки жанра эссе на основе концептов русской культуры рассматривают также Н.Л. Мишати́на и И.П. Цыбу́лько. В своей монографии «Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания» они раскрывают основные особенности и конкретные приёмы построения эссеистического текста, отмечая при этом, что жанр эссе открывает большие возможности для «опыта концептуального самовыражения» школьника и построения им собственной нравственной

концепции мира. Эссеистическая модель обучения речи на основе освоения концептов русской культуры направлена на «укоренение» школьника в культуре, на решение задач духовно-нравственного становления личности. Основными особенностями жанра эссе, по их мнению, являются интегративность, объяснительность, личностная ориентация, междисциплинарность [4: 107-112].

Н.Л. Мишати́на и И.П. Цыбу́лько, говоря о проблемах школьного жанроведения в перспективе развития методической лингвоконцептологии, отмечают, что в современном обществе, «в котором победила потребительская матрица быстрой жизни, проблема развития эмоциональной культуры человека, его эмоциональной компетентности – открытости человека своим эмоциональным переживаниям и со-переживанию другому – стоит достаточно остро. Не случайно, отвечая на вызовы времени, первостепенную задачу современного образования представители психологической педагогики стали видеть в воспитании души. Опираясь на психологические исследования современного Детства, Н.Л. Мишати́на и И.П. Цыбу́лько отмечают, что в иерархии ценностных ориентаций такие эмоционально-нравственные ценности, как чуткость, терпимость, милосердие, умение сопереживать, занимают последние места, а на первые (начиная с 2007 года) выходят интеллектуальные, волевые и соматические. Фиксируется также рост числа детей с эмоциональными проблемами, ощущением эмоционального дискомфорта, что ведёт к накоплению у подростков отрицательного эмоционального опыта. Поэтому, утверждают исследователи, «проблема формирования и развития эмоционального репертуара «детей цифровой эры», его соотношения с традиционным репертуаром русской культуры (в основу которой ещё Пушкиным заложена, по Ф.М. Достоевскому, доминанта «всемирной отзывчивости») должна находиться в зоне гражданской и профессиональной ответственности современного педагога» [4: 89-90].

В связи с этим необходимо признать, что в системе школьных творческих работ отсутствует жанровая ниша для сочинений, служащих школьникам «жанровым пристанищем» передачи своего эмоционального состояния. Поэтому исследователи предлагают ввести в школьную практику новую жанровую форму – метафорический портрет слова (имени эмоционального концепта), а также описывают технологию моделирования метафорических портретов. Под метафорическим портретом слова понимается «способ реализации в «метафорическом» тексте личностного понимания (интерпретации) смысла отвлечённого слова путём опредмечивания понятия, заключённого в нём» [4: 92].

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПРАВДЕННОСТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

И.Ю. Карначук (Бродовская СОШ)

Аннотация. В такое сложное время, как век цифровизации, на школе лежит колоссальная ответственность. Учителя-филологи должны не только правильно преподавать свой предмет, но и заинтересовать учеников, чтобы по окончании школы у них сформировалась устойчивая мотивация к чтению классических произведений. Формирование нравственно-устойчивой и духовно-самобытной личности – главная цель школьного предмета «Литература».

Ключевые слова: духовность, нравственность, литература.

CLASSICAL LITERATURE AS A WAY TO PRESERVE MORALITY IN LITERATURE LESSONS AT SECONDARY SCHOOL

I.Yu. Karnachuk (Brodovskaya secondary school)

Abstract. At the digital age, the school has a great responsibility. Philologists should not only correctly teach their subject, but also engage pupils, so that after leaving school they have a lasting motivation to read classical literature. The formation of a morally lasting and spiritually distinctive identity is the main goal of the school subject "Literature".

Keywords: spirituality; moral; literature.

В XXI веке российская реальность претерпела сильные изменения, которые повлияли на культуру, самобытность и духовные ориентиры русского народа. Не стоит забывать, что XXI век – время новых технологий, характеризующихся как информационный прогресс [1]. Но всегда ли технические успехи общества положительно влияют на его духовность?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Новые технологии дают нам большие возможности для информационной просвещенности. Но часто за данным прогрессом стоит нравственная деградация общества и размывание «древа» ценностей российского сознания. В таких условиях крайне обостряется проблема сохранения нравственности и духовности русского народа [2].

Чаще всего дети подвержены дурному, «модному» влиянию. Именно школьники часто подвергаются давлению и совершают поступки, о которых потом сильно жалеют (Напр. группы в социальных сетях «Беги или умри», «Синий кит» и т.д.).

В ходе работы над метафорическим портретом даётся ключ ученику к обозначению и раскрытию содержания своего внутреннего мира, осваивается метафорическая форма мысли как результат взаимодействия концептуального и визуального типов мышления, осуществляется гармонизация интеллектуальной и эмоционально-образной сфер личности учащегося, происходит актуализация процесса освоения учеником культуры, воспитывается творческая личность в процессе присвоения усложняющихся рядов метафор. «Метафорический портрет становится «эмоциональным приютом», «эмоциональным прибежищем» для «формовки чувств» современного школьника, при помощи учителя-посредника «врастающего в культуру» [4: 92].

Таким образом, мы видим, что умение читать и писать – это не только важнейшие «академические» навыки, овладение которыми – реальный путь к успеху в жизни, в профессии, в творчестве (мы живём в мире текстов, и поэтому должны уметь их читать, понимать, воспроизводить и создавать). Умение читать и писать включает в себе значительный образовательный, воспитательный и духовно-нравственный потенциал, формируя человека духовного, нравственного, сострадательного, способного сочувствовать и сопереживать ближнему.

Литература

1. *Беляева Н.В., Новикова Л.В., Зинин С.А., Зинина Е.А.* Итоговое сочинение. Допуск к ЕГЭ. От выбора темы к оцениванию по критериям. – М.: Изд-во «Национальное образование», 2017. – 160 с.
2. *Богданова Е.С.* Русский язык: сочинение по прочитанному тексту на уроках в старших классах и ЕГЭ : 9-11 классы. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – 320 с.
3. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка : пособие для учителей, студентов педвузов и колледжей. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОСТ СКРИН, 1997. – 253 с.
4. *Миштина Н.Л., Цыбулько И.П.* Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания. – М.: Изд-во «Национальное образование», 2016. – 232 с.
5. *Пранцова Г.В., Романчева Е.С.* Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом: учебное пособие. – 5-е изд. – М.: Неолит, 2019. – 368 с.
6. *Малыхин П.В.* Введение в теорию словесности. Теория сочинений // Филологические записки, 1860. – В. 4. – С. 177-214.

Именно поэтому одной из важнейших задач русского образования – сохранение культурного и духовного наследия. В филологии эти цели, прежде всего, преследуются на уроках литературы. Это можно объяснить некоторыми причинами и прежде всего ролью литературы в культурной традиции России.

Русская литература – это уникальное явление в мировой культуре. Во-первых, все литературоведческие направления и течения, существовавшие на протяжении нескольких веков в зарубежной литературе, получили свое экспресс-развитие в России (Ср. в XIX веке в русской литературе «живут» такие направления, как классицизм, романтизм, сентиментализм, реализм, модернизм). Во-вторых, русскую литературу можно считать по определению «духовной литературой», ведь в центре изображаемых событий – всегда душа человеческая. И наконец, русская литература очень самобытна, порою даже достоверно не переводима на иностранные языки и поэтому настолько близка русскому человеку [2].

Не случайно еще с XIX в. в культурный капитал вошли устойчивые оценочные выражения о крупнейших писателях и литературных произведениях: «Евгений Онегин – энциклопедия русской жизни», «Поэт в России – больше, чем поэт» [4].

Стоит также отметить, что обеднение словарного запаса школьников ведет к тому, что они не способны совсем (или частично) понять смысл классических произведений, а уж тем более сделать комплексный анализ текста.

Современные школьники все больше тяготеют к рассказам малых форм, которые в обширном объеме представлены в социальных сетях. По результатам нашего исследования, только 30% опрошенных нажимают кнопку «далее», когда видят рассказ в соцсетях, чтобы прочитать его до конца. Остальные ссылаются на такую человеческую слабость, как лень.

Современные писатели стремятся поддерживать конкурентоспособность, поэтому, по большей части, создают «массовые» и легкие для восприятия произведения. Многие писатели XXI века следуют современной моде, используя в своих рассказах, повестях, романах или стихотворениях приемы СМИ, тем самым создавая «технологизированную» литературу, у которой функция сохранения нравственности и духовности имеет ослабленный статус, к сожалению. Современная литература, в большей своей части, имеет лишь развлекательную (досуговую) функцию.

Именно поэтому на школе лежит колоссальная ответственность. Учителя-филологи должны не только правильно преподавать свой предмет, но и заинтересовать учеников, чтобы по окончании школы у них сформировалась устойчивая мотивация к чтению классических произведений.

Прагматизм ситуации добавляет то, что в 9 классе школьники пишут ОГЭ, где в задании 8.3 им будет представлена возможность написать сочинение, раскрыв какое-либо нравственное понятие (подвиг, ответственность, смелость, предательство и т.д.). Данные условия положительно способствуют тому, что

школьники начинают внимательнее изучать литературные произведения и концентрироваться именно на нравственных аспектах, чтобы потом материал из литературных произведений можно было использовать для успешной аргументации. В 11 классе выпускникам также предстоит написать итоговое сочинение по литературе (в качестве допуска к ЕГЭ), а также сочинение на ЕГЭ, где также для успешного выполнения данного задания школьники должны опираться на примеры русской или зарубежной классической литературы.

Свое внимание и основной упор учителя-предметники делают именно на изучении русской классической литературы, а не зарубежной. Это объясняется количеством часов, отведенных на изучение обеих. Поэтому, как правило, школьники больше помнят и активно используют произведения русских авторов.

Начиная с пятого класса, дети знакомятся с таким новым предметом для них, как «Литература» (в начальной школе они изучают «Литературное чтение»). Принципиальное различие данных дисциплин заключается в том, что именно в среднем звене дети впервые знакомятся с литературоведческими терминами и начинают выполнять литературоведческий анализ текста. Нравственному же аспекту литература учит и младших школьников (начиная с 1 класса).

Особое внимание на уроках литературы уделяется таким произведениям, как «Кавказский пленник», «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Конь с розовой гривой» В.П. Астафьева, «Уроки французского» В.Г. Распутина, «Капитанская дочка» и «Дубровский» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Ревизор», «Мертвые души» Н.В. Гоголя, рассказы А.П. Чехова, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Тихий Дон», «Судьба человека» М.А. Шолохова и так далее. Перечень литературных произведений ограничивается выбором линии УМК, но то, как преподать каждое из представленных, ограничивается лишь мастерством конкретного учителя.

В завершение хотелось бы сказать, что на школьном предмете «Литература» лежит колоссальная ответственность. Главной целью данного изучаемого предмета является цель воспитательная, которая как раз и способствует формированию нравственно-устойчивой и духовно-самобытной личности.

Литература

1. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. – М.: Республика, 2001. – 544 с.
2. *Игумен Нестор (Кумыш)* Духовные аспекты творчества А.С. Пушкина. – М.: Академия исследования культуры, 2018. – 207 с.
3. *Положенкова Е.Ю., Руденко А.М.* Основы духовной культуры. – М.: Феникс, 1998. – 195 с.
4. *Мазаев А.И., Громов Е.С.* Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. – М.: Просвещение, 2017. – 308 с.

ОБУЧЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ И ОВЛАДЕНИЕ
РУССКИМИ ЛИЧНЫМИ ИМЕНАМИ

A.M. Devlin (University College Cork)

Аннотация. Статья посвящена овладению русскими личными именами у студентами русского языка во время восьминедельной программы в Москве. Она заключает, что социальное взаимодействие, обеспечиваемое во время короткого пребывания, способствует вниманию и осознанию социальных переменных уважения, социальной дистанции и, в меньшей степени, навязывания. В результате это влияет на овладение личными именами, которое остается ограниченным из-за недостаточной вовлеченности в социально близкое и эмоциональное взаимодействие.

Ключевые слова: русский как второй язык, обучение за рубежом, эмоциональный язык, социальное взаимодействие.

STUDY ABROAD AND THE ACQUISITION
OF RUSSIAN NOMINAL ADDRESS TERMS

A.M. Devlin (University College Cork)

Abstract. This paper explores the acquisition of nominal address terms (NATs) in L2 learners of Russian on an eight-week Study Abroad programme in Moscow. It concludes that the social interaction afforded during a short stay facilitates attendance to and awareness of the social variables of respect, social distance and to a lesser extent imposition. As a result, this has an impact on the acquisition of NATs which remains limited due to lack of engagement in socially close and emotional interaction.

Keywords: Russian as a second language, Study Abroad, Emotional language, social interaction.

When assessing the linguistic range of learners of a second/foreign language, traditionally scholars of second language acquisition (SLA) and teachers have been concerned with aspects such as accuracy of grammatical forms and lexical items or 'native-like' pronunciation, but little attention is paid to the socially-appropriate use of language. In Russian, for example, beyond the ты / вы distinction learners are rarely given the opportunity to engage with the richness of the socioemotionally-sensitive variability embedded in the morphosyntax of the language. Such variability permeates the Russian language and is manifest, for example, through 'expressive suffixation' [10: 32] (хлебушка vs хлеб), verbal aspect (садись vs сядь), verbal

tense (садитесь vs сели) and, of course, via nominal address terms (Мария vs Маша). While the aforementioned examples are semantically or functionally equivalent, they are not interchangeable. Selecting an inappropriate variant can have a negative impact on the hearer and can therefore impede social interaction. This is an often overlooked element of second/foreign language acquisition and teaching which is frequently considered an optional extra, or the 'icing on the cake' [18: 245]. However, if an aim of acquiring an additional language is to avoid 'misunderstandings and communication breakdowns' [7: 260], the competence to choose an appropriate variant is essential when it comes to intent of interaction. The inappropriate use of language can lead to 'the formation of cultural stereotypes' [2: 174] or even to individual learners 'having their social (or even political, religious or moral) judgement called into question.' [17: 104].

Now that the importance of socioemotional aspects to the linguistic repertoire of learners has been foregrounded, we turn to its acquisition. Developing competence in such aspects requires access to and interaction with a dynamic learning environment rich in diverse linguistic opportunities. It has been posited that, unlike the classroom which is described as being a limited context, relying on canonical forms which have become 'neutralized' [5: 725], the Study Abroad (SA) context may submerge the learner in a potentially 'rich linguistic and cultural haven' [12: 198]. As Devlin [6] argues, the SA context provides access to interaction with an evolving range of socially-constructed spaces which can foster the acquisition of situationally-congruent language use.

The Study

In light of the above, the current paper will focus on the acquisition of nominal address terms (NATs) in an SA context. The system of NATs in Russian is highly socioemotionally sensitive and complex and often constitutes a battleground for learners. According to Кронгауз [20] there are eight variations of the tripartite system of first name, patronymic and family name. The most common usages are first name only (Maria) and first name and patronymic (Maria Borisovna). While both can be used with acquaintances, they are socially differentiated. The former is neutral; whereas the latter implies greater degrees of respect and tends to be employed towards older addressees, those with a higher social position and / or in formal situations. In the context of friends, or in situations with heightened emotions, the default variant is a diminutive first name – e.g. Masha instead of Maria [20]. However, diminutive first names are also subject to so socioemotional variation and 'great care must be taken both to use them only in the right circumstances and to distinguish the nuances of the various forms' [13: 230].

Methodology

The paper explores the impact of a short-term SA programme on the development of the use of NATs and learners' attendance to the social variables respect, emotionality, social distance and imposition.

Participants

The participants consist of 18 US college students on an eight-week SA programme in Moscow.

Data Collection and Analysis

Data were collected at the beginning of the SA sojourn and at the end. Learners were asked to complete the same discourse completion task (DCT) in both occasions. A DCT is a controlled data elicitation tool which allows for the careful reconfiguration of social variables in such a way as to effectively draw the participants' attention to them, alerting them to the possibility of varying their linguistic responses. Despite some criticism, they have been shown to produce high rate of validity [8] and remain 'a very powerful and influential data collection tool' [19: 171]. For the purpose of the current paper, we consider four paired scenarios where the participants are asked to realise the same speech act in socially-differentiated contexts. The first situation in each scenario is designated a casual situation (sC) and the second is a respectful situation (sR). The scenarios are presented in table 1.

Table 1 DCT Scenarios

Scenario 1: Institutional Request: You are in class. Ask your classmate Irena Nikolayevna Kolyaskina to open the window. You are in class. Ask your teacher Marina Petrovna Belkina to open the window	Scenario 2: Conversational Request Ask your friend's four-year-old son, Andrei Ivanovich Belyi, to pass you the bread Ask your friend, Ivan Mikhailovich Goncharov, to give you some beer
Scenario 3: Apology: Your friend Roman Antonovich Markalov has invited you to dinner with his father Anton Ilych Markalov and you are late. Apologise to your friend. Your friend Roman Antonovich Markalov has invited you to dinner with his father Anton Ilych Markalov and you are late. Apologise to his father.	Scenario 4: Offer: A close friend, Alexander Borisovich Dudin, has called round. Invite him to sit down and offer him tea Your friend's mother, Svetlana Ivanovna Dudina, has called round. Invite her to sit down and offer her tea.

The scenarios were presented in English in order to ensure that the task was fully understood and also to avoid influencing language choices. Differentiation of the situations was influenced by the principles laid out by Brown & Levinson [3] – i.e. social distance, power and imposition. However, research has noted that Russian culture values social solidarity over social hierarchy and, as a result, the power variable is not readily attended to [15]. It has been suggested that the variable of respect is the most significant social variable when deciding how to address a person in Russian [14]. In addition, as already highlighted, emotionality plays a significant role variant choice. Therefore, the social principles explored are social distance, respect, emotionality and imposition.

Results

The intensity of use and dispersion of NATs across time, speech act and situation is shown in table 2. Overall, there were 144 opportunities to use a NAT. The data show that the intensity of use of NATs increased over the time period from being used in 46.5% (n=67) of cases to 76% (n=109). Following a Chi Square test, the increase was seen to be statistically significant ($\chi^2(21.782), p = .002$). While the use of NATs is slightly greater in the sC than in the sR – n=93 v n=81 (64.5% v 56%), this does not prove to be statistically significant. Digging deeper into the data, we can see that while the intracontextual patterns stay the same across time, statistically significant increases can be found in the conversational request sC and in apologies and offers where the number doubled across time in both situations ($p \geq 0.05$). Therefore, it can be stated that during their sojourn, learners shift from a strong tendency of avoiding the use of NATs in all circumstances to a position whereby their use becomes the preferred option. They remain more comfortable employing NATs in casual situations as a whole, but significantly increased their use with interlocutors while realising the speech acts of apology and offer. With regards requests, conversational requests in the casual situation saw an increase in the use of NATs.

Table 2 Intensity of Use and Dispersion of NAT per Category

	T1								T2										
	Inst R		Conv R		Apol		Offer		Total		Inst R		Conv R		Apol		Offer		Total
	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	sC	sR	
FFN	13	1	7	3	5	1	1	0	31	14	1	10	7	10	0	4	1	47	
FFNP	0	7	0	0	1	5	0	5	18	0	8	0	0	0	11	1	9	29	
FFNPFa	0	0	1	0	0	1	0	0	2	1	1	0	0	1	2	1	1	7	
FFNFa	0	0	0	0	0	1	0	2	3	0	0	1	0	0	1	0	2	4	
DFN	1	0	2	4	0	0	5	0	12	1	0	4	4	1	0	7	1	18	
P	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	
EndFFN	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	2	
Title Fa	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	
Total	14	9	10	7	6	8	6	7	67	17	10	15	13	12	15	13	14	109	

Key: FFN = full first name; FFNP = full first name and patronymic; FFNPFa = full first name, patronymic and familiya; DFN = diminutive first name; EndFFN = term of endearment and full first name

Turning our attention to dispersion of NATs, it can be seen that although there is variation, patterns emerge and become corroborated over time. The three most used categories are: FFN, FFNP and DFN at both T1 and T2. In general, the preferred option for a casual situation is FFN and the FFNP for the respectful situation. The pattern of use is congruent with the expected norms of native speaker use vis-à-vis the respectful situation. This is not the case in terms of the casual situation whereby DFN is normative for native speakers [20]. However, an increase in the use of DFN is apparent across time and tentatively across speech acts. With the exception of one instance in T2, it is used solely in casual situations and most often in the conversational request and offer. In the conversational request, it was used most often with the child in T1 but by T2 it was used equally with the peer and with the child. As a final note, it must be stated that T2 witnessed greater experimentation with NATs as demonstrated by the inclusion of non-standard or idiosyncratic forms (P only / title + Fa) and intensified forms (term of endearment + FFN).

Discussion

As previously noted, in Russian, the use of NATs is highly variable and carries significant socioemotional weight. The use of an inappropriate variant may provoke a negative reaction from the addressee, cause the learner to lose considerable face or impede the formation of friendships. As the choice is often predicated on attendance to, and awareness of, contextually-bound degrees of respect, social distance, emotionality and imposition, learners require intense and diverse interaction with naturally-occurring language spaces in order to acquire the competence to vary their use of NATs accordingly. It has been argued that a SA context may facilitate this.

With reference to the results, it is clear that even a short-term study abroad has an impact on the use of NATs. The shift can be explicated by invoking attendance by the learners to the social variables of respect, emotionality, social distance and imposition. The solidification of the use of FFNP in the discourse of the learners when engaging with an older interlocutor and the FFN when interacting with a peer could be seen as growing awareness of the need to differentiate along the variables of respect and social distance. Inversely, it could also be hypothesized that the short-term nature of the sojourn did not facilitate adequate diversity of interaction for the learners to attend to the variables of social closeness and emotionality. In particular, it did not allow for the development of friendships with native speakers or engagement in emotionally-invested interactions with native-speaking peers. Prior research into duration of SA has shown these to be time sensitive [6] and this is foregrounded in the results which highlight that even when speaking to friends/peers, the preferred option is the full first name and not the diminutive version. While the full first name can be neutral, it is often devoid of the social closeness and emotionality that

interactions with friends incur [20]. Despite not being a preferred option, DFNs were present in the data and their use grew over time. In particular, they are present in child-directed speech and when realising the speech act of offering to a friend. While speaking to a child obviously evokes emotionality and social closeness, what both situations have in common is a low imposition context. It could therefore be hypothesised that the use of DFNs is influenced not primarily by emotionality, but by degrees of imposition.

In short, this type of short-term SA can be considered conducive to the development of the variable use of NATs. However, the variation is limited and can be explicated by greater awareness of, and attendance to, the social variables of respect, social distance and to a lesser degree imposition which was facilitated by social interaction during SA. However, the duration of the SA did not allow learners to become aware of, and attend to, the variables of emotionality and social closeness.

Implications

While the current paper is not concerned with convergence with NS norms, it is clear that the production of NATs does not approximate NS norms in many instances. This raises the question of the need for “direct instruction and guided exposure [...] to interact with native speakers using socially appropriate language.” [11: 406]. Shardakova notes that it is not enough to leave “learners to figure out on their own Russian socio-cultural conventions and their effects on communication” [16: 446]. This may be particularly important within short-term SAs as “participants may experience superficial cultural contact” [1: 454] due to very limited contact with social networks [9]. This is foregrounded in the current study particularly vis-à-vis a deficit in awareness of nominal address terms which “is crucial for intercultural dialogue.” [4: 407]. In light of that, all learners would benefit from direct instruction in the use of NATs.

References

1. Allen, H.W. (2010) ‘What Shapes Short-Term Study Abroad Experiences? A Comparative Case Study of Students’ Motives and Goals Articles’, *Journal of Studies in International Education*, 14, pp. 452-470. doi: 10.1177/1028315309334739.
2. Amouzadeh, M. and Tavangar, M. (2005) ‘Sociolinguistic transfer: the case of Persian speakers in Australia’, *ITL International Journal of Applied Linguistics*, 147–148, pp. 63-78.
3. Brown, P. and Levinson, S. (1978) ‘Universals in language usage: politeness phenomena’, in Goody, E. (ed.) *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 56-289.
4. Clyne, M. (2009) ‘Address in intercultural communication across languages’, *Intercultural Pragmatics*, 6(3), pp. 395–409. doi: 10.1515/IPRG.2009.020.

5. *Destruel, E.* and *Donaldson, B.* (2017) 'Second language acquisition of pragmatic inferences: Evidence from the French c'est-cleft', *Applied PsychoLinguistics*, 38(May), pp. 703-732.
6. *Devlin, A. M.* (2019) 'The interaction between duration of study abroad, diversity of loci of learning and sociopragmatic variation patterns: A comparative study', *Journal of Pragmatics*. Elsevier Ltd, 146, pp. 121-136. doi: 10.1016/j.pragma.2018.08.007.
7. *Dewaele, J.-M.* (2008) "'Appropriateness" in foreign language acquisition and use: Some theoretical, methodological and ethical considerations', *IRAL - International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 46(3), pp. 245-265. doi: 10.1515/iral.2008.011.
8. *Felix-Brasdefer, C. J.* (2010) 'Data collection methods in speech act performance: DCTs, role plays and verbal reports', in *Martinez-Flor, A.* and *Uso-Juan, E.* (eds) *Speech act performance: theoretical, empirical and methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 41-56.
9. *George, A.* (2019) 'Study abroad homestay versus dormitory', *Spanish in Context*, 16(1), pp. 77-103. doi: 10.1075/sic.00027.geo.
10. *Hasko, V.* (2010) 'Diminutives in spontaneous narration by American learners of Russian', *The Slavic and East European Journal*, 54(1), pp. 32-53.
11. *Hernández, T.A.* and *Boero, P.* (2018) 'Explicit intervention for Spanish pragmatic development during short-term study abroad: An examination of learner request production and cognition', *Foreign Language Annals*, 51(2), pp. 389-410. doi: 10.1111/flan.12334.
12. *Knight, S.M.* and *Schmidt-Rhinehart, B. C.* (2002) 'Enhancing the homestay: study abroad from the host family's perspective.', *Foreign Language Annals*, 33(2), pp. 190-201.
13. *Offord, D.* and *Gogolitsyna, N.* (2005) *Using Russian: A guide to contemporary usage*. 2nd edn, *Using Italian: A Guide to Contemporary Usage*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511840791.
14. *Pajusalu, R.* et al. (2010) 'Forms of address across languages: Formal and informal second person pronoun usage among Estonia's linguistic communities', *Intercultural Pragmatics*, 7(1), pp. 75–101. doi: 10.1515/IPRG.2010.004.
15. *Rathmayr, R.* (2003) *Прагматика извинения. [Pragmatics of apologizing]*. Moscow: Языки славянской культуры [Languages of Slavic culture].
16. *Shardakova, M.* (2005) 'Intercultural pragmatics in the speech of American L2 learners of Russian: Apologies offered by Americans in Russian ', *Intercultural Pragmatics*, 2, pp. 423–451. doi: 10.1515/iprg.2005.2.4.423.
17. *Thomas, J.* (1983) 'Cross-cultural pragmatic failure', *Applied Linguistics*, 4(2), pp. 92-112.
18. *Tyne, H.* (2009) 'Style in L2: The Icing on the Cake?', in *Labeau, E.* and *Myles, F.* (eds) *The Advanced Learner Variety: The Case of French*. Berlin: Peter Lang, pp. 245-268.

19. *Wojtaszek, A.* (2016) 'Thirty years of Discourse Completion Test in Contrastive Pragmatics research', *Lingüística Silesiana*, 37(December 2016), pp. 161-173.
20. *Кронгауз, М.А.* (2004) 'Русский Речевой Этикет на Рубеже Веков', *Russian Linguistics*, (28), pp. 163-187.

Раздел III. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА, ПРИКЛАДНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

НУКЛЕАРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

И. А. Меркулова (Воронежский государственный университет)

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования лексики 14 славянских языков методом параметрического анализа словаря в рамках нового направления сопоставительных исследований – лексической нуклеологии. Полученные данные расширяют и углубляют имеющиеся представления о близости славянских языков в области лексики. Подсчет количества совпадений в ядрах позволяет оценить силу связи славянских словарей и визуализировать лексико-семантическое пространство.

Ключевые слова: славянские языки, ядро лексики, квантитативные методы, лексико-семантическая типология.

NUCLEAR-TYPOLOGICAL MAP OF THE LEXICAL-SEMANTIC SPACE OF THE SLAVIC LANGUAGES

I.A. Merkulova (Voronezh State University)

Abstract. The article presents research into the lexicon of the 14 Slavic languages by means of parametric analysis of the vocabulary in the framework of the new directions contrastive researches, lexical nucleoli. These data broaden and extend the existing view of the proximity of Slavic languages in the sphere of vocabulary. The number of matches shows the strength of connection between lexical systems of the Slavic languages and visualizes the lexical and semantic space.

Keywords: Slavic languages, lexico-semantic nucleus, quantitative methods, lexico-semantic typology.

Лексико-семантическая система языка организована концентрически – по принципу “матрёшки” – ядро в ядре, поэтому последовательное описание этих ядер дает наиболее полное представление о системе и служит основой лексико-семантической макротипологии языков. Именно такое описание было предложено в монографии [3].

Для составления карты лексико-семантического пространства славянских языков учитывалась информация о словах, вошедших в параметрическое ядро по трем и более параметрам.

Единицей подсчета являлись общие для двух языков семантемы, которые реализуются в совпадающих дефинициях.

Например,

РУСС	База	База
СЛВН	Vaza	база, основа
ПОЛ	Podstawa	база, основание, основа; фундамент
БЕЛОРУС	База	база; основа

Подсчитав (для всех пар языков) количество бинарных совпадений дефиниций в ядрах, получим коэффициенты связи ЛСЯ славянских языков.

Назовем его коэффициентом типологической близости (КТБ).

Чем более похожи параметрические ядра лексики двух языков, тем больше КТБ.

Таблица 1. КТБ близости больших параметрических ядер лексики славянских языков

	БЕЛ	БОЛГ	КАШ	МАК	ХОРВ	ПОЛ	РУС
БЕЛ		0,338	0,250	0,282	0,226	0,228	0,510
БОЛГ	0,338		0,169	0,331	0,168	0,136	0,201
КАШ	0,250	0,169		0,198	0,127	0,177	0,170
МАК	0,282	0,331	0,198		0,269	0,197	0,388
ХОРВ	0,228	0,169	0,128	0,269		0,153	0,209
ПОЛ	0,228	0,136	0,177	0,197	0,153		0,196
РУС	0,511	0,201	0,170	0,389	0,209	0,196	
СЕРБ	0,266	0,175	0,164	0,375	0,288	0,189	0,205
СЛВЦ	0,299	0,318	0,210	0,235	0,185	0,190	0,331
СЛВЕН	0,294	0,104	0,141	0,319	0,159	0,153	0,165
УКР	0,397	0,162	0,179	0,371	0,102	0,158	0,314
ЛУЖ-В	0,333	0,106	0,255	0,312	0,184	0,234	0,170
ЛУЖ-Н	0,314	0,136	0,175	0,381	0,170	0,175	0,216
ЧЕШ	0,249	0,123	0,132	0,299	0,163	0,185	0,218
	СЕРБ	СЛВЦ	СЛВН	УКР	ЛУЖ-В	ЛУЖ-Н	ЧЕШ
БЕЛ	0,266	0,299	0,294	0,397	0,333	0,314	0,249
БОЛГ	0,175	0,318	0,103	0,162	0,106	0,136	0,123
КАШ	0,163	0,210	0,141	0,136	0,255	0,175	0,131

МАК	0,375	0,234	0,319	0,370	0,312	0,381	0,291
ХОРВ	0,288	0,185	0,159	0,102	0,184	0,170	0,163
ПОЛ	0,189	0,190	0,153	0,1589	0,234	0,175	0,185
РУС	0,205	0,259	0,165	0,314	0,170	0,216	0,218
СЕРБ		0,259	0,196	0,102	0,205	0,154	0,160
СЛВЦ	0,259		0,233	0,251	0,305	0,268	0,298
СЛВЕН	0,196	0,233		0,153	0,078	0,128	0,122
УКР	0,102	0,251	0,153		0,134	0,221	0,160
ЛУЖ-В	0,205	0,305	0,078	0,134		0,156	0,177
ЛУЖ-Н	0,154	0,268	0,128	0,221	0,156		0,134
ЧЕШ	0,160	0,298	0,122	0,160	0,177	0,134	

Используя эти коэффициенты, можно выделить лексически наиболее тесно и менее тесно связанные языки.

Таблица 2. Сила связи славянских языков по КТБ (крайние позиции)

Язык	Наиболее тесная связь	Наименее тесная связь
белорусский	Русский	хорватский
русский	Белорусский	словенский
украинский	Белорусский	сербский
болгарский	Белорусский	словенский
македонский	Сербский	кашубский
сербский	Македонский	украинский
словенский	Македонский	верхнелужицкий
хорватский	Сербский	украинский
верхнелужицкий	Белорусский	словенский
кашубский	Верхнелужицкий	хорватский
нижнелужицкий	Македонский	словенский
польский	Верхнелужицкий	болгарский
словацкий	Русский	хорватский
чешский	Словацкий	словенский

Наибольшие значения КТБ представлены в следующих парах: белорусский-русский, болгарский-белорусский, кашубский-верхнелужицкий, македонский-русский, хорватский-сербский, польский-верхнелужицкий, русский-белорусский, сербский-македонский, словацкий-русский, словенский-македонский, украинский-белорусский, верхнелужицкий-белорусский, нижнелужицкий-македонский, чешский-словацкий.

По данным, содержащимся в таблице 1, с помощью компьютерной программы, разработанной М.В. Катовым, была построена карта лексико-семантического пространства славянских языков.

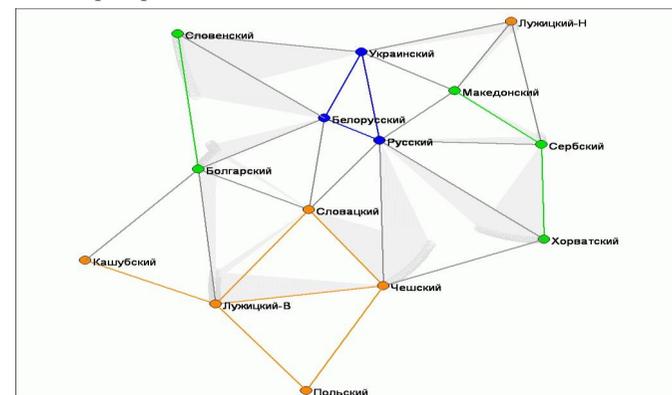

Рис. 1. Нуклеарная лексико-семантическая карта славянских языков

По количеству связей с другими языками и группами языков на карте славянские языки распределяются следующим образом (см. таблицу 3).

Таблица 3. Распределение славянских языков по количеству связей с языками и группами на карте лексико-семантического пространства славянских языков

№	Язык	Связей	Групп
1.	Русский	7	3
2.	Белорусский	5	3
3.	Украинский	5	3
4.	Словацкий	5	3
5.	Чешский	5	3
6.	Болгарский	5	3
7.	Луижский В	5	2
8.	Македонский	4	3
9.	Сербский	4	3
10.	Хорватский	3	3
11.	Луижский Н	3	2
12.	Словенский	3	2
13.	Кашубский	2	2
14.	Польский	2	1

В типологическом аспекте центром славянского лексико-типологического пространства оказывается **русский** язык, объединяющий 7 языков и 3 группы: южнославянский континуум (3 связи) с восточнославянским (2 связи) и имеющий 2 связи с языками западнославянского континуума.

За ним следует сразу несколько языков, имеющих по 5 связей с 3 генетическими группами: Это **белорусский, украинский, словацкий, чешский и болгарский**. На одну связь меньше у македонского языка, но набор генетических групп при этом сохраняется – их 3. Можно сказать, что **македонский** язык также активно включен в славянское лексическое пространство. Такая же ситуация характерна для **сербского** языка (4 связи с 3 генетическими группами)

И, наконец, **верхнелужицкий** язык, свои пять связей распределяет между двумя группами языков (4 западнославянские и 1 южнославянская связи).

Далее отмечаются языки, объединяющие по 3 связи: **хорватский, нижнелужицкий и словенский**, при этом связи хорватского языка распространяются на все 3 генетические группы.

Немногочисленные связи продемонстрировали **польский и кашубский** языки, причем у польского они в пределах западнославянского континуума, а у кашубского одна из связей южнославянская (с болгарским языком). Такая связь подтверждается выделенными С.Б. Бернштейном на фонетическом уровне древними болгаро-лехитскими изоглоссами [цит. по: 1: 20]

Видим, что лексико-семантическое пространство славянских языков ориентировано на групповое родство и южно-, восточно- и западнославянские языки в общем и целом образуют три континуума, представляющие собой неровный прямоугольник (западнославянские языки) треугольник (восточнославянские языки), трапецию (южнославянские языки).

При этом южнославянские языки показывают неравномерность связей, так как оторванными на большое расстояние оказывается словенский и хорватский. Оторванным от своих братьев оказался и нижнелужицкий язык. Самым компактным является восточнославянский континуум.

В нижнелужицкой грамматике Э. Муки говорится, что «...серболужицкий язык распадается на два основных диалекта, верхнелужицкий и нижнелужицкий, которые выдвинули два особых литературных языка, верхне и нижнелужицкий. Нижнелужицкий диалект более близок польскому языку, а верхнелужицкий – чешскому, поэтом оба лужицких диалекта образуют мост от одного языка к другому» [4]. На карте, действительно, по-разному ведут себя верхне- и нижнелужицкий языки. Интересно, что лексические связи лужицких языков разделяют их между западно- и восточнославянскими.

Выдающийся отечественный лингвист А.А. Зализняк, изучая новгородские берестяные грамоты, отмечал: «В течение длительного времени славянские племена с их племенными говорами образовывали этноязыковой континуум,

который в силу многочисленных миграций неоднократно подвергался перемешиванию; одни общности распадались и возникали другие. Следом этой длительной эпохи миграций являются многообразные перекрестные связи, которые, как известно, обнаруживаются практически для любой пары современных славянских языков, причем свободно пересекают границы таких относительно поздних общностей, как южно-, западно- и восточнославянская.

Для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монолитных праязыков установлено уже достаточно давно. <...> Имеющиеся ныне данные по древненовгородскому и древнепсковскому диалектам показали, что и восточнославянская ветвь не была в этом отношении исключением: подобно двум другим, она вобрала в себя первоначально не вполне тождественные племенные говоры» [2: 46].

Лексика языка подвижна, она хранит информацию о культурном взаимодействии народов и языков, и типологическая характеристика лексики (как и типологическая характеристика грамматики) языков может не совпадать с их генетической характеристикой. Полученная нуклеарно-типологическая карта позволяет по-новому взглянуть на лексико-семантические связи славянских языков.

Литература

1. *Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. – 3-е изд., испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 301 с.
2. *Зализняк А.А.* Дневненовгородский диалект. – М.: Языки рус. культуры, 1995. – 720 с.
3. *Меркулова И.А.* Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. – 255 с.
4. *Mucke K.E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891. – 636 s.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ СХОЖЕСТИ МЕХАНИЗМОВ
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ АФФИКСАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ КЕТСКОГО
ЯЗЫКА И НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

С. С. Калинин (Международный славянский институт)

Аннотация. В статье представлен анализ различных способов формирования и грамматикализации аффиксальных глагольных предикатов кетского языка и ряда языков коренного населения Америки. Описываются и анализируются типологические схожести в данном процессе. Дается обоснование этим схожестям.

Ключевые слова: грамматикализация, аффиксальные предикаты, глагольные предикаты, кетский язык, алгонкинские языки, язык мапудунгун.

TOWARD THE ANALYSIS OF TYPOLOGICAL SIMILARITIES OF
GRAMMATICALIZATION STRATEGIES OF AFFIXED VERBAL PREDICATES
OF KET AND SOME NATIVE AMERICAN LANGUAGES

S.S. Kalinin (International Slavic Institute)

Abstract. The article presents an analysis of various methods of formation and grammaticalization of affix verb predicates of the Ket language and a number of languages of the indigenous population of America. Typological similarities in this process are described and analyzed. The substantiation of these similarities is given.

Keywords: grammaticalization, affixed predicates, verbal predicates, Ket language, Algonquian language, Mapudungun language.

Известен тот факт, что морфологическая структура кетского глагола характеризуется высокой степенью сложности [2: 6-7; 3: 29]. Одной из наиболее ярких черт в структуре кетского языка является его полисинтетизм. Основные черты кетского глагольного полисинтетизма проанализированы в следующей работе Э. Вайды [5].

Тем не менее, структура кетской полисинтетической глагольной формы подвергается всевозможным изменениям. Согласно исследованиям Э. Вайды, это происходит, в том числе, и в результате ареального давления, оказываемого на кетский язык со стороны окружающих уральских и алтайских языков [1: 42-43]. В результате такового в современном кетском языке возник особый класс связанных глагольных аффиксальных предикатов. Такие предикаты, как правило, восходят к полнозначным глагольным основам, сохраняя с ними этимологическую преемственность, но привнося дополнительные аспектуальные коннотации в значение целой глагольной словоформы.

Описание способов и путей грамматикализации кетских аффиксальных предикатов такого рода, а также сопоставление их с подобными механизмами грамматикализации в некоторых других языках, относящихся к языкам коренного населения Америки, и составляет задачу данной работы.

Выбор индейских языков Америки в качестве материала, с которым производится сопоставление, обусловлен не только родственными связями кетского языка с, по меньшей мере, одной языковой семьей Северной Америки. Он обусловлен также и тем, что по своей структуре и типологии енисейские языки гораздо ближе к языкам Нового Света, чем к иным языковым семьям и группам Евразии.

Ряд примеров кетских глагольных форм приводится ниже:^{*}

bakdeŋ-ba-k-a-qan

тянуть-1SG.SBJ-TC-PRES-MOM.INCEPT

‘Я начинаю тянуть (однократно)’ [1: 15]

d=bakdeŋ-ku-k-a-bed-n

1SBJ=тянуть-2SG.OBJ-TC-PRES-ITER.TRANS-ANIM.PL.SBJ

‘Мы продолжаем тянуть тебя’ [1: 16]

d=bakdeŋ-q-a-ku-da

1SBJ=тянуть-INCEPT-PRES-2SG.OBJ-ITER.TRANS

‘Мы начинаем тянуть тебя снова и снова’ [1: 16]

Следует отметить, что связанные глагольные аффиксы *-bed-*, *-da*, *-qan* восходят к соответствующим свободным глагольным основам. В частности, аффикс *-bed-*, очевидно, восходит к глагольной основе со значением **-bed* ‘делать’. По всей видимости, аффикс *-da* восходит к глагольному корню **daq-* ‘ставить, класть’ (ср. с производными формами данного глагола, анализируемыми Э. Вайдой в работе [1: 41-42]). Аффикс *-qan*, вероятно, происходит от глагола **daq-* ‘ставить, класть’ либо же от глагола **aq-* ‘идти’ (если более вероятной является вторая версия этимологии данного аффикса, то буквальное значение соответствующей формы можно интерпретировать как ‘я иду тянуть’).

^{*} В статье используются следующие обозначения морфемных глосс: 1 – показатель первого лица, 2 – показатель второго лица, 3 – показатель третьего лица, AI – показатель одушевленности для переходных глаголов, ANIM – одушевленный класс, CIS – цислокатив, DUR – дуратив, FUT – будущее время, INCEPT – инцептив, IND – индикатив, INF – инфинитивная форма, INV – инверсив, ITER – итератив, MOM – моментатив, NSG – неединственное число, OBJ – показатель объекта, PL – показатель множественного числа, PRES – настоящее время, PROG – прогрессив, PROX – проксиматив, PST – прошедшее время, PTCP – причастие, REP – репортатив, SBJ – показатель субъекта, SG – показатель единственного числа, TA – переходный глагол одушевленного класса TC – тематический согласный, VAI – переходный глагол одушевленного класса.

Приведенные примеры кетских глагольных комплексов демонстрируют нам типичные стратегии грамматикализации. В этом случае, базовое лексическое значение соответствующих глагольных корней ‘идти’, ‘делать’, ‘ставить’ стирается, и глагольная основа преобразуется в связанный аффиксальный предикат, обладающий более «абстрактным» значением, как правило, аспектуальной семантики либо же передающим транзитивность/интранзитивность. Такие аффиксальные предикаты зачастую функционируют в качестве модификаторов, привносящих дополнительные значения в семантику основы глагольного словокомплекса, которая выражена инкорпорированным именем действия (в рассматриваемых примерах это *bakdeŋ*).

Подобные модели грамматикализации представлены и в ряде языков коренного населения Америки, в частности, в алгонкинской семье, распространенной на территории США и Канады. Существенное количество различных аффиксальных предикатов зафиксировано в языке оджибве. Среди таковых: *-ke*, который является предикатом действия/деятельности [4:101-102]; *-i*, обладающий посессивным значением [4: 106]; экзистенциальный предикат *-wi* [4: 107]. Ниже приводится пример из языка оджибве, в котором представлен аффикс *-ke*:

Eric gii-nboobike
Eric gii-naboob-ke-w
 Эрик PST-суп-VAI-3SG.S
 ‘Эрик готовил суп’ [4: 100, 102]

Пример из языка блэкфут приводится ниже:

Nitáóksa'síipiooka
Nit-á-okska'si-ip-i-ok-wa
 1-DUR-бежать:AI-нести-TA-INV-PROX.SG
 ‘Он/она (PROX) заставляет меня бежать’ [6: 121]

В примере выше имеется связанный глагольный аффиксальный предикат *-ip*. Обычно предикаты такого типа сопровождают превербами (ср. с первым примером) [6: 121]. Основное лексическое значение данного глагольного предиката *-ip* стирается, и его семантика преобразуется в каузативную аспектуальную семантику.

Подобная стратегия формирования связанных аффиксальных глагольных предикатов имеется и в языке-изоляте мапудунгун (известном также под названием «арауканский язык»), который распространен в Чили и на юге Аргентины). В системе языка мапудунгун есть специальные связанные

глагольные аффиксы, которые исторически восходят к соответствующим свободным полнозначным глагольным формам. Эти аффиксы используются для передачи каузативности различных аспектуальных значений, указаний на направление действия или движения, образования различных аппликативных форм и т.д.

Приведем примеры связанных и свободных аффиксальных глагольных предикатов, которые приведены в цитированной выше статье Ф. Зуньиго:

Fey ütrüf-entu-künu-pa-rke-i fentren fill-ke challwa
 тогда бросить-переместить-оставить-CIS-REP-IND много каждый-NSG
 рыба

‘Тогда он вынул много разной рыбы (из воды), бросил ее (на берег) и оставил ее (там), как говорят’ [6: 115-116]

Главный морф, несущий лексическое значение в данном комплексе, – это *ütrüf-*, но и другие глагольные предикатные форманты вносят свой вклад в семантику общей глагольной формы, как полагает Ф. Зуньиго [6:116]. Глагольная форма *entu-* входит в относительно закрытый класс глаголов движения. Аналогичная ситуация и с формой *künu-*, выражающей совместно аспектуальную и каузативную семантику (ее точное лексическое значение – ‘покидать, оставлять’), а также с циклокативной формой *pa-*, которая восходит к свободному глагольному корню *küpa-* ‘идти’ [6: 116-117].

Исходя из этого примера, можно наблюдать типичную стратегию формирования аспектуальных и каузативных форм. Формы, несущие соответствующую семантику, происходят от глагольных основ, обладающих конкретным лексико-семантическим значением, в данном случае – семантикой перемещения, движения и т.д. Можно полагать, что появление каузативных и аспектуальных аффиксальных глаголов в мапудунгуне типологически близко к появлению связанных глагольных корней кетского языка, несущих вспомогательную функцию при формообразовании. Более того, рассматриваемые процессы в языке мапудунгун близки к соответствующим процессам в языке блэкфут, а именно, к развитию каузативных форм.

Другие примеры грамматикализации аффиксальных глагольных предикатов в языке мапудунгун приводятся ниже:

Lef-küle-n amu-i pangko-a-fi-lu
 бежать-PROG-INF идти-IND хватать-FUT-3P-PTCP
 ‘Он бежал (=шел, бегая), чтобы схватить ее’ [6: 117]

Feymew ina lewfü müle-i pu che
 тогда на.берегу река быть-IND PL человек
 ‘Тогда на берегу реки жили люди’ [6: 117]

Можно видеть появление дополнительных вариантов грамматикализации экзистенциальных глагольных предикатов, исходя из данного примера. Как утверждает Ф. Зуньига [6: 117], связанный глагольный предикат *küle-*, передающий аспектуальную семантику прогрессива, восходит к свободному глагольному корню *müle-*, который имеет значение 'жить, быть, существовать'. Процесс трансформации значения можно охарактеризовать в данном случае как «семантическое выцветание», о чем пишет и Ф. Зуньига [6: 117]. Выше можно было увидеть примеры семантического выцветания на материале языков оджибве и блэкфут, в котором ряд аффиксальных глагольных предикатов восходят к самостоятельным глагольным корням бытийной семантики, а также передающим семантику перемещения и движения.

Можно подытожить, что как свободные, так и связанные предикатные глагольные основы исследуемых языков могли появиться в результате перехода от более конкретного («предметного») значения к более абстрагированному. В частности, значение глагольной основы «быть, жить» преобразуется в основу более абстрактного предиката существования либо же в основу, обладающую аспектуальной семантикой, в частности, семантикой результата, прогрессива и т.п. Основы каузативной семантики могли возникнуть из основ со значением «нести, переносить» (ср. с примерами из языка блэкфут выше). Экзистенциальные предикаты могли возникнуть из основ, первоначально обладавших семантикой движения либо перемещения (ср. с первым примером из языка мапудунгун). Некоторые каузативные формы в мапудунгуне возникают из глагольных основ с более конкретным лексико-семантическим наполнением (ср. также с первым примером из этого языка, где каузативная форма восходит к основе со значением «покидать, оставлять»).

Таким образом, можно прийти к выводу о схожести моделей грамматикализации в анализируемых языках, несмотря на то что между ними не имелось исторических контактов и они не являются родственными языками (по крайней мере, близкородственными). В целом, можно предложить различные объяснения этой схожести. Так, схожесть моделей грамматикализации может отражать универсалии семантических трансформаций, в частности, процессы «семантического выцветания» и переход к более абстрактной семантике от более конкретной. Дальнейшая перспектива исследования процессов грамматикализации такого рода на материале различных языков как Старого, так и Нового Света может заключаться в подтверждении данной гипотезы соответствующим материалом либо же в её опровержении. Что касается кетского языка, то в его случае на грамматикализацию могут оказывать значительное влияние процессы конвергентного развития нескольких неродственных языков, а также ареальное давление в условиях его бытования как одного из языков, составляющих так называемый енисейский языковой союз.

Литература

1. *Вайда Э.* Структура глагола в кетском языке // *Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935-2017)*. – СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – С. 9-45.
2. *Валл М.Н., Канакин И.А.* Категории глагола в кетском языке. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. – 68 с.
3. *Валл М.Н., Канакин И.А.* Очерк фонологии и грамматики кетского языка - Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1990. – 101 с.
4. *Mathieu E.* Denominal verbs in Ojibwe. *International Journal of American Linguistics*. – 2013. – Vol. 79. – No. 1. – P. 97-132.
5. *Vajda E.* Polysynthesis in Ket // *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Ed. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 906-929.
6. *Zúñiga F.* On the morphosyntax of indigenous languages of Americas. *International journal of American linguistics*. – 2017. – Vol. 83, no. 1. – P. 111-139.

ДИСКУРС НЕОГНОЗИСА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

A. Посацкий (Collegium Verum, Варшава)

Аннотация. Статья посвящена дискурсу неогнозиса в массовой культуре. Язык неогнозиса тесно связан с целостным мировоззрением и парадигмой, имеющей определенные онтологические и метафизические предпосылки. Можно выделить общие черты многих значимых теорий, оказавших влияние на культуру, в том числе массовую (как мировую, так и российскую). Это, например, масонские теории, теософия Е. Блаватской, антропософия Р. Штейнера, теории К.Г. Юнга, идеология Нью-Эйдж, теории Агни-йоги и многое другое. Общие знаменатели этих идеологий, особенно в философской форме, обычно малоизвестны, поскольку конкретные идеологии изучаются без поиска внутренних интеллектуальных связей. Статья показывает общие теоретические отношения, часто невидимые для среднего потребителя массовой культуры.

Ключевые слова: неогнозис, философия, теология, эзотерика, мистицизм, массовая культура.

DISCOURSE OF NEOGNOSIS IN MASS CULTURE

A. Posacki (Collegium Verum, Warszawa)

Abstract. The article is devoted to the discourse of neognosis in popular culture. The language of neognosis is closely related to a holistic worldview and a paradigm that has certain ontological and metaphysical prerequisites. It is possible to highlight the common features of many significant theories that have influenced culture, including the popular culture (both worldwide and Russian). These are, for example, Masonic theories, E. Blavatsky's theosophy, R. Steiner's anthroposophy, K.G. Jung, New Age ideology, Agni yoga theories and much more. The common denominators of these ideologies, especially in philosophical form, are usually little known, since specific ideologies are studied without looking for internal intellectual connections. The article reveals a general theoretical relationship that is often invisible to the average consumer of popular culture.

Keywords: neognosis, philosophy, theology, esotericism, mysticism, popular culture.

Язык неогнозиса, как правило, связан с целостным мировоззрением, которое можно изучать с точки зрения философии и теологии. Этот язык надо анализировать как часть парадигмы, имеющей онтологические и метафизические предпосылки.

Следовательно, совокупность отдельных семантических утверждений не может быть вырвана из онтологического контекста, как это обычно делается. Часто это происходит из-за незнания, например, незнания философии, истории идей или незнания и пренебрежения и философией, и эзотерическими традициями, изучение которых недавно получило научный статус [27].

Влияние гнозиса на культуру

Доказано научно влияние гнозиса на русскую культуру, литературу и философию. Также на мировую философию, в том числе на немецкий идеализм, который, в свою очередь, оказал наибольшее влияние на русскую философию. Эрик Вогелин говорил о гностической природе современной западной философии. Мы видим влияние гнозиса и неогнозиса у Ф. Достоевского и В. Соловьева, С. Булгакова и П. Флоренского, а также у поэтов А. Блока и А. Белого, В. Иванова и В. Брюсова и многих других [1].

Гнозис – это суть эзотеризма и оккультизма, при этом понятия эзотеризм и оккультизм не являются взаимозаменяемыми. Термин *эзотеризм* является более широким и включает в себя как оккультизм, так и эзотерические учения, прямо не связанные с оккультизмом, например, религиозные.

Как пишет М. Бекарюков, несмотря на обилие подходов к изучению эзотеризма, появившихся за последние десятилетия в Европе и России, место данного феномена в культуре, а также роль, которую играют эзотерические знания в процессе конструирования ценностно-смысловых миров западной и российской культуры, до сих пор не прояснены до конца. Новая парадигма исследования эзотеризма находится в стадии становления и формирования, что особенно характерно для отечественной науки [2].

Как пишет известный исследователь западного эзотеризма и масонства Хенрик Богдан: «Западный эзотеризм можно рассматривать как третью опору (third pillar) западной культуры, как форму мысли, которая занимает среднюю позицию между доктринальной верой и рациональностью» [2].

На эзотерические учения XX-го столетия оказали сильное влияние идеи Е. Блаватской, основательницы Теософского Общества (1875).

Общие черты гностических и эзотерических теорий

Мы можем выделить общие черты многих значимых гностических и неогностических теорий, оказавших влияние на культуру, в том числе массовую (как мировую, так и российскую). Это, например, масонские теории, теософия Блаватской, антропософия Штейнера, теории Агни-йоги, концепции Гурджиева, теории К.Г. Юнга, идеология Нью Эйдж [3: 97-113].

Гностический синдром касается многих других, менее серьёзных, но неизменно популярных, например, в России, в массовой культуре, таких теорий, как «Транссерфинг реальности» Вадима Зелинга или «Диагностика кармы» Сергея Лазарева [4].

Например, как пишет Ю. Халтурин, концепция эзотеризма А. Февра помогает представить масонское мировоззрение как целостную систему взаимосвязанных принципов, что, в свою очередь, облегчает анализ масонских текстов, носящих фрагментарный характер и написанных сложным эзотерическим языком. И сами масоны считали целостность основным критерием «истинной философии», «истинной религии» и эзотерической традиции [5]. Теория здесь объясняет практику.

Общие знаменатели этих идеологий, особенно в философской и теологической формах, обычно мало известны, поскольку конкретные идеологии изучаются без поиска интеллектуальных связей.

Теория А. Февра

Четыре фундаментальных характеристики теории эзотеризма А. Февра, следующие [6]:

1. *Идея универсальных соответствий.*

Не-«казуальные» соответствия действуют между всеми уровнями реальности Вселенной, которая является своего рода театром зеркал, населенных и одушевленных невидимыми силами. Например, существующие отношения между небом (макрокосмом) и человеком (микромир).

2. *Идея живой природы.*

Космос – это не только серия соответствий, пронизываемая невидимыми, но активными силами, а вся Природа, рассматриваемая как живой организм.

3. *Роль медитации и воображения.*

Эти два понятия взаимно дополняют друг друга. Ритуалы, символы, наполненные множеством значений (мандала, карты Таро, библейские стихи и т.д.). Духи-посредники (следовательно, ангелы) представляются как множество медитаций. Они способны обеспечить проходы между различными уровнями реальности, когда «активное» воображение делает их инструментом знания (*gnosis*), действительно, «магического воздействия на реальность».

4. *Опыт трансмутации.*

Эта характеристика приходит к завершению трех предыдущих, придавая им «эмпирический» характер. Это своего рода трансформация самого себя, которая может быть «вторым рождением».

Что касается двух так называемых второстепенных характеристик, то с одной стороны, это практика согласования: априори следует полагать, что общие знаменатели могут существовать среди нескольких различных традиций, фактически среди всех из них, а затем взять на себя обязательство сравнить их с целью найти более высокую истину, которая их объединяет. И, с другой стороны, основной акцент делается на идее передачи, широко распространенной в эзотерических течениях, особенно начиная с восемнадцатого века: она состоит в том, чтобы настаивать на важности «каналов передачи». Например, «передача» от мастера к ученику, от *инициатора* до *иницируемого* (само-инициация невозможна).

Теория и практика инициации

Интересно, что для всех теорий гнозиса и неогнозиса существует теория и практика посвящения (инициации), то есть радикального, духовного и экзистенциального преобразования всего человеческого существа, всей человеческой экзистенции [7].

Кажется, чтобы скрыть своё невежество и пустоту, гностики с самого начала и часто прибегают к идеологии тайных знаний, только для избранных или посвященных. Это своего рода имитация христианской традиции, где говорится о тайнах, таинствах или способах посвящения. Фактически, они путают инициацию с контр-инициацией, используя терминологию Рене Генона, который, кроме того, критиковал концепцию Е. Блаватской и назвал её *ошибочным теософизмом и псевдорелигией* [8]. Генон заметил о Блаватской, что она перевернула представления индуизма, которые повлияли на её теории. Для него инициация в системе Блаватской – это контр-инициация [9: 622-623].

Неогнозис Елены Блаватской

Я остановлюсь на дискурсе неогнозиса на примере, прежде всего, теософии Елены Блаватской, которая, имеет существенные черты так называемого *эзотерического христианства* (хотя теософия имеет мало общего с настоящим христианством) [10].

Дискурс неогнозиса начал развиваться уже в эпоху Возрождения, когда проявилось влияние герметизма и христианской каббалы, определивших оптимистическое и позитивное отношение к Космосу, чего не было в старом гнозисе. Христианская каббала эпохи Возрождения, почерпнутая из ненаучных источников, оказала фундаментальное влияние на концепции Блаватской [11: 52-53].

Влияние теософии Блаватской на культуру мировую, в том числе массовую, было потому очень сильным, что некоторые тексты были вырваны из общего, системного контекста, что уже само по себе является методологической ошибкой. Влияние её идей можно увидеть в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, а также в «Гарри Поттере», в которых также можно обнаружить скрытую теософскую структуру [12: 36-37].

Это можно увидеть в отношении добра и зла, которые не столько путают, сколько связаны друг с другом, а также на уровне *онтологического монодуализма* (здесь видно влияние на массовую культуру) [13].

Проблема антропоцентризма и антроплатрии

Сначала возникает проблема терминологии, например, в отношении гнозиса и неогнозиса. Старый гнозис дуалистичен, новый гнозис, который начинает своё распространение в культуре во время эпохи Возрождения, монистичен, пантеистичен, холистичен или монодуалистичен. Каждый тип гнозиса характеризуется обожествлением человека, которому по природе (а не по благодати) приписываются божественные возможности, включая паранормальные способности [14].

В этом смысле, неогнозис, как и гнозис, соответствует философскому *антропоцентризму*, но идет дальше к *антроплатрии*, или к тому, что в русской философии определяется как *человекобожие*, в отличие от *Богочеловечества*, о котором писали Ф. Достоевский и В. Соловьев, обвинивший Блаватскую именно в человекобожестве [15: 400-404].

Это, в свою очередь, соответствует философскому дискурсу *сверхчеловека* или богословскому дискурсу *антихриста*, важному в русской культуре [16].

Идея реинкарнации и отсутствие свободы

Общим элементом антропологии в этих теориях является, например, идея *реинкарнации*, понимаемая как форма духовного развития, а не как результат совершаемого зла, как в индуизме и буддизме. Как показывает Н. Бердяев, концепция реинкарнации *антиперсоналистична*. Это он показывает также на примере теософии Блаватской [17: 289-293].

Ещё одна общая черта её теософской антропологии – определенное, часто скрытое, *отсутствие идеи свободы* (как заметил Бердяев) из-за обожествления Космоса, который, несмотря на отсутствие качеств личности, управляет человеком и направляет его судьбу.

Проблема сатанизма и люциферизма

Гностический дискурс с самого начала касается не только антропологии, но сотрудничает с дискурсом сатанизма или люциферизма. Вот почему не случайно многие концепции неогнозиса относятся к так называемому *люциферическому посвящению*, инициации (или с точки зрения христианства – контр-инициации). Люциферизм и даже скрытый сатанизм в теософии и Агни-йоге Рерихов не случаен и очень беспокоит, как это также продемонстрировал дьякон Андрей Кураев, в книге «Сатанизм для интеллигенции» [18: 332-333].

Эти практики происходят из специфической для теософии Блаватской концепции добра и зла (отождествления добра и зла), а также из открытого культа Люцифера, выраженного – как мы сказали – в так называемом *люциферическом посвящении (люциферической инициации)* [19: 308-309].

Здесь неожиданно для многих появляется дискурс *демонософии*, который следует отличать от христианской *демонологии*. Так, как христианское богословие (теологию) следует отличать от гностической теософии.

Гнозис и магия

Каждый гнозис соответствует магии как её практическому выражению и дополнению. Об этом писал и А. Февр. Следовательно, гнозис также включен в магический дискурс, о котором много говорят и пишут. Однако надо заметить, что магический дискурс, в свою очередь, тесно связан со спиритизмом или спиритуализмом и его догматикой. Это было видно на примере жизни В. Соловьева, который занимаясь спиритизмом, тоже искал магическую силу и теургическое преображение [20: 216-217].

Эзотеризм и мистицизм

Гностическое мировоззрение соответствует эзотерическому мировоззрению и эзотерическому дискурсу, а также оккультизму, что является практической реализацией теории эзотеризма, которая, как и гнозис, ищет тайное знание. Однако многие исследователи слишком часто помещают гнозис, эзотеризм и оккультизм в одно понятие мистики, как это сделал, например, Владимир Соловьев [21: 287-291].

Эти феномены могут быть включены в мистический дискурс, но также и в религиозный дискурс, независимо от споров о концепции религии или мистицизма. Таким образом складываются семантически открытые концепции, но одновременно широкие и неточные дискурсы, которые вызывают смешение понятий.

Эзотерические и оккультные концепции охотно относятся к науке, а чаще – к лженауке. Здесь мы имеем дело с так называемой *сциентизацией эзотерики* [22].

Семантическая манипуляция

Общей чертой гнозиса и неогнозиса является своего рода *инверсия*, то есть семантическое *переопределение* христианства таким образом, что многие христианские концепции и термины, если они прямо не отвергаются ими (что также имеет место), получают разные (часто радикально разные) значения.

Это касается и *семантической манипуляции*, повсеместной именно в массовой культуре. На это указывали уже Отцы греческой Церкви, которые боролись с гнозисом, считая его самой духовно опасной ересью, что стоит подчеркнуть. Здесь надо обратить внимание на это переопределение и *семантическую манипуляцию*, когда мы имеем дело с определенной инверсией значений [23: 158-160].

Некоторые выводы

1) Догматический характер дискурса неогнозиса (теософии)

Дискурс и язык неогнозиса – на примере теософии Блаватской – тесно связаны с мировоззрением, идеологией или догматикой, основаны на объективной онтологии, которая является инверсией христианской догматики в наиболее важных областях теологии (включая тринитологию и христологию), антропологию, космологию и демонологию, которая, кроме того, своеобразным образом заменяет теологию.

Таким образом, ключом является способ соотнесения добра и зла через их догматическое уравнение, что всегда означает победу зла в теории и на практике. Важным выводом является тот факт, что все эти мировоззренческие измерения являются онтологическими, лишь вторично семантическими и тесно связаны друг с другом. Без знания догматики или онтологии дискурс не будет понят, или, безусловно, будет неправильно понят.

Таким образом, язык неогнозиса или теософии – в его центральном слое – не является метафорическим, поэтическим или иным образом субъективным, но для него характерен четко определенный *объективный концептуальный реализм*, который является выражением определенной онтологии. Это религиозное мировоззрение (Ганс Йонас писал о гнозисе как о религии), в котором сложно говорить о нейтральности культуры [24].

По существу, этот теософический дискурс есть дискурс религиозный с характеристиками гностического и магического, эзотерического и оккультного, и даже сатанинского дискурса, но все зависит от конкретного определения [25: 723-725].

2) Методологические ошибки

У русских символистов были процитированы многие метафорические (поэтические) термины теософии Блаватской, вырванные из контекста целостного мировоззрения, и опущен главный мировоззренческий стержень, то есть центральная сфера гностической, каббалистической и эзотерической идеологии (близкой к так называемому *эзотерическому христианству*).

Это нарушение или упущение *когнитивной иерархии* является фундаментальной ошибкой. Далее следует отделение семантики от основной онтологии. Так было у представителей *Серебряного века* и основоположников русского символизма. Таким же образом гнозис и неогнозис, включая теософию, имели дело с христианством (поверхностно и ложно пересматривая его концепции), примером которого является так называемые *эзотерическое христианство* [26: 579-582].

3) Несовместимость неогнозиса с христианством

Только глубокий анализ *мировоззренческого ядра* неогнозиса позволяет увидеть *идеологическое сходство* между концепциями масонства, розенкрейцеров, теософией, антропософией, Агни-йогой, юнгианством и идеологией Нью Эйдж. Это *мировоззрение (Weltanschauung)* несовместимо с догматами всех христианских конфессий, которые видят в теософии опасную ересь и угрозу вечному спасению.

Светский дискурс часто затемняет и скрывает религиозный дискурс, включая эзотерический и гностический дискурс. Следовательно, необходимо уметь его обнаруживать, а иногда и разоблачать этот вид религиозного дискурса, который скрывается за языком философии и науки, а слишком часто и псевдонауки.

Литература

1. Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре» ВГБИЛ им. М.И. Рудомино // Отв. ред. А.Л. Рычков. – СПб., 2015. – Т. I. – 407 с.
2. Бекарюков М.В. Роль западной эзотерики в формировании ценностно-смысловых миров культуры и личности // Электронный ресурс <https://www.asu.ru/files/documents/00005668.pdf>. (Дата посещения: 24.02.2021).
3. Папский Совет по Культуре, Папский Совет по Межрелигиозному Диалогу. Иисус Христос – Податель Воды Живой. Христианский взгляд на Нью Эйдж. – М., 2009. – 120 с.

4. *Лиственная Е.В.* Зеланд за 90 минут. – М., 2007. – 96 с.
5. *Халтурин Ю.* Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII-XIX веков // Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezoterizm-i-mirovozzrenie-russkogo-masonstva-xviii-xix-vekov-popytka-opredeleniya>. (Дата посещения: 25.02.2021).
6. *Faivre A.* Access to Western Esotericism. – Albany: SUNY Press, 1994. – X+348 p.
7. *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре / Пер. с англ. Е.В. Сорокиной; Под ред. Л.Б. Комисаровой, М.А. Добровольского. – М., 2002. – 224 с.
8. *Guenon R.* Il teosofismo. Storia di una pseudo-religione. – Torino, 1987. – Vol.I. – 440 p.
9. *Генон Р.* Кризис современного мира. – М., 2008. – 202 с.
10. *Безант А.* Эзотерическое христианство. – М., 1991. – 197 с.
11. *Laurant J.-P.* Lo sguardo esoterico. – Roma, 2007. – 203 p.
12. *Posacki A.* Neospirytyzm i pseudopsychologie. – Kraków, 2012. – 282 s.
13. *Стерледев Р.К.* Естественнаучное и эзотерическое видение мира в аспекте имманентного и трансцендентного // Научно-теоретический журнал «Религиоведение», 2006. – № 1. – С. 60-68.
14. *Walker B.* Encyclopedia of Esoteric Man: The Hidden Side of the Human Entity. – London, 1977. – 353 p.
15. *Гайдено П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М., 2001. – 469 с.
16. *Бонецкая Н.К.* Русская софиология и антропософия // Электронный ресурс: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=302>. (Дата посещения: 25.02.2021).
17. *Бердяев Н.* Философия свободы. – М., 2005. – 336 с.
18. *Кураев А.* Сатанизм для интеллигенции (О Рерихах и Православии в двух томах) / Христианство без оккультизма. – М., 2006. – Т 2. – 430 с.
19. *Посацкий А.* Психология и Нью Эйдж. – М., 2010. – 320 с.
20. *Кравченко В.* Владимир Соловьев и София. – М., 2006. – 381 с.
21. *Философский Словарь Владимира Соловьева* / Сост. Г. В. Беляев. – Ростов-на-Дону, 2000. – 463 с.
22. *Фесенкова Л. В.* Сциентизация эзотерики и псевдонаука // Социологические исследования, 2004. – № 2. – С. 92-98.
23. *Maldjiewa V.* Językowe szaty duchowości / Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. – Toruń, 2019. – 257 s.
24. *Jonas H.* Gnostycyzm a umysłowość klasyczna // Znak, 1991. – № 7. – С. 11-24.

25. *Клизовский А.* Основы миропонимания Новой Эпохи. – Минск, 2008. – 800 с.
26. *Блаватская Е.* Теософский Словарь. – М., 2003. – 636 с.
27. *Hanegraaff W. J.* 'The Study of Western Esotericism: New Approaches to Christian and Secular Culture' // New Approaches to the Study of Religion: Regional, Critical, and Historical Approaches / Eds. Peter Antes, Armin W. Geertz & Randi R. Warne. – Berlin / New York, 2004. – Vol. I. – P. 489-519.

ФИЛОСОФИЯ ГЛАГОЛА:
КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ОБЩЕЙ И ЧАСТНЫХ ГРАММАТИКАХ

А.И. Лазарев (Фонд им. А. Хованского)

Аннотация. Статья привлекает исследовательское внимание к теме *философия глагола* и освещает ряд её аспектов, в частности – вопрос о конкуренции между именем и глаголом в грамматике, а также о способности грамматической формы создавать дополнительные смыслы. В сопоставлении временных парадигм глаголов выявляются различия между общей и частными грамматиками, определяющие место отдельных языков в общей системе.

Ключевые слова: философия глагола, философия имени, частная и общая грамматика, *verbum generale* и *verbum temporale*, грамматическая полисемия.

PHILOSOPHY OF VERB:
TIME CATEGORY IN UNIVERSAL AND PARTICULAR GRAMMAR

A.I. Lazarev (Khovansky Foundation)

Abstract. The article draws attention to *the philosophy of verb*, highlighting a number of its aspects, particularly, the issue of priority between the noun and the verb in grammar, as well as the ability of the grammatical form to create additional meanings. Comparison of the temporal paradigms of verbs shows the differences between the general and particular grammars that determine the place of a particular language in the general system.

Keywords: philosophy of the verb, philosophy of the name, particular and general grammars, *verbum generale* and *verbum temporale*, grammatical polysemy.

В настоящие годы исполняются вековые юбилеи двум знаковым трудам с одинаковым названием «Философия имени», написанным выдающимися русскими философами С.Н. Булгаковым* и А.Ф. Лосевым** тогда, как с момента выхода первого номера «Филологических записок» минуло 60 лет. На фоне этих круглых дат обращение к теме *философия глагола* выглядит вполне символическим и представляется продолжением научной традиции. Оба эти труда возникли на волне имяславских дискуссий, захвативших воображение российских мыслителей того времени, и были посвящены *с л о в у*, в котором прежде всего распознавалось *имя*, тогда как *глагол* оставался на втором плане.

* С.Н. Булгаков писал свою работу в 1919-1923 гг., но опубликована она была только в 1953 году в Париже.

** А.Ф. Лосев завершил свой труд в 1923, а опубликовал в 1927 году в Москве.

Как известно имя и глагол являются основными самостоятельными частями речи, но если о *философии имени* написана уже не одна сотня страниц, *философия глагола* остается до настоящего времени нетронутым научно-понятийным пространством, что хоть и безмолвно, но красноречиво свидетельствует об актуальности темы, особенно в связи с вышеупомянутыми юбилеями.

К философии языкознания вообще обращались многие европейские лингвисты XIX века, чьи труды на протяжении десятилетий издавал А.А. Хованский в «Филологических записках». Уже в первых номерах были опубликованы переводы рассуждений Карла Беккера* о проявлении философии в слове и языке: «Язык есть проявляющаяся мысль, а слово – воплощенное в звуках понятие. Работа мысли и настоящая задача мыслящего духа состоит только в том, что дух при помощи чувств воспринимает в себя видимый мир и посредством органического усвоения переделывает реальный мир вещей в духовный мир мыслей и понятий. <...> Самая высшая противоположность, разнообразно повторяющаяся во всех соотношениях природы, есть противоположность действия (духа) и бытия (материи); в языке [она] проявляется, как противоположность понятия и звука; противоположность логической и фонетической стороны есть самая общая противоположность в организме языка; [диалектика] понятия и звука составляет в языке органическое единство» [2].

Примерно в том же духе рассуждает полвека спустя и С.Н. Булгаков: «Слово имеет не только звуковую форму, но и содержание, оно имеет значение, таит в себе смысл. И этот смысл вложен в звук, сращен с его формой, вот – тайна слова» [4]. С этих же общепринятых мыслей начинает свой *magnum opus* и А.Ф. Лосев: «Имя есть прежде всего звук, – но тут же замечает. – В дальнейшем мы увидим, что сущность имени ничего общего не имеет со звуком. <...> Ближе к [подлинной] сущности продвинемся мы тогда, когда проанализируем структуру значения имени». При этом философ предупреждает, что грамматическая сторона слова сюда не относится [10].

Как можно заключить из вышесказанного, начала *философии имени* общепризнанно определяются духовно-материальным противоречием звуковой формы и смысла слова (структуры значения) в рамках лексики, в то время как *философия глагола* в большей мере касается синтаксиса и грамматики в целом.

* До начала публикаций в «Филологических записках» переводов ведущих европейских лингвистов в России имелось только четыре перевода работ иностранных филологов: «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» В. фон Гумбольдта в переводе П.С. Билярского; статьи Х. Штейнтала, опубликованные П.С. Билярским в «Известиях» Академии наук; лекции М. Мюллера в «Библиотеке для чтения» и «Теория Дарвина в применении к науке о языке» А. Шлейхера [20].

Размышляя над проблемами философии в начале XX века, Бертран Рассел замечал, что основными понятиями великих философов античной школы были универсалии, выражаемые существительными, такими, как *идея, материя, диалектика, закон, единство, бытие*, «тогда как обозначаемые глаголами и предлогами обычно упускаются из виду»* [12]. Вообще выпадение из фокуса исследовательского внимания философского содержания грамматико-семантических форм представляется одним из общих упущений в размышлениях о языке в целом и об общей грамматике в частности. Философы, как правило, оставляют без внимания грамматические значения понятий, а ограничиваются лексикографическими, то есть *структурой значения* имён, оставляя грамматику не у дел. Между тем способность грамматических форм предикатов определять контекстуальные значения субъектов и выражать конкретные смыслы представляется едва ли не самым существенным вкладом грамматики (как искусства построения речи) в философское рассуждение.

Облекая слова в грамматическую форму, грамматика снабжает их дополнительными смыслами. Проявленные в формах слов и словосочетаний грамматико-семантические отношения отражают не конкретные предметы и явления, а общие признаки и классы, которые соотносятся с логической формой мышления, универсальной для человечества, хотя и выражаемой средствами разных языков и их грамматик. Иначе говоря, логика служит основой организации рационального мышления, тогда как грамматика является основой организации языка как средства его существования и самовыражения. Грамматика, однако, не сводится только к выражению логической формы мышления, а организует язык в целом, опосредуя выражение элементами языка не только рационального, но и эмоционального сознания [1]. Хотя речь и представляется проекцией мысли («Язык есть выражение мыслящего духа», «громко высказывающийся ум» [6]), человек, как правило, более избирателен в искусстве речи, чем в искусстве мышления, поскольку не каждую возникающую в уме идею выражает в речи, то есть форму речи обретает далеко не всё, что мыслится. Это значит, что искусство речи, а тем паче грамматическое, является более изысканным, следовательно – чем-то большим, чем искусство мышления [22].

Отмеченное противоречие духа и материи (смысла и звука) есть проявление философии в слове как в имени, тогда как философия глагола обнаруживается в отношениях смысла и времени, выражаемых грамматическими формами глагола. Имена не изменяются по временам, и выяснить отношение имени со

* Рассел Б.: «Даже среди философов широко признаются только те универсалии, которые обозначаются именами прилагательными и существительными, тогда как обозначаемые глаголами и предлогами обычно упускаются из виду. Этот пропуск имел очень большие последствия для философии; без преувеличения вся метафизика после Спинозы преимущественно определялась этим обстоятельством».

временем или вечностью помогают глаголы, содержание временных парадигм которых определяется логикой (социальной, философской или богословской). Характер спряжения субъекта со временем определяется именно грамматической формой глаголов. В свою очередь, наличие или отсутствие тех или иных форм служит критерием в различии грамматик – общей и частных.

В философском отношении различают грамматики: *общую* – имеющую логическую природу и относящую к сфере своих интересов выявление *общего* в человеческом мышлении, в силу чего служащую орудием познания [27], и *частную* – ориентированную на особенности отдельных языков и связанную с национальными традициями, влиянием окружающей среды, социальными условиями и т.п. Универсальные принципы грамматики присущи всем языкам, поэтому их истинность устойчива, истинность же частных принципов имеет силу среди принявших их, «но при этом не потерявших права от них отказаться, когда обиход предпочтет их модифицировать, или вовсе отменить» [3]. Таким образом, одна и та же форма в различных временных отрезках и контекстах актуализирует разные значения, а определение однозначного смысла зависит от дискурс-образующей позиции. «Общая» грамматика выявляет общее в языках, тогда как «частная» служит языком «контрастирующего» описания, выражающим частное на фоне общего и общее на фоне частного [14]. В сопоставлении общей и частных грамматик решается высшая, по мнению авторов «Филологических записок», философская задача языкознания – «характеристика и классификация языков по их внутреннему характеру, по их существенной особенности, из чего произошла бы система языков, в коей каждый язык имел бы определенное место, как своеобразная степень и форма осуществления словесной идеи» [6].

К числу философских проблем языкознания можно отнести и вопрос приоритета имени перед глаголом или наоборот. В переводах трудов ведущих европейских учёных Макса Мюллера, Георга Курциуса, Карла Гейзе, Карла Беккера и др., опубликованных в журнале А.А. Хованского, можно обнаружить различные взгляды на эту философскую проблему филологии. В «Системе языкознания» К. Гейзе рассуждал следующим образом: «Совершенно ложно было бы представлять себе предложение наружно составленным из отдельных слов, и, стало быть, думать, будто бы речь начинается простым нарицанием».* Слова имеют силу не только нарицательную, напротив, произнесенное слово, содержащее в себе главное представление, способно заменять целую речь: «В слове ребенка «essen!» заключается целое предложение: «ich will essen», только в ещё не развитой форме. Таков и корень

* С.Н. Булгаков также считал, что имя есть первоначально сказуемое, потому что «не может быть слов, которые бы по самой природе своей или изначальному смыслу, были именами существительными, в отличие от глаголов и прилагательных. Напротив, сказуемость предшествует номинативности» [4].

как самое первоначальное слово» [6]. О приоритете глагола пишет и К. Беккер в «Организме языка»: «Все коренные слова в языке есть глаголы, и все коренные слова суть понятия деятельности» [24]. В том же духе замечает и Георг Курциус: «Чтобы открыть основное представление в известном семействе слов, нужно заметить, что особенную важность имеет добывание его из глагола» [9]. С чем, впрочем, не соглашался В. фон Гумбольдт, утверждая обратное: «Коренные слова отнюдь не могут считаться глаголами, ни даже глагольными понятиями» [6].

Вопрос о приоритете между именем и глаголом, несомненно, относится к числу философских настолько, что его не без доли иронии можно назвать *основным философским вопросом филологии*. Замечательно проиллюстрировал этот философско-синтаксический конфликт Андреа Гварна в оригинальном учебнике «Грамматическая война» (1511), сюжетная линия которого замешена на соперничестве за приоритет между основными частями речи. В одной из драматических сцен, приведших царство Грамматики к потере суверенитета, Существительное настаивало на своей древности перед Глаголом, апеллируя при этом к Св. Писанию: «Бог создал все вещи, а среди них создал также и Глагол. А Бог есть Имя (Существительное), не Глагол». На что Глагол возразил ему следующее: «Но не единственный же ты у нас тут эксперт в словесности: я удержу власть, которая мне причитается, обосновав её тем, что говорится весьма ясно в этих самых писаниях. Прочитую начало главы из древнего текста, где сказано: "В начале было Слово (Verbum), и Слово было у Бога, и Слово [Verbum] было Бог". Навостри уши, чего морщишься? "И Глагол – говорит он, – был Богом, Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть". Так что это не Существительное создало всё, а Глагол, и Бог был Глаголом, а не Существительным, и Глаголом Бога укреплены небеса» [13].

Сюжетная интрига учебника А. Гварны основана на расхождении в переводах Евангельских текстов на разные языки. При сравнительном взгляде это различие особенно заметно: в латыни *verbum* – это *глагол*, а в немецком, русском и церковнославянском – это *имя существительное*:

In principio erat Verbum;

Искони бѣ Слово;

Im Anfang war das Wort;

В начале было Слово.

Возможность для двусмысленного перевода и толкования здесь обусловлена тем, что в латыни различаются *verbum generale* и *verbum temporale*, и первое понимается как *слово вообще*, а второе – как *глагол – слово высказанное* или *слово временное*. Вот в этой связки *слова со временем* в *verbum temporale* проявляется философия глагола и её грамматико-семантическое содержание. И именно тот факт, что глагол в отличие от существительного изменяется по временам (а время является общей категорией и для философии, и для богословия, и для грамматики), привлекает исследовательское внимание.

На связи глагола со временем основана способность грамматической формы создавать дополнительные значения, особенно у так называемые «широкозначных глаголов», определяемых исследователями как *фундаментальные* [15]. В первую очередь это касается глагола *быть (быти)*, многозначность которого проявляется и лексически, и грамматически [23].

В представленной выше таблице переводов Евангельских текстов обращает на себя внимание не только диалектическая полисемия *Verbum*, но и грамматическая форма церковнославянского глагола *быти* – *бѣ* способная, по мнению богословски ориентированных грамматистов, выражать «состояние вообще, без указания на предел длительности» [8], тогда как на русский и немецкий это переводится как простая форма прошедшего времени, обозначающая свершившийся факт.

Здесь необходимо заметить, что по поводу грамматико-семантического содержания формы имперфектного аориста у фундаментального глагола *быти* существуют разные мнения. Например, В.М. Живов и Б.А. Успенский в «богословской грамматике» не обозначали у формы имперфектного аориста *бѣ* начало, конец и длительность состояния, тогда как Л.И. Маршева на ряде примеров показывает, что в иных контекстах эта форма выражает «сущее действие, которое происходило в прошлом много раз, длительно, повторялось» [17]. При этом учёные единодушны в том, что значение этого бытийного действия нельзя интерпретировать чисто грамматически и что уяснить разницу между стандартным и имперфектным аористом помогает контекст, который зависит и от языкового регистра [16], и от экстралингвистической маркированности и мотивированности (литургической, общеисторической и т.п.). По мнению американского исследователя грамматики и переводчика Нового Завета Арчибалда Робертсона, решающим фактором в определении точного значения любого аориста является контекст [27]. (Вероятно, поэтому во многих славянских языках он оказался избыточным. – *Прим. ред.*)

Вопрос о точном соответствии грамматической формы однозначному богословскому содержанию уже не один век остается в дискуссионном поле и обусловлен рядом факторов, в частности диахронической полисемией – изменением содержания понятия в различные исторические периоды [21]. В отечественной традиции разногласия в понимании грамматических форм вылились в дискуссию, известную в научной литературе как «Языковая полемика XVI-XVII веков». О предпосылках самого существования этих форм «хорошо известно, что они обязаны своим возникновением не столько филологическому любопытству или стремлению к национальной идентичности, сколько мотивированным языковой проблематикой спорам о правой вере» [18].

Богословская логика требовала специальной грамматической формы для спряжения деяний *Вечносущего* со временем. Согласно этой логике в литургическом языке должна быть грамматическая форма, передающая значение безначальности и бесконечности, присущей Богу, а не твари: «Одни формы глагола соотносятся со всегдашним временем, а другие – с временем преходящим, одни формы этого глагола могут расцениваться как относящиеся к Богу, в противопоставлении другим, приличествующим только тварному, и т.п.»*

Согласно характеру традиционной образованности, сложившейся под влиянием греческой грамматической традиции, средневековые восточнославянские (учёные) грамматисты дифференцировали формы ***бѣаше***, ***бысть*** и ***быль еси*** семантически: первой форме приписывается состояние без начала и конца, второй – инхотативное значение, а третьей – значение завершившегося в прошлом состояния [16]. Если форма ***быль еси*** касалась завершившегося во времени процесса, актором которого мог быть любой субъект, то ***бѣаше*** и ***бѣ*** способны выражать *метафизический модус* бытия *Субъекта вечно (безначального и бесконечного или вневременного* [25]).

Такое требование к грамматике выдвигает богословский контекст и таким образом промышляется построение временной парадигмы. Разумеется, грамматика языка, оперирующего специфическими богословскими (метафизическими) понятиями, нуждается в исчерпывающе выразительных формах, способных сообщать дополнительные смыслы, не прибегая к перифразу. Так богословская логика обеспечивает литургическую грамматику средствами, необходимыми для выражения *сакральных смыслов*. Применение грамматической формы для описания вечно сущих деяний (само подразумевание подобного содержания формы в грамматическом арсенале) служит маркером текста и его функционально-семантического поля и создает контекст, уточняющий значения многозначных слов.

Подобное понимание связи между теологией и грамматикой характерно и для латинской традиции. Например, в комментариях к грамматике Пор-Рояля аббат Фроман отмечал, что в теологической части грамматики подразумевается

наличие различных форм для описания Божественного бытия и бытия тварей Божиих [3]. Комментатор пытался восстановить утерянную в XVIII веке связь грамматических и богословских категорий, лежавшую в основе «Граматики Пор-Рояля», за которой стояла «Теология» – сочинение более древнее и имеющее для церковного канона преимущественное значение [19].

В таком же контексте, видимо, следует понимать и слова Людвиг Витгенштейна, который, цитируя Мартина Лютера, писал: «Теология – это грамматика слова ‘Бог’». В этом отношении интересно замечание Д. Мануссакиса о всего двух упоминаниях теологии автором «Логико-философского трактата», предпочитавшего молчать о том, о чём невозможно высказаться: «Сами по себе слова не дают знать, как понимать слова (Теология)» и «О том, какого рода **объектом** является нечто, дает знать грамматика (Теология как грамматика)». Имеется в виду, что грамматика охватывает высшие, «богооткровенные» законы мышления, которые предписаны языку в виде аксиоматических правил и обычно не подлежат осознанию и обсуждению. При этом в последней фразе автор указывает на небольшое, но очень красноречивое различие: «О том, какого **рода** объектом является нечто, дает знать грамматика». <...> Невнимание к такому пониманию грамматики может выражаться в путанице относительно объекта богословия, когда Бога принимают за объект теологической спекуляции, упуская категориальное различие» [11].

Наличие глагольных форм, «приличествующих Творцу, но не твари», создает частную богословскую грамматику литургического языка (его регистра [16]), формирует «внутренний характер», способствующий «осуществлению словесной идеи», и определяет его место в общей системе языков. Именно способность глагола к сопряжению с вечностью, выражаемая грамматической формой, может служить ключевым критерием в различии между содержанием частной богословской грамматики и частными грамматиками национальных языков. Но поскольку общая философская грамматика ориентирована на выявление общего (универсального), специфические частные элементы выходят за границы её компетенции и достаются теологии. Таким образом общая философская грамматика оказывается беднее в выразительных средствах, чем частная богословская. А это значит, что и *язык философии* беднее *языка теологии*, по крайней мере, в грамматико-семантическом отношении.

Если же рассматривать временную парадигму глагола в теоретическом плане, представляется, что философская грамматика должна располагать средствами, наиболее подходящими для живописания и бытия вечно, и всегдашнего, и временного. Но поскольку частные грамматики национальных языков этими формами не располагают и в них не нуждаются, включение подобных категорий в общую философскую грамматику превращало бы её из общей в частную, богословскую.

* Живов В.М., Успенский Б.А.: «Можно предположить, что от Иоанна Экзарха идет по крайней мере связь оппозиции временных форм с противопоставлением Бога и твари: к Богу относятся формы имперфекта, к твари – формы аориста. У Иоанна Экзарха оппозиция временных форм интерпретируется как противопоставление «всегдашнего» времени и времени собственно прошедшего, аористного. У Зиновия же оппозиция, как кажется, строится другим образом: к Богу относится не только имперфект, но и имперфектный аорист, обе эти формы противопоставляются перфектному аористу, и это противопоставление интерпретируется как различие между обозначенным и необозначенным началом процесса: аористу приписывается инхотативное значение, и именно поэтому он оказывается неприложим к не имеющему начала божественному бытию. Таким образом оппозиция подвергается переосмыслению <...> Там, где русские книжники говорят о тех же формах, они приписывают им другие значения, а там, где они обсуждают те же значения, они соотносят их с разными формами» [Живов В.М., Успенский Б.А. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. – М., 1986. – V.10. – № 3. – С. 372].

И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: казалось бы, философская грамматика должна быть общей – т.е. всеобъемлющей, но в таком случае она перестает быть общей – т.е. универсальной. Следуя мысли Платона, разделявшего *бытие* и *становление* [26], предполагается, что философская грамматика должна иметь специальные формы для описания: *сущего вечно* (нерожденного и несозданного); *сущего всегда* (сотворенного, но не подверженного гибели) и *временного* (возникающего, существующего и погибающего). Но такую грамматику невозможно признать общей, то есть выражающей универсальные модели мышления, и следует считать не наукой (science), а искусством (art); именно – произведением эллинского нематериального искусства, недоступного варварам в силу своей уникальности, а не универсальности... Затем уже возникает требующий специального прояснения вопрос об уникальности или универсальности (греческого) философского языка, однако вопрос это выходит далеко за рамки настоящей статьи, как и другой вопрос – не только о *философии*, но и о *теологии глагола*.

Итак, частная богословская грамматика по своей исконной сущности обязана обладать оперативным инструментарием для более искусного и изящного выражения невыразимого, коего лишены частные грамматики национальных языков. Потенциальная способность к сопряжению вечности со временем служит маркером богословской грамматики литургического языка и помогает определить место языка в общей системе языков. Элементы церковной грамматики явно указывают и дают понять, что речь идет о боговдохновенном тексте, в котором акторами выступают (метафизические) субъекты, обладающие особыми свойствами в отношении времени.*

Содержание понятия *философия глагола* состоит в способности грамматической формы выражать связь субъекта со *временем*, тогда как в сопряжении глагола с *вечностью* проявляется уже *теология глагола*. Потребность философской грамматики в подобных формах остается в сфере дискуссионной. Должна ли *метафизическая часть* богословской грамматики стать частью грамматики общей философской – это вопрос, на который ещё только предстоит ответить в критических комментариях к изложенным в этой статье размышлениям.

Ответ на *основной философский вопрос филологии* о преимуществе имени перед глаголом имеет релятивистский характер: если в лексике приоритет имени выглядит более обоснованным, то в грамматике предпочтительнее позиции у глагола.

* Лучшим образом, по мнению ещё одного именитого автора «Филологических записок», ак. Н.И. Кареева, *вечное* можно определять в контексте понятия *супранатуральное*, т.е. как абсолютно бестелесное, а потому и неподверженное тлению, в отличие от всего телесного и временного, т.е. тленного.

Описание *философии глагола* могло бы составить достойную тему для удовлетворения философской и филологической любознательности при подробном монографическом изучении и послужить основанием для целого *грамматико-философского трактата* (особенно в связи с ещё одним юбилеем – столетием «Логико-философского трактата», 1921), тогда как в этой статье *философия глагола* рассматривается лишь в самых общих чертах – в связи с вопросом о приоритете имени перед глаголом в грамматическом поле, а также – в связи со способностью грамматических форм глаголов создавать дополнительные частные смыслы.

Литература

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2000. – 160 с.
2. Беккер К. Организм языка / Пер. с нем. М.Х. Григорьевский // Филологические записки, 1860. – Вып. 1-3.
3. Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века : Структура знания о языке / Отв. ред. Ю. С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1987. – 151 с.
4. Булгаков С.Н. Философия имени. – Париж, 1953. – 280 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования, 371, 373 // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 200.
6. Гейзе К. Система языковедения. Ч. 2 : Учение о звуках / Пер. с нем. И.М. Желтов // Филологические записки, 1870. – Вып. 4. – С. 1-38.
7. Живов В.М., Успенский Б.А. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. – М., 1986. – V.10. – № 3. – С. 372.
8. Иеромонах Алий (Гаманович) Грамматика церковнославянского языка. – М., 1991. – С. 207.
9. Курциус Г. Состояние и задачи греческой этимологии / Пер. с нем. М.Х. Григорьевский // Филологические записки, 1868. – В.3. – С. 1-80.
10. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 2009. – 300 с.
11. Мануссакис Д.П. Фигуры молчания: к богословской эстетике языка / Бог после метафизики. Богословская эстетика. – Киев, 2014. – С. 189-212.
12. Рассел Б. Проблемы философии. – Новосибирск, 2001. – 109 с.
13. Хаутала С. Андреа Гварна: «грамматические войны» в начале XVI века // Науки о языке и тексте в Европе XIV-XVI веков. – М., 2016. – С. 124.
14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985. – 336 с.
15. Друзина Н.В. Фундаментальные глаголы *бытия* и *обладания*. Функциональный и когнитивный аспекты / Дис. доктора филол. наук. – Саратов, 2006. – 360 с.

16. *Живов В.М.* Церковнославянский как учёный язык // История языка русской письменности. – М., 2017. – Том II. – С. 874-887.
17. *Маршева Л.И.* Церковнославянский язык и прошлое бытие / Православие.ру // Электронный ресурс: <https://pravoslavie.ru/5872.html>. (Дата посещения: 04.07.2021).
18. *Кайперт Х.* Грамматика и теология: по поводу языка-объекта славянского «Трактата о восьми частях слова» // Русский язык в научном освещении. – М., 2008. – С. 79-98.
19. *Арно А., Лансло Кл.* Пор-Рояль. Грамматика общая и рациональная / Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также – многочисленные новые замечания о французском языке, написанная Антуаном Арно и Клодом Лансло : В прил. заметок Ш. Дюкло // Пер. с фр., коммент. и послесл. Н.Ю. Бокадоровой ; Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М., 1990. – 272 с.
20. *Попова З.Д.* Публикации по общему языкознанию на страницах «Филологических записок» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1963. – С. 171-176.
21. *Стернина М.А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: Опыт разработки интегральной теории полисемии // Дис. доктора филол. наук. – Воронеж, 1999. – 253 с.
22. *Махаришии М.* Искусство речи / Искусство бытия и искусство жизни. – М., 2009. – С. 79-82.
23. *Апресян Ю.Д.* Многозначность глагола *быть* / Лексико-семантическая парадигматика // Исследования по семантике и лексикографии. – М., 2009 – Т. I. – С. 441-461.
24. *Стеколыщикова И.В.* Философско-лингвистические взгляды Карла Беккера в свете натуралистической концепции языкознания XIX века // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. – № 28 (282). Филология. Искусствоведение. – Вып. 70. – С. 136-142.
25. *Крейг У.Л.* Божественная вечность // Оксфордское руководство по философской теологии. – М., 2013. – С. 227-259.
26. *Платон.* Тимей // Собр. соч. в 4-х томах. – М., 1994. – Т. 3. – С. 421-500.
27. *Robertson A.* Grammar of the Greek New Testament in the Light of Historical Research. – Louisville, 1914. – 848 p.

Раздел IV. СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

МЕЖСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК – СТРАТЕГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА

Б.А. Щеголев, В. Мерунка (Чешский университет естественных наук)

Аннотация: Проект межславянского языка представляет собой искусственно созданный зональный язык, предназначенный для облегчения общения между славянскими, а также между славянскими и неславянскими народами. В статье описан сам проект и его избранные результаты, имеющие культурный потенциал, чтобы стать вспомогательным языком Центральной и Восточной Европы. Межславянский язык объединяет большое сообщество пользователей в различных социальных сетях, находится в проектах цифрового века, международных профессиональных журналах, статистическом анализе, а также, к примеру, в номинированном на Оскар фильме «Раскрашенная птица».

Ключевые слова: межславянский язык; зональный язык; общение в эпоху цифровых технологий; сетевые культуры.

INTERSLAVIC LANGUAGE – STRATEGY AND THE PROJECT DEVELOPMENT

B.A. Shchegolev, V. Merunka (Czech University of Life Sciences Prague)

Abstract: Interslavic language is an artificially created zonal language designed to facilitate communication between the Slavic and also between Slavic and non-Slavic nations. This article describes the project itself, its further development, and selected outputs having the cultural potential to be a lingua-franca of the Central and Eastern Europe. A language that is supported by a large community of users and fans on various social networks, other software projects on the Internet, international professional journals, international statistical survey and film «Painted Bird».

Keywords: Interslavic language; zonal language; communication in the digital age; networking cultures.

Введение

Межславянский зональный искусственный язык является вспомогательным языком, очень похожим на разговорные славянские языки в Центральной и Восточной Европе. Сам проект начался всего десять лет назад, но продолжает очень давнюю традицию подобных попыток создания вспомогательных языков, которые сопровождали славянскую культуру на протяжении многих веков [1].

До появления персональных компьютеров и цифровых коммуникаций, подобный проект казался утопичным и лишенным реального интереса.

Хотя первый проект межславянского языка в IX-ом веке (церковнославянский от святых Кирилла и Мефодия) был очень успешным, дальнейшие попытки модернизировать этот язык не удалось настолько, чтобы удержаться в середине лингвистического континуума развивающихся национальных языков [2].

Ситуация изменилась с преобразованием общества в начале 21-ого века. Сегодня люди путешествуют по работе и отдыху гораздо чаще, чем когда-либо прежде. Конечно, они знакомятся друг с другом. Однако они очень ограничены, если не понимают местный язык [1]. Очень грустно наблюдать, например, за туристами из разных славянских стран в Хорватии или Болгарии, где большая туристическая индустрия и представление местной культуры подчиняются исключительно английскому языку, что является большим препятствием для обеих сторон. И это даже если вы выучите и очень хорошо владеете английским языком на протяжении многих лет. В естественных или технических науках английский (или любой другой национальный язык) может служить хорошо, но местная культура умирает под давлением английского языка [3]. Никакой отдельно взятый национальный славянский язык эту проблему не может решить. Конечно, славянские языки очень близкие друг другу, но это достаточно только для самого элементарного общения. Иначе мы должны учить русский, польский, чешский, сербохорватский, ... [4]. Все наши национальные языки богаты, но именно поэтому их нужно изучать долго для того, чтобы овладеть ими на профессиональном уровне. Поэтому, особенно для молодежи, лучше перейти на более простые темы и говорить по-английски, где ошибки легче скрывать и терпеть.

Что такое зональный язык

Зональные языки – это искусственные языки, созданные для облегчения общения между носителями определенной группы близких языков. Они принадлежат к международным вспомогательным языкам, но в отличие от языков, как эсперанто или волапук, они не предназначены для обслуживания всего мира. Они предназначены только для ограниченной лингвистической или географической области, где они пользуются тем фактом, что люди этой области понимают эти языки без необходимости их длительно изучать. Зональный дизайн можно найти в старославянском и ещё некоторых современных языках, напр. иврите, индонезийском и суахили.

Что такое межславянский (интерславик)

Это вспомогательный язык, на котором могут общаться славяне разных народов. Он описан на двух эквивалентных алфавитах – латинице и кириллице как напр. сербский. Не всем людям нужно изучать межславянский, а только тем, которые активно работают в сфере туризма, бизнеса, культуры или

государственного управления. Однако все миллионы славяноговорящих людей в мире могут извлечь выгоду из понимания письменного и устного межславянского языка без необходимости длительного обучения [1] [2].

По сути, он является современным продолжением и модернизацией старославянского языка. Он также основан на импровизированных языковых формах, которые славяне различных национальностей уже использовали для общения, к примеру, в многоязычной среде Интернета. Таким образом, и грамматика, и лексика основаны на общности всех славянских языков именно для того, чтобы создать инструмент, который славянские люди могут понимать без какого-либо или же с минимальным предварительным обучением. Меджиславик легко изучается для тех славян, кто хочет активно использовать этот язык. Также, впоследствии он придает возможность пассивного (рецептивного) понимания других славянских языков [1] [2].

Межславянское сообщество

Межславянский имеет активное интернет-сообщество. Есть группы в Facebook, ВКонтакте, Discord и Telegram. Лучшая обучающая группа в Discord, а самой крупной является одна из групп в Facebook. Также растут межславянские Wiki и YouTube. Конечно, не каждый человек, который присоединился или зарегистрировался на языковых курсах, автоматически становится носителем языка. Но, с другой стороны, и не каждый говорящий на этом языке автоматически записывается членом какого-либо интернет-сообщества. Кроме того, тот же метод традиционно используется для расчетов количества говорящих на эсперанто, хотя далеко не все участники на самом деле могут хорошо говорить на этом языке. Принимая во внимание пересечение между различными группами, межславянское онлайн-сообщество делает межславянский сконструированным языком с самым большим онлайн-сообществом после эсперанто, насчитывающим около 25 тысяч человек [5].

Межславянская общественная деятельность

Есть несколько новостных онлайн-порталов, рецензируемый экспертный журнал SLOVJANI.info [6], посвященных проблемам славянских народов в более широком социокультурном контексте нашего времени с коллекцией текстов и материалов на межславянском; зарегистрирован в международной библиотеке CEEOL во Франкфурте-на-Майне. Язык используется в еще одном научном журнале – Ethnoentomology. Словарь тоже есть [7]. В июне 2017 года в чешском городе Старе-Место, недалеко от славянских памятников Великой Моравии 9-ого века, прошла международная конференция на тему межславянского. Презентации проводились или на межславянском языке, или переводились на межславянский. Вторая конференция состоялась в 2018 году.

В том же году господин Вит Едличка, президент микространства Liberland, выразил намерение провести межславянский конгресс. Третья конференция была запланирована на 2020 год, но была отложена из-за пандемии COVID-19.

Чешско-словацко-украинская «Раскрашенная птица» (2019) с многими международными оценками стал первым фильмом на межславянском. Готовятся и другие, например, проект факультета кино и режиссуры Белградского университета.

Статистический анализ межславянского языка

С ноября 2015 года по июнь 2018 года во всех славянских странах проводился международный опрос пассивной разборчивости межславянского языка. Информация об этом опросе распространялась посредством рекламы в социальных сетях Facebook и ВКонтакте. Целевая группа была сформирована из всего славянского населения в возрасте от 16 до 80 лет, которые идентифицировали себя как владеющие каким-либо славянским языком, и в то же время ещё не принадлежали к нашей межславянской языковой группе. Наша статистическая гипотеза заключалась в том, будет ли славянское население пассивно понимать тот новый язык на уровне, соответствующем уровню немного продвинутого носителя. Конкретно это означает способность понимать письменный текст и распознавать по крайней мере пять из семи пропущенных слов в тексте на профессиональную тему. Этот «тест на закрытие» был вдохновлен группой MICReLa из университета Groningen, Университета Erlangen, университета в Odense, Университета Kopenhagen, Университета в Любляне и Университета Константина Философа в Нитре, которые разработали аналогичную языковую онлайн-игру, чтобы исследовать пассивную разборчивость профессиональных текстов на различных национальных языках Евросоюза по сравнению с английским [8].

До июня 2018 года мы получили 1822 действительных ответа. Число респондентов-женщин было меньше респондентов-мужчин в соотношении 5:1, но половые различия в результатах были минимальными и намного ниже значения статистической ошибки. Наши респонденты из славянских народов отвечали с разной готовностью и частотой, например, респондентов из Словении было больше, чем из России. По этой причине мы математически пересчитали наши результаты в соответствии с размером реального населения в определенных славянских странах, чтобы получить статистически правильное представление обо всем славянском населении. Мы также получили 56 ответов от людей, чей родной язык не славянский и знают они какой-то славянский только из-за своего окружения (школа, друзья, ...). [2]

Наша гипотеза подтвердилась с достаточной степенью вероятности (0.816). Средние значения всех респондентов находились в интервале от 79% до 93%.

Только 18% респондентов ответили ниже ожидаемой гипотезы. Наша гипотеза оказалась верной тоже для неславянских респондентов, которые лишь позже выучили какой-то славянский язык. Общий результат пассивной понятности был 84%. Также, другие результаты были довольно интересны:

- Нет значительной зависимости понимания от пола и возраста.
- Все славянские народы в своей субъективной самооценке выразили чуть худшие результаты, чем их реальное понимание. На наш взгляд, это связано с нашими национальными менталитетами.
- Слабая зависимость понимания от образования. У славян, получивших высшее образование, средний уровень разборчивости составлял 88%. У славян без университетского опыта всего 73% (только среднее образование) и 72% (только начальное образование).
- Дополнительные вопросы также показали, что представители малых наций понимают похожие языки своих соседей лучше, чем представители более крупных наций. Наибольшая асимметрия была между белорусским, украинским и русским языками. Украинцы и белорусы понимают русский язык на очень хорошем уровне, а россияне понимают украинский и белорусский языки на уровне только 46% и 39%.
- Все люди были удивлены, сколько информации они смогли понять по-межславянски. Но особенно молодые люди по-прежнему предпочитали английский, хотя их английский был очень слабым и они могли бы понимать гораздо больше, используя межславянский язык.

В заключение можно сказать, что пассивное понимание межславянского без какого-либо предварительного обучения отвечает условиям, которые примерно соответствуют требованиям местного языка для иммигрантов чтобы получить гражданство в большинстве европейских стран. Кроме того, мы осмеливаемся заявить, что межславянские надписи на продуктах, в общественном транспорте, в офисах (например, ратуши, органы местного самоуправления, автобусные и железнодорожные вокзалы, аэропорты и т. д.) могли бы для многих восприниматься легче, чем нынешние надписи на английском.

Туризм и глобализация

Одно из лиц глобализации – огромный рост массового туризма. Славянские страны не являются исключением. Они не только стали популярными туристическими направлениями, но и сами люди из этих регионов открыли для себя удовольствие путешествовать. Но как преодолеть языковой барьер? Стандартное решение – английский – не работает, потому что большинство людей в славянских странах очень плохо и слабо говорят на нем. Конечно, славяне могут просто общаться, используя свои родные языки, но этот метод имеет

ограниченные возможности и в целом неплохо работает только для соседних языков. Поэтому путешественники зачастую вынуждены воздерживаться от общения, оставляя неиспользованными многие возможности [9].

Следовательно, интерславик может принести большую пользу. Гостиницы, рестораны, музеи, церкви, пляжи и другие достопримечательности могут быстро охватить большую славянскую аудиторию, предлагая брошюры, меню, вывески и веб-сайты, написанные на межславянском. Это, кстати, освобождает операторов, гидов и менеджеров от невыполнимой задачи иметь материалы переведенные на множество языков. Кроме того, активное знание межславянского языка позволило бы экскурсоводам обслуживать многонациональную славянскую аудиторию.

Заключение

Мы очень позитивно видим будущее межславянского проекта. В октябре 2020 г. межславянский уже был включен в международную базу данных Glottolog всех признанных языков мира под кодом intel263. А также, комитет ISO пообещал нам пройти регистрацию в стандарте ISO. Это открывает широкие возможности локализации программного обеспечения от мировых поставщиков и включение в переводчик Google, где новый алгоритм искусственного интеллекта уже сейчас начинает давать удовлетворительные результаты при переводе с межславянского [10]. Несколько дней изучения межславянского помогают выучить любой славянский язык (например, когда русский изучает чешский или наоборот) и значительно ускоряют их понимание.

Межславянский проект не проект возвращения в мифологическое славянское прошлое, а в будущее, чтобы способствовать лучшему познанию и пониманию славянских народов и удерживать славянские народы на первой линии человеческого восхождения. Мы не хотим заменять какой-либо из сегодняшних национальных языков, а вместо этого предоставляем инструмент для повышения интереса к нашим национальным языкам.

Литература

1. *Merunka V., van Steenbergen J., Merunková I.* The Interslavic language: An Opportunity for Promotion of Intangible Heritage, Sharing Cultures – 6th International Conference on Intangible Heritage, 2019. – pp. 81-88.
2. *Merunka V., van Steenbergen J., Merunková I., Yordanova L., Kocór M.* The Interslavic Language as a tool for supporting e-Democracy in Central and Eastern Europe, in the International Journal of Electronic Governance, 2019. – Vol. 11, Nos. 3/4. – pp. 260-288.

3. *Wierzbicka A.* Imprisoned in English: The hazards of English as a default language, Amazon, 2013. – 304 p.
4. *Donskis, L.* “The Failed Lingua Franca of Eastern Europe?” // *New Eastern Europe*, 2014. – No. 2(VI). – pp. 63-72.
5. Portal concerning the Interslavic language, <http://interslavic-language.org/>
6. SLOVJANI.info, p-ISSN 2570-7108, e-ISSN 2570-7116, <http://slovjani.info/>
7. Interslavic language dictionary, and grammar, <http://interslavic-dictionary.com/>
8. MICReLa Research Group (2016) Mutual Intelligibility of Closely Related Languages, the Language Game, <http://www.let.rug.nl/gooskens/project/>
9. *van Steenbergen J. and Merunka V.* The Interslavic Language: An Opportunity for the Tourist Branch, in *Proceeding Book of the International Symposium on Advancements in Tourism, Recreation and Sport Sciences*, Podgorica, 2018. – pp. 164-175.
10. *Molhanec, M., Merunka, V. and Heršak, E.* Ontology-based translation of the fusion free word order languages – Interslavic example, *Springer Lecture Notes in Business Information Processing*, 2016. – pp.139-153.

ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ С ЗАВИСИМЫМ
ОБЪЕКТНЫМ ИНФИНИТИВОМ: СРАВНЕНИЕ НА ОСНОВЕ ГРАММАТИК
И НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ

С.Р. Микулаш (Карлов университет)

Аннотация. Статья посвящена конкуренции объектного инфинитива, придаточного предложения и отглагольного существительного (оканчивающегося на -ní, -tí или на -ние, -нье), зависящих от глагола чувственного восприятия. Автор сравнивает частотность и взаимозаменяемость конструкций в обоих языках и старается дать исчерпывающие объяснения сложившейся ситуации. Так же в статье осуществляется проверка возможных несоответствий между русскими, чешскими грамматиками и национальными корпусами (НКРЯ и ČNK).

Ключевые слова: глагол чувственного восприятия, объектный инфинитив, придаточное предложение, отглагольное существительное, сравнение, эквивалент, Национальный корпус русского языка, Чешский национальный корпус, русский язык, чешский язык.

VERBS OF PERCEPTION WITH DEPENDENT OBJECT INFINITIVE:
COMPARISON BASED ON GRAMMAR BOOKS AND THE RUSSIAN AND
THE CZECH NATIONAL CORPUS

S. R. Mikulash (Charles University)

Abstract. The article is devoted to the competition between the object infinitive, the dependent clause and the verbal noun (ending in -ní, -tí or in -ние, -нье), depending on the verb of perception. The author compares frequency and interchangeability of the constructions in both languages and tries to give an exhaustive explanation of the current situation. The article also checks for possible discrepancy between Russian and Czech grammars and national corpuses (НКРЯ and ČNK).

Keywords: verb of perception, object infinitive, dependent clause, verbal noun, comparison, equivalent, Russian National Corpus, Czech National Corpus, Russian language, Czech language.

1. Введение

В данном анализе наше внимание сосредоточено на глаголах чувственного восприятия (далее ГЧВ), а также на нескольких маргинальных глаголах, которые невозможно назвать ГЧВ, но при этом в чешском языке они

используются с объектным инфинитивом (далее ОИ). Обе эти группы глаголов могут быть распространены ОИ, придаточным предложением (далее ПП) разных типов и отглагольным существительным (далее ОС), оканчивающимся на -ní, -tí в чешском языке и на -ние, -нье в русском языке.

Мы воспользовались примерами ГЧВ, приведёнными в монографии Я. Порака *Vývoj infinitivních vět v češtině* и в грамматике Я. Паневовай *Mluvnice současně češtiny*. К чешским примерам ГЧВ мы подбирали русские эквиваленты с помощью чешского параллельного корпуса InterCorp и «Большого чешско-русского словаря», оцифрованного Славянским институтом. Мы старались не включать в наш анализ глаголы с приставками, чтобы ограничить количество эквивалентов, хотя в некоторых случаях мы были вынуждены это сделать.

Нас интересует частотность конструкций с ОИ или без него как в рамках одного языка – чешского или русского – так и в рамках сравнения двух языков между собой. Так же мы обращаем внимание на соответствия или несоответствия заявлений грамматик и материалов корпусов.

2. Условия поиска конструкций

2.1 В наш анализ попали такие глаголы с ОИ, которые бы обязательно имели выраженный партициптант*, стоявший как перед, так и после основного глагола, а в предложениях ПП всегда бы содержалось подлежащее. Исключение составили некоторые примеры с ОС из-за невозможности конструкции с подлежащим или партиципантом.

2.2 Абсолютные цифры, приведённые в таблицах (см. Приложение), были получены при следующих условиях, заданных в ČNK для чешских конструкций с ОИ, ПП и ОС:

```
[lemma="vidět"][tag="Vf.*"][tag="[NP]...4.*"];
[lemma="slyšet"&word!="slyšet"][tag="Z.*"][word="jak"]{0,2}
[tag="V.....[RPF].*"& lemma!="být"];
[lemma="vidět"&word!="vidět"][tag="N.[IN].4.*"].
```

2.3 Условия для русских придаточных предложений были следующими: расстояние ГЧВ и подчинительным союзом составило 1-1, между подчинительным союзом и глаголом в придаточной части – 1-3. Расстояние в конструкции с ОС составило 1-1.

3. Анализ

3.1 Вначале проанализируем наиболее употребительные ГЧВ *vidět, slyšet* – *видеть слышать*, а затем оставшиеся примеры (см. Приложение, табл. 1).

В чешском языке с данными глаголами наиболее употребительными оказываются ПП с союзом *jak* (2). За ними следуют конструкции с ОИ (1), затем

* В чешской грамматике *Mluvnice češtiny* III используется термин *subjektový participant*.

ПП с союзом *že* (3) и ОС (4, 4a). Хотя примеров с ОС достаточно много, в русском языке мы обнаруживаем большее количество примеров с ним (5, 5a). Оно единственное составляет конкуренцию на уровне ПП с союзами *как* (2) и *что* (3). Наш результат полностью соответствует тем заключениям, к которым пришла Я. Коцкова в своей диссертации: «Naopak velmi zajímavým je využití DS na -nie v ruštině, která byla velmi frekventovaná jak pro ekvivalenty českých (17,5 %), tak i německých (16 %) infinitivů. Četnost využití ruských DS na -nie překročila výrazně i četnost využití českých VS. <...> Rozdíl mezi poklesem verbálních možností DS na -nie a jejich vysokým zastoupení mezi ekvivalenty neurčitých tvarů slovesných může ukazovat na heterogenost této třídy substantiv» [5: 152]. Отсутствие в русском языке конструкции с ОИ компенсируется частотностью ОС и ПП, которые по численности превышают первые.

Мы обнаружили несоответствие с Příruční mluvnice ruštiny II касательно конструкции с союзом *чтобы*. В грамматике подчёркивается, что после отрицательного ГЧВ может следовать ПП с союзом *чтобы* (4). О примерах с положительным глаголом и союзом *чтобы* не даётся никакого замечания (4a), из чего мы сделали вывод, что авторы грамматики не знали о их существовании. Пример был приведён только один на отрицание: *Я никогда не видел, чтобы он курил* [2: 179]. Проверка в НКРЯ показала, что предложения с положительным глаголом встречаются, но реже: из 55 примеров с глаголом *видеть* 12 с положительным глаголом и из 70 примеров с глаголом *слышать* 9 с положительным глаголом.

Из интереса мы посмотрели, как ведёт себя та же конструкция с союзом *aby* в чешском языке. В ČNK нам встретились примеры с положительным (4a) и отрицательным глаголом (4) практически поровну. Хотя нужно отметить, что конструкция с *aby* имеет всего 19 примеров с глаголом *vidět*, с глаголом *slyšet* примеры и вовсе отсутствуют. Из чего мы делаем вывод, что данная конструкция характерна для русского языка, так как обнаруженных примеров больше и встречается с обоими глаголами в положительном и отрицательном варианте. Для чешского языка эта конструкция не такая распространённая, что объясняется меньшим количеством примеров, а также тем, что существует только с глаголом *vidět*.

Примеры из ČNK:

- (1) *Vidím ho číst.*
- (1a) *Za chvíli jsme je slyšeli dupat nad náma.*
- (2) *Měl dojem, že slyšel, jak lebka praskla.*
- (3) *Gasпода se převalil a viděl, že farmář rozmlouvá s dalším mužem na voze.*
- (4) *Říká, že ještě neviděl, aby se někdo uměl takhle pustit do práce.*
- (4a) *Netoužila jsem po tom, aby mě někdo viděl, abych s někým mluvila.*

(5) *Jako pozitivní teď vidíte stěhování do nového bytu.*

(5a) *Bill Smoke slyší cvaknutí zámku.*

Примеры из НКРЯ:

(2) *Недавно ехала в парижском метро и видела, как девушка подпиливает себе ногти.*

(3) *Уходя, мне кажется, я слышал, что она плакала.*

(4) *Никогда не видела, чтобы руки грели чуть ли не крутым кипятком.*

(4a) *А где ты слышал, чтобы рыбы громко разговаривали?*

(5) *Мы видели мерцанье золотых огней прииска, тёмную громаду леса влево и сливавшиеся с небом далёкие вершины сопок.*

(5a) *Слышали пение неизвестных птиц, причем одна из них сидела на мачте.*

3.2 Следующими наиболее распространёнными глаголами являются глаголы *spatřit, zahlédnout, uzřít, zaslechnout*. Их русскими эквивалентами являются глаголы *заметить, подсмотреть, подслушать* (см. Приложение, табл. 2).

В чешском языке, как и в предыдущей группе глаголов, наиболее употребительными оказываются конструкции с союзом *jak* (2). Следующими по частотности должны бы следовать конструкции с ОИ (1), но количество примеров «*zaslechnout* + отгл. сущ.» (5, 5a) значительно превысило все остальные конструкции. Обратим внимание на такую особенность: после глаголов *slyšet* и *zaslechnout* значительно чаще используется ОС нежели оно же с глаголами видения (*vidět, spatřit* и др.). Мы это связываем с тем, что ОС после чешских ГЧВ в большинстве своём имеют лексическое значение какого-либо издаваемого звука, который невозможно увидеть. Так же можно предположить, что небольшое количество примеров с ОС после глаголов видения компенсируется большим числом примеров этих глаголов с остальными конструкциями, нежели со *slyšet* и *zaslechnout*.

Наименее употребительными оказываются конструкции с ПП с союзом *že* (3). В конструкции «*zahlédnout* + ПП с союзом *že*» мы обнаружили пример, где в ПП употреблён не глагол движения или состояния, а посессивный глагол *mít*. Ниже приведённый пример – единственный нам встретившийся: *Za zašupovacími dřevěnými dveřmi zahlédla, že pokoj má i vlastní koupelnu.*

Конструкция с ПП с союзом *aby* не употребляется с глаголами из этой группы.

Глагол *uzřít* не считается маргинальным по лексической стороне, но, по видимому, он не является стилистически нейтральным и является маргинальным по стилистической стороне (5). Найденные нами примеры были как из переводной, так и из чешской литературы, как из поэтических текстов, так и из прозы на философскую или религиозную темы.

В русском языке, в отличие от глаголов *vidět*, *slýšat*, данные глаголы чаще встречаются с ПП с союзом *что* (3). Как и в чешском языке, на втором месте по частотности оказываются конструкции с ОС (5, 5а), благодаря примерам с глаголом *zаметит*, но с остальными глаголами она встречается крайне редко. Интересно, что в противоположность чешскому языку, в русском конструкция частотна с глаголом, связанным со зрением, а не со слухом. То же касается и ранее анализированных глаголов *vidět* и *slýšat*. Мы это объясняем нехваткой примеров корпуса, так как конструкция не является ни стилистически маркированной (несмотря на поэтический пример 5а), ни редкой в употреблении. Конструкции с ПП с союзом *как* (2) являются наименее употребительными, тогда как в чешском они занимают первое место по распространённости.

Конструкция с ПП с союзом *чтобы* возможна только с отрицательным глаголом *zаметит* (4). С остальными глаголами она не сочетается лексически.

Примеры из ČNK:

(1) ...*dědeček Aharon se do babičky Toni zamiloval v okamžiku, kdy ji spatřil vystupovat z lodi ...*

(2) *Pak jednou zahlédl, jak jeho žena šije dva pláště.*

(3) *Jednoho dne si šel koupit sešit a zaslechl, že lidé mluví o válce.*

(5) *Nechme děti putovat s Přírodou, nechme je užít krásné smíšení a spojení smrti a života...*

(5а) *Zaslechla rupnutí látky – zřejmě si roztrhl košili.*

Примеры из НКРЯ:

(2) *Она подслушала, как вы жаловались ей же?*

(3) ...*пусть одним глазком подсмотрит, что сейчас проделывает девочка Наташа Самсонова из I «А»?*

(4) ...*во время моей службы я ни разу не заметил, чтобы брали оттуда книги для чтения...*

(5) ...*она же заметила его колебание и, видно, утвердилась в догадке.*

(5а) ...*Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыдания.*

3.3 Следующими по распространённости являются чешские глаголы *znát*, *rozpoznat*, *rozumět* и их русские эквиваленты *знать*, *понимать*, *разбираться* (Приложение, табл. 3).

Данная группа чешских ГЧВ самая малочисленная. Большинство конструкций не было найдено, или они не существуют. ОС употребляется со всеми глаголами, а ОИ или ПП только с одним глаголом: *znát*. С ним ОИ нам встретился дважды, но оба примера не являются стилистически нейтральными (1, 1а). Они переведены с французского языка из антологии французской поэзии. В то же время Я. Порак в монографии *Vývoj infinitivních vět v češtině*

пишет, что с 14 и до 20 века три глагола чувственного восприятия – *vidět*, *slýšet*, *znát* – использовались часто [11: 75]. Мы не проверяли частотность глагола *znát* в древних текстах, но в текстах современных, по всей видимости, Я. Порак преувеличил частотность использования глагола *znát* с ОИ. Мы не можем отнести данный глагол к часто используемым, скорее устаревший с поэтической маркировкой. Конструкция «*znát* + ПП с союзом *že*» в корпусе нам встретилась всего лишь раз в современном публицистическом тексте, в котором глагол используется в значении *zažít*, а не *vědět*, как в конструкциях с ОИ (3).

В некоторых найденных предложениях глагол *rozumět* является синонимом глагола *znát* (5б), однако Я. Порак в своей монографии приводит другое значение данного глагола: «*s porozuměním vnímat lidskou řeč sluchem*» [11: 75]. Примеры из корпуса не отвечают данному смыслу. Скорее всего, такое значение глагола устарело и не употребляется в современном чешском языке.

Нам представляется необходимым отнести чешские глаголы к маргинальным (не по семантической стороне), так как их употребление в языке ограничено и стилистически окрашено. Многие примеры из корпуса имеют отличное значение от искомым нами и приводимых в грамматиках.

В русском языке существует только три конструкции: «ГЧВ + ПП с *как* и *что*» и «ГЧВ + отгл. сущ.». Важно отметить, что конструкции с глаголами *знать* и *понимать* мы искали как с подлежащим в ПП, так и без него (2), чтобы смысл предложения отвечал значению «иметь специальные знания, разбираться в чём-то». В случае конструкции с глаголом *понимать* и *разбираться* + ОС мы добавили в цепочку конструкции предлог *в* (*во*) (5).

ПП с данными глаголами встречается реже, что объясняется редким использованием глаголов *знать*, *понимать* в вышеприведённых значениях. Конструкции с ОС отличаются по стилистической стороне. В большинстве случаев такие предложения можно отметить как устаревшие или разговорные (5, 5а).

Примеры из ČNK:

(1) *Soužený vlastní hodnotou, duch vyschlý zpitou hlavní drtí, aniž zná uzavřít rouť svou.*

(1а) ...*před něžným zrakem žen, jímž znaly pozlatit pýchu i žárlivost, stud, ba i špatnost samu...*

(3) *Současné malé děti neznají, že by otec pracoval, děda pracoval.*

(5) *Mnohé z dětí poznaly mytí poprvé v životě.*

(5а) *Takže na Össe vůbec neznají lyžování?*

(5б) *Arden rozuměl plánování, protože žil mezi Římany, ale vysvětlit to jeho lidem bylo obtížné.*

Примеры из НКРЯ:

(2) *Рысь сама родилась в зоопарке и не понимала, как ухаживать за детенышем.*

(3) ...человека в нашей стране встречают по одежке, а лишь потом разбираются, что он есть на самом деле.

(5) *Знаешь гаданье?* – спросила горбунья.

(5a) *«И дивились иудеи, говоря: как он знает писание, не учившись?»*

(5b) *Гусиные лапки, конечно, не разбирался в кораблевозедении, в параллелях и меридианах, зато полностью доверял своей ихуне.*

3.4 Чешские глаголы *cítit, přistihnout, zastihnout, najít, zažít* названы Я. Паневоу маргинальными. Их русскими эквивалентами являются глаголы *чувать, чувствовать, застигнуть, застать, уличить, найти, обнаружить, испытать* (Приложение, табл. 4).

В чешском языке маргинальные ГЧВ чаще употребляются с ПП с союзом *jak* (2). Мы обнаружили почти одинаковое количество конструкций с ОС и ОИ, но должны заметить, что ОИ в большей или меньшей степени встречается со всеми приведёнными глаголами, а ОС встречается после глагола *zažít* (5) и *cítit* в значении «воспринять какой-либо запах» (5a). С глаголом *najít* ОС на *-ní, -tí* достаточно распространено, но мы не обнаружили ни одного примера, который бы соответствовал смыслу «застать», «увидеть», «обнаружить». Отсутствие необходимых примеров можно объяснить нехваткой примеров в корпусе, строгими заданными условиями поиска (конкретный значение, ОС только на *-ní, -tí*), лексической несочетаемостью.

ОИ оказывается широко распространён с глаголом *najít* (более 60 примеров). По количеству примеров этот глагол с ОИ оказывается третьим (после глаголов *vidět, slyšet*) из всех анализируемых. Его частотность с ОИ намного превысила немаргинальные глаголы по семантической стороне (*znát, poznat, rozumět*) и составила превышающую конкуренцию глаголам *spatřit, zahlédnout, uzřít, zaslechnout*. Активное употребление маргинального глагола *najít* с ОИ мы связываем с одним из его семантических значений: «увидеть», «обнаружить». *Najít* в этих значениях соответствует значениям глаголов *vidět, spatřit* (1, 1a). Чаще всего ОИ в этой конструкции является глаголом состояния (самые частые *ležet, sedět, reže – spát, čekat*), также встречались единичные примеры с глаголами движения или других активных действий (*dřepět, uklízet, aranžovat, bloudit, růst, chodit*).

Следующей по употреблению идёт конструкция «ГЧВ + ПП с союзом *že*» (3). Малое количество примеров или даже отсутствие мы объясняем её невозможностью или слабой лексической сочетаемостью.

ПП с союзом *aby* нам встретилось лишь после глагола *zažít* (4). Во всех случаях ГЧВ имеет отрицательную форму, и только в одном положительную. Тем не менее мы его засчитываем как отрицательное, так как ГЧВ предшествует отрицательное прилагательное *nerad* (4a). С остальными глаголами из этой группы данная конструкция не употребляется.

В русском корпусе мы не нашли ОС со всеми ГЧВ, которые бы были в нужном значении (случай *застигнуть, найти*). Что касается глаголов *чувствовать, уличить, застать, обнаружить, испытать* то их сочетание с ОС превышает частотность по сравнению с ПП (5, 5a). В сравнении с чешским языком ОС более распространены в русском языке.

В русском корпусе примеров с ПП меньше, чем в чешском, или они вовсе отсутствуют или употребляются в другом значении. Интересно, что предложения с союзом *что* больше, чем с *как*, тогда как в чешском языке наоборот (2, 3). Конструкции с глаголом *застать* были более распространены в языке 19 века (3a). Конструкции с глаголом *обнаружить* (в значении «увидеть», «найти») распространены довольно широко и сегодня, они стилистически нейтральны (2a). Заметим, что немногочисленные конструкции с «уличить + ПП с *как*» и «испытать + ПП со *что*» практически не встречаются в современных текстах. Первая конструкция нам встретилась в текстах 19 века (2b), вторая – 18 века. Ниже приведённый пример на конструкцию «испытать + ПП со *что*» принадлежит тексту 20 века, но это религиозный текст по жанру поучение (3b).

В корпусе русского языка не была найдена ни одна конструкция «отрицательный ГЧВ + ПП с союзом *чтобы*». Скорее всего, это можно объяснить нехваткой примеров корпуса, потому что теоретически с некоторыми глаголами такие предложения возможны. Примеров с положительным глаголом в этом случае не может быть, о чём говорится в Příruční mluvnick II [2: 179].

Примеры из ČNK:

(1) *Sledoval jsem střechy domů za oknem, u kterého našli ležet tatínka.*

(1a) *Jednoho chladného podzimního rána ji našli bloudit po lesní cestě.*

(2) *Často jsem ho zastihla, jak sleduje ostatní děti při jejich činnosti.*

(3) *„Určitě něco tají, nevím proč, ale cítím, že to smrdí.*

(4) *Nikdy nezažil, aby žena dala tak bezelstně najevo své potěšení.*

(4a) *...hrozně nerad by zažil, aby ho pes táhl přes náměstí před tváří Boží a veškerého člověčenstva.*

(5) *...který právě zažil zabít dvou mladých lidí a má v čerstvé paměti, co znamená usmrtit...*

(5a) *Cítíme kořání, nejsme však s to splnit dávné určení: vzít na sebe věk, jít.*

Примеры из НКРЯ:

(2) *Ты что – не чуешь, как утка подгораем?!*

(2a) *Славик обернулся и обнаружил, как ветерок перекачивает по дорожке скрученные в трубочку сухие листья...*

(2b) *...Его бы уличили, как уличили Руссо...*

(3) Я отошла вымыть посуду, а когда вернулась, **обнаружила, что она спит.**

(3a) Немедленно побежал он к нему в комнаты и **застал, что друг его поочит на оселке саблю.**

(3b) «...мы снова видели и **испытали, что Христос истинно умер и истинно воскрес из мёртвых...**»

(5) Я **чувствовал благоухание** неопишуемых ароматов...

(5a) Я даже **испытал раздражение...**

4. Заключение

4.1 В чешском языке в большинстве случаев (3 группы глаголов из 4) преобладают ПП с союзами *jak* и *že*,* ОИ занимает среднее положение, ОС встречается реже всего. Наш анализ подтвердил слова Я. Порака, который отмечал, что ГЧВ в древнечешском языке** не имели после себя инфинитив. За ними могли следовать ПП, деепричастие настоящего времени, прилагательное, образованное от глаголов, страдательное причастие. Аккузатив с инфинитивом после ГЧВ появился позднее под влиянием латинского языка [11: 64-65]. Следовательно, преобладание ПП над ОИ и ОС оказывается исторически закономерным.

Отличные результаты мы получили с чешскими глаголами *znát*, *poznat*, *rozumět*, с которыми ОС нам встретилось чаще, чем с ПП или ОИ. Мы это связываем со стилистической маркированностью конструкции с ОИ и с её устаревшими значениями. Напротив, эти же глаголы с ОС звучат современно и стилистически нейтрально (*neznají lyžování*, *poznaly mytí*, *rozuměl plánování*).

Конструкция «ГЧВ + ПП с союзом *aby*» самая редкая. Её мы обнаружили только с глаголами *vidět* и *zažít*. Из-за лексической сочетаемости её употребление не всегда возможно.

В заключении по чешским глаголам скажем, что нам представляется необходимым отнести глаголы *znát*, *poznat*, *rozumět* к маргинальным по стилистической стороне, так как их употребление в языке ограничено и стилистически окрашено.*** Так же имело бы смысл исключить глагол *najít* из маргинальных по семантическому значению. Ведь одно из его значений «увидеть», «обнаружить» совпадает со значением глаголов *vidět*, *spatřit*, о чём свидетельствует его частотность с ОИ.

4.2 В русском языке в двух группах преобладает ПП с союзами *как* и *что* над ОС, но в количественном соотношении последнее в русском языке

* Для упрощения подведения итогов и сравнения мы объединили два вида ПП. Заметим, что ПП с союзом *že* отдельно встречаются реже и ОИ, и ОС.

** Древнечешский язык (*staročestina*) имеет довольно большой временной промежуток, сложно сказать, о каком конкретно времени идёт речь.

*** Глаголы *znát*, *poznat* в значении «внимáни», глагол *rozumět* – «s porozuměním vnímat lidskou řeč sluchem».

встречаются чаще, чем в чешском. Если в чешском языке количество употреблений ГЧВ с ОИ, ПП и ОС сильно различается между собой, то в русском, наоборот, распространённость ПП с союзами *как* и *что* и ОС примерно одинакова. Одной из причин такого равного распределения мы считаем отсутствие в русском языке конструкций с ОИ.

В третьей и четвёртой группах глаголов (*знать*, *понимать*, *разбираться* и *чувать*, *чувствовать*, *застигнуть*, *застать*, *уличить*, *найти*, *обнаружить*, *испытать*) ОС встречается чаще, нежели ПП. Глаголы из третьей группы с ПП редко используются в значении «иметь специальные знания, разбираться в чём-то», поэтому ОС превышает их по численности. Что касается глаголов из четвёртой группы, то мы предполагаем, что современный русский язык предпочитает избегать сложных многочленных конструкций с ПП. Проще и благозвучнее звучит предложение: *С арабами случилась истерика, когда они обнаружили исчезновение птицы*, чем *С арабами случилась истерика, когда они обнаружили, что птица исчезла*. В подтверждении своих слов добавим, что большинство примеров с ПП были из текстов 18-19 веков.

Так же как и в чешском языке, в русском самой редкой конструкцией оказывается «ГЧВ + ПП с союзом *чтобы*». Она встречается с тремя глаголами *видеть*, *слышать*, *заметить*. В обоих вариантах, положительном и отрицательном, употребляется только с первыми двумя глаголами. С остальными глаголами конструкция не существует.

Литература

1. Шведова Н.Ю. Русская грамматика II. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
2. Bauer J. Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. – Praha: SPN, 1960. – 484 с.
3. Daneš Fr. Mluvnice češtiny III. – Praha: Academie, 1987. – 746 с.
4. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. – Olomouc: Votobia, 1998. – 504 с.
5. Kocková J. Neurčité tvary slovesné jako sekundární predikáty v ruštině, češtině a němčině. Typologický pohled. – Praha: UK, 2016 – 174 с.
6. Panevová J. K marginálním infinitivním konstrukcím (zejména v češtině). // SLAVIA, 2017. – ročník 86, sešit 2-3. – С. 219-229.
7. Panevová J. Mluvnice současné češtiny 2. – Praha: Karolinum, 2014 – 292 с.
8. Panevová J. České konstrukce tzv. slovanského akuzativu s infinitivem. // Slovo a slovesnost, 2008. – № 69. – С. 163–175.
9. Poldauf I. Děj v infinitivu [Electronic resource]. – URL: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=998> (date of treatment: 15.07.2019).
10. Poldauf I. Diskuse o infinitivu. K článku Karla F. Svobody „Mluvnická povaha infinitivu v současné spisovné češtině“ [Electronic resource]. – URL: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=1042> (date of treatment: 18.07.2019).

11. *Porák J.* Vývoj infinitivních vět v češtině. – Praha, 1967 – 118 с.
 12. *Štícha Fr.* Akademická gramatika spisovné češtiny. – Praha, 2013 – 974 с.
 13. *Trávníček F.* K předmětovému infinitivu [Electronic resource]. – URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4350> (date of treatment: 13.08.2019).

Источники

14. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>].
 15. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Дата посещения: 17.11.2020).
 16. SYN2015: Křen, M. – Cvrček, V. – Čapka, T. – Čermáková, A. – Hnátková, M. – Chlumská, L. – Jelínek, T. – Kovářková, D. – Petkevič, V. – Procházka, P. – Skoumalová, H. – Škrabal, M. – Truneček, P. – Vondříčka, P. – Zasina, A.: reprezentativní korpus psané češtiny. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2015 [<https://kontext.korpus.cz>]. (Дата посещения: 17.11.2020).
 17. InterCorp CZ: Rosen, A. – Vavřín, M.: Korpus InterCorp – čeština, Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha [<https://kontext.korpus.cz>].
 18. InterCorp RU: Rajnochová, N. – Runštuková, N. – Vavřín, M.: Korpus InterCorp – ruština, Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha [<https://kontext.korpus.cz>]. (Дата посещения: 17.11.2020).
 19. Velký česko-ruský slovník [Electronic resource]. – URL: <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index.html> (Date of treatment: 15.04.2021).

Приложение

Таблица 1

ГЧВ	ОИ (1)	ПП с союзом как / jak (2)	ПП с союзом что / že (3)	ПП с союзом чтобы / aby		ОС (5)
				– (4)	+ (4a)	
Vidět	1.115	2.698	706	10	9	222
Slyšet	840	1.311	74	–	–	425
Видеть	–	1.285	1.505	41	14	1.336
Слышать	–	1.946	981	61	9	669

Таблица 2

ГЧВ	ОИ (1)	ПП с союзом как / jak (2)	ПП с союзом что / že (3)	ПП с союзом чтобы / aby		ОС (5)
				– (4)	+ (4a)	
Spatřit	48	153	18	–	–	18
Zahlédnout	41	81	12	–	–	23
Užít	1	3	0	–	–	1
Zaslechnout	35	208	17	–	–	245
Заметить	–	151	443	4	–	355
Подсмотреть	–	15	13	–	–	0
Подслушать	–	17	11	–	–	1

Таблица 3

ГЧВ	ОИ (1)	ПП с союзом как / jak (2)	ПП с союзом что / že (3)	ПП с союзом чтобы / aby (4)	ОС (5)
Znát	2	0	(1)	–	147
Poznat	0	0	0	–	30
Rozumět	0	0	0	–	22
Знать	–	28	–	–	88
Понимать	–	4	–	–	19
Разбираться	–	2	2	–	8

Таблица 4

ГЧВ	ОИ (1)	ПП с союзом как / jak (2)	ПП. с союзом что / že (3)	ППс союзом чтобы / aby		ОС (5)
				– (4)	+ (4a)	
Čítit	2	9	1	–	–	1
Přistihnout	4	124	6	–	–	0
Zastihnout	2	7	0	–	–	0
Najít	64	36	0	–	–	0
Zažít	1	15	16	5	–	88
Чуять	–	3	1	0	–	0
Чувствовать	–	9	12	0	–	103
Застигнуть	–	0	0	–	–	0
Застать	–	6	10	–	–	25
Уличить	–	1	2	–	–	11
Найти	–	0	0	–	–	0
Обнаружить	–	2	80	0	–	88
Испытать	–	7	7	–	–	206

ЕЩЁ РАЗ О ПОЛИТИКО-ЯЗЫКОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НА БАЛКАНАХ — ЯЗЫКИ ИЛИ ДИАЛЕКТЫ?

В.И. Сапунов (Воронежский государственный университет)

Аннотация. Данная статья призвана дополнить отечественные исследования в этой сфере на основе политико-лингвистического, лингвокультурологического, историко-лингвистического и страноведческого методов. Гипотеза исследования – хорватский, боснийский и черногорский языки называются так только по политическим причинам, поскольку в них нет самостоятельной грамматики, а присутствуют лишь незначительные фонетические, морфологические и лексические различия. Язык в бывших югославских странах используется как инструмент агрессивной государственной антисербской политики.

Ключевые слова: язык, диалект, наречие, койне, диасистема, макроязык, сербский, хорватский, боснийский, черногорский.

ONCE AGAIN ABOUT POLITICAL AND LANGUAGE CONTRADICTIONS IN THE BALKANS – LANGUAGES OR DIALECTS?

V.I. Sapunov (Voronezh State University)

Abstract. This paper aims to supplement domestic research in this area on the basis of political-linguistic, linguoculturological, historical-linguistic and regional studies methods. The research hypothesis is that Croatian, Bosnian and Montenegrin languages are called so only for political reasons, since they do not have an independent grammar, and there are only minor phonetic, morphological and lexical differences. The language in the former Yugoslav countries is used as an instrument of aggressive state anti-Serb policy.

Keywords: Language, dialect, diasystem, macro language, Serbian, Croatian, Bosnian, Montenegrin.

Распад крупных полиэтнических государств на рубеже XX–XXI веков нередко сопровождается крайне агрессивной языковой правительственной политикой. Наиболее рельефно это выразилось в прибалтийских республиках бывшего СССР, на Украине, в Грузии, Молдавии, некоторых республиках Средней Азии. Однако в этих случаях стоит больше говорить о примерах государственного языкового апартеида, насильственной дерусификации и ассимиляции, редко сопровождавшихся филологическими спорами

(исключения Молдавия-Румыния, Украина-Россия). Разделение Чехословакии на две самостоятельные республики с очень схожими языками вообще никакой лингвистической агрессии за собой не повлекло.

В отличие от СССР и ЧССР, распад СФРЮ и агрессивная государственная языковая политика сопровождается ожесточёнными лингвистическими спорами – в основе которых вопрос, что же представляют собой формы вербального и письменного самовыражения разделившихся народов (сербский, хорватский, боснийский, черногорский) – языки или диалекты.

Данная статья призвана дополнить отечественные исследования в этой сфере на основе политико-лингвистического, лингвокультурологического, историко-лингвистического и страноведческого методов. Гипотеза исследования – хорватский, боснийский и черногорский языки называются так только по политическим причинам, поскольку в них нет самостоятельной грамматики, а присутствуют лишь незначительные фонетические и лексические различия. Язык в бывших югославских странах используется как инструмент агрессивной государственной антисербской политики.

Прежде всего поговорим о трёх недавних случаях в Хорватии и Черногории. 2 февраля 2020 года в новостях Телевидения Хорватии (HRT) показан пропагандистский сюжет о девочке Тее Лончар, которая 3 года назад вернулась жить в Хорватию из сербского Крушевца. В сюжете говорится о том, как отлично девочка учится, но к её особым успехам относится то, что «она за три года сумела выучить хорватский язык, который резко отличается от сербского».

Учительница Теи, Ивана Шегарич, объясняет, что «она лучшая ученица в школе, насколько сложно было для школьницы выучить хорватский, но она потрясающе быстро справилась с этим, хотя это ломало ей язык».

Когда у Теи спросили, какое слово на хорватском далось ей сложнее всего, он ответила «nevjerojatno» (по-сербски говорится «najvegovatnije» или «vegovatno»). И продолжила: «Когда ты говоришь с друзьями на КРУШЕВАЦКОМ, все просто умирают от смеха от таких слов, как "šagara, rariša, subota, nedelja, stolica, haljina" (носок, тапок, суббота, воскресенье, стол, платье – все эти слова хорваты говорят практически так же, как и сербы – с небольшой фонетической особенностью в слове nedjelja). Кроме крушевацкого, то, как говорила Теа до приезда в Хорватию, в сюжете называют «ЖУПАНСКИМ ДИАЛЕКТОМ ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА».

Естественно, сюжет вызвал бурю смеха в сербских соцсетях. И смеялись, конечно, не над девочкой, а над хорватскими журналистами. Потому что – даже если сюрреалистически принять, что хорватский – это отдельный язык, то сербы и хорваты всегда прекрасно поймут друг друга – между «языками»

«найди пять отличий». В комментариях с усмешкой стали просить сербские титры, чтобы понять и в Боснии, о чём речь.

Но если приглядеться – истинный смысл сюжета не в том, точнее, не только в том, чтобы в очередной раз акцентировать внимание на своём «хорватском языке». А в том, чтобы в очередной раз указать сербам, что они должны не просто говорить на своём «наречии», чтобы их хорошо понимали в Хорватии. Они должны говорить и писать «на правильном хорватском языке» – с его многочисленными искусственно созданными неологизмами и внедряемыми в речь архаизмами, ассимилироваться и забывать о своей идентичности.

Второй случай. В первых числах января 2020 года хорватский режиссёр Огнен Свиличич заявил, что со следующего семестра будет преподавать своим студентам в Академии драматического искусства в Загребе «на чистом сербском». Свиличич таким образом выразил протест против решения хорватской образовательной инспекции, запретивший преподавание его бывшему наставнику Мили Новаковичу – по причине того, что тот говорит «не на хорватском, а на сербском языке».

«Если в Хорватии нет больше проблем, чем то, как назвать потолок – "таваница" или "строп" – это большая проблема для Хорватии», – заявил Свиличич. «Каждый сам выбирает, как ему преподавать. Со следующего семестра буду преподавать на чистом сербском – считайте это экспериментом, поймут ли меня хорватские студенты. Если не поймут – есть словари и Гугл-переводчик». Последнее предложение – очевидная ирония. Если специально не ставить очень сложную задачу, чтобы молодёжь, родившаяся в постюгославские времена, чего-то не поняла из-за диалектных особенностей – то студенты всё прекрасно поймут.

В начале июля 2019 года Институт учебников Черногории заменил название букваря для третьего класса гимназии с «Черногорский язык» на «Мой язык» – и это несмотря на письменный протест авторов учебника. Иными словами – убрали с титульного листа букваря название несуществующего языка. В то же время в учебнике для шестого класса основной школы «Riječ po riječ» (слово за словом) в название титульного листа тоже поменяли название (было «черногорский язык») – но уже по другим причинам – заявили, что книга является учебником не только черногорского, но и «сербского, хорватского и боснийского языков».

Эти случаи и проблемы объединяет то, что на самом деле речь идёт не языках, а наречиях единого койне, которое было определено Вуком Караджичем, Джурой Даничичем и их коллегами – пятью хорватскими и двумя словенскими филологами – в Венском литературном договоре 1850 года как сербохорватский язык. В диалектах этой диасистемы нет существенных

грамматических отличий, которые бы позволяли выделить их в самостоятельные языки, но есть, например, определённые фонетические (экавица, иекавица, икавица), лексические и морфологические отличия, а также разница в использовании кириллицы и латиницы.

К грамматическим отличиям относится, скажем, построение инфинитива (серб. Морам да идем, хорв. Moram íci). К фонетическим – произношение «е», «је», «íје» – (серб. Медвед, хорв. Medvjed, черног. Mijedvjed). Есть и морфологические отличия (срб. Део, черног. Дио, серб. Слушаоци, хорв. Sluša telji). Пример лексических различий (серб. Универзитет, наука, историја, хорв. Sveučilište, znanost, povijest). Кроме того, кириллицу сейчас используют в Сербии и Республики Сербской. В Хорватии и боснийско-хорватском энтитете Боснии используют латиницу. В Черногории используется, как латиница, так и кириллица, хотя последнюю из официально-деловой и книжной письменности активно вытесняют.

Существуют три исторические языковые зоны – чакавская, штокавская и кайкавская, внутри них диалектов, конечно, больше – при том, что хорваты своё наречие умышленно наполнили большим количеством неологизмов и архаизмов. Но с точки зрения лингвистики «хорватский язык» – это иекавско–штокавский диалект сербохорватского как койне, макроязыка для Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории – и это сугубо политический, а не лингвистический феномен. Так же, как «черногорский язык» – это *res quae non est* (несуществующая вещь), обычная иекавица, и, как и остальные так называемые языки, он превратился из диалекта в «язык» по политическим причинам. То, что называют «боснийским языком» и используется в хорватско–мусульманском энтитете Боснии и Герцеговины фактически ничем не отличается от иекавско–штокавского диалекта сербохорватского языка, использовавшегося во времена СФРЮ, кроме того в нём нет новохорватских неологизмов и архаизмов.

Сербохорватский язык с середины XIX века развивался по своим законам и правилам, и лингвистически уже не имело смысла искусственно изобретать какой-то «новый язык». Но по политическим причинам в Хорватии такие попытки предпринимались на протяжении всей второй половины XX века. Импульс этому процессу придало создание во время Второй мировой войны усташского «Независимого хорватского государства», когда язык стали искусственно наполнять неологизмами, большинство из которых впоследствии не прижились. Но и после создания ФНРЮ, а затем СФРЮ, в Хорватии были введены более строгие (и зачастую неудобные для практического применения) правила «консервативных неологизмов», то есть создания слов со славянской основой вместо «заимствований». После «языковой весны» 1971 г.

сербохорватский язык на территории Хорватии года стали называть «хорватский или сербский». И эта политика наполнения языка неологизмами и архаизмами, в совокупности с языковым пуризмом, была доведена до абсурда после отделения Хорватии от Югославии в 1991 году.

Возникла парадоксальная ситуация – во многих случаях хорватские неологизмы, происходящие от сербских корней, вытеснили оригинальные хорватские слова кайкавского и чакавского диалектов. И зачастую разница между литературными нормами сербского, хорватского и боснийского «языков» (все они основаны на штокавском наречии) гораздо меньше, чем, например, между кайкавским и чакавским диалектами «хорватского языка».

В Хорватии не так много смелых противников языкового абсурда, но они есть. Помимо упомянутого выше примера, можно вспомнить май 2017 года, когда хорватский писатель и журналист Анте Томич разместил колонку в газете «Свободная Далмация» что-то вроде декларации, вызвавшей широкий общественный резонанс. О том, что сербский и хорватский – это единый язык. «Хорватский язык придуман, – писал тогда Томич, – для того, чтобы держать хорватов в страхе. Прошло 25 лет с момента распада СФРЮ, но мы по–прежнему понимаем друга – отличия между тем, что называют сербским, хорватским, босанским и черногорским языками миллиметровые. Это поняла даже моя семилетняя дочь (которая поняла в детской телевизионной передаче сербское слово «шаргарепа», хорваты обычно называют морковь «mrkva»). По её примеру вижу, что те, кто говорят о том, что новое поколение, родившееся в Хорватии после развала единой Югославии, не понимает сербского, неправы».

В начале 2016 года в Загребском университете началось активное обсуждение возвращения кириллицы в хорватскую школьную программу. Среди аргументов приводились следующие: кириллица использовалась в «древних хорватских хрониках», кириллица поможет в чтении художественной, профессиональной и исторической литературы и изучении русского языка. В частности, за возвращение кириллицы в школьную программу высказался ректор Загребского университета Дамир Борас (он же предложил изучать глаголицу, на которой хорваты тоже писали до XVI века, как предмет по выбору). С ним, в целом, согласились бывший декан филологического факультета Загребского университета, академик Йосип Братулич, и директор Хорватского института языкознания Желько Йожич.

Кириллица после распада СФРЮ в начале 90-х была исключена из школьной программы в Хорватии по политическим причинам, оставили только хорватскую латиницу (гаевицу). Сейчас специалисты-филологи предлагают преодолеть политические проблемы с помощью термина «хорватская кириллица».

И, по крайней мере, хорошо, что в нынешних условиях тема возвращения кириллицы поднимается в академических учреждениях Хорватии. Хорошо, прежде всего, для самих хорватов. Во времена СФРЮ кириллица в Хорватии использовалась практически исключительно в официальных документах, но каждый хорват мог прочитать кириллический текст и написать на кириллице, а современную хорватскую молодежь такой возможности лишают. И, разумеется, панслависты и народы, использующие исключительно кириллицу, мнению загребских ученых могут только порадоваться.

Спор между республиками бывшей СФРЮ между собой не единственный случай политико-лингвистических противоречий в регионе. Ещё один пример – спор между Болгарией и Северной Македониёй.

В мае 2020 года Болгария поставила новые условия для вступления Северной Македонии в ЕС. Новые, потому что за год до этого Македония разрешила тридцатилетние противоречия с Грецией по поводу названия страны. После того как в октябре 2018 года власти Македонии провалили референдум о переименовании республики в Северную Македонию, они, вопреки воле народа, всё же название поменяли. Но тут Болгария потребовала признать, что македонский язык является диалектом болгарского языка.

Лингвистически же никакого самостоятельного македонского языка не существует – это диалект, койне которому болгарский язык. После Второй мировой войны «македонский язык» был кодифицирован и признан официальным в рамках общей этнической политики Тито, который искусственно акцентировал «македонскую нацию», чтобы отдалить Македонию от Сербии (вардарская часть Македонии в своё время входила в состав Сербии). Хотя на территории Македонии просто соседствовали сербы, болгары и албанцы (последних, как и в Косово, становилось и становится всё больше и больше). В период новейшей истории от болгарского македонский диалект несколько отделило привнесение в него заимствований из сербохорватского и определённых языковых явлений последнего.

И тут вопрос, разумеется, не в лингвистике, а в политике. Вопрос членства Македонии в ЕС является болезненным для Болгарии – поскольку в этом случае соседняя республика неизбежно будет нивелировать определённые преимущества, которые даёт Болгарии членство в Евросоюзе.

Поэтому язык – это лишь один из эпизодов. Македонцы, кстати, сразу стали приводить свои аргументы и говорить, что наоборот – болгарский язык – диалект македонского. В связи с этим необходимо вспомнить другой недавний иллюстративный случай (июнь 2019 года).

Поводом для той ссоры между странами стала национальная принадлежность Георгия (Гоце) Делчева – основателя четнической

партизанской организации ВМОРО (на македонском и болгарском соответственно – Внатрешна Македонско-Одринска Революционерна Организација, Вџтрешна македоно-одринска револуционна организација), воевавшей против турецких оккупантов.

Оба государства считают Делчева своим героем, а спор возник из-за его национальности. Хотя сам Делчев по историческим свидетельствам неоднократно называл себя болгаринoм, он боролся и погиб за освобождение Македонии – из-за чего в этой стране считают Делчева македонцем.

Непосредственное возмущение болгар вызвало то, что Македония решила отмечать праздник Георгия Делчева 7 октября – в память о дне 1947 года, когда Болгария передала останки Делчева Македонии – в то время республике ФНРЮ. В самой Болгарии память национального героя славят 4 февраля и 4 мая – в день его рождения и гибели. И в связи с этим противоречием Болгария тоже угрожала заблокировать вступление Македонии в ЕС. Так что – была бы причина, а повод найдётся.

По результатам исследования можно сделать следующий вывод.

На территории бывшей СФРЮ по-прежнему фактически доминирует один язык – сербохорватский, который является койне, макроязыком для крупных диалектов – хорватского, боснийского, черногорского. В трёх исторических языковых зонах – чакавской, штокавской и кайкавской гораздо больше наречий (например, шумадийское, жупанское, истринское, далматийское), но их в отдельные языки не выделяют, поскольку на это нет политических причин.

В отдельные языки вышеупомянутые диалекты не позволяет выделить отсутствие в них самостоятельной грамматики. Фонетические, морфологические, лексические различия не являются существенными для выделения диалектов в языки. В то же время языками их называют исключительно в конъюнктурных целях – для языковой самоидентификации новообразованных стран. Язык в Хорватии, Боснии и Черногории превратился в инструмент агрессивной антисербской государственной политики с целью лишить сербов культурной идентичности, для ассимиляции сербских меньшинств и их национального унижения.

Гипотеза статьи подвержена, исследования в этой области имеют значительные дальнейшие перспективы.

«ПИСЬМА В.А. ПАНОВА К МАТЕРИ М.А. ПАНОВОЙ «ВСТРЕЧА С ЕВРОПОЙ» И ОЧЕРКИ Н.С. ЛЕСКОВА «ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА» В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

Бондаренко Н.А. (Институт языков и культур им. Льва Толстого)

Аннотация. В статье представлены письма В.А. Панова к матери М.А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841-1843) и очерки Н.С. Лескова «Из одного дорожного дневника», в которых дана широкая этнографическая, историческая и культурная панорама жизни славянских народов. Опубликованные заметки расширяли представления о родственных народах, реализуя на практике идею славянской взаимности, пробуждая в соотечественниках чувство ответственности за всё, что происходит в славянском мире.

Ключевые слова: идея славянской взаимности, В.П. Панов, жанр очерка, Н.С. Лесков, восприятие славянских народов.

«LETTERS FROM V.A. PANOV TO THE MOTHER M.A. PANOVA «MEETING WITH EUROPE» AND SKETCHES BY N.S. LESKOV «FROM THE ROAD DIARY» IN THE CONTEXT OF THE IDEA OF SLAVIC RECIPROCITY»

Bondarenko N.A. (Institute of Languages and Cultures named after L. Tolstoy)

Abstract. The article presents letters from V.A. Panov to M.A. Panova from Central and South-Eastern Europe (1841-1843) and essays of N.S. Leskov «From a travel diary». The authors provide a broad ethnographic, historical and cultural panorama of the life of the Slavic peoples. The published notes expanded ideas about kindred peoples, awakening in compatriots a sense of responsibility for everything that happens in the Slavic world, putting into practice the idea of Slavic reciprocity.

Keywords: the idea of Slavic reciprocity, V.P. Panov, essay genre, N.S. Leskov, perception of Slavic peoples.

Трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» словацкого учёного, поэта, философа Яна Коллара (1793-1852) был опубликован в 1840 году в журнале «Отечественные записки» [1]. В нем автор сформулировал программу литературной (в широком контексте – культурной) взаимности и способах её осуществления как надёжном средстве от дальнейшего разобщения славян. Под термином «славянская взаимность» понимают межславянскую культурную и литературную деятельность в контексте концепции Яна Коллара [8]. Мы считаем, что наиболее точная

формулировка термина дана академиком САН В. Матулой. Профессор включил в термин «теоретические концепции славянской общности и культурно-политические программы единения или же сотрудничества славянских народов» [3]. Позже идея славянской взаимности стала не только мощным стимулом развития национальных языков и культур, но и основой для широкого обмена культурными ценностями. Наиболее полно предпосылки, значение, основы славянской взаимности раскрыты в научном исследовании профессора Рокиной Г.В. [4].

В 30-40 годы XIX века происходит знакомство русской общественности с идеей славянской взаимности; пробуждается интерес к языкам, истории, традициям славянских народов. Учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова совершают путешествия в Центральную и Западную Европу, изучают языки, знакомятся с известными научными деятелями славянских земель, участвуют в дискуссиях с Я. Колларом, П.И. Шафариком (1795-1861), Л. Штуром (1815-1856) и др. Это особое социокультурное явление оказалось необходимой потребностью для русской интеллигенции.

В периодической печати появляются материалы со славянскими сюжетами. Чаще всего это письма, путевые заметки, небольшие очерки, в которых авторы знакомят читателей с фольклором, этнографией, природой, особенностями характера славянских народов.

Так, в начале 40-х годов в Черногории побывал русский историк Александр Николаевич Попов (1820-1877). В своём очерке он познакомил читателей с историей этой страны и традициями её народа. С 1839 по 1842 гг. по Чехии, Моравии, Силезии, Штирии, Далмации и др. путешествовал филолог Измаил Иванович Срезневский (1812-1880), который делился с матерью своими впечатлениями от увиденного [5].

В 40-х годах Центральную и Юго-Восточную Европу посетил редактор «Московских сборников» Василий Алексеевич Панов (1819-1849). В «Письмах к матери М.А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841-1843 гг.)» он продолжил традицию по ознакомлению читателей со славянами, начатую известными учёными. «Письма В.А. Панова...» были опубликованы в 1996 году в Братиславе при поддержке Общества по изучению истории и культуры Центральной и Восточной Европы [6].

В 1862-1863 гг. в Центральной Европе побывал Н.С. Лесков (1831-1895) в качестве корреспондента «Северной пчелы», с которой сотрудничал с января 1862 года. Результатом его поездки явились очерки «Из одного дорожного дневника», где он поделился с общественностью своими размышлениями о поляках, белорусах, чехах и др. [7].

В.А. Панов и Н.С. Лесков описывали события, соучастниками которых были, анализировали европейский образ жизни, сопоставляя его с российским; подробно описывали особенности жизни славянских народов.

В.А. Панов входил в круг славянофилов, с которыми познакомился во время учёбы в Московском университете; в 1840 г. он путешествовал вместе с Н.В. Гоголем по Италии и помогал ему переписывать произведения.

В целом, В.А. Пановым было написано 11 писем. Первое датировано 26 октября 1841 года из Берлина, последнее – 30 марта 1843 года. Письма были написаны либо в дороге, либо на остановках и имеют фрагментарный характер. При этом стилистически они представляют собой единое целое. Подлинный стиль повествования воспроизводится не только сжатыми выражениями, употреблением элементов разговорной речи, но и прямым обращением к матери, и носит характер задушевной беседы.

С 1841 по 1843 гг. В.А. Панов посетил более 20 мест, среди них: Дрезден, Берлин, Прага, Вена, Грац, Триест, Котор, Цетинье, Дубровник, Пешт, Нови Сад и др. В письмах содержатся подробные описания географических мест, памятников, храмов, городов и сел, размышления от увиденного.

Н.С. Лесков путешествовал по западным окраинам империи, побывал в Вильно, Гродно, Пинске, Львове, Праге, Кракове и др. Его заметки носят очерковый характер, включают встречи и разговоры с простыми людьми, описания городов, особенностей быта, содержат эмоциональную оценку происходящего.

В.А. Панов начинает своё путешествие с Праги (он хочет научиться чешскому языку), здесь он посещает ученых В. Ганку, П.И. Шафарика и с восторгом сообщает матери: «Как я рад, что приехал сюда. Чудная Прага! С гордостью можем ... дать ей название второй матери земель славянских после Москвы» (письмо от 28 марта 1842 г.) [6:32].

Он присутствует на заседании Матицы Чешской в честь Франтишека Ладислава Челаковского (1799-1852), который покидал Прагу и уезжал в Бреславский университет; на собрании чешского сообщества, он встречает молодых словаков и восхищается пением патриотических песен: «Боже мой, как эта национальность хороша в песнях!» – восклицает Василий Алексеевич [6:34].

Первоначально он предполагал путешествовать через Венгрию до Галиции, а оттуда уже вернуться в Россию. Но, встретившись с Павлом Йозефом Шафариком, отправился в Далмацию и Черногорию.

В.А. Панов с болью пишет о тяжёлом положении православных христиан, о влиянии католицизма на этих землях: так, в Задраском округе в приделе Св. Спиридона «прежде служили латинскую обедню!» Эти картины убеждали

русского путешественника в том, что российское общество не может оставаться равнодушным к единоверцам. Ведь для Балканского полуострова, где ислам и христианство противостоят друг другу, принадлежность к религиозной общине была важнее этнической. А вот ещё одна зарисовка: он присутствует на вечере в православном семействе и удивляется тому, что именно здесь, на Балканах, сохраняется соборный общинный характер отношений, кода «эти люди не умеют отделить человека от его семейства ... когда пили за мое здоровье, пили и за ваше, матушка, и просили кланяться вам», – подчеркивает В.А. Панов [6:95].

Необычайно сильное впечатление на В.А. Панова произвел местный фольклор. Вот как он описывает вечер, проведенный при дворе черногорского владыки. На просьбу услышать народные песни «явился старик, длинные волосы которого торчали растрепанные, в руках у него были гусли – гудок с одной толстой струной и смычком, загнутым дугою. Он сел на скамейку и запел каким-то дивным голосом... В это время представлялся Гомер, которого я так часто читал... Сколько вы находите строгих добродетелей, которые Вам порознь встречаются в древнем мире. И к этому присоедините еще глубокую веру, добродетели христианские – вот вам и Черногория» [6:64].

Содержание песен он понял лишь приблизительно, его внимание было сосредоточено на пении и игре на гуслиях, но было ясно, что в каждой песне воспевается героический подвиг народа в борьбе против турок.

Один из важных выводов, который делает В.А. Панов после путешествия по славянским землям – это слова о значении и роли России как одного из сильных государств на карте Европы: «Иностранцы должны признать это... В западных славянах пробудилось чувство собственного достоинства, а это пробуждение национальности (национального духа) между нашими братьями славянами и для нас важно: мы лучше поймем свое значение...» [6:41]. Что касается черногорцев, то В.А. Панов цитирует Владыку, который говорил, что «каждый черногорец будет защищать вас (русских) своей грудью, и часто повторял – Слава Руси!» [6:64].

Очерки Н.С. Лескова «Из одного дорожного дневника» создают многоплановую картину жизни народностей западных окраин Российской империи: автор подробно описывает встречи с простыми людьми, вслушивается в их разговоры, размышляет над увиденным. В силу разнообразия тем, образов, «энциклопедии типов и экземпляров», созданных автором в очерке, сделаем лишь несколько замечаний. Проезжая по белорусским городам, Н.С. Лесков так характеризует некоторые города: Гродно «грязный городишко, хуже Чернигова», Пинск – «скорее литовская Москва», Белосток – «несравненно лучше своего гродненского тезки», но здесь «шум,

говор, спор, торг: весь город, как базар», этот город называли еще и «литовским Манчестером» из-за возросшей торговли [7:23].

Интересны заметки, сделанные им о горожанах Пинска. Автор подчеркивает их неординарность и чувство собственного достоинства «Пинск без пинчуков и пинчуки без Пинска просто немислимы друг без друга. Пинчук-простолюдин не хочет, чтобы его считали малороссом, литвином или поляком; его не кличьте «человиче!», как кличут незнакомого человека в Малороссии и Украине, он пресерьезно отвечает: «Я не человек, я пынчук». [7:43].

Изображение и анализ русских представляется автором через общение с другими народами: поляками, украинцами, немцами и др. Так он замечает, что в Галиции население этих областей определяется словами «поп и хлоп»; польское – панство и чиновничество; немецкое – чиновничество; поляки недовольны, что русские не хотят считать себя поляками и называют себя «особым племенем».

Если описание жизни в западных провинциях наполнено критическими замечаниями, осуждением поляков, в частности, то совсем иной характер носят страницы, посвященные пребыванию Н.С. Лескова в Праге. Здесь он встречается с издателями газет Ю. Грегром, В. Штульцем, историком Ф. Палацким, филологом О. Коларжем и др., здесь он чувствует себя в кругу друзей. Он знакомится с произведениями и сказками писательницы Божены Немцовой и переводит сказку «Двенадцать месяцев» с чешского на русский. (Опубликована в «Северной пчеле», 1863 г.) Позже он напишет небольшой очерк об авторе знаменитой «Бабушки».

Отметим, также, что подробное исследование о восприятии знаменитой повести Божены Немцовой сделано доцентом кафедры славистики СПбГУ Н.К. Жаковой, в частности, она пишет о том, что статья об известной чешской писательнице была опубликована в «Славянском вестнике» А.А. Хованского в переводе Н. Задерацкого [2].

В завершении подчеркнем, что «Письма В.А. Панова к матери М.А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841-1843гг.)» и очерки Н.С. Лескова «Из одного дорожного дневника» расширили представления русского читателя о малознакомых землях, о народах, их населявших, пробуждая в соотечественниках чувство ответственности за всё, что происходит в славянском мире, реализуя на практике идею славянской взаимности.

Литература

1. Коллар Я. «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» Сочинение Иоанна Коллара // Отечественные записки. – СПб., 1840. – Т. VIII. – Отд. II. – С. 1-24, 65-94.

2. Жакова Н.К. Восприятие «Бабушки» Божены Немцовой в России // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2006. – Серия 9. – Вып. 1. – С.30.
3. Матула В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // Советское славяноведение. – 1978. – № 2. – С. 5.
4. Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Казань, 2005. – 48 с.
5. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839-1842. – Санкт-Петербург, 1895. – 394 с.
6. Встреча с Европой: письма В.А. Панова к матери М.А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841-1843) // Составители Т. Ивантышинова и М.Ю. Досталь. – Bratislava, 1996. – 267 с.
7. Лесков Н.С. «Из одного дорожного дневника» // Электронный ресурс: https://royallib.com/book/leskov_nikolay/iz_odnogo_dorognogo_dnevnika.html. (Дата посещения: 31.05.2021).
8. Wollman F. K metodologii srovnuvaci slovesnosti slovanske / Idem Cesky slavismus, jeho minulost a program // Slovanstvi v ceskem nirodnim zivote. – Brno, 1936. – S. 224.

ОНОМАСТИКА В ТРУДАХ В.И.ДАЛЯ И ЕЁ РОЛЬ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Г.Ф. Ковалев (Воронежский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистического наследия выдающегося русского лексикографа В.И. Даля. Его словарь универсален: в него попала лексика, отражающая не столько литературный язык, сколько временной срез русского национального языка первой половины XIX века. Поэтому его данные хорошо работают как источник и в истории русского языка, и в этимологических исследованиях.

Ключевые слова: словарь, диалектная лексика, ономастика, этимология.

ONOMASTICS IN THE WORKS OF V.I. DAHL AND ITS ROLE IN ETYMOLOGICAL RESEARCH

G.F. Kovalev (Voronezh State University)

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic heritage of the outstanding Russian lexicographer V.I. Dal. His dictionary is universal: it contains vocabulary that reflects not so much the literary language, but rather a time slice of the Russian national language of the first half of the XIX century. Therefore, his data work well as a source in the history of the Russian language and in etymological studies.

Keywords: dictionary, dialect vocabulary, onomastics, etymology.

Примечательно, что В.И. Даль родился 10 ноября 1801 году в г. Лугани (сейчас Луганск), в один день с реформатором церкви Мартином Лютером и поэтом Шиллером. Предки Даля происходили из Дании, родины Ганса Христиана Андерсена, а его родственники и до сих пор здесь живут.

Главным результатом всей жизни В.И. Даля стали четыре тома «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863-1866), словаря, создать который не под силу и академическому институту. А ведь это был титанический труд одного человека. Правда, у автора была масса корреспондентов по всей великой России, однако всё равно просто не верится, что все это собрал и научно классифицировал, описал один-единственный человек. Не верится, да ведь так оно и было! Народ российский обязан считать деятельность этого самозабвенного труженика на ниве языка русского великим подвигом.

В полемическом пылу, отрицая роль отечественных писателей, но абсолютно справедливо в отношении гения-собираателя, В.В. Розанов писал: «Почвенное собрал у нас только Даль, в «Пословицах русского народа», в «Толковом словаре великорусского языка» [10: 200]. У Владимира Ивановича перед глазами были прекрасные примеры: замечательный словарь сербского языка Вука Караджича (Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским рјечма. У Бечу, 1818), польского языка С.Б. Линде (Linde S.B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1854-1860, t.1-6). Но и сам В.И. Даль подал прекрасный пример братьям-славянам. Именно вслед за ним такие же уникальные национальные словари были созданы белорусом И.И. Носовичем (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), болгаринцем Николаем Геровым (Рѣчникъ на българскій языкъ. Пловдив, 1895-1904, т. 1-5), украинцем Борисом Гринченко (Словарь украинского языка / Под ред. Б.Д. Гринченко. Киев, 1907-1909, т. 1-4).

Словарь В.И. Даля в советское время считали областным, диалектным. И это отчасти справедливо, поскольку в словаре собраны жемчужины русской речи со всех краев и окраин России. Особенно ведь так стали оценивать Словарь В.И. Даля после характеристики, данной ему В.И. Лениным в письме к наркому просвещения А.В. Луначарскому [18 янв. 1920 г.]: «Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел» [Правда, 1940, 21 января].

Но это еще не вся правда: нужно довериться самому Далю – ведь он-то назвал свой словарь не областным, а Толковым словарем ЖИВОГО великорусского языка. Вот в чем суть далевого словаря: он дает срез современного ему живого русского языка. Поэтому здесь мы найдем и диалектные, и просторечные, и книжные слова; и лексику коренную русскую, и лексику, заимствованную из самых разных языков (в основном тюркских, а также европейские слова-термины). А то, что основным в словаре всё-таки стало областное крестьянское слово, – так это только потому, что основным населением России первой половины XIX века было безграмотное и бесфамильное крестьянство, не сбросившее ещё оковы крепостного права.

Владимир Иванович не был ханжой. Он правильно понимал ценность каждого русского слова, поэтому его Словарь, кроме всех стилистических слоев русского языка, включал и сниженную лексику, и даже... русский мат. Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на определение, данное впопыхах В.Г. Белинским «Евгению Онегину» А.С. Пушкина – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В.И. Даля вполне можно было бы назвать «Энциклопедией русской речи».

Не зря писал В.И. Макаров – прекрасный знаток творчества В.И. Даля: «Даже при необходимости проиллюстрировать то или иное слово современного общенародного языка, в том числе литературного, журналисты нередко обращаются не к Словарю С.И. Ожегова или Большому академическому словарю в 17 томах, а к словарю В.И. Даля. Иногда в этом их оплошность, но значительно чаще – красноречивая закономерность: у Даля широта и глубина разработки значений слов в общекультурном национальном контексте поразительны» [8: 7].

Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на определение, в горячах данное В.Г. Белинским роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В.И. Даля вполне заслуживает, чтобы его называли «Энциклопедией живой русской речи».

Ономастические единицы, включенные в словарь В.И. Даля, уникальны для отечественной, тем более современной лексикографии, игнорирующей всякие проявления ономастики в своих словарных статьях. Правда, антропонимов и этнонимов в чистом виде в далаевском Словаре тоже нет.

Среди онимов, помещенных и растолкованных в Словаре В.И. Даля, прежде всего следует отметить сложные единицы, включающие антропонимические элементы. Это хрононимы, отражающие народный календарь (напр. день *Авдотьи-малиновки*, *Авдотьи-плющихи*, *Агафии-коровятницы*, *Агафона-огуменника*, *Аграфены-купальщицы*, *Аксиньи-полухлебницы* или *-полузимницы*, *Акулины-гречушницы*, *Алексея-теплаго* или *Алексея-с-гор-вода*, *Ивана долгаго* и др.) и народные фитонимы (*Авраамово* дерево, *Адамово* дерево, *Адамова* борода, *Адамова* кость, *Иван-трава*, *Иван-чай*, и др.).

Имена собственные не просто бытовали в речи русского народа, они, отражают характерные черты персон-носителей имен, включались в более сложный слой речи – в пословицы и поговорки. Вот лишь несколько примеров из сборника Пословиц, собранных В.И. Далем [3]:

Авдей из др.-евр. ‘раб, слуга Бога’ или из греч. – имя библейского пророка [11: 103]. В русских говорах Авдей – прозвище глупого человека: «Наш Авдей никому не злодей», «Глупому Авдею наколотили шею», «Пропал Авдей от злых людей».

Агафья из греч. ‘добрая, хорошая’ [11: 346]. В русских говорах Агаша глуповатая, простоватая: «Мели Агаша: изба-то наша», «Агаша, не ступи в кашу: Агаша ноги трясёт».

Акулина из лат. ‘орлиная’ [11: 348]. В русских говорах: Акуля, Акулька (Окулька) известны в значениях: ‘неряха’, ‘неумытая’, ‘неумелая’, ‘рассеянная»; ‘неопрятная женщина’: «Акуля, что шьёшь не отгуля? – А я, мачка, ишшо пороть буду!», «Наварила, напекла Акулина про Петра», «Дуй, Дунька, подувай Акулька, считай разы!», «Акулина Федосеевна до чужих ребят милосердна», «Улька Акульки не хуже».

Гаврила из др.-евр. ‘моя мощь – бог’: габри – ‘сильный муж’ + эль – ‘бог’ [11: 151]. В русских говорах Гаврик ‘простак, простофиля, разиня, глупец’: «Ты, Исай, наверх ступай; ты, Денис, иди на низ; а ты, Гаврила, поддержишь за молотило».

Евдокия из греч. ‘благоволение’ [11: 340]. В русских говорах имена Дуня, Дуняша, Дунька бытуют в значении ‘простоватая, глуповатая’: «Наша Дунька не брезгунька, жрёт и мёд».

Елисей из др.-евр. ‘бог, спасение’ [11: 181]. В русских говорах ‘проныра, пролаза»; ‘лыстец’: «Сидит Елеся, ножки свеса».

Емельян из лат. ‘римское родовое имя’, возможно, ‘участник соревнования’ или по названию местности [Суперанская 1998, с.182]. Действительно, это имя происходит от римского поместного имени Emilia – Emilianus. Правда. В словаре Н.А. Петровского дается греческая этимология: от греч. aimylios – льющий [9: 131]. В русских говорах: ‘болтун, глупый’: «Мели, Емеля, твоя неделя», «Не мели, Емеля, не твоя неделя!», «Ему говорят про попа, а он про Емелю дурака».

Ерёма из др.-евр. ‘вознесённый богом’ [11: 184]. В русских говорах – ‘глупый, недалёкий человек’: «Сунуло Еремушку к семи чертям», «Ерёма, Ерёма! Сидел бы ты дома, да точил веретёна», «Всяк Еремей про себя разумей!», «Указчик Ерёма, указывай дома!», «Наш Ерёма не сказался дома», «По Ерёмке шапка, по Сеньке кафтан».

Кирилл из греч. кириос ‘повелитель, владыка’ [11: 209]. В русских говорах Кирилка, Кирюша, Кирюха ‘пьяница’, ‘прозвище человека сердитого, мрачного, надувшего губы’: «Кирилла не отворачивает от чарки рыла», «Радуйся, Кирюшка, будет у бабушки пирушка», «Эх, Кирей, не нашёл ты дверей!», «Расход Кириллова монастыря, а приход – Репной пустыни».

Кузьма из греч. Косма ‘космос, мир, порядок, мироздание’ [11: 216]. В русских говорах: ‘горемыка’, ‘злой человек’. Кузенька – ‘о простодушном, беззлобном, а также несчастном, бесталанном человеке’: «Кузеньку подкузьмили. Горькому Кузеньке – горькая и долюшка», «Поживёшь – и Кузьму отцом назовёшь», «Не грози, Кузьма, не дрожит корчма», «Прежде Кузьма огороды копал, а ныне Кузьма в воеводы попал» [4: 21].

Мартын из лат. 'воинственный', 'римский бог войны Марс' [11: 232]. В русских говорах Мартын, Мартынушка 'безобразное лицо'; 'человек с шутовскими манерами': «Мартын с балалайкой»: «Добр Мартын, коли есть алтын», «Потерял Мартын отцов алтын», «Не ждёт Мартын чужих полтын; стоит Мартын за свой алтын», «Алтын Мартыну – ни сапог подшить, ни скоба подковать», «Шутил Мартын, да и свалился под тын».

Фока из греч. Фокос 'имя легендарного основателя Фокиды – области Средней Греции, включающей гору Парнас' [11: 327]. В русских говорах: 'дурачок', 'простофиля': «Взяло Фоку сзади и сбоку», «Денис, ступай на низ; а ты, Фока, гляди сбоку», «Фоку да Якова и сорока знает», «Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко: хоть за Фоку, да подле боку», «Фоку приставляй сбоку, а Демид прямо глядит».

Фома из греч. 'близнец' [11: 327]. Имя широко известно в народе. Оно употребляется с иронией в значениях: 'простофиля', 'шут': «Один сынище, и тот Фомище», «Ищи, Фома, чтоб полна была сума; ищи, Еремей, чтоб не растрясти своей!», «Знают Фому и в рогозинном ряду», «Фома не купит ума, своего продаст», «Горюет Фома, что пуста у него сума», «Фома на гудке играть, а Ерёма глазами мигать», «У Фомки пили-пили, да Фомку же и били», «У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома», «Зовут Фокою, а живёт собою: в гости не ездит, и к себе не зовёт».

Яков из др.-евр. яакоб : акеб 'пятка; согласно библейскому преданию, Яков – близнец, родившийся вторым, – держал своего первородного брата Исава за пятку, чтобы не отстать от него' [11: 342]. В русских говорах: 'недалёкий человек': «Потягота на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого», «Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы», «Перепадает и всякому, да не как Якову», «Ну, Яшка, плоха твоя замашка!», «Затвердил, что сорока Якова одно про всякого», «Не тужила, не плакала – пошла Марфа за Якова!».

Много и плодотворно В.И. Даль потрудился и над катойконимами, правда, гораздо больше он их приводит в своем собрании «Пословиц русского народа»: «"И пензенцы в Москве свою ворону узнали", "Новгородцы такали, такали, да Новгород и протакакали", "Верейцы – сочевники", "Дмитровцы – лягушечники, болотники", "Рузцы – дровосеки", "Тверитяне вприглядку с сахаром чай пьют. Цуканы", "Кимряки – сычужники" и т.п.» [3].

Наличествующие в Словаре этнонимы чаще подаются в переносном значении (*немец, немка* – 'немой, немая') и реже в прямом (абаз).

Конечно же, много данных, касающихся мифологических элементов. Так, большая статья посвящена имени Иван и его мифологизму в фольклоре и в быту.

Особое внимание В.И. Даль уделит народной астрономии. Прежде всего, это названия *Плеяд, Полярной звезды, Большой Медведицы, Венеры, и Млечного Пути* в народных говорах. Созвездие Плеяды, состоящее из шести хорошо видимых и одной слабо видимой звёзд, в русском языке чаще всего называется родным словом *Стожары*. Популяризатор астрономии М.М. Дагаев полагал, что это название «означает "множество огней" (сто – много; жар – огонь)» [2: 39]. Конечно же, это типичнейший образец так называемой народной этимологии. В.В. Иванов и В.Н. Топоров без каких-либо ссылок на источник производят *Стожары* от *Волостожары*. Правильное понимание этого названия обнаруживается в Словаре В.И. Даля. Оно обозначает шесты вокруг *стога* сена, воткнутые для укрепления или ограждения. Польский языковед и этнограф К. Мошиньский попытался объяснить название Волостожары через перенесение этого названия с названия Полярной звезды: «Однако с т.зр. на то, что в некоторых местах России народ и посегодняя знает её (Полярную звезду – Г.К.) и называет *стожаром*, понимая как шест, вокруг которого ходит вол, спрашивается: не носила ли она когда-то название *volostožarь* 'столб для привязи волов' и не то ли название, изменивши семантику, дало начало многочисленным вариантам одного из древних имён Плеяд (рус. *волосожар, стожары, болг. стожарі* и т.д.)». Именно это созвездие играло серьёзную роль для определения времени в ночные часы. Некоторые учёные даже полагают, что это основное созвездие в русской народной астрономической системе.

В народных говорах русского языка насчитывается около 40 названий этого созвездия. В воронежских говорах *Стожары* называются по-разному: иногда *Стожары* ("Я дю'жа люблю' эту сазве'здию – **Стажа'ры**"; с. Красное, Таловский р-н), но гораздо чаще *Висожа'ры, Восожа'ры, Высожа'рь* и *Волосожа'ры*. У В.И. Даля мы находим: «Стожары, созвездие плеяд, Волосожары, утиное гнездо; местами зовут так медведицу, юж. воз, причислив к ней полярную звезду, которая и представляет стожар, кол, вокруг которого ходит лось или лошадь на приколе. "Коли звездисто и стожар (созвездие плеяд) горит – иди смело на медведя"».

В русских говорах наблюдается более 50 различных названий Большой Медведицы. По ходу Большой Медведицы на небе в ночное время легко высчитывать время. Видимо, благодаря именно данной функции это созвездие, как и Плеяды (Стожары), в говорах Воронежской области иногда называют **Висожарами** или **Восожарами**: Большая Медведица у Даля подана в народной номинации: «Коромысло – созвездие Большой Медведицы, по которому крестьяне узнают полночь, говоря: коромысел докачался: на юге воз, на вост. конь на приколе, на сев. лось».

В русских народных говорах Млечный путь имеет более двух десятков названий. В воронежских говорах он чаще всего называется Батева Дорога (Ба'тева и Бате'ва, Бата'ва, Бате'ева, Ба'тьева, Баде'ева, Ба'дева, Баде'ва и Баке'ева). В с. Затон Бутурлиновского р-на о Млечном пути говорят так: «Ба'тева даро'га – яр'кя, хуч звёздушки шиш'та'й». В с. Русская Гвоздёвка Семилукского р-на Млечный путь описывают почти также: «Ба'тева даро'га на не'бу – звёзды в ря'душык прату'лись, ча'стыи звёзды на э'тай даро'шки». А в д. Третьяки Борисоглебского р-на, да и во многих других районах Воронежской области это название объясняют следующим образом: «Звёзды, е'сли как даро'га, – е'та Ба'тева Даро'га. Ра'ньшы салда'ты хади'ли на е'нтай даро'ги». В словаре В.И. Даля это название восстановлено и приведено как **Батыева дорога**, то есть дорога, по которой проходили воины Батыя: «Батыева дорога, (Бакеева дорога) тмб., тул. моисеева дорога, моисеев или млечный путь».

В 1845 году в доме В.И. Даля открывается Русское Географическое общество. Владимир Иванович не только предоставил свою квартиру в качестве штаба этого объединения выдающихся российских ученых, но и сам был учредителем и активным его членом.

А вот несколько образцов жизненной пригодности Словаря В.И. Даля в наше время. Для В.В. Набокова в вынужденной эмиграции словарь В.И. Даля оказался нитью, связующей его с Родиной. Вот что он писал в воспоминаниях «Другие берега»: «Однажды, на рыночной площади посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горацийев "Толковый словарь" Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц ежевечерне, отмечая прелестные слова и выражения...»

Вера Инбер писала сразу после снятия ленинградской блокады: «Вчера полдня упивалась словарем Даля. Читала букву "Ш". Это мне нужно для шума деревьев. Но я убеждаюсь, что Даля надо читать ежедневно и что наш поэтический словарь, за исключением одного, быть может, Пастернака, очень убог» [5: 156].

Писатель из Екатеринбурга В. Крапивин: «Даль был по образованию моряком, и в его словарь попало много морской терминологии. А я много пишу о море, о морских приключениях, и все эти слова для меня очень важны» [13].

Известный российский прозаик А. Битов рассуждал о происхождении собственной фамилии: «... с фамилией много было всего связано, про одну только фамилию можно рассказать новеллу... Фамилия ясная, простая, но ни одного однофамильца за всю жизнь не встретил ...»

А в году так в 57-м, когда я еще писал стихи, руководитель нашего литобъединения в Горном институте, – был такой хороший ленинградский поэт Глеб Семенов, – позвал как-то литературного генерала, Бориса Абрамовича

Слуцкого, слушать молодых... И вот он их слушал и только спрашивал: "Фамилия у тебя как?" – "Британишский". – "Надо брать псевдоним!". "Фамилия?" – "Кушнер". – "Надо брать псевдоним!". А в конце говорит: "А этот молодой человек симпатичный – чего тут сидит молчит?" – "Да я только начал писать, вообще-то..." – "А фамилия как?" – "Битов", – а он говорит: "Вот это фамилия!"...

Были у меня всякие тщеславные старинные дядюшки, которые даже подумывали о том, что фамилию эту надо писать с двумя "ф" на конце... Тем не менее, дразнилки в школе после войны все были по фамилиям, и я был Битый, Биток (то есть котлета) и так далее. Потом, когда начал сочинять какие-то первые стишки, подумывал, не взять ли материнскую красивую фамилию – Кедров... Затем раздобыл как-то словарь Даля и сразу посмотрел, конечно, слово "бить", и нашел замечательную этимологию... Дело в том, что проследить далеко генеалогию Битовых я не могу, но корни уходят куда-то на Север, в поморские края. Знаю, что прадед имел лесосплав и пропилил его на Олонце, потом они спустились в Череповец... и вот я далее читаю, что "битать" – это водить лодку, а "битовня" – это снасть! Ну, думаю, – все, морская фамилия, значит! Красивая романтика, и всякое такое, но дело в том, что Даль, этот датчанин-швед, был западный довольно человек, все записывал, что положено по букве, ничего не пропускал, – так вот он в скобках напротив этого толкования написал: "крайне сомнительно!"

Все-таки я думаю, кого-то когда-то побили... Но не исключено и редуцирование восточных фамилий – обрезанная, как "Боков" от "Набоков"» [1].

А вот воспоминания прекрасного поэта-переводчика С. Липкина о лингвистическом конфликте между Э. Багрицким, С. Есениным и... В.И. Далем: «Однажды (пересказываю Багрицкого), когда он сидел в кабинете редактора, вошел туда Есенин. Воронский представил ему Багрицкого, сказал: "Вот, собираем литературные силы, товарищ приехал из Одессы, мы его напечатали", – и показал Есенину свежий номер журнала. Есенин прочел стихотворение, небрежно заметил: "Здесь нехорошо "земля рассолодела", нужно "рассолодела". Багрицкий возразил – мол, его ударение правильное. "Зачем спорить, – решил помирить поэтов Воронский, – заглянем в Даля". По словам Багрицкого, Даль подтвердил его правоту. "Что он понимает в русском языке, этот жид", – будто бы сказал Есенин о Дале».

Выслушав рассказ Багрицкого, я пошел в нашу Публичную библиотеку на Херсонской, взял четвертый том Даля, – впервые взял в руки словарь. Прав оказался Есенин. "Разсолодь'ть" – утверждает обрусевший датчанин» [7: 266].

А.Е. Крученых вспоминал, что словарь В.И. Даля помог ему «узнать» слово *лампоно*: «Маяковский записывал слова, когда выступал. У него есть такие

странные слова, что мы даже не знаем, откуда они. Например, в одном журнале ("Бов" или "Крысодав", не помню) были к рисункам четверостишия. <...> Там есть такая строка: "Успокойтесь жизнь малина лампопо". Что такое "лампопо"? Есть "Лимпопо" у Чуковского, это река в Африке, а "лампопо", оказывается, есть в словаре Даля. Я как-то разговаривал с Л.А. Кассилем. Он сказал, что написал вещь, где одна лисица говорила, что растерзала дичь "по-по-лам, по-по-лам, лам-по-по, лам-по-по". "Я думал, – сказал Кассиль, – что это я сочинил, а оказывается это есть у Маяковского и в словаре Даля..." У Даля сказано, что это перестановка слова по-по-лам, лам-по-по. При игре в карты оно означает, что взятки взяли пополам, или оно означает легкий напиток: пополам лимонад и еще какая-нибудь вода. "Из малины – лампопо". С Маяковским осторожно надо быть» [6: 230].

И, наконец, последний, казусный случай. Писатель Э. Успенский задумал судиться из-за названия магазина, в котором использовано слово, придуманное, как полагает маститый автор, именно им самим – *Чебурашка*. Адвокат Э. Успенского заявил по телевидению о «праве собственности писателя на это слово». Многие стали недоумевать, что же он таким образом и весь русский словарь себе присвоит? Так, Ю. Вронский, чтобы дойти до истины, обратился к Словарю В.И. Даля: «Чебурахать, чебурахнуть, чебурахнуться» – глаголы, означающие бросание или падение чего-либо или кого-либо. Глагол «чебурахнуться» особенно часто звучит в речи детей, потому что дети падают чаще взрослых. Он удачно использован в сказочке Горького «Про воробышку». Есть и существительное «чебурашка». Это «ванька-встанька, куколка, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги». Такая вот лингвистическая «собственность»... А как легко было избежать конфуза – всего лишь заглянуть в словарь!» [12].

И, действительно, когда обращаешься к этимологическим словарям русского языка, убеждаешься, насколько они недалеко ушли от Даля в исторической семантизации – как правило, авторы словарных статей стараются лишь накидать побольше примеров из Даля, из других славянских языков, а ты уже сам разбирайся, как это соотносится с древнейшими формами.

Изо всего этого мы видим, что Словарь В.И. Даля не только не устарел – с каждым годом он становится все более необходимым, востребованным. Да и мы вовсе не возвращаемся к нашей жемчужине, а движемся за ним вперед!

Литература

1. *Битов А.* XXI век уже наступил // Литературная газета, 1996. – № 51. – С. 5.
2. *Дагаев М.М.* Наблюдения звёздного неба. – М., 1983. – 175 с.

3. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. – М., 1862. – 259 с.
4. *Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. – СПб., 1910. – 469 с.
5. *Инбер В.М.* Страницы дней перебирая... – М., 1977. – С. 156.
6. *Крученых А.Е.* Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых. – Berkeley, 1999. – 498 с.
7. *Липкин С.И.* Квадрига. – М., 1997. – 640 с.
8. *Макаров В.И.* В.И. Даль и восточнославянская диалектология // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки, 2001. – №2. – С. 6-17.
9. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. – М., 1996 – 480 с.
10. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 200.
11. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. – М., 1998. – 528 с.
12. Литературная газета, 1999. – №33-34. – С. 9.
13. Деловой вторник, 2001. – 3 апр. – С. 4.

Раздел V. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

*V. V. Katermina (Кубанский государственный университет)
V. B. Zhavoronkova (Северо-Кавказский филиал Российского
государственного университета правосудия)*

Аннотация. Качество перевода обуславливается множеством факторов, среди которых возможно выделить фоновые знания. В рамках рассмотрения роли фоновых знаний в переводе, было проведено исследование, направленное на установление связи между фоновыми знаниями и качеством финального перевода. Ход исследования и полученные результаты изложены в настоящей работе. В процессе исследования участниками был выполнен письменный англо-русский перевод отрывков двух аутентичных медиа-текстов разной тематики и заполнен опросный лист. Анализ переводов и данных, полученных из опросника, позволяют, в частности, установить, что при наличии базового уровня лексической компетенции, владение релевантными фоновыми знаниями облегчает восприятие оригинального текста и снижает количество допускаемых при переводе смысловых и стилистических ошибок. Результаты проведенного исследования дают основание утверждать, что наличие необходимых фоновых знаний является одним из важных составляющих адекватного перевода.

Ключевые слова: фоновые знания, перевод, качество перевода, адекватный перевод, лингвокультурный фон, специальные знания, переводческая компетенция, лексическая компетенция, медиа-текст.

BACKGROUND KNOWLEDGE AS A MEANS OF ACHIEVING ADEQUATE TRANSLATION

*V. V. Katermina (Kuban State University)
V. B. Zhavoronkova (North Caucasian Branch
of Russian State University of Justice)*

Abstract. The quality of translation is determined by many factors, among which background knowledge is distinguishable. As part of the research of the role of background knowledge in translation, a study to establish the relationship between background knowledge and the quality of the final translation was conducted. The course of the study and the results obtained are described in this paper. In the course of

the study, the participants performed a written English-Russian translation of two authentic media text abstracts and filled out a questionnaire. The analysis of translations and the data obtained gives reason to state that, provided there is a basic level of lexical competence, the relevant background knowledge facilitates the perception of the original text and reduces the number of semantic and stylistic errors made in the translation. The results of the study suggest that the availability of the necessary background knowledge is one of the important components of adequate translation.

Keywords: background knowledge, translation, translation quality, adequate translation, linguistic and cultural background, special knowledge, translation competence, lexical competence, media text.

Выполняя перевод, мы стремимся к достижению адекватности. Адекватный перевод, согласно «Толковому переводоведческому словарю» Л.Л. Нелюбина, – это «перевод, соответствующий оригиналу; перевод, при котором наиболее полно передан смысл текста путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов всех применяемых автором средств» [2: 14-15]. Другими словами, адекватный перевод – это перевод полноценный. А.В. Федоров в труде «Основы общей теории перевода» утверждает, что «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [3: 151]. То, насколько текст-оригинал и текст-перевод соответствуют друг другу, зависит от множества лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых необходимо выделить фоновые знания.

Фоновые знания, в широком смысле, – это все знания, которыми обладает человек к моменту коммуникации. Согласно определению, данному О.С. Ахмановой, фоновые знания – это «обобщенное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1: 543]. Очевидно, в рамках текста, мы можем говорить об авторе как о «говорящем», а о читателе как о «слушающем».

Полноценный и адекватный перевод невозможен без восприятия и последующей передачи всех смыслов, коннотаций и подтекстов, заключенных в тексте-оригинале. Высокий уровень лингвистической компетенции сам по себе не гарантирует полного восприятия информации, так как понимание любого текста предполагает вовлеченность «слушающего» в контекст. Отсутствие релевантных для конкретного текста фоновых знаний может привести к тому, что смысл будет воспринят не полностью или даже неверно, и это в последующем приведет к некачественному (неадекватному) переводу.

Для того чтобы установить роль фоновых знаний в достижении адекватного перевода, нами было проведено экспериментальное исследование. Данное исследование было выполнено в несколько этапов:

- 1) отбор текстов;
- 2) подготовка и выполнение перевода участниками;
- 3) заполнение участниками опросного листа;
- 4) анализ полученных данных.

В исследовании участвовало 27 человек. Несмотря на небольшое количество участников, удалось составить достаточно широкую демографическую карту: возраст от 16 до 60, различный род деятельности, жизненный и языковой бэкграунд. В старшей возрастной группе (35-60 лет) были учителя английского языка, 5 человек. Девять молодых специалистов, имеющих достаточный уровень языковой компетенции для участия в исследовании, но не занимающиеся переводом в повседневной жизни, представляли «среднюю» возрастную группу (24-26 лет). В младшей возрастной группе (16-18 лет) были ученики старших классов языковой гимназии. Данная группа составляла 13 человек от общего количества участников. Уровень знания английского языка среди участников варьировался от А2 (младшая возрастная группа) до С1 (старшая возрастная группа).

Все участники были разделены на две подгруппы. Обе подгруппы могли пользоваться онлайн-переводчиками и словарями. Однако первая группа также могла использовать поисковые системы и переводчики, дающие слово или словосочетание в контексте (например, *ReversoContext*), в то время как вторая могла использовать только переводчик или словарь. Обе группы во времени ограничены не были. Такое разделение показалось нам уместным, так как основным фокусом исследования являлись фоновые знания. Таким образом, первая подгруппа смогла бы компенсировать отсутствие релевантных фоновых знаний на этапе подготовки к переводу поиском информации, в то время как вторая подгруппа была ограничена в поиске дополнительной информации.

Данные условия позволили с большей точностью проследить влияние наличия необходимых фоновых знаний на адекватность финального перевода.

Нами было выбрано две аутентичные статьи из изданий англоязычной прессы (*History Extra (BBC History Magazine)*, *The Economist*), имеющих разную направленность. *BBC History Magazine* имеет широкую целевую аудиторию и публикует статьи об истории. *The Economist* – новостной журнал, освещающий политические, экономические, финансовые и деловые новости. Выбор именно этих журналов показался нам целесообразным, так как восприятие опубликованных в них статей требует от адресата фоновых знаний разной природы.

Для перевода участникам был предложен фрагмент из статьи *Black Death facts: your guide to “the worst catastrophe in recorded history”*:

“Yet, the plague skipped over or barely touched other villages, even within Cambridgeshire, and may not have infected at all vast regions such as ones in northern German-speaking lands. Given the state of record-keeping and preservation, we will probably never be able to estimate the Black Death’s European toll with any precision” [5].

На наш взгляд, первый текст являлся менее сложным как для понимания, так и для перевода. Это обусловлено тем, что в тексте говорится об универсально-прецедентном феномене, т.е. о феномене, известном любому среднестатистическому образованному человеку. Среди потенциально сложных для восприятия и перевода фрагментов текста мы выделили синтаксические конструкции.

Второй фрагмент для перевода был взят из статьи *Big business is beginning to accept broader social responsibilities*:

“Business people, being people, like to feel they are doing good. Until the financial crisis, though, for a generation or so most had been happy to think that they did good simply by doing well. They subscribed to the view that treating their shareholders’ need for profit as paramount represented their highest purpose. Economists, business gurus and blue-chip CEOs like those who make up America’s Business Roundtable confirmed them in their view” [4].

Данный фрагмент изначально казался нам более трудным для восприятия и перевода в силу более узкой тематики текста. Синтаксическое построение предложений и некоторые лексические единицы (*blue-chip CEOs*, *Business people...like to feel they’re doing good, did good simply by doing well, They subscribed to the view that treating their shareholders’ need for profit as paramount represented their highest purpose*) были нами выделены как потенциально трудные.

Как уже упоминалось, после чтения полного текста статей и выполнения перевода их фрагментов, участникам было необходимо заполнить опросный лист. Мы попросили максимально развернуто ответить на следующие вопросы:

- 1) Насколько сложным показалось задание?
- 2) О чем тексты?
- 3) Знакома ли Вам тематика текстов?
- 4) Какие фрагменты текста показались Вам наиболее трудными?

Проанализировав финальные переводы участников и данные ими ответы на вопросы, нам удалось сделать некоторые наблюдения.

Большая часть участников из обеих подгрупп посчитало задание «несложным» или «среднего уровня сложности».

Как и предполагалось, первый текст не вызвал у участников проблем. Все участники верно определили тематику текста и указали, что знакомы с ней; это могло послужить причиной получения адекватного перевода. Все переводы, предоставленные нам, были достаточно высокого качества и без смысловых ошибок. 10 участников, однако, отметили, что имели некоторые трудности при переводческой трансформации первого предложения фрагмента.

Второй текст, как и прогнозировалось на этапе отбора статей, оказался сложнее. Лишь 4 участника указали в опроснике, что хорошо знакомы с темой текста, 10 человек указали, что о теме знают, но в ней не разбираются, в то время как остальные ответили, что с темой текста не были знакомы ранее. Выделенные нами потенциально сложные лексические и синтаксические единицы были переведены с ошибками. Так, словосочетание *blue-chip CEOs* действительно вызвало наибольшую трудность при переводе текстового фрагмента. Перевод «руководители голубых фишек», который можно считать адекватным, т.к. «голубые фишки» вошли в пользование, встретился в 12 работах. «Руководители крупных компаний со стабильной доходностью», что также является адекватным переводом, встретился 8 раз. Несколько участников при переводе данное словосочетание опустили. В 3 работах была дана транслитерация «блю-чип CEOс», и один участник дал перевод «разработчики CEOс», что является смысловой ошибкой.

Важно отметить, что среди переводов, выполненных подгруппой, которой был доступен поиск дополнительной информации и контекстных переводчиков, смысловых и даже стилистических ошибок допущено не было. Интересным также оказался тот факт, что участники, обладавшие не самым высоким уровнем лингвистической компетенции, но входившие в подгруппу с разрешенным использованием дополнительных источников, имели более качественный перевод, чем участники из второй подгруппы, обладавшие более высоким уровнем языковых знаний. Второй текст оказался показательным: участники, имевшие релевантные фоновые знания, предоставили качественный и адекватный перевод, в то время как участники, незнакомые с тематикой текста, допустили в переводе частичную или полную потерю смысла.

Таким образом, полученная нами информация позволяет умозаключить, что наличие фоновых знаний повышает шанс полного понимания исходного текста, а также может компенсировать недостаток лингвистической и переводческой компетенций при выполнении перевода. Данный вопрос требует более подробного рассмотрения, однако проведенное нами исследование позволяет утверждать, что фоновые знания являются одним из ключевых факторов для достижения адекватного перевода.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2004. – 571 с.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003. – 320 с.
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., 1983. – 216 с.
4. Big business is beginning to accept broader social responsibilities // Электронный ресурс <https://www.economist.com/briefing/2019/08/22/big-business-is-beginning-to-accept-broader-social-responsibilities>. (Дата посещения: 12.03.2021).
5. The Black Death: Key Facts About The Bubonic Plague That Ravaged Europe – HistoryExtra // Электронный ресурс: <https://www.historyextra.com/period/medieval/black-death-plague-epidemic-facts-what-caused-rats-fleas-how-many-died>. (Дата посещения: 12.03.2021).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УСТАРЕВШИХ СЛОВ
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ СООТНЕСЕННОСТИ

Л.В. Молчанова (ВУНЦ ВВС «ВВА»)

Г.Н. Межецкая (Череповецкий государственный университет)

П.А. Оттерман (ВУНЦ ВВС «ВВА»)

Аннотация: Статья посвящена проблеме сохранения национального своеобразия переводимого подлинника, когда встает вопрос о передаче его исторического колорита. При этом вопрос передачи исторического колорита практически решается в связи с основной целью перевода – ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания тоже был современным.

Ключевые слова: перевод, устаревшие слова, приемы перевода, художественное произведение.

FEATURES OF TRANSLATING OUTDATED WORDS
IN THE NOVEL F.M. DOSTOEVSKY "IDIOT"
IN TERMS OF TIME ALLOCATION

Abstract. The article deals with the problem of preserving the national identity of the original being translated when the question arises of transferring its historical color. At the same time, the issue of transferring historical color is practically resolved in connection with the main purpose of translation – to familiarize the modern reader with a literary monument, which at the time of its creation was also modern.

Keywords: translation, outdated words, methods of translation, artwork.

L.V. Molchanova (The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy)

G.N. Mezhetskaja (Cherepovets State University)

P.A. Oppermann (The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy)

Наряду с проблемой о сохранении национального своеобразия переводимого подлинника встает вопрос о передаче его исторического колорита. При этом вопрос передачи исторического колорита практически решается в связи с основной целью перевода – ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания тоже был современным.

Основная задача нашего исследования – выявление способов реализации устаревших слов (архаизмов и историзмов) при переводе романа Ф.М. Достоевского «Идиот» на немецкий язык с целью определения возможных особенностей их передачи в языке другой культуры. В качестве переводного текста мы использовали перевод Германа Рёля [3].

Следует учитывать, что развитие языков происходит разными темпами и говорить о каких-либо хронологических соответствиях не приходится. Поэтому уже вначале нужно отметить, что сложность и многогранность устаревшего пласта лексики романа Достоевского «Идиот» потребовало от Г. Рёля большой ответственности и мастерства. В своем переводе он, как мастер своего дела, выбрал не стратегию буквализма, а стратегию художественности.

Почему Федор Михайлович Достоевский?

Достоевский – это, пожалуй, самый узнаваемый и самый читаемый русский писатель за рубежом, его проза известна даже больше прозы Л. Толстого и гораздо больше прозы А. Пушкина.

Удивительно, что немецкие литературоведы, рассуждая о романтической, возвышенности, платоническом характере отношений между мужчиной и женщиной, говорят о том, что идеальная пара напоминает им героев Достоевского.

Перевод литературного произведения может произойти сразу же после его создания, а также спустя десятилетия или через сотни лет. Временная дистанция, которая отделяет перевод от оригинала, влияет на творческие цели переводчика и языковые особенности переводного текста.

Возникает вопрос: Переводить ли иноязычные романы прежних веков языком той эпохи? Ответ не однозначный.

1. С одной стороны, конечно, этого делать нельзя. Такой перевод будет малопонятным современному читателю, так как он создается для определенной языковой эпохи, современной читателю.

2. С другой стороны, Ирина Алексеева, маститый переводчик, считает, что современная техника перевода модернизации текста не признает [1]. Переводчик не должен брать на себя ответственности модернизировать подлинник, чтобы читатель ощутил себя современником автора. Значит и перевод должен нести на себе отпечаток тех далеких времен. Современный перевод должен дать информацию читателю о том, что текст не современен, и с помощью особых приемов показать, насколько он древен. В создании временного колорита участвует и содержание произведения, и его форма. Переводчик не касается структуры, а форма целиком в его власти.

Первое обязательное условие создания временной дистанции – отсутствие в лексике перевода модернизмов, слов, которые не могли употребляться в то время, когда создавался подлинник.

Когда на вопрос нельзя ответить однозначно, принимается компромисс:

Для массового читателя классические произведения печатаются с орфографическими и морфологическими адаптациями и транскрипциями согласно правилам современного языка. Таким образом, устаревшие тексты и в лоне родного языка имеют свои временные варианты. Адаптация обычно касается материальной стороны языка, главным образом, его графики и морфологических форм, а *канонический* текст оригинала на проверку оказывается не столь уж неприкасаемым.

С теоретической точки зрения, Виноградов В.С. признает, что существуют **синхронные и диахронные** переводы [2].

Мы говорим о диахронном переводе, когда переводятся произведения прошлых веков, временная дистанция между созданием подлинника и перевода становится значительной, временные уровни языков оригинала и перевода уже не являются соотносительными, а экстралингвистические характеристики соответствующих эпох различаются коренным образом.

При диахронном переводе возникают дополнительные сложности. Переводчику нелегко определить слова и обороты, которые в пору создания подлинника считались архаичными и употреблялись автором в определенных стилистических целях. Трудность идентификации возрастает ещё и потому, что язык всего произведения воспринимается как язык другой эпохи, в котором встречаются архаизованные элементы по сравнению с современной языковой нормой.

Итак, «устаревшие слова» – это общее понятие для архаизмов и историзмов.

Наиболее ёмкое определение **архаизмов** дает, на наш взгляд, Венедикт Степанович Виноградов: это устаревшие слова, которые называют исчезнувшие из быта национальной общности предметы обихода, орудия труда, обрядовые вещи, понятия, оружие, учреждения, должности.

Выборка выявленных нами архаизмов содержала лексику этих групп, включая дополнительные понятия (обращения, меры веса, величины и др.)

Тогда как **историзмы** – (опять же по Виноградову) – Устаревшие значения современных слов, например, *стол* ('престол, княжение'), *дом* ('в смысле 'царская династия'), *приказ* ('учреждение'), *ярлык* ('ханская грамота, указ'), *ядро* ('орудийный снаряд').

При переводе романа «Идиот» на немецкий язык переводчиком были реализованы как лексические, так и грамматические архаизмы.

В языковой палитре романа Достоевского «Идиот» архаизмы, как правило, многофункциональны. Они воссоздают колорит места и времени, служат для стилистических целей: с их помощью речь делается торжественной, возвышенной, ионической, сатирической. У них богатый набор стилистических функций.

Методом сплошной выборки в переводном тексте мы обнаружили 367 лексических единиц, имеющих в толковом словаре русского языка пометку «уст».

Выделенные устаревшие слова **по семантическому признаку** были разделены на несколько лексико-тематических групп:

«обращения»: сударь, матушка, маменька, барышня, девка, девица, смотритель, Милостивый государь!

«звания, должности»: фельдфебель, денщик, половой, писарь, ходок;

«болезни, недуги»: падучая, кондрашка;

«кухня, еда»: потчевать, откушать;

«эмоции»: гневливый, осердиться;

«предметы обихода»: сенцы;

«меры величин»: аршин, целковый, вершок;

«обрядовые вещи»: свивальник;

«учреждения»: земская деятельность.

В тексте перевода после проверки немецких эквивалентов по толковому словарю мы обнаружили, что далеко не все лексические единицы имеют помету «veraltet».

Из 367 Было выделено лишь 16 примеров (*старуха-ключница – eine alte Haushälterin; наложница – die Konkubine* и др.)

При переводе устаревших слов использовались следующие приемы перевода:

1. Буквализм:

а) *звания*: фельдфебель – Feldwebel

Хотя здесь не так все просто: в немецком языке это слово не является устаревшим, значение – старший сержант.

б) *фольклор*: Komarinskij / Kamarinskij

в) *меры измерения*: верста – die Werste

г) *знаки воинских различий*: эполет – die Epulette

2. Калькирование

а) *полное калькирование*: избушка на курьих ножках – Haus auf Hühnerbeinen

б) *частичное калькирование*: однодворцы – Einhofbauern

в) *переводческие окказионализмы и неологизмы*: старчество – Starzentum

3. Описательный перевод

а) *поддевка* – der langschröbige altrussische Rock

б) *аршин* – 1 Arschin = 71,1 cm

в) *Jurodiwy* – ein von Geburt Blödsinniger, ein »Narr in Gott«; das Volk hält solche Menschen für besondere Schützlinge Gottes, oft für Propheten

4. Аналогическое новообразование (образование по аналогии)

а) *передача аналогичным понятием*: водка – Schnaps

б) *передача аналогичным заимствованием*: подпоручик – Second-Lieutenant

в) *передача по типу «гипоним» – «гипероним»*:

половой – der Kellner;

уезд – die Kreisstadt;

подавай самовар! – Gib den Tee hier!

Примеров, где слова перевода являются современными, оказалось наибольшее количество. В переводе это оказались слова, понятные читателю XX – XXI веков.

В др. случаях переводчик использовал всевозможные обороты речи:

а) усы его были нафабрены – der Schnurrbart war frisch gefärbt;

б) давеча – heute am Tage;

в) в сенцах одна-одинешенька – auf dem Flur in einer Ecke.

Параллельно с лексическими в тексте перевода были отмечены и синтаксические архаизмы, которые переводчик стремился сохранить с учетом актуального, коммуникативного и смыслового для того времени построения речи.

Итак, собрав 367 примеров устаревших слов в оригинале и 303 примера в переводе, и проанализировав их, мы пришли к выводу, что переводчик чаще использует при переводе модернизмы.

Из всего вышесказанного следует вывод, что за прошедшее со дня смерти писателя время сложилась богатая традиция переводов Достоевского на немецкий язык. В огромном большинстве – это качественные переводы, авторы которых отвечают на большую часть художественных вызовов, пасуя только перед авторскими архаизмами, историзмами и неологизмами. Важно отметить, что при выборе между двумя переводческими стратегиями, а именно буквализмом (дословной точностью) и художественностью немецкие переводчики обычно делают выбор в пользу художественности.

Бывают и переводческие неудачи. Но отдельные случаи переводческих неудач не умаляют огромного значения переводов Достоевского в деле пропаганды русской культуры среди германоязычной аудитории. В будущем, наверное, ожидаются новые, ещё более удачные переводы русского писателя, и этот опыт анализа может быть продолжен и расширен. Тема наилучших стратегий при переводе Достоевского ещё ждет своего исследователя.

Литература

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

3. *Dostoevskij F.M.* Der Idiot. Übersetzt von Hermann Röhl. – Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1981.

СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Н.Г. Сичинава (Кутаисский университет им. А. Церетели)

Аннотация: Для художественной манеры Ф.М. Достоевского характерна риторичность речевой формы, что проявляется в обильном использовании средств языковой выразительности. Экспрессивность стиля великого писателя поддерживается также употреблением фразеологизмов. Именно устойчивые единицы языка, обладая ярко выраженными национальными чертами и коннотациями, способны создать серьезные барьеры при переводе на иностранный язык. Изучение грузинского перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» позволило сделать вывод о разнообразии приемов передачи использованного в нем фразеологического корпуса.

Ключевые слова: перевод, идиома, пословица, эквивалент, аналог, парафраза, опущение.

STRATEGIES FOR ACHIEVING INTERLINGUISTIC EQUIVALENCE WHEN
TRANSLATING THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF F.M. DOSTOEVSKY'S
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" INTO GEORGIAN

Sitchinava N.G. (Akaki Tsereteli State University)

Abstract. The artistic manner of F.M. Dostoevsky is characterized by the rhetorical nature of the speech form, which is manifested in the abundant use of means of linguistic expressiveness. The expressiveness of the great writer's style is also supported by the use of phraseological units. It is the stable units of the language that have pronounced national features and connotations and are able to create serious barriers when translating into a foreign language. The study of the Georgian translation of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" allowed us to draw a conclusion about the variety of methods of transmitting the phraseological corpus used in it.

Keywords: translation, idiom, proverb, equivalent, analog, paraphrase, skipping.

Для художественной манеры Ф.М. Достоевского характерна риторичность речевой формы, что проявляется в обильном использовании средств языковой выразительности, тропов и синтаксических фигур. Экспрессивность стиля великого писателя поддерживается также употреблением фразеологизмов,

в языковой природе которых изначально заложена многогранная палитра образов, обладающих действенной силой в качестве инструмента создания речевого мира литературного произведения. Исследование вопроса о функционировании фразеологизмов в романах Ф.М. Достоевского привлекает особое внимание специалистов в области перевода и межъязыковой коммуникации, так как именно устойчивые единицы языка, обладая ярко выраженными национальными чертами и коннотациями, способны создавать серьезные барьеры при переводе на иностранный язык.

Перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» был осуществлен в 1905 году Иванэ Ахалшенишвили и публиковался им в номерах ежемесячного журнала „ძმადბი“, печатавшегося Типографией грузинского издательского товарищества в Тбилиси. Вторая, исправленная редакция данного перевода вышла отдельным изданием в 1957 году в соавторстве с переводчицей А. Ахалшенишвили (Хахуташвили). Именно этот исправленный вариант неоднократно издавался в Грузии и издается до сегодняшнего дня. Отмечая достоинства данного перевода, драматург и переводчик Реваз Квеселава в 1959 году писал в своей рецензии по поводу публикации на грузинском языке отдельного издания романа «Преступление и наказание», что в 1905 году в Грузии появился хороший перевод одного из шедевров мировой литературы, в то время как в некоторых западных странах публиковались переводы романов Ф.М. Достоевского низкого или среднего качества. Особый акцент рецензент делал на хорошем грузинском языке перевода и обилии идиом, использованных переводчиками [10: 4].

Как справедливо заметил в свое время А.В. Федоров, «передача большого числа фразеологизмов оригинала облегчается наличием готовых соответствий в языке перевода; задача перевода заключается таким образом в нахождении имеющихся соответствий и выборе из их числа наиболее подходящих к данному контексту» [7: 185]. В ту эпоху, когда был выполнен первый перевод романа «Преступление и наказание» на грузинский язык, в распоряжении переводчиков ещё не было ни двуязычных словарей, ни переводных фразеологических словарей, отсутствовали сопоставительные исследования в области русской и грузинской фразеологии. Переводчики полагались исключительно на свою языковую компетенцию и блестяще справились со своей задачей, задействовав в своем переводе обширный фразеологический материал.

Современные переводчики располагают гораздо большими возможностями, чем грузинские авторы первого перевода романа Ф.М. Достоевского; их арсенал пополнился изданием «Грузинско-русского фразеологического словаря» (1966), уже в наши дни группой лингвистов Тбилисского государственного университета была создана электронная база

фонда грузинских идиом и пословиц с эквивалентами на шести (английском, немецком, французском, русском, турецком и арабском) языках (2017).

Проведенный анализ показал, что авторы перевода используют четыре способа перевода ФЕ: 1) эквивалентом; 2) аналогом; 3) созданием кальки; 4) толкованием содержания ФЕ.

Самую малочисленную группу составили фразеологизмы, при переводе которых в тексте перевода были использованы эквиваленты. Полное совпадение входящих в состав идиом образных, а также эмоционально-экспрессивных и стилистических компонентов обнаружили следующие ФЕ: *выиграть время* – *დროს მოგება (დრო მოგეო), зреть руки* – *ხელებს ითბობს, поджать хвост* – *კუდი ამოძობა, подавать надежды* – *იმედს იძლეოდა, ищите и обряцете* – *ეძიეთ და ჰპოვებთ; ногтя (мизинца) не стоить* (чьего) – *იმის ფრხვილადაც არ ღირს, ясно как (божий) день* – *დღესაცო ნათელია, Ноев ковчег* – *ნოეს კიდობანი*. В данных примерах эквивалентные ФЕ грузинского языка воспроизводят как содержание исходной ФЕ, так и её прагматический потенциал.

Фразеологизмы-аналоги различаются структурой и внутренней формой, но при этом обладают сходными сигнификативными и коннотативными значениями. В основе выражаемых ими коннотаций лежат различные эмоционально-экспрессивные и оценочные характеристики действий, состояний и поступков персонажей. Например, несмотря на различие внутренних образов русского *рук не покладать* и грузинского *დღესა და ღამეს ასწორებს* (букв.: «не различать дня и ночи») фразеологизмов, в обоих сравниваемых языках они употребляются для обозначения усердно, прилежно, постоянно работающего человека. Большинство из рассмотренных ФЕ этой группы имеют в своей структуре некоторые сходные компоненты, но передают одинаковый переносный смысл с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма, например: *хвататься за соломинку* – у грузинского аналога внутренняя форма мотивирована образом мха: *წყალწაღებული ხავსს ეჭიდება* (букв.: «утопающий за мох хватается»), *по одежке протягивай ножки* – *საბანი როგორც გაწვდეს, ფეხი ისე გაჭიმეო* (букв.: «насколько хватает одеяла, настолько и вытягивай ноги»); *век живи, век учись* – *კაცს სიბერემდე სწავლა არ მოსჭარბდებაო* (букв.: «человеку до старости учиться на будет лишним») и др.

В ряде случаев переводчикам удалось достигнуть межъязыковой эквивалентности не только посредством использования эквивалентов и аналогов, но и за счет прагматического потенциала ФЕ грузинского языка, не имеющей в структуре своего значения сем, близких или сходных по значению с

фразеологизмом ИТ. В таком случае переводческие решения подчиняются общей, целостной стратегии перевода. При передаче ФЕ исходного текста достижение коммуникативного эффекта в ряде случаев стало возможно благодаря контексту. Так, фразеологизм *держи карман (шире)* употребляется в русском языке в значении «не жди чего-л., не рассчитывай на что-л.». В речи Раскольников этот фразеологизм становится выражением негативного отношения героя, которое он демонстрирует в адрес Лужина: «Значит, все-таки на благородство чувств господина Лужина надеются: «Сам, дескать, предложит, упрашивать будет». Держи карман!». Переводчику удалось добиться реализации прагматического потенциала ФЕ за счет придания иронического оттенка значению грузинского фразеологизма *ვერაფერს (არას, ვერას) დააკლებს* (в знач.: ничего не сделает, ничем не навредит кому-л.): «მამსადამე, ჩანს, ისევ ბატონი ლუჭინის კეთილშობილებს იმედი აქვს. „თვითონვე მთხოვს, არ მომეშვებაო“. როგორ არა, არას დაგაკლებთ!» (Ср. с первоначальным вариантом: «სჩანს, მამსადამე, ისევ ლუჭინის კეთილშობილობის იმედი აქვთ: „თვითონვე მთხოვს, არ მომეშვებაო“. **ჯიბეს უფროხილდი!**»).

Прием нанизывания близких по значению фразеологизмов оказывается эффективным в тех случаях, когда значение каждого из них в отдельности не покрывает полностью значения исходного фразеологизма. Именно таким способом передано в переводе значение фразеологизма *поднимать на зубок (на зубки)* (в знач.: «насмехаться, сплетничать») двумя грузинскими фразеологизмами: *მასხრად აგდება* (в знач.: насмехаться») и *კბილის გაკვრა* (в знач.: оскорблять, сплетничать, недобро отзываться).

Особого внимания заслуживают ФЕ с национально-этническим компонентом в значении. Выражение «ясный сокол» характерно для произведений устного народного творчества, оно дается в словарях с пометой «высокое». В Большом словаре русских поговорок В.М. Мокиенко (2007) идиома «ясный сокол» толкуется как стилистически возвышенное наименование мужчины или воина-юноши. В одном из эпизодов романа эта идиома приобрела иронический оттенок при обращении недовольной хозяйки к Раскольникову, просрочившему плату за комнату, которую он у нее снимал: «Денег не платите! Ишь какой вылетел сокол ясный!». Переводчик привлекает грузинскую идиому *წითელი კოჭი* (букв.: «красная катушка»). Хотя данная идиома употребляется в грузинском языке для характеристики человека, стремящегося быть или казаться самым лучшим, особенным, чем-нибудь выделяться среди окружающих, и в своей семантической структуре не содержит сем, позволяющих считать ее аналогом русской идиомы, в

рассматриваемом контексте она как нельзя лучше передает прагматическую установку речи хозяйки, целью которой является желание унижить Раскольникову своей иронией. Электронный словарь идиом рекомендует переводить грузинскую идиому *წითელი კოჭი* как «высочка», «что он за цаца такая?», «воображала», «зазнайка», которые служат прямыми номинациями отрицательной характеристики человека и не содержат иронии. Поэтому в данном случае переводческая стратегия верно передает прагматическое содержание оригинального текста и может рассматриваться в качестве прагматического (ситуационного) аналога русской идиомы.

После редактирования первоначального варианта перевода отдельные переводческие решения были изменены в пользу введения в контекст фразеологической единицы там, где изначально переводчиком был использован прием описательного перевода. Такой замене подвергся в переводе фразеологизм *одного поля ягода*: «Ну, не правду я сказал, что мы одного поля ягоды?». При передаче на грузинский язык была использована поговорка *ფერი ფერსა, მადლი ღმერთსა*, переносное значение которой полностью совпадает со значением ФЕ оригинала: «არა, ტყუილი ვთქვი მამ, რომ ჩვენ ორივენი ფერი ფერსა, მადლი ღმერთსა-მეთქი?». Данный перевод стоит признать более удачным, так как описательная конструкция лишала текст той эмоционально-экспрессивной окраски, которую придала речи Свидригайлова ФЕ, введенная Ф.М. Достоевским в речь персонажа. Ср.: «არა, ტყუილი ვსთქვი, მამა, რომ ორივე ერთფერები ვართ-მეთქი?». Еще одним примером может служить перевод идиомы *ум за разум заходит*: «Черт возьми, у меня с этим делом ум за разум заходит!» – «ემშაკმა იცის ამ საქმის თავი და ბოლო, ლამის არის ტვინი ვიღრბო!» вместо первоначального варианта: «ემშაკმა იცის ამ საქმის თავი და ბოლო, ლამის არის მთლად გამოფერუვდე!».

В новой редакции фразеологизмы появились и там, где переводчик вовсе отказался передавать тем или иным способом содержание ФЕ оригинала, использовав прием опущения:

«Меж тем комната наполнилась так, что **яблоку упасть было негде**». – «ოთახი ისე გაივსო ხალხით, **ნემსი აღარსად ჩაივსებოდა**». Сравним с первоначальным вариантом: «ოთახი მთლად ხალხით გაივსო».

Удачно использован в переводе и прием калькирования, в основе которого лежит стремление переводчиков к сохранению фразеологического образа и экспрессивно-эмоциональной окрашенности русской единицы. Таким образом в переводе удалось воспроизвести на грузинском языке внутреннюю форму фразеологизмов *был да весь вышел* – *იყო და აღარ გახლავთ, взвешивать*

каждое слово – *ყოველი სიტყვა აკრიფოს და აწიონოს, вытащить из грязи* – *ტალახიდან და წუმბიდან ამოგათრიე, идти на все четыре стороны* – *ოთხივე მხარეს გზა ჰქონდა თავისუფალი, схватить за хвост* – *კუდში წავავლებ, слушает да ест* – *ვისმენს და ილუკმება* и др. Некоторые кальки в новой редакции перевода подверглись определенной перестройке, в результате которой удалось добиться стилизации под поговорку. Например: поговорка *хлеб-соль вместе, а табачок врозь* первоначально была передана буквально (*პურ-მარილი ერთად, თამბაქო-კი ცალკეო*). Отказ от буквализма привел к созданию более приемлемого варианта перевода, в котором были использованы лексические модификации при сохранении опорных образов и смысла русской поговорки: *პურ-მარილი ზიარადო, თამბაქო კი ცალკერბადო*. Приём калькирования на основе лексических модификаций исходного фразеологизма был использован также при передаче таких единиц, как *перемена декораций* – *სურათი გამოიცვალა* (букв.: «картина переменялась»), *зачем мимо рта кусок проносить* – *გემრიელი ლუკმა ხელიდან რისთვის გავუშვათ* (букв.: «зачем выпускать из рук сладкий кусок») и др.

Авторам перевода пришлось отказаться и от буквальной передачи библейского фразеологизма *камень преткновения*. Буквализация фразеологического образа привела к возникновению в переводе образа камня, о который ломают себе шею. При таком переводе терялся иносказательный смысл ФЕ, обозначающей препятствие на пути к решению какой-либо задачи (синонимы: помеха, преграда, препона, препятствие, тормоз). В окончательной редакции исходный фразеологизм был заменен описательной конструкцией: «Черт возьми! Это камень преткновения для всех вам подобных...» – «თქვენთვის და ყველა თქვენი მსგავსისათვის **თავსატები და გაურკვეველი სწორედ ეს არის**» (ср.: «ყველა თქვენ მსგავრისათვის **კისერ სატები ქვა** ეს არის სწორედ»).

Значительное количество ФЕ романа было перефразировано. Анализ перифраз, использованных для передачи фразеологизмов исходного текста, обнаружил стремление переводчиков к сохранению стилистического регистра, который придается тексту благодаря использованию эмоционально-окрашенных ФЕ. Активно привлекаются разговорная, экспрессивно-окрашенная или метафоризованная лексика, которая позволяет в той или иной степени отразить стилистическую маркированность оригинала: *без гроша* – *ღარიბლატაკნი, руки опустились* – *მთლად გამზრა, упасть на удочку* – *გაებმებიან, потерять нить* – *დაიბნა და აირია, дать тягу* – *მოუსვამდით* и др. В тех случаях, когда не удавалось сохранить стилистический потенциал

исходного текста, ФЕ были преданы нейтральной, литературно-нормированной лексикой: «я все знаю, всю **подноготную**, и **денно и ночью** слежу за ним, неусыпно его сторожу». – **ყველაფერი ვიცი მისი, ყოველ ჟამსა და წუთს** თვალებს ვადევნებ, ერთთავად ვდარაჯობ, და ასე მყავდეს მუდამ ეჭვსა და შიშში». Стремясь компенсировать низкий стилистический потенциал перифраз, переводчики вводят ФЕ на месте свободных, фразеологически не связанных сочетаний. Прием компенсации в таких случаях придает переводу необходимую стилистическую маркированность.

В ряде случаев была возможна передача ФЕ оригинала путем использования грузинского эквивалента, однако переводчики не воспользовались этим способом. Так, идиома *по сердцу* (в знач.: нравиться, соответствовать чьим-л. вкусам) в переводе передана экспрессивным глаголом *ეპიტნავენათ*: «...тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу» – «...სიდედრები არაფრად ეპიტნავენათ სიძეებს»; между тем в данном случае был возможен перевод с использованием грузинского аналога *თვალში კვლად სწრაფ/უზის* (в знач.: не нравиться, недолгоблывать, ненавидеть).

Еще одним примером может служить перевод пословицы *кто в лес, кто по дрова*, переданной описательно *ზოგი რას, ზოგი რას* (букв.: «кто что, кто что»): «Жильцы горланили кто в лес, кто по дрова – иные договаривали, что умели, о случившемся событии; другие ссорились и ругались; иные затянули песни...» – «მდგომრებიც ყველანი უთავბოლოდ გაჰკვიდნენ და ყვიროდნენ, ზოგი რას, ზოგი რას, – ზოგი მომხდარი ამბის შესახებ განაგრძობდა ლაპარაკს, ზოგიც ჩხუბობდა, ილანძვებოდა; სხვებმა კიდეც სიძღერა გააბეს...». В данном случае как нельзя лучше подошла бы грузинская поговорка «ერთი ალთას, მეორე ბალთას» (говорится, когда в каком-н. деле, или в чем-н. сказанном одно не соответствует другому, происходит несогласованно, нестройно).

Переводчики отказались от передачи фразеологизма *руки на себя наложить*, который по каким-то причинам был опущен в переводе: «Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это все равно!) – «აკი შენც გადალახე... შესძელი გადაგელახა. თვითონ დაღუპე შენი სიცოცხლე... (ეგ სულ ერთია!). შეგეძლო სულისა და გონებისათვის გეცხოვრა, ახლა კი სენაზე უნდა ამოგხდეს სული...». Между тем как грузинский фразеологизм *ხაზის გადასმა* (все перечеркнуть, свести к нулю, вычеркнуть, уничтожить) в данном контексте был бы весьма уместен.

Подводя итог анализу способов достижения межъязыковой адекватности при передаче на грузинский язык фразеологизмов романа «Преступление и

наказание», можно сделать следующие выводы: переводчикам в целом удалось отобразить в переводе одну из важнейших художественно-изобразительных особенностей стиля Ф.М. Достоевского; в переводе были задействованы разнообразные приемы передачи ФЕ; языковое творчество переводчиков проявилось в умении распознавать потенциальные возможности, заложенные в семантику фразеологизмов, и на этом основании принимать правильные переводческие решения; современные электронные базы и двуязычные фразеологические словари предоставляют возможность корректировки некоторых стратегий рассмотренного перевода, что, возможно, будет учтено при последующих изданиях на грузинском языке бессмертного романа великого русского писателя.

Литература

1. База данных фонда идиом и пословиц грузинского языка // Электронный ресурс: <http://idioms.tsu.ge>. (Дата посещения: 24.02.2021).
2. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. – М.: Изд.-во института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Грузинско-русский фразеологический словарь. – Тбилиси: САБЧОТА САКАРТВЕლო, 1966. – 640 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 5. – М.: Правда, 1982. – 544 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Русско-грузинский словарь // Электронный ресурс: <http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=index&d=9>. (Дата посещения: 24.02.2021).
7. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
8. *დოსტოვესკი თ. მ.* დანაშაული და სასჯელი. თბილისი: საბჭოთა საქართველო, 1977. – 680 ს.
9. *დოსტოვესკი თ. მ.* დანაშაული და სასჯელი/ თარგმანი ინ-ანისა // მოამბე, 1905. – №1-12, ტფილისი: სტამბა წიგ. გამ. ქართ. ამხანაგობისა.
10. *კვესელავა რ.* „დანაშაული და სასჯელი“ ქართულ ენაზე // ლიტერატურული გაზეთი. 1959. 21 მარტი. – ს. 4.

ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, КОГДА ОН ПРЕКЛАДАШЕ?

Inés García de la Puente (Бостонский университет, Школа наук и искусств)

Аннотация: Статья 6545 г. (1037 г.) в «Повести временных лет» включает предложение, которое традиционно интерпретировалось как свидетельство устоявшейся традиции перевода с греческого в Киеве в XI веке. В центре этой интерпретации – глагол „преклатати“. Эта короткая статья ставит под сомнение подразумеваемые причины, по которым *преклатати* интерпретировался как перевод с одного языка на другой. Делается вывод, что необходимо более всестороннее изучение летописной статьи, чтобы интерпретировать русский текст в его собственных терминах.

Ключевые слова: перевод, преклатати, Русь, Повесть временных лет.

WHAT DID PRINCE YAROSLAV DO, WHEN HE ПРЕКЛАДАШЕ?

Ines Garcia de la Puente (Boston University, College of Arts & Sciences)

Abstract. The "Primary Chronicle" entry for the year 6545 (AD 1037) includes a passage that has traditionally been accepted as evidence for the existence of an established tradition of translation from the Greek in Kiev in the 11th century. The verb "prekladati" is at the center of this interpretation. This short article questions the arguments that presumably support the translation of prekladati as to translate from one language to another, and suggests that our understanding of the medieval text would benefit from an approach that avoids modern pre-conceptions, and that contextualizes the chronicle passage in its own terms.

Keywords: translation, prekladati, Rus', Primary Chronicle, Tale of Bygone Years.

Статья 6545 (1037) года в «Повести временных лет» хорошо известна и в научной, и в научно-популярной литературе. На современный русский её принято переводить примерно так:

- «И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество» [3: 204].
- «И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо» [7].

Средневековый текст, между тем, гласит: «и [Ярославъ] собра писць мнози и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо и списаша книги мнози и сниска» (ПВЛ столб 152, линии 1-3).

Итак, в значении этой летописной фразы много неопределенного, начиная со времён глаголов до отсутствия прямого дополнения двух из них. В этой статье я сосредоточу внимание на глаголе *прекладаше*, который в высшей степени концентрирует проблематику значения древнерусского текста.

Почему общепринята интерпретация древнерусского глагола *преклатати* как *переводить* с одного языка на другой? Возможны несколько взаимосвязанных причин. Одна из причин – все древнерусские словари соглашаются, что *преклатати* в ПВЛ под 1037 годом означает *переводить*. И «Срезневские материалы», и «Словарь древнерусского языка XI-XVII вв.», и «Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.», все они цитируют предложение 1037 года как единственный вариант этого значения. Отсутствие других примеров из корпуса русских текстов удивительно. Если мы спросим себя, почему все словари предлагают одинаковую интерпретацию, мы можем только догадываться, почему ответ таков: словари говорят, что *преклатати* значит *переводить*, потому что традиционно считалось, что летописная статья описывает интерес и поддержку Ярославом переводов с греческого на славянский.

Другая причина – этимология. Древнерусский *преклатати* выглядит как другие современные славянские глаголы, которые означают межъязыковой перевод, например, украинский *перекладати* или польский *przekładać*. Даже если мы смотрим на европейские глаголы за пределами славянских языков, глаголы, которые сегодня обозначают *переводить*, они представляют собой метафорическую интерпретацию глаголов, этимологически обозначающих перемещение с одного места на другое; близким примером является английский глагол *to translate*, который в конечном итоге происходит от латинского глагола *transfere* – *переносить*.

Ещё одна причина: грамматика. *Прекалатати* выглядит несовершенной парой древнерусского глагола *преложити*. Действительно, *преложити* однозначно и последовательно относится к переводу между языками в текстах домонгольского периода. Логика видится такой: если *преложити* значит *перевести*, то его предполагаемая корреляция *преклатати* должна бы значить *переводить*. Однако, судя и по древнерусским текстам, и по историческим грамматикам, нет доказательств того, что *преклатати* и *преложити* функционировали как видовые корреляции в текстах Киевской Руси.

Давайте проанализируем это утверждение по частям. *Прекалатати* выглядит как несовершенная пара глагола *преложити* примерно потому, что в современном польском языке существует видовая пара *przełożyć-przekładać*, значение которого похоже на *перевести-переводить* на русском; и также потому что в современном русском существуют пары как *заложить-закладывать* и *положить-класть*. Хотя в первом случае несовершенная форма

добавляет суффикс *-ывать* к корню *клад-*, а во втором случае она не имеет префикса, эти современные формы предполагают аспектуальную корреляцию, которой не существует в древнерусских текстах. Рубен Иванович Аванесов и Валерий Васильевич Иванов в своей «Исторической грамматике русского языка: Морфология, глагол» [1] реконструируют некоторые видовые пары с корнем *клад-* от XI до XIV веков. В списке есть [*прекласти*]-*прекладати*, *прекладывати*, но значение глаголов они не передают и, самое главное, они не реконструируют никакой пары *преложити-прекладати*. Это говорит о том, что сочетание *прекладати* с *преложити* в смысле текстового перевода в древнерусских словарях и в традиционных подходах к тексту «Повести Временных лет» анахронично.

Видовая корреляция *преложити* – это *прелагати*. *Прелагати* это глагол, который используется в копии «Слова похвального Кириллу и Мефодию», которое находится в «Успенском Сборнике». В «Слове» *прелагати* появляется в рассуждении о переводческой деятельности святых Кирилла и Мефодия как необходимое несовершенное соотношение *преложити*. *Прелагати* это тоже глагол, который используется как несовершенная корреляция *преложити* в предисловии Иоанна Экзарха к своему переводу Иоанна Дамаскина на славянский в древнерусской рукописи. Даже если эти литературные произведения изначально не были написаны и переведены на Руси, они сохраняются в древнерусских рукописях и на языке, имеющем восточнославянские черты.

Итак, это выглядит вполне возможным, что глагол *прекладати* не означает переводить с одного языка на другой в домонгольских текстах. Но значит ли это, что летописная статья 1037 года не описывает переводческую деятельность на Руси? И да, и нет. *Прекладати* не означает перевод между языками, а мы не можем согласиться с общепринятым допущением о том, что во времена Ярослава существовала школа переводчиков в Киеве. Однако статья 1037 года длиннее, чем единственный глагол, который мы проанализировали сегодня. Другие части этой сложной статьи, возможно, говорят о или делают намёк на перевод на церковно-славянско-древнерусский язык. Но это уже предмет другого, более широкого исследования.

Литература

1. Аванесов Р.И., Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: Морфология, глагол. – М.: Наука, 1982. – 436 с.
2. Дуйчев И.С. и др. Жития Кирилла и Мефодия. – М.: Книга, 1986. – 268 с.

3. Лихачёв Д.С., Адрианова-Перетц В.П. Повесть временных лет. Исд. 2-е. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
4. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В десяти томах. – М.: Русский язык, 1988.
5. Словарь древнерусского языка (XI-XVII вв.) – М.: Наука, 1975.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М.: Книга, 1989.
7. Творогов О.В. Повесть временных лет. Библиотека Литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1997 – http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869#_ednref352. (Дата посещения: 24.02.2021).
8. Ostrowski D., Birnbaum D. J., Lunt H.G. The Povešt' vremennykh let': An interlinear collation and paradosis. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
9. Sadnik L. Des hl. Johannes von Damaskus, Ekthesis akribes tes orthodoxou pisteos, in der Übersetzung des Exarchen Johannes (Monumenta Linguae Slavicae V). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.

ПЕРЕВОД ПУТЕВОДИТЕЛЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ИЗБРАННОГО
ПУТЕВОДИТЕЛЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ

Чэн Хайдун (Университет г. Санья, Хайнань)

Аннотация: Статья посвящена трудностям в переводе русского путеводителя на китайский язык с точки зрения межкультурной коммуникации. Особое внимание обращено на переводы топонимов, слов с культурной коннотацией, религиозных и этнографических реалий, указаны способы решения этих проблем в переводе.

Ключевые слова: путеводитель, Воронеж, перевод, трудности, способы решения.

TRANSLATION GUIDES AS INTERCULTURAL COMMUNICATION
ACTIVITIES: EXAMPLES OF SELECTED GUIDES IN THE VORONEZH
REGION OF RUSSIA

Haidong Cheng (University of Sanya, Hainan)

Abstract: This paper discusses the difficulties of translating Russian tourism guides into Chinese from the perspective of cross-cultural communication. Attention was drawn to the translation of geographical names, words with cultural connotations, religious and racial realities and pointed out how to solve these problems in translation.

Keywords: Guidebook, Voronezh, translation, difficulties, solutions.

1. Причина выбора темы и подборка материалов

1.1 Причина выбора темы

Выбор данной темы был обусловлен следующими причинами: во-первых, путеводитель как важный тип текста в туризме играет фундаментальную роль в обеспечении эффективности взаимопонимания и межкультурных контактов разных народов. Но к сожалению, пока что и в Китае, и в России для китайских путешественников и гидов не хватает качественных путеводителей о туристических ресурсах России, особенно её регионов. В библиотеках или поисковых системах встречаются такие издания, в которых содержится только общая информация о России, её культуре и главных всем известных достопримечательностях Москвы или Санкт-Петербурга. И не удивительно, когда многие китайские туристы приезжают в Россию, на туристическом рынке

наблюдается дефицит профессиональных сопровождающих гидов, которые хорошо знают о культуре и истории России. Во-вторых, на фоне тесного взаимодействия и сотрудничества в области туризма Китая и России, среди китайских путешественников пока пользуются популярностью только большие города как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, тогда как туристические ресурсы многих регионов России вообще не открываются перед китайскими туристами. В связи с этим углубленное развитие туристического сотрудничества требует обновления туристических продуктов, и одновременно многие регионы России тоже думают над вопросом, как привлечь к себе китайских туристов. В данной ситуации срочным делом стал перевод и издание качественных путеводителей на китайском языке. И в-третьих, автор и участники переводческой практики (студенты третьего курса Университета Санья в провинции Хайнань, Китай) прошли стажировку в Воронежском государственном университете, и многие из них были поражены разнообразием туристических ресурсов и народных традиций столицы Центрально-Чернозёмного региона. Это привело к осознанию необходимости познакомить китайских читателей с таким привлекательным регионом России.

1.2 Подборка материалов

Объект нашего исследования и перевода не является готовым бумажным путеводителем, а представлять собой отобранные нами материалы из туристического портала Воронежа visit-voronezh.ru.

В процессе подборки материалов мы учитываем и интерес китайских посетителей и особенности туристических ресурсов области. В конечный вариант отобранного путеводителя вошли следующие разделы: вступительная часть, культурно-познавательный туризм, экологический туризм, религиозный туризм и сельский туризм.

2. Текстовый анализ содержания путеводителя и принцип его перевода

Переводческий анализ текста считается важным компонентом стратегии письменного перевода [1: 149]. И прежде чем переводить отобранные материалы, мы провели анализ этих текстов, и пришли к выводу, что по классификации К. Райса большинство текстов в нашем отобранном путеводителе – информативные тексты, в них, по определению Алексеевой И.С., преобладает когнитивная информация [1: 50]. Исходя из этого, в процессе перевода мы были ориентированы больше на точность и правильность переведенных текстов.

3. Типичные трудности в переводе и способы их решения

3.1 Перевод топонимов в туристическом тексте

Топонимические названия имеют особую значимость в тексте туристической тематики, они дают возможность эксплицировать некоторые особенности

духовной и материальной жизни населения определенной территории [2:152]. Чтобы перевести эти топонимы на китайский язык и раскрыть их полные смыслы читателям в Китае, мы в переводе использовали сноски. Например, чтобы помочь читателям хорошо знать фоновую информацию о реке «Битюг», мы добавили сведения о происхождении и значении названия этой реки, а также исторические данные о деятельности татар в донской степи.

3.1 Река Битюг¹

3.1 比秋格河¹

Река Битюг - одна из чистейших рек Воронежской области. Начинает свой путь она с Калачской возвышенности, протекая также по Липецкой и Тамбовской областям и впадает в Дон.

¹ Битюг 比秋格河, 这个名词来源于鞑靼语, 意思为“静静的河流”。据历史记载, 1237年, 蒙古大军进入今沃罗涅日地区, 从那时起, 鞑靼人的政权金帐汗国通知了顿河流域的草原近三个世纪。比秋格河流域一度成为鞑靼人的居住地, 河畔的草原成为鞑靼人的牧场。---引自马强俄罗斯心灵的历程 俄罗斯黑土区社会生活的民族志 P99.

3.2 Перевод слов с культурной коннотацией

В информативном тексте слов с культурной коннотацией довольно мало, но и они иногда приводят к непониманию. Например, в описании «Хутора Ломы» есть такой отрывок: «Именно поэтому так называется Иван-да-Марья. Это Марья ждет своего Ивана».

Чтобы понять и объяснить в переводе, почему парк получил такое название, нужно опираться на контекст и легенду о цветке «Иван-да-марья».

3.3 Перевод религиозных реалий

В части текстов по теме религиозного туризма перевод терминов архитектурных оказался для нас самым трудным. Это касается, например, описания Успенского Адмиралтейского храма: «пятиглавый четверик с низкой трехлопастной апсидой», о чём мы долго искали информацию в специальном словаре, в виртуальной поисковой системе по картинке, и в конце концов только с помощью русских учёных смогли определить вариант перевода.

3.4 Перевод этнографических реалий

Путеводитель – это способ выражения национального быта. В туристических текстах часто встречаются слова этнографических реалий, например, «казачий быт в деревеньке XVII-XIX веков». В подобных случаях переводчик должен быть осторожным и внимательно изучить справочники.

4. Итоги переводческой практики

Процесс перевода туристического путеводителя представляет собой погружение в другую культуру и осуществление межкультурной коммуникации особого рода, когда переводчик работает распространителем культуры другой страны и обязан обеспечить успешную реализацию межкультурного диалога на специфические темы.

Литература

1. Алексеева И.С. Тест и перевод. Вопросы теории. – М., Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
2. Ильин Д.Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, 2016. – № 04. – С.152-158.

ОПИСАНИЕ ПРИРОДЫ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ
ПРИ КОММУНИКАТИВНОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А.Ю. Олейник (независимый исследователь)

Аннотация. В некоторых ситуациях передача смысла с соблюдением норм адекватности может осуществляться исключительно путем применения глубоких и масштабных модификаций. Данные трансформации представляют собой научно доказанный факт. Определить их компонентный состав – сложная для науки задача. Сложность её заключается в том, что упомянутые трансформации по своей внутренней природе многоаспектны.

Ключевые слова: коммуникативное посредничество, трансформационные приемы перевода, перевод, трансформации изменения смысла, описание глубоких трансформаций, социокультурные аспекты перевода.

THE FORMULATION OF THE PROBLEM AS TO DESCRIBE THE NATURE OF
LANGUAGE FORMS RADICAL TRANSFORMATIONS
IN COMMUNICATIVE MEDIATION

A. Oleinik (independent researcher)

Abstract: In some situations the communicative mediator accomplishes a sense transposition with observing the adequacy norms only by means of deep and scaled modifications. These transformations are a fact, which is scientifically proven by translating science. Determining their component composition is a complex task for science. The complexity of is this task is the fact, that they have multi aspect nature.

Keywords: communicative mediation, translation, transformation translating methods, sense changing transformations. Description of deep transformations, sociocultural aspects of translation.

В опыте своей работы любой языковой посредник неизбежно использует опору на более или менее развитую систему закономерных межъязыковых соответствий [1: 148-154; 2: 333-336]. Однако, сколь бы ни была точной и развернутой такая система, посредническая деятельность представляет собой непредсказуемое явление. Под этим подразумевается возникновение таких проблем, для преодоления которых привлечение закономерных соответствий, имеющих в знаниях переводчика, а также зафиксированных в словарях, справочниках, энциклопедиях является недостаточным и требует принятия нестандартных решений. Данные проблемы обусловлены глубокими

межъязыковыми различиями и зависят от степени языкового родства. Ещё большее влияние оказывают этносоциокультурные факторы.

Особое место в теории закономерных соответствий занимают трансформационные приёмы достижения переводческой эквивалентности. В системе приёмов, связанных с изменением значений языковых форм, существуют такие «трансформационные приемы, которые затрагивают не только грамматические и лексико-семантические аспекты языковых форм, но и логическую, стилистическую, а иногда и фонетическую сторону элемента, подвергающегося трансформации» [3: 108]. Внутренняя природа этих трансформаций такова, что они по глубине и масштабу значительно превышают синтаксические, категориально-морфологические, лексико-семантические, а также многоуровневые: антонимический перевод, конверсивные замены и др. комплексные преобразования. Определить компонентный состав данных трансформаций – сложная для исследователя задача. Её сложность, на наш взгляд, заключается, прежде всего, в многоаспектности. Трудно сказать, является ли та или иная глубокая модификация лексико-семантической, грамматической, логической, стилистической или смысловой. Масштаб их тоже разный. Тем не менее, такие явления представляют собой неоспоримый факт. Необходимость проведения исследований в данной области позволяет обогатить научный потенциал новыми знаниями, которые оказывают помощь при решении проблемных ситуаций на практике.

Объектом систематического изучения эти трансформации стали лишь с началом развития теории переводоведения как научной дисциплины. В своей работе, посвященной формированию фундамента данной теории, Я.И. Рецкер выделяет компенсацию, которая занимает высшую позицию в иерархии адекватных замен. «Сущность компенсации», – пишет ученый, – «состоит в замене стилистических средств подлинника другими стилистическими средствами в переводе или же в применении тех же средств, только в другом предложении» [4: 180]. В дальнейшем помимо компенсации в теорию закономерных соответствий был включен и приём целостного преобразования [5], который также отличается своей неоднородностью.

Явления, связанные с изменениями не только языковой формы, но и выражаемого ею смысла получили в науке о переводе и другие определения, такие как «перевод на уровне цели коммуникации» [6: 121-124], «толкования» [7: 88], «компенсации» [8: 153-172]. Исследователи разделяют точку зрения о том, что данные приемы осуществляются на прагматическом уровне перевода.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что глубокие изменения содержания могут встречаться в разных видах перевода, однако, в художественном переводе их количество более существенно, чем в общественно-политическом или специальном. Глубина, масштаб, частотность их применения, а также выполняемые функции регламентированы множеством факторов.

В переводоведении большинство учёных склоняется к точке зрения, согласно которой радикальные преобразования обусловлены необходимостью преодоления преимущественно культурологических и когнитивных различий коммуникативных компетенций носителей языков: «Различие культур – реальный факт, – констатирует в данной связи В.И. Хайруллин. – Эти различия отражаются, в частности, в различных языковых картинах мира, несовпадении когнитивных структур... В каждой культуре существуют свои артефакты, чуждые или малопонятные в других культурах. Все эти различия создают особые проблемы при взаимодействии разных культур при переводе» [9: 12]. Конечно, учёный рассуждает не о невозможности нейтрализации культурных барьеров, а выражает точку зрения о существовании различных методов, позволяющих не только изучить специфические явления культуры одного народа, чуждые другому, но и эффективно их преодолеть, если они создают трудности в процессе перевода.

Применение данных трансформаций (как и любых других трансформационных приемов, а также приемов субституций) тоже мотивировано необходимостью передачи смысла в масштабе более широких, чем высказывание текстовых построений. Нельзя сбрасывать со счетов, что смысл «...представляет собой тот мотив, который в первую очередь должен быть принят во внимание переводчиком. Этот мотив одинаково проявляет себя в любом виде и типе перевода, что придает ему универсальный характер» [10: 98].

Прежде всего, мы должны признать факт, что статус трансформаций «радикального» характера в науке о переводе все ещё не определен. С нашей точки зрения, причиной тому являются расхождения исследовательских принципов существующих в переводоведении онтологий. Установлено, что субститутивно-трансформационный тип онтологии в большей степени занимается решением проблем языкового сопоставления на разных уровнях и комплексным анализом языковой формы. С этой точки зрения, его сторонники придерживаются мнения об ограниченном применении такого рода трансформаций, оказывающих крайне негативное влияние на установление коммуникативно-функциональной эквивалентности: «Практика перевода свидетельствует о том, что масштаб и глубина компенсирующих расхождений ИТ и ПТ отнюдь не безграничны. Существует определенная мера переводческих преобразований, нарушение которой ведет к тому, что перевод становится адаптацией» – пишет Л.К. Латышев, ссылаясь на труд словацкого ученого А. Поповича [11: 142-143]. И далее: «Недопустимы вообще слишком радикальные изменения авторского способа подачи содержания, даже если изменения могут сделать для носителей ПЯ текст более привычным...» [12: 52]. В целом их рассматривают в качестве «приложения» к общей проблематике способов передачи смысла. Даже в концепциях, где обоснованы иерархии уровней переводческой эквивалентности они так и не получили должного научного описания.

Обратимся к деятельностному типу онтологии. Этот тип по большей части был разработан с опорой на категории психолингвистики. Структурно-языковые сопоставления, впрочем, как и сама языковая форма (которая рассматривается как помеха при реализации речемыслительной деятельности переводчика) уходят здесь на второй план. Внимание сосредоточено на изучении психолингвистических и философских проблем перевода [13]. На этом основании переводчик не манипулирует последовательно формами ПЯ, достигая адекватности посредством метода проб и ошибок, а целостно порождает новый текст (ПТ). Операции над смыслами являются принципиальными: глубокие и масштабные изменения содержания, которые признаны сторонниками «лингвистической» парадигмы как ограниченные и/или недопустимые, напротив, являются обязательным требованием к деятельности переводчика [14]. Создатели концепций в деятельностном типе онтологии приветствуют масштабные добавления по смыслу, эксплицирующие разъяснения, комплексные перевыражения смысла, его сокращения, комментарии и примечания. Их положительные функции доказываются на практике [15]. Все эти действия позволяют переводчику преодолевать социокультурные различия и различия между генетически удаленными языками. В частности, это касается коммуникативных актов с участием «восточных» и «европейских» языков, где прием целостного преобразования занимает доминирующую позицию.

Если говорить о коммуникативных актах с участием английского и русского языков, то можно утверждать следующее: трансформации, которым свойственен «радикальный» характер (при условии их обязательной мотивации) являются вынужденной мерой. Повышение эффективности деятельности переводчика, качественного выполнения возлагаемых на него обязанностей и функций, систематические усовершенствования методики его преподавания немыслимо при сосредоточении только на одном из его аспектов: структурно-языковом, психологическом, семиотическом, смысловом или культурном. В свою очередь, также невозможно постичь внутренне сложную природу перевода, основываясь на принципах только одного, конкретного типа онтологии, поскольку. «При всех различиях данных парадигм, возможным выходом из сложившейся ситуации является не их противопоставление друг к другу и не признание правильности принципов одной из них в ущерб другой, а поиск теоретических оснований их продуктивного научного взаимодействия» [16: 134].

Несмотря на развитие концепций, которые основаны на психолингвистических, когнитивных и культурологических принципах, и отличающиеся по методологии исследования от концепций сопоставительно-языкового характера, сопоставительные исследования ни в коей мере не утратили свою актуальность. «В русле сопоставительного языкознания выделяются основные группы исследований. В первую входят исследования, которые направлены на решение проблем в области обучения иностранным языкам.

Вторую группу формируют исследования, связанные с изучением типологии языков и определением языковых универсалий. Третья группа исследований связана с проблемами теории перевода» [17: 15].

Учёт специфики различных культур в процессе межъязыковой коммуникации, необходимость проведения исследований в этой области, разработка методологии нивелирования культурологических расхождений – это факты, которые уже давно обоснованы наукой. Модификация структурно-языкового представления дискурсивной формы в масштабе высказывания и СФЕ носит сложный, комплексный характер. Комплексному характеру осуществляемой при переводе модификации отвечают различные признаки: лексико-семантические, грамматические, смысловые, логические, дискурсивно-выразительные. Каждая переводческая трансформация подлечит множественной, многоаспектной интерпретации. Общее количество возможных аспектов интерпретации (в плане выявления возникающих переводческих расхождений) тем выше, чем больше глубина переводческой трансформации. Потенциальная восстановимость параметров языковой формы (по денотату, в меньшей мере – по грамматическим признакам) характеризует в целом неглубокие переводческие трансформации. Там, где заданные параметры языковой формы не подлежат восстановлению, речь идет о глубоких переводческих трансформациях, в основе которых лежат абстрактные критерии смысловой идентификации факта перевода относительно ИТ.

Литература

1. *Хънгов В.* Болгарские лексические и фразеологические единицы, параллели и аналоги в тексте «Тихого Дона» Михаила Шолохова // Текст: структура, семантика, стилистика. Сборник статей по итогам международной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Е.И. Дибровой. В двух частях. Часть 1. РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова. – Москва, 2015. – С. 148-154.
2. *Szerszunowicz J.* Some Remarks on Cross-Linguistic Equivalence of Polish, English and Italian Pragmatic Idioms with Faunal Constituents // Studies Research on Phraseology in Europe and Asia: Focal Issues on Phraseology in Europe and Asia. Volume One. – Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2011. – P. 331-335.
3. *Олейник А.Ю.* Изменения на смысловом уровне как факт опосредованной межъязыковой коммуникации // Вестник Северо-Восточного Федерального Университета им. М. К. Аммосова. – 2020. – № 3. – С. 105-118. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-na-smyslovom-urovne-kak-klyuch-fakt-oposredovannoy-kommunikatsii-i-teorii-perevoda>. (Дата посещения: 10.03.2021).
4. *Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1950. – С. 150-182.

5. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. – М., 2004. – 240 с.
6. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – М., 2017. – 407 с.
7. *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – Изд. 5. – М., 2012. – 360 с.
8. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М. 2009, – 214 с.
9. *Хайруллин В.И.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дисс. д-ра. ... филол. наук. – М., 1995. – 46 с.
10. *Олейник А.Ю.* Обоснование положительной причины приемов перевода // Вестник Северо-Восточного Федерального Университета им. М. К. Аммосова. – 2016. – № 3. – С. 92-102. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-polozhitelnoy-prichiny-priemov-perevoda> (Дата посещения: 12.02.2021).
11. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. – М., 1980. – 199 с.
12. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: Теория, практика и методика преподавания: учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – 3-е изд. стер. – М.: Академия, 2007. – 192 с.
13. *Ледерер М.* Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.
14. *Крюков А.Н.* Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) // Перевод и интерпретация текста. Сб. науч. трудов. – М.: Ин-т Языкознания АН СССР, 1988. – С. 41-55.
15. *Зеленов Ю.С.* Психолингвистический анализ зависимости смысловой переработки текста от условий его предъявления: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 180 с.
16. *Олейник А.Ю.* Основания для построения межпарадигматического подхода в условиях противоборства исследовательских направлений переводоведения // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики: сборник статей научной конференции. – В. 1. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – С. 128-135.
17. *Демиркова Р.* Съпоставителният анализ като средство за изследване на преводимостта на игрите на думи // Съпоставително езикознание, 2018. – XLIII (4). – С.13-27.

Раздел VI. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

«ПЕЧАЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В.П. Белянин (независимый исследователь)

Аннотация. Статья посвящена анализу художественного текста с психологических позиций, когда в тексте выделяется эмоционально-смысловая доминанта, отражающая определённую картину мира. Особое внимание уделено «печальным» текстам, отражающим депрессивность, и их маркерам.

Ключевые слова: художественный текст, модель мира, доминанта, эмоционально-смысловая доминанта, депрессивность, маркер.

“SAD” TEXTS IN FICTION

V. Belyanin (independent researcher)

Abstract. The article presents an approach to fiction that is based on an assumption that fiction reflects the psychology of the author and is constituted by the emotional and semantic dominant of the texts. The article is devoted to “sad” texts that reflect depressiveness, and its markers.

Keywords: fiction, model of the world, dominant, emotional and semantic dominant, depression, marker.

Введение

В нескольких номерах журнала «Филологические записки» за 1870-1871 гг. были опубликованы лекции Ипполита Тэна «Искусство в Нидерландах». В частности, Ипполит Тэн там пишет: «Среди человеческих творений художественное произведение кажется самым случайным, ... когда художник творит, он следует своей чисто личной фантазии ... вымыслы художника и симпатия публики, все это произвольно, свободно и, по-видимому, столь же капризно, как налетевший ветер. А между тем, как и налетевший на нас ветер, все это происходит при определенных условиях и по установленным законам». Это суждение обусловлено желанием понять закономерности организации произведений искусства, поставить их на научную основу. В данной статье мы расскажем о некоторых обнаруженных нами в художественных текстах закономерностях.

Жанры

Художественная литература – очень неоднородное явление. Общепринято упорядочивание художественной литературы по жанрам. Ближким к этому можно считать подход, который предполагает выделение в художественном тексте доминанты. Понятие доминанты встречается в работах по эстетике и литературоведению В.В. Виноградова, Р. Якобсона, Г.Г. Шпета, Вл. Соловьева, Б. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, Б.И. Ярхо, Г.А. Гуковского, М.М. Бахтина, А.А. Потебню, Я. Мукаржовского, А. Белого, М. Риффатера и многих других. Под доминантой обычно имеется в виду главенствующий приём, который лежит в основе создания художественного целого.

Психология

Понятие доминанты есть и в психофизиологии. Вот, что пишет в частности, физиолог А.А. Ухтомский: «...наши доминанты стоят между нами и реальностью. Общий колорит, под которым рисуется нам мир и люди, в чрезвычайной степени определяются тем, каковы наши доминанты и каковы мы сами» [8: 90].

А.А. Потебня, анализируя басню, писал: «Басня есть один из способов познания житейских отношений, характера человека, одним словом, всего, что относится к нравственной стороне жизни людей» [4: 73]. Очевидно, сказанное относится не только к басне, но и к художественному произведению вообще. Описание внутреннего мира человека, мира людей и отношения человека к миру (миру предметов, миру социальному и миру субъективному) – сверхзадача художественного текста. А психолог Б.М. Теплов писал: «Художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология» [7: 306].

Хорошо известна позиция Л.С. Выготского, выраженная в работе «Психология искусства» (1925). В ней он высказывает парадоксальное с точки зрения психологии положение о том, что искусство является прежде всего «совокупностью эстетических знаков».

Анализируя «Евгения Онегина» психолог полагает, что «имя Онегина есть только знак героя» [9: 213]. Он считает, что «Пушкин дает ложное направление своему роману, когда оплакивает Татьяну, которая отдала свою судьбу в руки модного тирана и погибла. На самом деле погибнет от любви Онегин» [9: 215]. Эти «элементы противоположного» [9: 212] и лежат, по его мнению, в основе построения романа.

Позиция Л.С. Выготского в отношении проявления личности автора в тексте принципиальна: перейти к «психологии автора ... на основании толкования знаков нельзя» [3: 9].

Эмоционально-смысловая доминанта

Мы попытались найти в художественном тексте некоторые модели, подобно тем, которые искал В.Я. Пропп в волшебных сказках [5]. Поиски повторяющихся моделей – которые мы назвали моделями мира – привели нас к построению типологии художественных текстов [1, 2]. Мы предположили, что в основе типологии можно положить понятие эмоционально-смысловой доминанты под которой мы имеем в виду систему когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для автора текста как личности, и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте [1: 57]. Это позволило нам увидеть в художественном тексте повторяющиеся схемы, мотивы и функции, а затем выделить разные типы текстов по типологии художественных миров, то есть по отношению к действительности.

Типология

Мы выделили ряд доминант в художественной литературе: «светлая», «тёмная», «весёлая», «печальная», «красивая», которым соответствуют типы текстов. При этом каждый тип текста мы рассматриваем как проявление той или иной доминанты. Описав волшебные сказки морфологически (в формулах), позднее В.Я. Пропп нашел соответствия своим схемам в реальных поведенческих ритуалах первобытного общества [6]. Аналогичным образом, мы увидели основы эмоционально-смысловых доминант в психологии и даже в психиатрии. Опишем эти соответствия.

К текстам со «светлой» доминантой можно отнести тексты А. Гайдара, Н. Гончарова, Л. Леонова, Д. Гранина, Ю. Трифонова, А. Рыбакова, А. Кристи и мн.др. Доминанта «светлых» текстов может быть сведена к двум следующим мыслям. Первая: «Все живое уникально, неповторимо и самоценно». Вторая: «Я знаю истину и несу свое понимание жизни другим людям». Среди предикторов «светлого» текста можно выделить такие: 'уникальность', 'чистота', 'истина', 'добро', 'зло', 'свет', 'дух', 'глаза', 'борьба', 'сердце', 'я'.

«Весёлые» тексты отражают гипертимичность как чрезмерно повышенное настроение, оптимистический взгляд на мир. Эмоционально-смысловой доминантой «весёлых» текстов будет глубинное убеждение «Вся жизнь – игра». Субъективный тезаурус будет содержать преобладающие там элементы со значением 'веселье', 'радость', 'скорость', 'деньги', 'жара', 'деньги', 'полёт', 'мафия', 'любовь', 'удача', 'победа', 'путешествие'.

Для «тёмного» текста, в основе которого лежит представление о том, что «Жизнь – это страдание», преобладающими семантическими компонентами будут 'тёмный', 'сумерки', 'борьба', 'зло', 'размер', 'резко', 'опасный', 'тело'.

«Красивый» текст основан на представлении «Жизнь – это переживания» и там будет очень много компонентов со значением 'эмоции', 'внешность', 'таинственная болезнь', 'родственники', 'цвет', 'жест', 'здание', 'животные', 'страдания'.

Отметим, что задачей построения текстов была не постановка диагноза автору (чего так чураются психологи), а лишь определение субъективной картины мира на основе выявления типологических особенностей его текстов в сопоставлении с другими типами текста (в рамках нашей парадигмы).

«Печальные» тексты

Рассмотрим более подробно «печальные» тексты. Они лиричны по стилю, герой в них либо молод, жизнерадостен и полон надежд, но умирает в расцвете сил, либо уже стар, беден и оплакивает свою несостоявшуюся жизнь. Смысл жизни, выраженный в «печальном» тексте состоит в том, чтобы дорожить каждым прожитым днём, любить жизнь. «Печальные» тексты написаны лирично, мягко и настраивают на пессимистический лад, вызывают чувство лёгкой грусти и ностальгии.

Авторы

К авторам, которые писали преимущественно «печальные» тексты, где вербализована «печальная» картина мира, мы отнесли следующих: Н. Гоголь «Мёртвые души», «Шинель», И. Тургенев «Стихотворения в прозе», М. Лермонтов «И скучно, и грустно», «Герой нашего времени», стихотворения, Т. Уайлдер «Наш городок», Ф. Кафка «Процесс», Э. Сигал «История любви», а также тексты И. Бунина, Л. Андреева, Б. Васильева и мн.др.

Депрессия

«Печальные» тексты в художественной литературе связаны с описанием ушедшей молодости, упущенной любви, либо с описанием старости, бездомности и одиночества. Они отражают грустный взгляд на мир, характерный для депрессивной личности.

В психологической, психиатрической и психотерапевтической литературе описано такое явление, как депрессивность – сниженное настроение, преобладание тревожной печали и одновременной мягкости и ранимости. Говорится, что при депрессивности возможна идея «обнищания», в депрессии человек больше думает о негативном исходе событий и о смерти. Мы полагаем, что в основе «печальной» картины мира лежит именно депрессивность. (Здесь следует развести понятие депрессии как психического расстройства, выражающегося в сниженном настроении и утрате способности получать удовольствие, и депрессивности – сниженного настроения, преобладания тревожной печали и одновременной мягкости и ранимости).

Иными словами, «печальные» тексты отражают депрессивность как сниженное настроение, преобладание тревожной печали и одновременной мягкости и ранимости. Для «печального» текста глубинным убеждением (в терминологии когнитивно-поведенческой терапии) является убеждение «Жизнь конечна».

Маркеры

Семантический анализ показывает, что для эмоционально-смысловой доминанты «печальных» текстов частотны следующие семантические компоненты, которые мы назвали маркерами: 'прошлое', 'печаль', 'одиночество', 'бедность', 'болезнь', 'старость', 'холод', 'смерть', 'подчинённость', 'одиночество', 'грусть', 'старость', 'холод', 'тяжесть', 'смерть'. Одновременно с этим там есть и такие компоненты, как 'юность', 'радость', 'молодость', 'доброта'. Есть также группа компонентов 'вдох' и 'приятный запах'.

Под маркерами мы понимаем элементы текста, которые могут указывать на принадлежность текста к тому или иному типу. Иными словами маркеры являются своего рода ключевыми в психологическом плане словами, характерными для определённого типа текста. Маркеры отражают не столько денотативный уровень текста, сколько коннотативный. Чаще всего маркеры являются существительными (*печаль, грусть*), но они могут быть и прилагательными (*бедный, старый*) или наречиями (*грустно, медленно*). Важна не частеречная принадлежность слова, а его семантика. Отметим попутно, что если речь идет об идентификации личности по речи, то маркер «превращается» в предиктор.

'грусть'

Хорошо известно такое стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно, и некому руку подать...». Оно написано Лермонтовым в 26 лет, но оно полно сожаления о прошлом, пессимизма в отношении будущего, и опустошенности от невозможности найти радость в настоящем.

'воспоминания'

В «печальных» текстах много внимания уделяется прошлому, точнее, воспоминаниям о прошлом.

«Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издает слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, может быть, давно уже тлеет в могиле... И я сам – что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека – переживает самого человека» (Тургенев «Ася»).

Тут есть и радость от того, что было такое прошлое, и горечь от того, что оно ушло безвозвратно.

'перепады настроения'

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Утес» также присутствует два настроения – одно радостное, лёгкое, другое – грустное и тяжёлое.

Или вот фрагмент из повести Гоголя:

«Прежде, давно в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту... Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне... и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!» (Гоголь «Мёртвые души»).

Нам видится тут не столько «перекличка» Гоголя с Тургеневым, сколько наличие в текстах того и другого писателя «печальной» доминанты, которая может косвенно свидетельствовать о наличии у них депрессивности в моменты написания их текстов.

'смерть'

В «печальных» текстах всё происходит вокруг одной темы – смерти. Вот как начинается повесть Эрика Сигала «История любви»:

«Что можно сказать о двадцатипятилетней девушке, которая умерла? Что она была красивой и умницей. И что она любила Моцарта и Баха. И меня.»

Тема бессмысленности превалирует и в рассказе Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных»:

«... совершенно бессмысленно пить кофе, надевать шубу, когда через несколько мгновений всё это, и шуба, и тело, и кофе, ... будет уничтожено взрывом, взято смертью».

В рассказе Леонида Андреева «В подвале» также есть 'бессмысленность':

«И тогда наступило для него самое ужасное: беспощадно светлое сознание, что пришёл новый день и скоро ему нужно вставать, чтобы бороться за жизнь, без надежды на победу».

'дыхание'

Размер категорий в рамках одного типа текста разный по объёму. Так, в «печальных» текстах присутствует небольшая категория 'дыхание'.

«Я в одной папиной книге прочла, какая красота должна быть у женщины... главное, знаешь ли что? – Лёгкое дыхание! А ведь оно у меня есть, ты послушай, как я вздыхаю, ведь правда есть? Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в этом холодном осеннем ветре» (Бунин И. «Лёгкое дыхание»).

Тут компонент *дыхание* является символом лёгкости бытия. Неудивительно (в рамках данной концепции), что завершение тяжёлой и трудной жизни также связано с лёгкостью вдоха:

«... он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжёлый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил» (Бунин И. «Митина любовь»).

Заключение

Завершая эту краткую статью, отметим, что в настоящее время мы пытаемся создать словари эмоциональных предикторов настроений и психических состояний клиентов, обращающихся за психологической помощью. Настоящей статьёй мы приглашаем всех заинтересованных лиц к сотрудничеству.

Литература

1. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
3. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М.: Высшая школа, 1987. – 344 с.
4. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: тип. К. Счасни, 1894. – 162 с.
5. *Пропн В.Я.* Морфология волшебной сказки. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
6. *Пропн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 365 с.
7. *Теплов Б.М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы/ Избр. тр. в 2-х тт. – М.: Педагогика, 1985. – Т.1. – 306-312 с.
8. *Ухтомский А.А.* Доминанта как фактор поведения// Вопросы психологии, 1966. – № 4 – С. 79-86.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Сквозь литературу // Сб. ст. – Л.: Academia, 1924. – 279 с.

МОРТАЛЬНЫЙ МОТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ВО И ДЖ. БАРНСА: СОПОСТАВЛЕНИЕ НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

В.В. Хорольский (Воронежский государственный университет)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема экспликации мотива смерти в творчестве И. Во и Дж. Барнса, мало изученная в отечественной англистике. Мотивы смерти и умирания важны для понимания эволюции мировой литературы, их трактовка зависит от культурных традиций, от позиций автора-повествователя. Сравнение стиля И. Во и Дж. Барнса показало сходство и различие манер двух иронистов, пишущих о неизбежности ухода из этого мира. Сделаны выводы о значимости компаративного рассмотрения мотивов смерти и захоронения в контексте философских размышлений писателей о смысле жизни.

Ключевые слова: нарратив, стиль, мортальный мотив, смерть, автор-повествователь, нарратор.

MORTAL MOTIVE IN E. WAUGH'S AND J. BARNES'S CREATIVE WORKS: COMPARISON OF NARRATIVE STRATEGIES

V.V. Khorolsky (Voronezh State University)

Abstract. The article deals with the seldom discussed problem of death topic exposition in E. Waugh's and J. Barnes's creative works. Death and dying motives are relevant for the comprehension of world literature evolution, their interpretation depending on cultural traditions, narrator's attitude etc. Comparison of Waugh's and Barnes's stylistic manners showed similarities and differences of two masters of irony discussing unavoidable retirement from this world. The conclusions are made about the importance of comparative study of death and dying motives and their exposition in the context of philosophic meditations about Life's meaning and gist.

Keywords: narration, style, mortal motive, death, story-teller, narrator.

Вступление

Смерть, как и любовь, считается одной из доминирующих тем мировой литературы. Анализ чувств умирающих и их родственников, изображение процесса умирания и захоронения, сцены насильственной смерти – всё это константы литературы прошлого и настоящего о труднодостижимом и «неизглаголемом» (А. Блок) феномене. Мотив умирания и образ похорон, важный в системе образов названных писателей, позволяют судить о

философской подоплеке их нарративов. Обращение к данному «мортальному сюжету» [2; 4; 6:83-91] всегда актуально, и попытки новых интерпретаций и ре-интерпретаций не делают вековечные мотивы устаревшими.

Трактовка темы смерти в мировой литературе нередко приближалась к «сотериологии», к идее спасения души и загробной жизни, к поискам путей лёгкого прощания с этим миром [5:25-31; 6:90]. Восточная мысль более настойчиво, чем западная, изучает категорию «реинкарнации», перерождения и вечного круговорота человеческих душ. В западной культурософии чаще встречается «черный юмор» как выражение притяжения неизбежного.

Сравнение стилевых манер разных авторов целесообразно с точки зрения установления доминант стиля эпохи. **Цель** данного исследования – сопоставить взгляды, мортальные мотивы и образы двух английских авторов – Ивлиана Во (1903-1966) и Джулиана Барнса (род. В 1946 г.), сделав упор на сходстве и различии их повествовательных стратегий. Учитывая возможные несовпадения позиций биографического автора и рассказчика-нарратора, целесообразно эстетическое и логико-семантическое рассмотрение произведений, особенно повести «Незабвенная» (1948) И. Во и «Нечего бояться» Дж. Барнса, соединить с выделением и анализом иронического модуса повествования как базового стилевого регистра в названных художественных текстах (ХТ). Будучи стержнем стиля этих авторов, ирония в ХТ позволяет «фокализовать» и маркировать язык нарратива, что актуально для понимания стиля эпохи и общих закономерностей эволюции модерна и постмодерна в искусстве слова.

Иронический подход к страшному: стиль И. Во и Дж. Барнса

Выдающийся западный писатель-сатирик Ивлин Во в конце 1940-х годов был озабочен критикой американского образа жизни, лицемерного «гигиенического Эдема». Его повесть «Незабвенная», имеющая сардонический подзаголовок «англо-американская трагедия», посвящена сатирическому изображению двух похоронных бюро – «Угодий лучшего мира», так называемого «собачьего кладбища», где работает главный герой, англичанин Деннис Барлоу, и «Шелестящего дола», комплекса-кладбища для захоронения людей. Поэт-неудачник Д. Барлоу «принадлежал к поколению, которое смакует чужую близость со смертью» [3: 548]. Он приходит в «Шелестящий дол», чтобы похоронить повесившегося англичанина Фрэнсиса Хинзли, хозяина квартиры, где жил молодой человек.

Сэр Фрэнсис висел на подтяжках. Как замечает автор-повествователь, «зрелище было грубое и ошеломляющее», но главный герой истории «испытывал только любопытство и приятное возбуждение». Механическое существование в заорганизованном обществе, как показывает И. Во, притупляет восприятие трагедии существования, и это не исключение в обществе, где ритм

погони за успехом не позволяет людям осознать ценность жизни, ее смысл. Нарратив о смерти отдельных людей перерастает в «события рассказывания» в философическую притчу, делающую детали сюжета символическими.

Мертвящая атмосфера благообразного сообщества «моргпроводниц» и декораторов трупов служит в нарративе И. Во символом-индикатором всей американской жизни. На жизнь многих персонажей повести «Незабвенная» отбрасывает тень «фабрика грёз», Голливуд, где они подрабатывают, ожидая удачи. Голливуд, откуда выгнали сэра Фрэнсиса, выступает символом конвейера иллюзий и симулякров, трагических разочарований, но не антитезой кладбищу. В помпезном заведении – приюте Усопших – моргпроводницы и мастера-«бальзамировщики», по словам писателя, приводят Незабвенного «в божеский вид». Иронические интонации в нарративе И. Во очевидны. Вот слова работницы Эдема, успокаивающей Денниса, испуганного видом трупа: *«В прошлом месяце к нам поступил Незабвенный, который утонул. Труп его целый месяц находился в океане и был опознан только по ручным часам. Наши так обработали этого жмурика, - сказала моргпроводница, головокружительно спадая с высот ступей, которого она до сих пор строго придерживалась, - что он у нас стал ровно жених. Уж что-то, а дело свое они тут знают. Да что там, если б он на атомной бомбе верхом сидел, и то бы они его в божеский вид привели»* [3:568]. Контраст возвышенных слов и сниженной лексики показывает склонность нарратора-ирониста к насмешке над Приютом Успокоения с помощью приема языковой игры, характерной приметой модернистской и постмодернистской эстетики. Вот еще её пример: *«Упокоение останков у нас обычно производится путем обычной погребизации, погребизации с памятником, урнизации с урной и муризации в стене, однако в последнее время многие стали предпочитать саркофагизацию»* [3:567]. Подобное нагнетание существительных, претендующих на научность, создает комический эффект, усиливая авторскую насмешку над волапоком заведения, также оттеняющим абсурдность рекламно-претенциозных номинаций. Трагифарс усиливается в сцене самоубийства девушки Эме из «Шелестящего дола». Нарратор подробно говорит о том, что Эме полюбила Денниса, когда уже была готова выйти замуж за своего начальника Джойбой, который хорошо знал тонкости декоративного мастерства в работе с трупами. Джойбой уже познакомил девушку с матерью, герои заключили соглашение о скором браке, но любовь зла. Эме, будучи доверчивой и наивной девушкой, под влиянием пьяного «радиогуру» Хлама, который посоветовал ей по телефону прыгнуть с крыши, сделала, впад в депрессию, себе укол цианистого калия. Джойбой и Деннис сжигают ее труп в печи «Угодий лучшего мира», выдав Эме за умершую овцу. Согласно правилам заведения, «еще год мистер

Джойбой будет получать почтовую карточку: «Твоя маленькая Эме виляет сегодня хвостиком на небесах, вспоминая о тебе». Гротескные образы у Дж. Барнса встречаются реже, хотя он, как и Во, может быть назван писателем-пересмешником, видящем в феномене смерти и страшное, и смешное.

Дж. Барнс представляет более позднюю стадию развития неомодернизма, иное проявление иронического модуса смертной наррации. Извечную танатологическую проблематику Барнс раскрывает в форме документальных и квази-документальных зарисовок, созданных в 2005-2007 годы. Как и И. Во, Дж. Барнс иронически трактует мотивы смерти и умирания, опираясь на известные ему случаи, прежде всего – на семейную историю. Он пытается адаптироваться к ужасному, уповая на неизбежность нашего ухода из этого мира. В книге «Нечего бояться», как и в статьях, изданных в России («Письма из Лондона»), стиль автора может быть определен как «тотальная ирония», как проявление постмодернистской «геймификации». Как писатель, близкий к канонам постмодернистских нарративов, Барнс в эссеистическом жанре широко использует чужую цитату, чужое слово о смерти каждого из нас (Монтень, Ф. Ларкин и др.). Рассмотрим отрывок из книги «Нечего бояться»:

«В похоронном бюро я несколько раз дотронулся до ее щеки, затем поцеловал в волосы. Она была такой холодной, потому что выехала из морозильника или потому что все покойники естественным образом холодные?... С макияжем не переборзили, и ей было бы приятно знать, что волосы элегантно уложены. («Разумеется, я никогда их не красила, — однажды хвасталась она невестке. — Это мой природный цвет».) ...пора было и попрощаться, несмотря на все мое долгое раздражение, с ней связанное. «Молодец, мама», — сказал я тихо. Она действительно разобралась с «умиранием» лучше, чем отец. Он перенес серию ударов, его уход растянулся на несколько лет; она проделала путь от первого криза до смерти эффективнее и быстрее» [1:9].

На первый взгляд, смерть престарелой матери, с которой жизнь складывалась у писателя нелегко, не вызывает у рассказчика глубоких эмоций. Можно его даже упрекнуть в бытовом цинизме. Он думает о пустяках (*После ее кремации я забрал диск Моцарта у «органиста», который, я вдруг подумал, теперь получает полное жалование за то, что ставит запись с компакт-диска*), повествует о похоронах, используя сниженно-просторечную лексику (*С макияжем не переборзили, разобралась с «умиранием» лучше, чем отец*) [1:12], но образ «непочатой бутылки шерри», найденный в вещах матери, меняет тон повествования. Герой прозревает истину, личные вещи покойной заставляют нарратора пересмотреть свое отношение к ней. Он изучил содержимое «маминой сумочки», задумался об утрате, о суете бытовых ссор, с

запозданием понял, как любил эту женщину и не успел ей об этом сказать. В отличие от И. Во Барнс пишет в регистре возвышенного воспоминания, сочетая иронию и элегический модус наррации. Он вспоминает похороны отца, когда мать была еще жива: *«Как плохо, сказала она, что он так и не поносил большие коричневые тапки на липучке, которые она ему купила месяц назад; незаметно от меня она унесла их домой. Она пришла в ужас, когда ей предложили взглянуть на папино тело» [1:10].* Мелочь (неношенные тапки), приобретая характер символа, выводит повествование на уровень художественной генерализации, превращающей быт в бытие. Событие рассказывания является одним из главнейших в структуре повествования двух авторов: И. Во повествует об уходе персонажей с большей долей отстранения, Барнс более сентиментален, но оба они учат смотреть смерти в лицо без истерики и мучений.

Заключение

Рассмотрение мотивов смерти и умирания в творчестве английских авторов позволяет сделать следующие выводы:

1. Стиль в рассмотренных ХТ многим обязан иронии, хотя у Дж. Барнса чаще наблюдается имплицитная ирония, а не открытый сарказм. Событие рассказывания у обоих авторов принципиально важно как модель создания романа: оно зависит от позиции нарратора по отношению к ключевому событию в жизни каждого из нас. Позиции авторов в рассмотренных ХТ в целом совпадают, но бросается в глаза более интенсивная вовлеченность Дж. Барнса в игру с читателем, который тоже, как и нарратор, становится объектом насмешки (игра в игру).

2. Сопоставление жанрово-стилевых и нарративных стратегий в рассмотренных ХТ показало, что своеобразие стиля у обоих обусловлено законом неразрывности и неслиянности голосов авторов и героев. Перспективным представляется рассмотрение мотивов смерти в творчестве Дж. Барнса, который написал не только биографическое творение «Нечего бояться», но и целый ряд романов, где рассмотренные мотивы крайне важны. Результаты анализа мотива смерти свидетельствуют о близости авторов к смеховой традиции в мировой литературе, что делает метод сопоставления востребованным.

3. Сравнение стилевых регистров авторов-повествователей в «Незабвенной» и в «Нечего бояться» убеждает в перспективности сопоставления смертных мотивов в творчестве западных и русских авторов.

Литература

1. Барнс Дж. Нечего бояться. – М.: Эксмо, 2012. – 384 с.
2. Блинова М.П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы: (русский и зарубежный опыт): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 25 с.
3. Во И. Мерзкая плоть. Возвращение в Брайдсхед. Незабвенная. – М.1984. – 570 с.
4. Кузнецова В.В. Превращения смерти (по страницам повести Ивлиной Во «Незабвенная») // Фигуры Танатоса: Символы смерти в культуре. – СПб., 1991. – Вып. 1. – С. 135-141.
5. Слепокуров А.А. Непостижимость смерти как этико-философская проблема / А.А. Слепокуров // Культурология. Пересечение научных сфер. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 25-31.
6. Хорольский В.В. Мотивы умирания и смерти в западной литературе и публицистике новейшего времени (на материале произведений Дж. Барнса и Ф. Бегбедера) // Былое и мы. Сб. научных статей. – Воронеж, 2020. – С.83-91.

МОТИВ СМЕРТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-ОГО ВЕКА:
КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

А. Килар (Академия Игнатрианум)

Аннотация. Статья представляет собой краткое изложение истории появления темы смерти в русской литературе XIX века. В статье обсуждаются различные типы смерти, а также различия и сходства в их репрезентации.

Ключевые слова: естественная смерть, православие, убийство, самоубийство, философия.

THE MOTIF OF DEATH IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY:
A CULTURAL ASPECT

A. Kilar (Academia Ignatianum)

Abstract. The article is a short summary of the occurrence of the death theme in 19th-century Russian literature. The article discusses the different types of death as well as the differences and similarities in their presentation.

Keywords: natural death, Orthodoxy, murder, suicide, philosophy.

Важным вопросом работы является трансформация образа смерти в русской литературе XIX века, которая произошла в нём под влиянием западных культурных, философских и социальных тенденций. Основной вопрос касается религиозно-культурных факторов традиционного образа смерти в русской культуре. Это связано с вопросом о влиянии традиций восточного христианства на представленный образ. Гипотеза статьи заключается в том, что традиционный образ смерти, сформированный христианством, не был нарушен, несмотря на значительное влияние философии атеистического материализма и утопического социализма.

Тема смерти в русской литературе XIX века менялась под влиянием западных культурных тенденций. Однако наиболее важными для её трансформации были, прежде всего: философия атеистического материализма Людвига Фейербаха, а также идеи революции и социальной утопии социализма, усиленные в конце рассматриваемого века влиянием Маркса и его видения коммунизма. На основании этих влияний возникает тема философского самоубийства, представленная, среди прочего, в «Идиоте» и «Бесах» Федора Достоевского, а также мотив философского убийства, представленный тем же автором в «Преступлении и наказании», «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Образ смерти,

лишенный её метафизико-религиозных и эсхатологических тайн, также возникает на основе влияния философии Фейербаха. Эта идея в России наиболее ярко представлена Николаем Чернышевским в его романе «Что делать?» Эти новые лица смерти в литературе рассматриваемого периода, однако, не заменили её традиционного образа, сформированного православной религиозной традицией. Несмотря на очень динамичную западную ориентацию русской культуры в девятнадцатом веке, в её литературе преобладает традиционный подход и понимание смерти.

История русской культуры, духовности и философии XIX века показывает, как христианская традиция России вместе с её доминирующими ценностями в культуре этого периода описывает смерть и сопутствующие ей обряды. Тему смерти мы можем разделить на несколько типов.* Каждая часть – это отдельный элемент, который, по сравнению с другими, создаст полную картину того, насколько конкретным и интересным является феномен смерти и умирания на основе русской традиции и культуры.

Первый тип смерти – это естественная смерть, на которую сильно повлияла православная традиция. Литература XIX века изображает смерть героя в его постели и окружении родственников. Герой смирился со своей судьбой и знает, что смерть – необходимое условие, чтобы он мог начать новую жизнь с Богом.

Смерть воспринималась как один из основных элементов человеческого существования. Такое отношение характерно для всех христианских конфессий, в т.ч. и для Православной Церкви. Мы видим такие же мотивы в творчестве И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского. Смерть показана как одно из самых травмирующих переживаний в жизни любого человека. Встреча с ней – это разрушающий жизненный опыт не только для ближайших родственников умирающего, но также для сообщества и его отдельных членов [1: 9-11]. Рассматриваемая как один из основных элементов человеческого существования, смерть воспринимается как нечто негативное, вызывающее страдание или страх, который, однако, преодолевается с помощью религии. Явление смерти очень часто сопровождается определенным обрядом. В зависимости от христианского вероисповедания и культуры, в которой мы выросли, эти обряды будут разными, но у них одна и та же цель – помочь умершему в его путешествии к Богу. В православной теологии после смерти наступает самоопределение души, это так называемое «хождение души по мытарствам». Самоопределение здесь не имеет окончательного характера [2: 80-90]. Размышления о смерти – это прежде всего отражение её смысла, значения, роли и места в жизни. В русской литературе XIX века тема смерти в собственной постели появлялась у многих художников того периода: смерть

* Типы смерти выделил П. Арес в книге «Человек и смерть». P. Ariès, *Człowiek i śmierć*, Warszawa 1992.

почтмейстера и «простых людей» у Пушкина, смерть отца, сына и матери у Салтыкова-Щедрина. Достоевский показывает нам мистическую смерть старика Зосимы, а Толстой показывает, как графы и князья дворянских родов царской России уходят из этого мира.

Два другие типа смерти – это убийство (несогласие с существованием другого человека) и самоубийство (несогласие с существованием самого себя). Оба типа связаны с негативным влиянием западных идеологий на российское общество. Нам очень сложно понять, почему, казалось бы, счастливый человек внезапно решает покончить с собой. Следует обратить внимание на идеологические и философские течения, которые пошатнули общественный строй в России – революционные идеи, идеологию социализма, народническое движение. Под их влиянием – как показывает литература второй половины XIX века – европеизированные русские, прежде всего из кругов революционной интеллигенции, убивали своих идейных врагов. Они делали это во имя революционных изменений, за которыми последовала эпоха идеального общественного строя – социализма. Концепция революции, как в разговорной речи, так и в научных терминах, означает некоторые фундаментальные социальные, политические изменения с точки зрения историософии и социологии. Её суть хорошо отражена в классическом описательном определении Алексиса де Токвиля, который в своей работе «Старые правительства и революция» обращает внимание на общественное сознание как на отправную точку великих социальных потрясений [3].

Если мы говорим о самоубийстве, следует сосредоточить внимание на психологических и культурных аспектах этого акта, представленных в русской литературе. Нам нужно объяснить, что побудило её героев к таким жестоким шагам и показать разные лица самоубийства на примере таких произведений, как: «Анна Каренина» (главная героиня которого является одной из самых известных литературных самоубийц) или «Кроткая», «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского, «Война и мир» Толстого. В этих творениях изображаются специфические психологические портреты людей, осуществляются глубокий анализ человеческих характеров в попытке их понять. Писатели, как психологи и моралисты, блестяще показывают нравственные трагедии, которые переживают их герои. Они представляют борьбу героев со своей совестью, а также момент, когда те проигрывают битву и сдаются смерти.

Другой тип смерти, который мы можем различить, – это смерть на войне. В ней представляется смерть как жертва собственной жизни во имя возвышенных ценностей. Это прежде всего смерть на войне в защиту Родины. Как показывают, например, роман «Война и мир» или «Севастопольские рассказы», героическая смерть – это слава.

Авторы, обсуждаемые в этой статье, разные по стилю и жанрам, имеют сходство в способах использования художественных средств, и, прежде всего, они стремятся показать универсальное измерение переживания страдания и переживания смерти. Погребальный обряд, характерный для православной религии, представлен всеми писателями одинаково – у тела умершего всегда собираются родные и близкие, чтобы проститься с уходящим героем. Николас Василиадис, цитируя слова Филотеуша Фларовского, даже говорит, что православный погребальный обряд способствует формированию «здоровой цивилизации», помогает выразить сожаление и потерю после ухода любимого человека [4].

С антропологической точки зрения страдания, предвещающие смерть, и сама смерть объективны и абсолютны, независимо от возраста, происхождения и социального положения умирающих героев. Эта объективность и абсолютизм делают всех равными перед смертью и самой смерти. Отличаются только окружение и состав людей, сопровождающих героев при уходе в другой мир. Это разнообразие дополнительно достигается авторами за счет различных художественных и эстетических средств.

Убийство как наказание за грехи в русской литературе XIX века описывалось как смертная казнь, которую виновный должен был заплатить за совершенные им преступления – «Идиот», «Капитанская дочка», «Война и мир» (публичное линчевание коллаборациониста Верещагина). Убийство по экономическим причинам можно найти в «Идиоте» Федора Достоевского и «Воскресении» Льва Толстого. Если у Достоевского это всего лишь рассказ, то у Толстого весь роман построен на этой нити. Случаи убийства, представленные в литературе девятнадцатого века, подчеркивают зло, которое несет убийство. Люди, совершившие этот акт, были осуждены и наказаны. Следует отметить, что никто из писателей открыто не осуждал представленных ими убийц, но и не защищал. Все убийства были признаны морально неправомерными, наносящими ущерб высшей ценности – человеческой жизни.

Случаи самоубийственной смерти не только носят общий характер, но и имеют общее значение. Об этом Анна Ражны рассказывает в статье о смерти и бессмертии в творчестве Достоевского [5]. Каждый из писателей XIX века разработал свой собственный стиль описания самоубийственной смерти. Тем не менее, у всех этих случаев есть одна общая черта – несогласие индивида с продолжением своего существования в этом испорченном и никчемном мире. Случаи самоубийственной смерти – это уход от земных проблем, с которыми люди не смогли справиться. Часто людям, совершающим самоубийство, пытаются приписать психическое заболевание, чтобы снять клеймо этого типа смерти. Между тем практически каждый из цитируемых здесь авторов указывает, что эти действия были совершены их героями сознательно. Этот

факт наиболее ярко выражен у Достоевского, который, описывая самоубийства своих героев, заявляет, что это только их собственное решение. Примером могут служить слова из письма Ставрогина: «Я никого не обвиняю» [6]. Достоевский на примере «своих» самоубийц показывает, как жизнь без Бога губит человека. Мнение Пшибышевского прекрасно показывает, до каких унижений могут доходить люди, не верящие в Бога. Если сравнить их с жуками, которые прячутся по углам и наслаждаются тьмой, это отражает состояние их распадающейся души. Их уже ничто не может спасти. Либо они убивают друг друга, либо уничтожают себя. Только Бог может им помочь, но они должны нуждаться в этой помощи [7].

Представленные образы смерти показывают, что литература, как и другие направления русской культуры XIX века, не подверглась секуляризации, она сохранила свой православный характер, несмотря на сильное влияние западных философий. Прежде всего, в антропологическом измерении и его центральной проблеме – жизни и смерти. Творческий индивидуализм отдельных авторов выражается в эмоционально-стилистической сфере. В обоих случаях у них общий знаменатель – это эстетика и поэтика реализма, которые делают смерть в литературе этого периода ни сюрреалистичной, ни романтической мечтой.

Литература

1. *di Nola A.M.* Triumf śmierci. Antropologia żałoby. – Kraków 2006. – S. 9-11.
2. *Sarwa A.* Rzeczy ostateczne człowieka i świata. Eschatologia Kościoła wschodniego. – Łódź, 2002. – S. 80-90.
3. *de Tocqueville A.* Dawne rządy i rewolucja. – Warszawa 2009. – 169 s.
4. *Vasiliadis N.* Obrządek pogrzebowy, za: <https://dormitorium.lublin.pl/94/obr2%C4%85dek-prawos%C5%82awny.htm>. (Дата посещения 6.06.2021).
5. *Raźny A.* Śmierć i nieśmiertelność w twórczości Fiodora Dostojewskiego // „Slavia Orientalis”, pod red. L. Suchanka, XLVII. – Kraków, 1998. – № 3. – 426 s.
6. *Dostojewski F.* Biesy. – Kraków 2015. – S. 670.
7. *Przybylski R.* Stawrogin / M. Janion, Sprawa Stawrogina. – Warszawa, 1996. – S. 41-42.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ»
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РУССКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

М.Г. Церцвадзе (Кутаисский университет им. А. Церетели)

Аннотация: В рамках данной работы изучается концепт «печаль» и лексико-фразеологические средства его вербализации в русском и грузинском языках.. Цель исследования состоит в выявлении содержания и структуры эмоционального концепта «печаль» в сопоставляемых языках. Для достижения поставленной цели применялись следующие методы исследования: дефиниционный анализ толковых словарей, сопоставительный анализ, концептуальный анализ, метод сплошной выборки. В качестве материала исследования были использованы данные из толковых, синонимических, фразеологических словарей русского и грузинского языков. В работе выявлены основные антинимии концепта и его национальная специфика.

Ключевые слова: концепт печаль, русский и грузинский языки, сопоставление, фразеологизмы, лексические единицы, универсальные признаки, синонимические ряды.

REFLECTION OF THE CONCEPT OF "SADNESS"
IN THE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN AND GEORGIAN LANGUAGES

M. G. Tsertsvadze (Kutaisi state University named after A. Tsereteli)

Abstract: this work examines the concept of "sadness" and the lexical and phraseological means of its verbalization in the Russian and Georgian languages. The aim of the study is to identify the content and structure of the emotional concept "sadness" in the Russian and Georgian languages.. The subject of the study is the language (lexical and phraseological) means of presenting the concept of "sadness" in the Russian and Georgian languages. The research material used was data from explanatory, synonymic, and phraseological dictionaries of the Russian and Georgian languages.

Key words: concept sadness, Russian and Georgian languages, comparison, phraseological, synonymic series.

Постановка проблемы

В данной статье представлены результаты, полученные в процессе анализа эмоционального концепта «печаль» и средств его выражения (лексико-фразеологические) в русской и грузинской языковых картинах мира.

Исследование эмотивной лексики в настоящее время является одним из наиболее активно развивающихся направлений в лингвистике, так как эмоции отражают менталитет определенного народа и формируют, вместе с другими факторами, языковую картину мира. Под эмоциональной картиной мира мы понимаем вслед за Н. А. Красавским «совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, передаваемых отдельными концептами». Согласно Н.А. Красавскому, эмоциональный концепт — это «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, лексически и /или/ фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее, помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [4: 90].

Актуальность настоящей работы обосновывается тем фактом, что она вписывается в контекст современных научных исследований, определяющих интерес к антропоцентрическим аспектам лингвистической науки и анализу языковых явлений в триаде «человек – язык – мир». Актуальность исследования объясняется также тем, что представленный в настоящей статье сопоставительный анализ лексических единиц, вербализующих эмоциональный концепт «печаль» в лингвокультурах русского и грузинского языков позволяет установить черты сходства и различия, обусловленные как спецификой национальной культуры, так и особенностями семантической и грамматической систем исследуемых языков.

Целью исследования является выявление содержания и структуры эмоционального концепта «печаль/დობრდო» (dardi) в русском и грузинском языках.

Для достижения поставленной цели применялись следующие методы исследования: дефиниционный анализ толковых словарей, сопоставительный анализ, концептуальный анализ, метод сплошной выборки.

Предмет изучения – языковые (лексико-фразеологические) средства представления концепта «печаль» в русском и грузинском языках.

В качестве материала исследования были использованы данные из толковых, синонимических, фразеологических словарей русского и грузинского языков.

Результаты исследования

Считаем необходимым начать сопоставительное исследование с анализа лексикографического толкования лексемы «печаль/დარდი» (dardi) из наиболее авторитетных словарей русского и грузинского языков.

В словаре Ефремовой Т.Ф. печаль определяется как: 1. Чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи. Грустное, скорбное выражение (глаз, лица, уст и т.п.). 2. То, что вызывает, обуславливает чувство скорби, тоски; беда, несчастье. 3. То, что является предметом беспокойства, заботы [6].

В словаре Ожегова С.И. печаль определяется следующим образом: 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. В глубокой печали. Тихая печаль. 2. То же, что забота (устар. и прост.). Не твоя печаль чужих детей качать (посл.) [7].

Словарь Ушакова Д.Н. дает следующее толкование данному феномену: печаль, печали, жен. 1. только ед. Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство. «Была без радости любовь, разлука будет без печали» М. Лермонтов. 2. То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (*книж.*). Ты вспомни быстрые минуты первых дней, ... 3. Забота, огорчение (*разг.*). Вам то какая печаль? Не твоя печаль (не твое дело). «Не было печали, так черти накачали» (*погов.*) [8].

В словаре грузинского языка представлено следующее толкование лексемы „დარდი“ (dardi): სიმძიმის გრძობა, გამოწვეული მძიმე მდგომარეობით, უბედურებით და მისთ., _კაეშანი, სევდა, ნალველი, გულის დარდი 2. რისამე ფიქრი, ზრუნვა; წუხილი(тревога, печаль, скорбь); შიში, ჯავრი (Печаль – чувство грусти, тоски, вызванное тяжелым состоянием, несчастьем, и т.п., скорбь, тоска, кручина, сердечная тоска. 2. раздумье, забота, тревога о чем-то, о ком-то; горе, страх) [9].

В древнегрузинском языке скорбь, печаль, душевная боль, душевная тяжесть (მწუხარება-*mtsukhareba*, სულიერი ტკივილი-*sulieri tkivili*, სულიერი სიმძიმე-*sulieri simdzime*) передавались словом სიმძიმლი (*simdzimili*) [3].

Таким образом, на уровне словарных определений в русской и грузинской лингвокультурах, можно выделить два основных понимания печали: 1) чувство скорби, грусти, горести, тревоги, нерадостное настроение; 2) источник скорби, горести.

Общим для русского и грузинского толкования концепта «печаль/dardi» является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы.

На основе словарей синонимов Александрова З.Н. и Абрамова Н.А.[1:114; 2:120] выделены синонимы лексемы «печаль» (23): *печаль, горе, горесть, грусть, кручина, отчаяние, скорбь, прискорбие, скука, томление, тоска, траур, уныние, ипохондрия, меланхолия, соблезнование, сожаление; боль, горечь, мировая скорбь (шутл. и ирон.); грусть-тоска (народно-поэт.); сокрушение (устар.), огорчение, забота.*

Все они имеют свою семантико-стилистическую специфику по отношению к понятию печали. Например, печаль, вызванная каким-то несчастным случаем, как правило, определяется как *скорбь, сожаление, прискорбие, огорчение, траур (имеет даже яркий внешний образ – черная одежда)*, а глубокая печаль, тяжелое гнетущее чувство – именуется как *горе, горесть, томление, кручина, сокрушение, отчаяние, горечь.*

Печаль, связанная с физическим или душевным страданием, может обозначаться как *мука, боль, ипохондрия, томление*; мрачная унылая печаль – *скука, уныние, тоска, меланхолия и т.д.*; длительное, устойчивое чувство грусти и скорби, состояние душевной горечи обозначается как *печаль*; неглубокое и не слишком интенсивное чувство уныния, легкой печали – как *грусть*. Кроме этого, одним из ограничений является и стилистическая характеристика, в частности, например, *сокрушение* характеризуется как устаревшее, *скорбь* – как литературное, *грусть-тоска* – как народно-поэтическое.

Синонимический ряд концепта «დარდი» (dardi) в словаре синонимов грузинского языка [5:230] представлен следующими лексическими единицами (23): დარდი (dardi – тоска, печаль, грусть, горе, кручина), ჯავრი (djavri – горе, тоска, печаль), ბოღმა (bogma – горечь), ვარამი (varami – горе, горести, печаль), ვაება (vaeba – траур), სევდა (sevda – тоска) ნალველი (nagveli – печаль, скорбь, грусть, горечь, тоска), გულისნადები (gulisnadebi – сердечная тайна), გულისტყმა (gulistqma – переживание), ფიქრი (phiqri – дума), შეჭირვება (shechirveba – тревога, грусть), ჭირი (chiri – беда, несчастье, горе), ჭირი-ვარამი, ვაგლახი (chiri-varami, vaglakhi – горе, страдание, стенание, беда), ვაივაგლახი (vaivaglakhi – мука), დარდ-ვარამი (dard-varami – тоска-печаль), დარდუბალა (dardubala – мука, страдание, беда, огорчение, горесть, скорбь), კაეშანი (kaeshani – грусть, кручина), მწუხარება (mtsukhareba – скорбь, печаль, горе), წუხილი (tsukhili – тревога, мука, тоска, грусть, печаль, горе, кручина), დაძმარებული (dadzmarebuli – грустный, скучный, мрачный, расстроенный),

დაღვრემილობა (dagvremiloba – мрачность, удрученность, угрюмость), ზრუნვა (zrunva – забота), საწყუხარი (satsukhari – вызывающий беспокойство), ურვა (urva – скорбь, печаль, сокрушение).

Лексемы დარდი (dardi), ნაღველი (nagveli), კაემანი (kaeshani), სევდა (sevda), ჯავრი (djavri), ვარამი (varami), ფიქრი (phikri) заимствованы из арабского и персидского языков.

Итак, синонимические ряды, выявленные нами на материале синонимических словарей в сопоставляемых языках, представлены одинаковым количеством синонимических единиц: 23 – в русском и 23 – в грузинском.

В русском и грузинском языках концепт «печаль» представлен не только лексическими единицами и лексическими сочетаниями, но и фразеологическими сочетаниями, которые всегда отражают менталитет нации, особенности культурно-исторического развития.

Фразеологизмы были отобраны из толковых словарей русского и грузинского языков.

Количество фразеологизмов, выражающих состояние печали в русском и грузинском языках, составляет 42 и 46.

Состояние печали, подавленности и угнетенности проявляются во внешнем виде человека. Общими компонентами фразеологических единиц, репрезентирующими концепт печаль в русском и грузинском языках являются соматические лексемы сердце, душа, голова, глаза, волосы, нос.

Об отражении грусти, печали на лице человека говорят русские и грузинские фразеологизмы: *согнать с лица улыбку, печаль туманит / застилает глаза / лицо, на нем нет лица. лицо подернулось грустью; სახეზე ღრუბელი გადაეფარება, სახეზე ჩრდილმა გადაურბინა (sakheze grubeli gadaephara, sakheze chrdilma gadaurbina – лицо затуманилось, по лицу промелькнула тень), კაცის ფერი არა აქვს (katsis pheri ara aqvs – на нем нет лица), მოღრუბული სახე (mogrubuli sakhe – нахмуренное лицо), პირსახე ჩაუბნელდება (pirsakhe chaubneldea – лицо потемнеет), თავ-პირი ჩამოტორის (tav-piri chatotiris – быть очень печальным)*

При печали происходит сужение кровеносных сосудов, что приводит к оттоку крови из лёгких, в результате ухудшается поступление кислорода в организм, затрудняется дыхание и человек начинает ощущать стеснение и тяжесть в груди, о чём говорят следующие фразеологизмы: *стеснить грудь / сердце, печаль теснит / щемит грудь / сердце, тоска сжимает / давит / теснит сердце / грудь / душу; ჯავრი შემოაწვა გულზე (javri shemoatsva*

gulze-toska sdavilo serdce), გული ხელთ აღარ აქვს (guli khelt agar aqvs- сердце болит, ноет, сжимается, щемит, надрывается), გული, სული უკვნესის (გული, სული უკვნესის – душа ноет, сердце, грудь щемит).

В основе некоторых русских и грузинских фразеологизмов лежит представление о печали как тяжёлом, гнетущем душу или сердце эмоциональном грузе: *камень на душе / на сердце, с камнем на душе, с тяжёлым сердцем; გულის დამძიმება (gulis damdzimeba – тяжело на душе), გულზე ლოდად, ტვირთად, დაწოლა, დადება გულზე (gulze lodad, tvirtaddatsola, dadeba gulze – тяжёлый камень на сердце (на душе).*

Как в русской, так и в грузинской языковой картине лексемы душа и сердце в составе фразеологизмов *угнетать сердце / душу* обозначают средоточие эмоций и символизируют чувства, переживания настроения: *сокрушать / сокрушить сердце, сосать за душу, сердце / душа тоскует, сокрушённое сердце, с поникшим сердцем, с тяжёлым / сокрушённым / стеснённым / упавшим сердцем, сердце падает, сердце надрывается; გულს დარდი აწევს (guls dardi atsevs – на сердце давит печаль), გული ეწვის (guli etsvis-serdce gorum), გული უკვდება (guli ukvdeba – охватывает чувство грусти, сердце умирает), გული დაწყდება, დაენანება, ეწყინება (guli datskdeba, daenaneba, etskineba – расстроится, опечалится), გული ჩაწყდება (guli chatskdeba – сердце падает), (ვინმე) გულს დახურავს (vinme guls dakhuravs – уйти в себя), (ვინმეს) გული ჩაეხურება (vinmes guli chaekhureba – сердце замкнулось). Сочетания с номинантами лексемы «печаль» указывают на сходство этого чувства с физической болью, с болезнью: *ср. мучительная / невыносимая / нестерпимая тоска, острая / жгучая тоска, глухая / тупая / тяжёлая тоска, смертельная тоска / уныние, сердечная грусть, приступ тоски, припадки ипохондрии, удар хандры, болеть тоской, страдать тоской / меланхолией, тоска начинается, тоска утихает, грусть / печаль / уныние / тоска проходит.**

Аналогичные употребления можно найти и в грузинском языке: *დიდი დარდი აქვს (didi dardi aqvs – большое горе), დიდი ვარამი (didi varami- безумное горе), მწარე ნაღველი (mtsare nagveli – горькая печаль), დარდის გაქრება (dardis gaqarveba – утолить печаль), ფარული სევდა (pharuli sevda- тайная тоска), დარდი გაქრება (dardi gaqreba – печаль исчезнет, придет), დარდი შეუმსუბუქდება (dardi sheumsubuqdeba – облегчение печали),*

მოედება დარდი (*moedebe dardi* – овладевает печаль), *დარდი ჰკლავს* (*dardi klavs* – печаль убивает), *დარდი მოედლა* (*dardi moedzala* – печаль навалилась).

Печаль в обеих языковых картинах передаются фразеологизмами с компонентами-соматизмами *нос, рука, голова: повесить нос, вешать / повесить нос на квинту, вешать / повесить голову, опускать / опустить голову, с опущенной / поникшей головой, опустить руки, складывать руки, опускать руки, махнуть рукой, руки опускаются (отнимаются); ცხვირს ჩამოშვებს* (*tskhviris chamoshveba* – опускать нос), *ხელის ჩაქნევა* (*khelis chaqneva* – махнуть рукой), *გულზე ხელს დაიკრევს* (*gulze khels daikrephs* – руки на грудь скрестил, сложил).

В грузинском языке репрезентатами эмоции печали выступают также соматизмы *შუბლი* (*shubli* – лоб): *შუბლშეკმუხნული* (*shulshechmukhnuli* – нахмуренный) и *წარბი* (*tsarbi* – брови): *წარბშეკრული, წარბების შეკვრა* (*tsarbshekruli, tsarbebis shekvra* – хмурить брови, насупить брови); *ნაღველი* (*nagveli* – желчь): *ნაღველმა შეიპყრო* (*nagvelma sheipkro* – тоска нашла), *მწარე ნაღველი* (*mtsare nagveli* – горькая печаль), *შავი ნაღველი* (*shavi nagveli* – черная печаль – состояние подавленности, меланхолии), *ნაღველის ჩაწურვა* (*nagvelis chaturva gulshi* – опечалиться), *ნაღველის გახეთქვა* (*nagvlis gakhetchva* – появление заботы), *ნაღველის ჭამა* (печаль поедает), *მწარე ნაღველს დალევა, დააღვეინებს* (*mtsare nagvels dalevs, daalevinebs* – *иснуть горькой желчи*, т.е. испытать много горя и несчастий); *სისხლი* (*siskhli* – кровь): *სისხლი გაყინება* (*siskhli gaekineba* – кровь леденеет, т.е. охватывает ужас от горя, страха).

Высокая степень интенсивности отчаяния в рассматриваемых языковых картинах выражается фразеологизмами: *რვათაზე ნაწილი ვაძინებ* (*nav-piris gleja* – рвать на себя волосы), *თავზე ნაცრის დაყრა* (*tavze natsris dakra* – посыпать голову пеплом), религиозным фразеологизмом – *იერემიის ტირილი* (*ieremiis tirili* – плач Иеремии).

Характерным признаком образного осмысления печали является её ассоциация с **чёрным цветом** в русской и в грузинской лингвокультурах:

чёрная меланхолия, чёрная тоска, чёрная хандра; შავი დარდი (*shavi dardi* – черная тоска), *შავი ნაღველი* (*shavi nagveli* – черная печаль), *შავი ფიქრები* (*shavi phiqrebi* – черные мысли).

Национально-специфическим является соотношение эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре (тоска зелёная).

В рассматриваемых языках печаль ассоциируется также с образом тучи, о чем говорит употребление лексем печаль, тоска, уныние во фразеологизмах *дымка/облако печали, затуманиться печалью, навеять уныние, печаль туманит/застылает глаза / лицо, нагонять/нагнать уныние / тоску, наводит/нагоняет тоску/уныние, разогнать развеять/рассеять тоску, разводит/развести грусть-тоску; დარდის ღრუბელი* (*dardis grubeli* – облако печали), *მღრუბული სახე* (*mogrubuli sakhe* – мрачное лицо), *დარდის გაქრება* (*dardis gaqarveba* – развеять печаль).

Заключение

Таким образом, на основе вышеизложенного можно отметить, что анализ смысловых структур исследуемого концепта в русском и грузинском языках позволяет обнаружить и совпадения семантических признаков, и определенные различия.

Сходство русского и грузинского языков проявляется в следующих признаках: 1) негативная коннотация, приписываемая концепту печаль; 2) одинаковое количество синонимов; 3) связь концепта с семой *сумрак* (*მღრუბული* – мрачный, печальный); присутствие во фразеологизмах с семой печаль таких соматизмов, как *душа, лицо, сердце, руки, волосы, нос*; 3) ассоциация концепта печаль с такими понятиями как *боль, грусть, страдание, скука, тревога, страх*; 4) совпадает количество синонимических рядов.

Различие выражается в следующем: 1) в русском и грузинском языках количество фразеологизмов, репрезентирующих семы концепт «печаль», не совпадает (42 и 46); 2) в соотношении эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре; 3) в репрезентации эмоции печали в грузинской языковой картине соматизмами *შუბლი* (*shubli* – лоб), *წარბი* (*tsarbi* – брови), *ნაღველი* (желчь), *სისხლი* (*siskhli* – кровь).

Литература

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений // Электронный ресурс: <http://dict.t-mm.ru/abramov/a>. (Дата посещения: 24.02.2021).
3. *აბულაძე, ი. ვ.* ძველი ქართული ენის ლექსიკონი. თბილისი. 1973, – 800 გვ.

4. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе, 2002. – № 2. – С. 90-94.
5. ნემანი ა. ქართულ სინონიმთა ლექსიკონი. თბ., 1979. – 700 გვ.
6. Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой // Электронный ресурс: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>. (Дата посещения: 24.02.2021).
7. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова // Электронный ресурс: <http://slovarozhegova.ru>. (Дата посещения: 24.02.2021).
8. Толковый словарь Д.Н. Ушакова // Электронный ресурс: <http://ushakovdictionary.ru>. (Дата посещения: 24.02.2021).
9. თანამედროვე ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. <http://www.na.ge/explanatory-online>. (Дата посещения: 24.02.2021).

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ:
ИЗ ИСТОРИИ ПОЧТИ 100-ЛЕТНИХ НАБЛЮДЕНИЙ

А.М. Королева (Высшая школа экономики – Москва)

Аннотация. Статья представляет собой экскурс в историю изучения поэтики заглавия в отечественном литературоведении, начиная с 1920-х гг. и заканчивая сегодняшним днем. Обзор показывает всю широту исследовательских достижений в области изучения феномена заглавия, затрагивая работы С.Д. Кржижановского, книгу полиграфического профиля А.А. Реформатского, научно-популяризаторскую деятельность З.Д. Блисковского, теоретико-литературные (Ю.Б. Орлицкий, Н.А. Веселова) и лингвистические подходы (И.Р. Гальперин, Н.А. Фатеева), а также роль теории и философии имени в раскрытии поэтики заглавия. Отдельно рассматриваются проблемы классификации, функций заглавий и вопрос авто/интертекстуальности в заглавии.

Ключевые слова: заглавие, поэтика заглавия, ЗФК, теория имени, философия имени.

POETICS OF TITLE: FROM THE HISTORY OF ALMOST-A-CENTURY
OF SCHOLARLY OBSERVATIONS

A.M. Koroleva (Higher School of Economics – Moscow)

Abstract. The article presents an overview of the history of investigation of the poetics of book titles in Russian literary studies from the 1920s to the present. It summarises all research achievements related to title theory: S. Krzhizhanovsky's literary works, A. Reformatsky's polygraphic manual, popular science studies by Z. Bliskovsky and modern literary research (Yu. Orlicsky, N.Veselova) and linguistic studies (I. Galperin, N. Fateeva). The article also discusses the theory and philosophy of the name in the analysis of the poetics of book titles. The problems of classification, the functions of titles, and the question of auto/intertextuality in the book title are considered separately.

Keywords: book title, poetics of the book title, theory of the name, philosophy of the name.

Поэтику заглавия чаще всего изучают на материале творчества отдельных авторов (библиография по этой теме крайне обширна), а историографическим наблюдениям посвящено минимальное количество работ: статьи Ю.В. Бабичевой

[4] и Е.А. Тутаниной [28], а также разделы диссертаций Н.А. Веселовой [9: 3-10] и Г.М. Колеватых [15: 9-16]. Актуальность настоящей работы определяется тем, что она дополняет сведения, содержащиеся в указанных исследованиях.

Термин «поэтика заглавия» введен в научный оборот С.Д. Кржижановским в книге «Поэтика заглавий». Она была написана в 1925 г.* и опубликована в 1931 г. в кооперативном писательском издательстве «Никитинские Субботники». Эта небольшая брошюра в 30 страниц стала единственным прижизненным изданием автора. Работа Кржижановского является основой теории заглавия и отправной точкой для всех последующих трудов по изучению природы озаглавливания. По мнению писателя, заглавие ведет «за собой тысячи знаков текста» и «слова на обложке не могут не общаться со словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие <...> вправе выдать себя за *главное* книги» [курсив автора – А.К.] [18: 7]. По мере работы над текстом название «раскрывается в книгу: книга и есть – *развернутое до конца заглавие*, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [курсив автора – А.К.] [18: 7].

Изучение проблемы озаглавливания Кржижановский продолжил в докладе «Пьеса и ее заглавие», прочитанном на Секции критиков Союза писателей. Доклад был сделан в 1939 г., но опубликован только в 2001 г. в журнале «Новое литературное обозрение» [16]. Литературовед пытался привлечь внимание к совершенно новой для традиционного советского литературоведения теме. Он настаивал на изучении феномена заглавия отдельно от других литературоведческих направлений: «Можно возразить, что я, мол, изолирую заглавие, что его надо рассматривать в связи со всеми другими элементами. На это я отвечу кратко. Я всецело, всем умом, всей мыслью моей за “вообще”, за обобщение, но всей мыслью, всем умом против “вобче”, против аглютинирования, сминания темы в какой-то общий разговор. Разговор должен быть не общим, он должен строго и точно различать элементы. <...> Мы не должны бояться изолировать элементы...» [16: 215].

Параллельно с Кржижановским в 1930-х гг. над обозначенной проблемой работал А.А. Реформатский, придерживаясь не литературоведческого, а редакционно-издательского направления. В «Технической редакции книги» [26], опередившей научные искания своего времени, он вышел за рамки полиграфического профиля, предвосхитив некоторые позднейшие положения семиотики печатного текста. Заглавие рассматривалось Реформатским через определение знаковых функций титульных элементов книги.

* В.Г. Перельмутер, следуя за записанными им воспоминаниями Н.С. Сухоцкой и С.А. Макашина, опровергает авторскую датировку: «III-IV. 1925», считая более вероятной позднюю дату мемуаристов по году издания (1931 г.) [17: 140-141].

Значительный вклад в изучение теории заглавия и популяризацию этой междисциплинарной дисциплины внес З.Д. Блисковский. В работах 1960-1970 гг. он реализует системный подход к рассмотрению заглавия как конструктивного элемента текста [20: 7] и ставит дискуссионные вопросы: каков статус заглавия; какие функции оно выполняет; как заглавие соотносится со структурой текста и каковы особенности его семантики [20: 8].

Блисковский в книге «Муки заголовка» (1972 г.) собрал материал по родословной имен многих известных книг и рассказал о мучительных поисках заглавий и спорах, кипевших вокруг некоторых названий [6]. Интересно привести ответ М.А. Шолохова на письмо литературоведа с вопросом об обстоятельствах появления заглавия романа «Поднятая целина». Шолохов считал тему поэтики заглавия не стоящей внимания: «По моему глубочайшему убеждению, Вы разрабатываете не ту “жилу”. И этот Ваш труд приведет Вас, наверняка, к моральному разорению... Ну, что изменилось бы, если бы Толстой назвал свой роман не “Война и мир”, а, скажем, “Мир и война”, или “Ростовы”? И что это за “исследование” о книжных заглавиях? Не все ли равно читателю, какая на книге “шапка”? <...> Исходите из простейшего: любой автор будет советоваться о содержании или части его, а не о заглавии» [33: 367-368].

И.В. Арнольд, в 1970-х гг. изучавшая стилистику декодирования, ввела понятие «сильных позиций текста» (заглавие, эпиграф, начало и конец текста) [1: 23-31]. Основные положения её работы остаются актуальными и современные ученые либо развивают их [30: 27], либо полемизируют с ними [9: 18-19].

Проблема отношений между художественным текстом и его именем затронута в статье Ю.М. Лотмана «Семиотика культуры и понятие текста» (1981 г.). По утверждению ученого, заглавие и литературное произведение «с одной стороны... могут рассматриваться как два самостоятельных текста, расположенных на разных уровнях в иерархии “текст–метатекст”; с другой, они могут рассматриваться как два подтекста единого текста. Заглавие может относиться к обозначаемому им тексту по принципу метафоры или метонимии. Оно может быть реализовано с помощью слов первичного языка, переведенных в ранг метатекста, или с помощью слов метаязыка и т.д. В результате между заглавием и обозначаемым им текстом возникают сложные смысловые токи, порождающие новое сообщение» [22: 129-132].

И.Р. Гальперин в книге «Текст как объект лингвистического исследования» (1981 г.) указывает на сопряженность понятий завершенности текста и названия. Ведущим свойством заглавия он называет способность «силой ограничивать текст и наделять его завершенностью» [12: 137].

После микро-монографии Кржижановского «Поэтика заглавий» данная тема в науке отошла на задний план. На современном этапе феномен заглавия

изучается в рамках академической проблемы. Широко применяется комплексный подход, объединяющий результаты наблюдений литературоведов и лингвистов (впервые необходимость такого подхода была обозначена Арнольд). Центром дискуссии стала международная научная конференция «Феномен заглавия», которая проходит с 1995 г. в РГГУ и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (оргкомитет Ю.Б. Орлицкий и М.Ф. Надъярных).

Наибольший вклад в изучение обозначенной проблемы внесли теоретические работы Н.А. Фатеевой (Кожинной) [14; 30], Н.А. Веселовой [9] и Ю.Б. Орлицкого [23]. Веселова, очерчивая методологию исследования заглавия, справедливо замечает, что эта проблема «требует комплексного изучения: сочетания системного, интертекстуального, лингвопоэтического, историко-функционального подходов, философии имени и филологической герменевтики, которые дополняя и корректируя друг друга, позволяют максимально полно описать явление» [9: 16].

На новый этап теоретического осмысления наука перешла с введением Орлицким и Веселовой термина «заголовочный комплекс произведения» [9: 202-212]. В последние годы он используется с расширением: «**заголовочно-финальный комплекс**» (ЗФК) [23]. Определение «ЗФК» стало общеупотребительным.

Под «заглавием», по определению *Орлицкого*, понимается «название литературного произведения, важнейшая часть так называемого заголовочно-финального комплекса (ЗФК) текста. <...> Специалисты по поэтике на первый план ставят важность заглавия для концепции всего произведения... при этом заглавие нередко называют “именем” текста» [25: 73–74]. Современные представления о заглавии основаны на том, что «во-первых, заглавие является неотъемлемой частью художественного текста; во-вторых, оказывается его ключевым компонентом (в первую очередь благодаря своей абсолютно сильной позиции в этом тексте); в-третьих, из признания заглавия одним из элементов так называемого заголовочно-финального комплекса, входящего в состав любого произведения любого вида искусства», – выводы, сделанные по итогам многолетней работы конференции «Феномен заглавия» [24: 6].

Заголовочный комплекс, по исследованию *Веселовой*, включает в себя все затекстовые элементы (имя автора, заглавие, подзаголовок, посвящение и эпиграф). Иногда в него добавляются дата и место написания/издания и полиграфическое оформление текста (если они меняют семантику всего комплекса) [9: 203-204]. Орлицкий выделяет следующую схему компонентов ЗФК. Контактные компоненты: заголовочный комплекс (имя автора – в журнальных публикациях и коллективных книгах, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф(ы), подпись(и) под эпиграфами, преамбула); собственно

текст и его обрамление (первая строка, строки со знаками сносок, сноски); финальный комплекс (холостая финальная строка, специальная финальная фраза («Конец» и т.д.), дата написания, место и обстоятельства написания, непосредственный комментарий). Дистантные компоненты (как авторские, так и издательские): имя автора, название книги, комплекс титульного листа, заглавие раздела, цикла, посвящения, эпиграфы и т.д., относящиеся к книге, разделу, циклу, дистантный комментарий, оглавление, выходные данные [23: 262–263].

В теории заглавия на данный момент не выработано единой систематизации **функций заглавия**. В своей широте отношений с текстом и внетекстовой реальностью заглавие многофункционально и многоаспектно [9: 15]. В лингвистическом исследовании *Фатеевой* функции заглавия делятся на внешние («позиция читателя») и внутренние («позиция автора»). Их выделение основано на восприятии заглавия как «пограничного элемента текста, в котором сосуществуют два начала: внешнее – обращенное вовне и представляющее художественное произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и внутреннее – обращенное к тексту» [30: 26]. К внешним относятся репрезентативная, соединительная и функция организации читательского восприятия. Внутренние: назывная (номинативная), функция изоляции и завершения, текстообразующая [30: 37].

Невозможно создать единую **классификацию заглавий**, также как невозможно упорядочить все составляющие духовного и материального бытия. Кржижановский в «Поэтике заглавий» представляет несколько классификаций; одна из которых раскрывает психологию озаглавливания. Писатель выделяет три типа заглавий: Ante-Scriptum (заглавие, родившееся в сознании автора до написания произведения), In-Scriptum (самые частотные заглавия, «окончательно оформляющееся лишь в процессе работы над текстом») и Post-Scriptum (имя, дающееся уже написанному произведению) [18: 30].

Поскольку заглавие одновременно направлено и на внетекстовую реальность, и на сам текст, то многие классификации основаны на пограничном положении заглавия. К такому типу относится система Веселовой. Работая над классификацией по линии отношения «заглавие – внетекстовая реальность», исследовательница пришла к выводу, что «заглавие может апеллировать практически к любому аспекту многообразного и неисчерпаемого мира. С этой точки зрения относительно полная типология вообще вряд ли возможна» [9: 105, попытку создать примерную схему см. на стр. 87-105]. Если упорядочивать заглавия на базе их функций, то следует выделить развернутую систематизацию Фатеевой, основанную на внешней и внутренней функции заглавия [30: 43-69]. Схожего принципа придерживается Бабичева [4].

Таким образом, вопрос о классификации заглавий остается открытым. При применении теории для решения практических задач (изучения поэтики заглавий отдельных авторов) каждый исследователь выбирает свой путь. Н.В. Губина, анализируя поэтику заглавий в прозе Е.И. Замятина, выделила две основные группы названий: субъектную и объектную [13: 28-42]. Г.М. Колеватых в труде «Заглавие в русской поэзии 1980-1990-х гг.» отказалась от классификации названий лирических произведений [15].

В настоящее время активно разрабатывается проблема **интертекстуальности в ЗФК**. Интертекстуальность – это «свойство, приписываемое двум и более текстам, которые семантически связаны друг с другом через механизм цитации; принцип текстопостроения, в основе которого лежит опосредованная цитацией связь одного текста с другим или другими текстами. Восходящая к концепции “чужого” слова (М.М. Бахтин), постструктуралистская в своей основе, теория интертекстуальности сформировалась в 60-70 гг. во французской семиотике (Ю. Кристева*, Р. Барт**») [25: 80]. Авто/интертекстуальные заглавия иногда называют цитатными (Арнольд уточняет, что «заглавия бывают цитатными, скорее, в порядке исключения» [2: 357-358].) или заглавия-цитаты (термин, используемый Фатеевой [24: 18-27])

Автоинтертекстуальные заглавия в литературе крайне редки и раскрытие их поэтики основано на феномене автоинтертекстуальности. Под ней «понимается качество текста, возникающее при смысловом и формально-языковом пересечении и наложении определенного текста на другие тексты того же автора» [31: 4]. Причина возникновения автоинтертекстуальности, по мнению А.К. Филипповой, становится внутренним диалогом автора с самим собой (саморефлексия) [31: 45]. Фатеева обозначает автоинтертекстуальность как «систему оппозиций, идентификаций и маскировок... в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его “Я”» [29: 20]. Проблема автоинтертекстуальности – малоизученное явление, история различных исследовательских подходов к ней прослежена И.В. Волковым [11: 148-151].

Изучение заглавий-антропонимов невозможно без обращения к **теории имени**. Антропонимами называют имена личные, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы [19: 31]. Их изучает один из разделов ономастики –

* Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967 г.) и он обозначает межтекстовый диалог. Исследовательница отмечает: «открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы: любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [курсив автора – А.К.] [32: 429].

** Согласно Р. Барту, каждый текст состоит «из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» [5: 418].

антропонимика. Поэтическая ономастика рассматривает собственные имена в художественной литературе (имена героев и названия мест действия) [19: 259]. На сегодняшний день в литературоведении нет единой теории имени, наиболее ценным является исследование Н.В. Виноградовой, обосновавшей теорию литературного имени, его специфики и поэтики в художественном произведении [10]. Исследовательница систематизировала главные положения, на которых основано изучение роли имени в произведении: «имя есть воплощение сущности называемого объекта, источником знаний о нем (А.Ф. Лосев), имя является самым главным словом о герое и имеет особое значение при создании художественного образа (П.А. Флоренский) <...> и в произведении реализуется художественный мир автора (М.Л. Гаспаров), смысловыми концептами которого являются имена» [10: 10-11].

Теория имени тесно связана со своей предтечей – **философией имени**, разработанной русской религиозно-философской мыслью начала XX в., в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и С.Н. Булгакова. В их учениях имя «есть символ и миф, причем в имени является сущность в виде своих энергий, иными словами, вещь есть ее имя и ее же (вещи) идея» [27: 20]. Лосев утверждал, что в имени содержится «все наше культурное богатство, накапливаемое в течении веков» и «имя есть энергично выраженная умно-символическая и магическая стихия мира» [21: 97, 231]. Булгаков в «Философии имени» (глава «“Собственное” имя») отмечает, что «имя есть сила, корень индивидуального бытия, по отношению к которому носителем, землёю или почвой является именуемый, и для него именование имеет поэтому фатальный, определяющий характер» [8: 239-240].

В «Именах» Флоренского содержатся наблюдения над именами в художественной литературе; священник замечает, что образы героев – это «имена в развернутом виде», а произведение «есть пространство силового поля соответственных имен» [3: 25]. «Ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самих образов, – пишет Флоренский, – все равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность...» [3: 25].

В итоге, наука о заглавии почти за 100 лет своего развития накопила большой объем теоретического материала, подкрепленного многочисленными примерами названий из истории литературы. Изучение поэтики заглавия конкретного художественного произведения погружает исследователя не только в творческий мир писателя, но и направляет поиски в научные области теории литературы, лингвистики, философии имени и семиотики печатного текста.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // *Иностранные языки в школе*, 1978. – № 4. – С. 23-31.
2. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 448 с.
3. Архив священника Павла Флоренского / Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского. Вып. 1: Имена / Священник Павел Флоренский. – Кострома: Купина, 1993. – 320 с.
4. *Бабичева Ю.В.* Поэтика заглавия // *Вестник ТГПУ*, 2000. №6 (22). С. 61-64.
5. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – 616 с.
6. *Блисковский З.Д.* Муки заголовка. – М.: Книга, 1972. – 160 с.
7. *Блисковский З.Д.* Поиски названия // *Вопросы литературы*, 1962. – №4. – С. 168-182.
8. *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. – 447 с.
9. *Веселова Н.А.* Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.08. – Тверь, 1998. – 234 с.
10. *Виноградова Н.В.* Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.08. – Тверь, 2001. – 213 с.
11. *Волков И.В.* Интертекстуальность и пародия в творчестве Джона Барта: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03. – Ростов-на-Дону, 2006. – 224 с.
12. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
13. *Губина Н.В.* Поэтика заглавий в прозе Е.И. Замятина: Название – текст – метатекст: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Барнаул, 2006. – 195 с.
14. *Кожина Н.А.* Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология, на материале русской прозы XIX–XX вв.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – М., 1986. – 230 с.
15. *Колеватых Г.М.* Заглавие в русской поэзии 1980-1990-х гг.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Калуга, 2008. – 247 с.
16. *Кржижановский С.Д.* Доклад 1939 // *Новое литературное обозрение*, 2001. – № 52. – С. 205-216.
17. *Кржижановский С.Д.* «Страны, которых нет»: Статьи о литературе и театре. – М.: Радикс, 1994. – 156 с.

18. *Кржижановский С.Д.* Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре // *Собрание сочинений в 5 т. Т. 4.* – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 848 с.
19. *Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева.* – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
20. *Лицунь Л.* Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – М., 2004. – 185 с.
21. *Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Академический Проект, 2009. – 300 с.
22. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – 479 с.
23. *Орлицкий Ю.Б.* Заголовочно-финальный комплекс и проблема границ текста // *От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко.* – М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 260–282.
24. *Поэтика заглавия: сб. науч. тр.* – М., Тверь: Лилия Принт, 2005. – 334 с.
25. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 357 с.
26. *Реформатский А.А.* Техническая редакция книги: Теория и методика работы. – М.: Гизлегпром, 1933. – 414 с.
27. *Терешко И.Б.* Символика имени в русской религиозной философии конца XIX–начала XX веков: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13. – СПб, 2005. – 25 с.
28. *Тутанина Е.А.* Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция // *Неофилология*. Т. 5. № 19, 2019. С. 349–356.
29. *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
30. *Фатеева Н.А.* Синтез целого. На пути к новой поэтике. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с.
31. *Филиттова А.К.* Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – СПб, 2013. – 200 с.
32. *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму.* – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 536 с.
33. *Шолохов М.А.* Письма. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 478 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ
КОММЕРЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ)

*И.Э. Ратникова (Белорусский государственный университет)
Хоанг Тхи Бен (Университет внешней торговли г. Ханоя)*

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа белорусских (русско- и белорусскоязычных) и вьетнамских метафорических номинаций коммерческих предприятий – эргонимов. Рассмотрены семантический и прагматический аспекты эргонимов, символизирующих универсальные и этноспецифичные моральные ценности, целеустановки, культурные стереотипы. Выявлены общие для белорусских и вьетнамских эргонимов метафорические парадигмы.

Ключевые слова: мотивационные значения и модели, метафора, метафорическая парадигма, белорусские и вьетнамские эргонимы, искусственная номинация.

NATIONAL SPECIFICITY OF METAPHORICAL NOMINATION
(BASED ON BELARUSIAN AND VIETNAMESE
COMMERCIAL NAMES)

*I.E. Ratnikova (Belarusian State University)
Hoang Thi Ben (Hanoi Foreign Trade University)*

Abstract. The article presents the results of contrastive analysis of Belarusian (in Russian and Belarusian languages) and Vietnamese metaphorical nominations of commercial enterprises – ergonyms. Semantic and pragmatic aspects of ergonyms are reviewed that symbolize the universal and ethnicity-specific moral values, objectives and cultural stereotypes. Common metaphoric paradigms are outlined for Belarusian and Vietnamese ergonyms.

Keywords: Belarusian and Vietnamese ergonyms, artificial nomination, motivational meanings and models, metaphor, metaphorical paradigm.

Как известно, с 1860-х гг. журнал «Филологические записки», редактируемый А.А. Хованским, был специально посвящён сравнительно-исторической проблематике, причем долгое время оставался единственным в этом отношении. Представляя результаты компаративного исследования единиц русского, белорусского и вьетнамского языков в сборнике,

посвященном 160-летию журнала, мы в первую очередь отдаем дань уважения изданию, на страницах которого развивались сравнительно-исторический и сопоставительный методы, новые для российской лингвистики середины XIX в.

1. Образная номинация в эргонимии. О предмете и объекте исследования. Предметом сопоставительного рассмотрения в нашей статье являются сходства и различия мотивировочных признаков образных (или условно-символических в терминологии Н.Д. Голева [1]) эргонимов разных лингвокультур. Объект анализа – конвенциональные образные эргонимические знаки, которые не содержат никакой объективной информации о предприятии, но являются важной частью имиджа юридического лица, программирующей его восприятие. Эргонимы, которые образованы по принципу метафоры на основе уподобления эмоций, ощущений, впечатлений, связанных с именуемым объектом и объектом – донором названия, отражают стереотипы национальных культур и обнаруживают прагматику пожелания или обещания: рус. *ЧУП Симфония уюта*, *ЧТУП Ориентир*; бел. *ТДА Каляровыя сны* ‘ОДО Цветные сны’; вьет. *TNHH An Phú Thái* ‘ООО Стабильность (безопасность) + богатство + благоприятствование’, *TNHH Tài Lộc* ‘ООО Ум, способности + благо’ (названия предприятий по производству и продаже мебели)*.

Эргонимы как продукт искусственной, т.е. намеренной, номинации обусловлены субъективной целеустановкой субъекта (учредителя компании). Рассматриваемые в статье образные названия являются результатом поиска слова-донора принципиально вне категориальной сферы, соответствующей объекту номинации, но обязательно в рамках фоновых культурных знаний. М.В. Голомидова образно характеризовала подобные словотворческие процессы как «лингвоментальное зодчество» [2: 157]. Эргонимы адресованы социуму и в большинстве случаев апеллируют к системе общепринятых в данной культуре ассоциаций. (Конвенциональные названия, обусловленные ситуативно и кодирующие сведения, известные только самим номинаторам, рассмотрены нами ранее [5]).

Образные эргонимические единицы, не мотивированные действительными признаками объектов, и в Минске, и в Ханое численно уступают огромному массиву информативных эргонимов, но при этом представляют больший лингвокультурологический интерес. Названия, не сообщающие ничего о реальных характеристиках предприятия, несут информацию о приоритетах и ожиданиях носителей культуры. Кроме того, они, как правило, креативны. Так, размышляя о соотношении информативного и креативного в урбанонимах (в том числе эргоурбонимах) г. Екатеринбург, Е.Н. Иванова заключает, что

* Здесь и далее мы указываем вид деятельности юридического лица, чтобы показать отсутствие логических ассоциаций между метафорой в названии и специализацией предприятия (номинации «Луч» в сферах производства светильников и пошива обуви относятся к разным мотивационным группам).

чем выше показатель информативности в названии, тем менее креативным оно воспринимается [3, с. 28].

Семантическая удаленность слова-мотиватора от референтного значения эргонима, будучи источником образности, стимулирует в первую очередь «имплицитное умозаключение» (термин Д. Джонсона-Лэрда), интуитивное улавливание мотива такой номинации, эмоциональное напряжение получателя информации – потребителя (но может затем, конечно, побуждать и к умозаключению «эксплицитному», рефлексии, поиску разумного объяснения).

Сферы-источники метафорических номинаций в эргонимии (это прежде всего, как будет показано ниже, явления природы, философские понятия и моральные ценности, мифология и история) специфичны по отношению апеллятивным метафорам. Например, во вьетнамском политическом дискурсе метафорические модели тяготеют к таким сферам-источникам, как «путь», «архитектура», «строительство», «человек», «болезнь» и т.д. [6].

2. Метафорические модели и парадигмы в белорусской и вьетнамской эргонимии. Метафорические модели (когнитивные сущности; образы, лежащие в основе аналогий) эмоционально-оценочных эргонимов, можно объединить в несколько парадигм. Так, в эргонимии обоих городов наблюдаются семантические объединения, связанные со следующими сферами-источниками.

2.1 Явления и объекты природы. Прагматику этих эргонимов обеспечивает ассоциативный фон слов, воплощающих силу и красоту явлений и объектов природы: рус. *ОАО Луч* (производство и продажа обуви); бел. *ПГУП Прамень* ‘ЧТУП Луч’ (торговля хозяйственными товарами), *ААТ Світанак* ‘ОАО Рассвет’ (компания по производству трикотажа), вьет. *TNHH Vạn Mai Xanh* ‘ООО Зеленый рассвет’, *TNHH Nam Đại Phong* ‘ООО Большой южный ветер’, *Tân Phong* ‘Новый ветер’ (агентства недвижимости), *TNHH Xuân Phong* ‘ООО Весенний ветер’ (продажа одежды). Среди метафорически производных номинаций, стимулирующих эмоциональный отклик, много названий с опорными словами из ЛСГ «водоемы и составляющие их части»: вьет. *TNHH Dòng sông vàng* ‘ООО Золотая река’ (агентство недвижимости), *Sóng Xanh* ‘Синяя волна’, *Hải Sơn* ‘море + гора’ (торговля одеждой), бел. *ТАА Хваля ўдачы* ‘ООО Волна удачи’, *ТАА Крынічка* ‘ООО Родничок’, рус. *ЧУП Лагуна* (торговля мебелью)*.

* Образ воды выступает почти универсальной (в отношении разных сфер жизни человека) моделью метафорической номинации, причем в восточнославянских и вьетнамском языках реализация этой модели очень сходна. Нгуен Тхи Хонг Ньюнг показал, что в русском и вьетнамском политическом дискурсе, посвященном экономике, практически совпадают метафоры со сферой-источником «водное пространство»: *ocean/đại dương, море/biển, река/sông, болото/lầy, омут/xoáy nước, канал/kênh, источник/nguồn, ручей/suối*) и т.п. [4].

2.2 Ценности и стремления человека. Мотивационные значения эргонимов этой группы опираются на абстрактные понятия, соотносящие индивидуализируемый объект с ценностными установками, эмоциями и культурными стереотипами: рус. *ОАО Прогресс, Эврика, Магия, Комфорт, Пропаганда, Фурор-ВК*, бел. *Дабрабыт* ‘благосостояние’ (предприятия по продаже одежды, обуви, хозтоваров); *An Phú* ‘стабильность, безопасность + богатство’, *Phú Lộc* ‘богатство + благо’ (продажа одежды), *Đức Cường* ‘мораль + сильное, крепкое’, *Gia Tin* ‘хорошее, семейное + авторитет, репутация’ (продажа изделий из золота). По своим прагматическим характеристикам эргонимы этого типа сходны со славянскими дорелигиозными (языческими) антропонимами-пожеланиями (*Доброслав, Любим*) и современными вьетнамскими дезидеративными именами людей (*Hoàng 1*) ‘светлый’; 2) ‘король’, *Phát* ‘развитие’, *Lộc* ‘благо’, *Thịnh* ‘процветание’).

Вьетнамские эргонимы этой группы значительно превосходят по количеству и разнообразию русско- и белорусскоязычные. В большинстве своем они включают лексемы, обозначающие жизненные ценности: *TNHH An Phú Thái* ‘ООО стабильность/безопасность + богатство + благополучие’, *TNHH Tài Lộc* ‘ООО ум/способность, талант + благо’, *TNHH Phú Vĩnh Hưng* ‘ООО богатое + вечное + процветание’ (предприятия по продаже одежды), *Tân Phát* ‘двигаться вперед + развитие, процветание’ (продажа золота), *TNHH Phúc Nguyên* ‘ООО добро + оригинал, подлинность’ (продажа косметики). Некоторые из подобных лексических компонентов воспроизводятся особенно часто, в том числе в составе информативных эргонимов, и потому особенно показательны при характеристике номинативных предпочтений вьетнамских предпринимателей: *Thịnh* ‘процветание’, *Phát* ‘развитие’, *An* ‘стабильность, безопасность’, *Hồng (Phúc)* ‘удача’, *Bảo* ‘гарантия, сохранение’, *Trung* ‘верность’, *Thắng* ‘победа’, *Đạt* ‘преуспевать’, *Gia* ‘дом, семья’ и др.

В минских эргонимах репертуар мотиваторов этой сферы сравнительно узок: отражена ориентация на *комфорт, успешность* (базовые устремления человека), *качество, надежность* (универсальные ценности общества). Приписывание соответствующих характеристик объекту номинации, безусловно, является эффективным маркетинговым ходом, стимулирующим эмоциональный эффект и суггестивное действие эргонима: *ЧУП Идеи для Вашего комфорта, Комфорт* (продажа обуви), *ООО Надежная марка, Успешное решение, Мир качества, Качество–стиль–гарантия* (продажа мебели).

2.3 Мир животных, включая мифологических персонажей. Зооморфные метафоры не являются частотными ни в белорусской, ни во вьетнамской эргонимии. Их прагматический посыл легко улавливается на эмоциональном уровне, но отразить его сложно, если он не поддерживается

атрибутиками или оценочными морфемами: бел. *ТДА Вавёрачка* ‘ОДО Белочка’ (торговля бакалеей), *ОДО Янтарный Шмель, Медведь* (торговля одеждой) и *Попугай* (изготовление сувенирной продукции), *ОДО Черная кошка*, бел. *ТАА Страказа* ‘ООО Стрекоза’ (производство и продажа мебели), вьет. *Mèo Béo* ‘Толстая кошка’ (торговля ювелирными изделиями), *Bồ nông* ‘Пеликан,’ *Kiến Vàng* ‘Огненный муравей’ (торговля одеждой). Иногда семантика зоонимодонора позволяет уловить аналогию и декодировать периферийную мотивацию эргонима названием животного – ср., например, образ иголки как метафорическую модель в примере *Вожык* ‘Ёж, ёжик’ (торговля галантереей и товарами для рукоделия).

2.4 Драгоценные металлы и камни. В нашем материале из этой обширной донорской сферы задействован только метафорический потенциал лексем *золото, золотой*, а также варваризмов *голд, голден* (значительно активнее реализуется в Ханое): рус. *ЧТУП Золотой Коршун, ТЧУП Золотая лиса* (торговля одеждой), *ООО Голден Амазона* (торговля цветами); вьет. *Quả Táo Vàng* ‘Золотое яблоко’ (подарки и аксессуары), *Gold Rhino, Gold shop* (одежда); *Cơ hội vàng* ‘Золотой шанс’, *Gót vàng* ‘Золотые пятки’ (обувь), *Sen Vàng* ‘Золотой лотос’, *Núi Vàng* ‘Гора золота’ (агентства недвижимости). Что касается других лексем ЛСГ «Драгоценные металлы» и «Драгоценные камни», то в любых сочетаниях, в том числе прецедентных и устойчивых (*Пепел и алмаз, Небо в алмазах, Серебряный век* и т.д.) они формируют полностью мотивированные эргонимы (в деле производства и продажи украшений).

2.5 Временные параметры. Из лексем, отражающих восприятие времени, в эргонимии активны две: *новый* и *старый*. Если метафоры, создающие впечатление масштабности номинируемого объекта, включают в качестве фокусных компонентов лексемы, обозначающие визуально воспринимаемые природные объекты (*гора, река*), то названия, призванные, по замыслу номинатора, вызвать ощущение актуальности, перспективы, предстоящих возможностей, включают языковые образные метафоры с атрибутивным компонентом *новый*: *TNHH Tân Phát* ‘ООО Новое + развитие/процветание’, *TNHH Chân trời mới* ‘ООО Новый горизонт’, *TNHH Sự Sống Mới* ‘ООО Новая жизнь’ (предприятия по продаже одежды), *Công Ty Cổ Phần Đỉnh Cao Mới* ‘ОАО Новая вершина’ (агентство недвижимости). В белорусской эргонимии атрибут *новый*, конечно, тоже встречается, но только а) в мотивированных номинациях (например, *Новый мир* – товары для путешествий, *Новый свет* – декор интерьера и освещение); б) в составе синтагматических обозначений библейских концептов (*Новое небо, Новая земля*). В конвенциональных же эргонимах используется корневой элемент *нео-*, который апеллирует к положительной оценке нового как проявления динамики и прогресса: *ООО*

Неомодуль, ООО Неолукс (продажа одежды). Лексема *старый* коннотирует надежность, авторитет, проверку временем, сохранение традиций, наконец, романтику благородной старины: бел. *Стары млын* ‘Старая мельница’, рус. *Старый мельник, Старый двор, Старый замок, Старый дом* (во вьетнамском материале эта подгруппа названий отсутствует).

2.5 Имена прецедентных личностей. Трансонимы на базе прецедентных антропонимов, мифоантропонимов, поэтонимов (торговые сети *Мономах, Колумб, Садко, Душечка*, сеть аптечных магазинов *Панагия* и др.), будучи семантически богатыми трансляторами культурных ценностей, либо демонстрируют общечеловеческие предпочтения, реализуя «общий фонд» мотиваторов (это слабо прослеживается при сравнении генетически не связанных лингвокультур), либо наилучшим образом иллюстрируют национальную специфичность эргонимикона. Ср.: бел. *ТАА* (рус. *ОАО*) *Купалінка, ЗАА Мілавіца* ‘ЗАО Венера’ (производство и продажа одежды); вьет. *Tân Sao Mai* ‘Новая Венера’ (агентство недвижимости), магазин спортивной одежды *Thành Gióng* ‘Тхань Зонг’ (*Тхань Зонг* – герой вьетнамской легенды, храбрый юноша, который освободил страну от врагов), *Cửa hàng quần áo Lụa Cỏ Tắm* ‘магазин одежды Шёлк Там’ (*Там* – имя героини вьетнамской сказки, доброй красивой девушки; образ соотносим с образом Синдереллы в европейской культуре). Трансонимная парадигма реализуется в восточнославянских и вьетнамском языках симметричными, хотя и специфично наполненными группами названий. В белорусской эргонимии очень продуктивна, в частности, характерная для Европы конвенциональная модель трансонимизации имен героев античной мифологии и истории: ср. названия заводов бытовой техники *Гефест* и *Атлант*, кондитерской фабрики *Спартак*, предприятий торговли *Дестина, Веста, Даная, Камена* и др.

2.6 Религия и философия. В названиях торговых предприятий Минска отражены преимущественно образы христианской ветхозаветной мифологии: *Ноев ковчег, Вавилон, Рай*, бел. *Троіца, Троіцкі, Новое небо, Новая земля, Седьмое небо*. В русскоязычном материале наиболее продуктивными компонентами метафорических эргонимов являются лексемы *рай/райский* (*Мебельный рай, Электронный рай, Дверной рай, Музыкальный рай; Райский сад* и т.п.). В эргонимии Ханоя отражено религиозно-философское сознание, характерное для вьетнамцев: большая часть населения нерелигиозна, при этом очень тщательно поддерживаются традиции, восходящие к дорелигиозным верованиям, особенно культу предков (*Kính trọng tổ tiên* ‘уважение к предкам/уважай своих предков’). Второй по распространенности религиозно-философско-этической системой взглядов является буддизм, моральные ценности которого транслирует эргонимия (*Đức Cường* ‘мораль + сильное,

крепкое'). Одной из самых продуктивных лексем-доноров в данной группе номинаций является *Thiên* (*Thiên Y A Na* – имя одной из богинь Даомау, совокупности культов богини-матери в нескольких ипостасях; *Thiên* 'небо'). Метафорическая модель неба отражает триаду миропонимания «небо – человек – земля», в которой небу отводится роль высшей и решающей силы: *Thiên Minh Phú* 'небо + свет + богатство' (торговля одеждой), *Thiên An* 'небо + безопасность' (оптика), *Thiên Trường Thịnh* 'небо + долговечность + процветание' (продажа мебели). В этом проявляются идеи конфуцианства, влияние китайской философии и культуры.

3. Заключение. В эргонимии Беларуси и Вьетнама есть значительный (хотя и не преобладающий количественно) пласт конвенциональных аттрактивных номинаций, мотивировочные признаки которых относятся к области прагматики и декодируются на основе знания языка и общих фоновых знаний. Посыл номинатора не всегда может быть декодирован однозначно, тем не менее культурная коммуникация, диалог с адресатом происходит в любом случае: потребитель считывает фоновую информацию образного нейма, поскольку разделяет систему ценностей и реалии культурного фонда, знает прецедентные феномены. Рассмотренные эргонимы могут опираться на промежуточный зрительный образ (сферы-источники «явления природы», «прецедентные личности»), или желаемая характеристика приписывается объекту номинации непосредственно (сфера-источник «ценности и стремления человека»).

Сходства восточнославянских и вьетнамских эргонимов проявляются в соответствии общим метафорическим моделям (представляющим индивидуализируемый объект в его отношении к другому по гипотетическому сходству впечатлений; к ценностным установкам, эмоциям и культурным стереотипам); в наличии метафорических парадигм с одинаковыми донорскими зонами; в продуктивности симметричных, хотя и специфично наполненных, лексических групп. Различия, как было показано, состоят в национально-специфичном наполнении метафорических моделей (например, количественном и качественном преобладании компонентов, обозначающих этические ценности во вьетнамской эргонимии; в апелляции к образам античной мифологии в русскоязычной эргонимии Беларуси и т.д.).

Литература

1. *Голев Н.Д.* Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. нац. исслед. гос. ун-та, 1980. – С. 47-58.

2. *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
3. *Иванова Е.Н.* Приемы креативной номинации (на примере названий книжных магазинов Екатеринбурга) // Уральский филологический вестник : Язык, система, личность. Лингвистика креатива. – 2013. – №3. – С. 27-31.
4. *Нгуен Тхи Хонг Ньонг* Сопоставительный анализ метафор со сферой-источником «Водное пространство» во вьетнамском и русском языках (на материалах экономических газет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 4. – С. 167-171.
5. *Ратникова И.Э., Хоанг, Тхи Бен.* Конвенциональность и мотивированность эргонимического знака (на материале эргонимов городов Минска и Ханоя) // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост. : А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверина ; под науч. Ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 324-329.
6. *Стародубова О.Ю., Нгуен Тхи Фьонг Тхао.* Концептуальная метафора во вьетнамском политическом дискурсе как механизм конструирования социальной модели // Прикладная и математическая лингвистика. Филологический аспект. – 2021. – № 03 (71). Электронный ресурс: <https://scipress.ru/philology/articles>. (Дата посещения: 20.04.2021).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕРМИН КАК КОМПОНЕНТ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И ПУБЛИКАЦИЙ СМИ)

О.В. Барабаш, Л.Н. Крпачина (Пензенский государственный университет)

Аннотация. В статье на материале художественных текстов и публикаций СМИ рассмотрены особенности метафорического переосмысления экономических терминов. Показано, как в зависимости от контекста, в который погружается специальная единица, меняется ее функция и преобразуется ее семантическая структура.

Ключевые слова: экономический термин, детерминологизация, метафора, семантика, контекст.

ECONOMIC TERM AS A COMPONENT OF A METAPHOR
(ON THE MATERIAL OF ARTISTIC TEXTS AND MEDIA PUBLICATIONS)

O.V. Barabash, L.N. Krapchina (Penza State University)

Abstract. The article examines the features of metaphorical rethinking of economic terms based on literary texts and media publications. It is shown how the function of the term changes and its semantic structure is transformed depending on the context in which the term is immersed.

Keywords: financial term, despecialization, determinologization, metaphor, semantics, context.

Функционирование терминов за пределами специальной сферы принято рассматривать в свете процессов деспециализации и детерминологизации. Деспециализацию мы понимаем как «перемещение термина из специального текста в неспециальный, то есть его *выход* за границы профессиональной коммуникации, при котором не наблюдается каких-либо структурно-семантических деформаций термина. Иными словами, при деспециализации денотат остается прежним, меняется только сфера функционирования специальной лексемы. Детерминологизация же подразумевает внутренние – структурно-семантические преобразования специальной лексической единицы, обусловленные ее переосмыслением на основе ассоциативных связей, в процессе деспециализации. Соответственно, деспециализация *может сопровождаться* детерминологизацией, являясь для последней не этапом, а условием» [2: 31].

Целью данной статьи является анализ способов метафорического переосмысления экономических терминов при условии их выхода за пределы специального контекста. В качестве *материала* исследования выступают тексты художественных произведений и публикаций СМИ.

Методом сплошной выборки из словарей экономических терминов были отобраны однокомпонентные специальные лексические единицы, возможность метафорического переосмысления которых проверялась путем введения простого запроса в поисковых системах Google, Национального корпуса русского языка и последующего анализа соответствующих контекстов употребления данных терминов.

На примере конкретных терминов рассмотрим, как в зависимости от контекста, в который погружается специальная единица, меняется её функция и преобразуется семантическая структура.

Значительная часть экономических терминов имеет консубстанциональный характер, что обусловлено, на наш взгляд, значимостью понятий, обозначаемых этими терминами, для широкого круга граждан – участников экономических отношений и хозяйственной деятельности. Как справедливо указывает Ю.В. Акинин, проникая в неспециальный регистр, специальная лексика обогащает общеупотребительный язык, постепенно становясь компонентом «культурной грамотности» [1].

Так, например, экономический термин «дефицит» служит для обозначения ситуации недостатка чего-либо в свободном обращении, который возникает в результате превышения спроса над предложением. Следовательно, естественными для институционального дискурса выглядят сочетания типа «*дефицит товаров*», «*дефицит торгового баланса*», «*бюджетный дефицит*» и т.п. Функционируя в экономическом либо смежном с ним информационно-аналитическом дискурсе, термин «дефицит» употребляется в прямом значении, и его функции сохраняются.

В то же время в результате деспециализации термин «дефицит» получает широкое распространение и в других типах дискурса, освобождаясь от компонентов значения, связывающих его с экономической сферой, и сохраняя при этом опорный компонент семантики – ‘недостаток’. Это позволяет расширить фразеологические связи и приводит к появлению устойчивых метафорических сочетаний с термином «дефицит» в текстах, относящихся к неэкономическим сферам человеческой деятельности: «*дефицит железа*» в медицине, «*дефицит внимания*» в психологии, «*дефицит реагирующих ионов*» в химии.

Кроме того, в переносном значении рассматриваемый термин используется в текстах СМИ на общественно-политические, социально-философские и другие темы, например:

«Дефицит хороших международных новостей о России частично компенсируется на экономическом фронте» [4]

или

«Наше время отличается тем, что дефицит мудрости приобретает сущностный, структурный характер» [6].

Подобные употребления носят окказиональный характер, и использование термина служит здесь стилистическим целям, способствует созданию нового образа, помогает автору текста подчеркнуть свое отношение к предмету речи. Действительно, если в метафорах «дефицит новостей» и «дефицит мудрости» заменить термин «дефицит» на синонимичное ему общеупотребительное «недостаток» (или «нехватка»), стилистический эффект ослабляется, снижается градус остроты и масштабности обсуждаемой в публикации проблемы. Иными словами, благодаря употреблению термина «дефицит» высказывание получает дополнительные, скрытые смыслы.

Как известно, метафора содержит в себе сравнение, но передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения. В основе процесса метафоризации лежит взаимодействие между двумя когнитивными структурами (понятийными областями знаний), обозначенными в работах Д. Лакоффа и М. Джонсона как *source domain* (структура «источника») и *target domain* (структура «цели») [7: 9]. Подобное совмещение семантики дает возможность осмыслить одну сущность в терминах другой, понять менее известное, абстрактное, через более известное, конкретное.

Так, например, в стихотворении поэта и переводчика О. Чухонцева «Под тутовым деревом в горном саду...» есть строки:

Но миг или век – все равно дефицит,

Как жизнь промелькнула, и смерть пролетит [11].

В поэтическом тексте термин «дефицит» выступает в качестве области источника для метафорического осмысления времени как сущностной категории бытия. Термином «дефицит» автор ставит знак равенства между мигом и веком, указывая на скоротечность человеческой жизни.

Экономический термин может выступать и как область цели, в которой профилируются компоненты значения другой лексической единицы, задействованной в формировании метафоры, как, например, в одной публикации 1885 года:

«Дефицит не свой брат, хоть кого в бараний рог свернет» [9].

Здесь реализуется метафорическая модель, называемая в работах А.Н. Баранова М-моделью Персонификации. Она предполагает осмысление «неживого как живого, неодушевленного как одушевленного, предмета как лица (*Партия сказала, Вашингтон отказался от соглашения, Коррупция несет ответственность за огромные экономические потери в России и затрудняет процесс демократизации и т.п.*)» [3: 74]. В нашем примере явление дефицита предстает в образе врага, недруга и получает двойственное осмысление: через отрицание («не свой брат», то есть чужак, враг, от которого не следует ожидать чего-то по-родственному доброго) и через утверждение («хоть кого в бараний рог свернет», то есть как некто, способный нанести серьезный ущерб, заставить страдать). Интересно отметить, что эта фраза имеет строение, сходное с известной русской поговоркой «Голод не тетка», которая имела первоначальный вид «Голод не тетка родная, пирожка не поднесет» [5: 151]. Определенные параллели прослеживаются также в содержании рассматриваемого высказывания и русской поговорки.

Активное вовлечение экономических терминов в систему выразительных средств за пределами специальных сфер, как отмечает А.А. Макарова [8], особенно характерно для второй половины XX в. Однако этот процесс, как нам представляется, продолжается и в настоящее время, причем среди лексических единиц, выступающих компонентом метафоры, появляются, помимо констубстанциональных, и узкоспециальные экономические термины.

Например, значение термина «дефолт», содержащего в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова помету «спец.», определяется как «невыполнение денежных обязательств в установленный срок; неуплата долгов, финансовая несостоятельность» [10: 143]. Данная лексическая единица не развивает дополнительных значений в языке общего употребления, тем не менее можно обнаружить случаи ее окказионального использования как компонента метафоры. Как показал анализ соответствующих контекстов, наиболее часто термин «дефолт» применяется для описания межличностных отношений, включаясь, например, в такие сочетания, как «*дефолт в любви*», «*дефолт в семейных отношениях*», «*выход из дефолта в дружбу*» и т. п.

Мы видим, как экономический термин «девальвация» проникает в публицистические и поэтические тексты, отражая тем самым тенденции, характерные для современного мира культа денег, общества потребления, обесценивания нематериальных (слово, мысли) и материальных объектов. Становясь компонентом таких метафор, как «*девальвация слова*», «*девальвация смысла*», «*девальвация чувств*», экономический термин «девальвация» позволяет лучше осмыслить процесс изменения отношения к некоторым

ценностям в современном обществе, то есть выступает своего рода маркером негативных процессов, затрагивающих духовную сферу нашего общества.

Таким образом, метафора встречается во всех функциональных стилях речи, для которых важна экспрессивность и образность, а также в научном стиле, где актуализируется ее познавательная функция. Экономический термин, включаясь в состав метафоры в качестве одного из элементов образного выражения либо выступая областью цели или источника метафорической проекции, утрачивает часть семантических компонентов, нивелируются привычные для него парадигматические связи и расширяются сочетаемостные возможности, а доминирующей функцией становится экспрессивно-стилистическая. Результатом детерминологизации становится «превращение» термина в общеупотребительное слово или возникновение переносного значения, которое, в свою очередь, либо закрепляется в узусе, либо так и остается окказиональным [2: 38].

Литература

1. *Акинин Ю.В.* Детерминологизация английской экономической терминологии: лингвокультурный и функциональный аспект : диссертация ... к. филол. наук : 10.02.04. – Самара, 2010. – 194 с.
2. *Барабан О. В.* Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса // *Rhema. Рема.* – Москва: Изд-во МПГУ, 2016. – № 3. С. 28-45.
3. *Баранов А.Н.* Коррупция: нетрадиционный взгляд. Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность.* – 2004. – № 2. – С. 70-79.
4. *Вардоль Н.* Россия в рейтинге эффективности госрасходов оказалась далеко позади Эстонии // *Московский Комсомолец: Электронное периодическое издание «МК.ru».* – Электронный ресурс: <https://www.mk.ru/economics/2018/12/17/rossiya-v-reytinge-effektivnosti-gosraskhodov-okazalas-daleko-pozadi-estonii.html>. (Дата посещения: 24.02.2021).
5. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 736 с.
6. *Кутырёв В.* Почему наша цивилизация не любит мудрость и стремится к концу света? // *Научно-культурологический журнал.* – №13 [211] (01.09.2010). – Электронный ресурс: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main>. (Дата посещения: 24.02.2021).

7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Дж. Лакофф, М. Джонсон; Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд-е 2. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
8. *Макарова А.А.* Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: диссер. на соискание уч. степ. к. филол. н. – М., 2007. – 121 с.
9. Народная воля. Социально-революционное обозрение. – 1885. – №№ 11-12. – Электронный ресурс: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort_i_grtagging&startyear=1800&mydocsize=&mysize=&spp=&mysentsize=&req=дефицит&mycorp=&dpp=&mysent=&api=1.0&mode=main&env=alpha&text=lexform&spd=&endyear=2019&nodia=1&p=128. (Дата посещения: 25.02.2021).
10. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
11. *Чухонцев О.Г.* Под тутовым деревом в горном саду... // *Общество поощрения русской поэзии.* – Электронный ресурс: https://poet-premium.ru/laureaty/chuhoncev_stihi.html. (Дата посещения: 24.02.2021).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАБУ
В СЕТЕВОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.А. Пивоварчик (Гродненский университет им. Янки Купалы)

Аннотация. В статье обсуждается проблема табуирования в практиках участников сетевого медицинского дискурса в контексте коммуникативной культуры онлайн-сообществ. Выявляются способы вербальной репрезентации коммуникативных табу в сообщениях интернет-пользователей. Описываются типы эвфемизмов, которые используют собеседники вместо прямых наименований болезней, а также для смягчающего обозначения различных ситуаций, связанных с лечением и получением медицинской помощи.

Ключевые слова: коммуникативные табу, сетевой дискурс, медицинский дискурс, табуирование, культура коммуникаций, русский язык, белорусский язык, сетевое сообщество.

REPRESENTATION OF COMMUNICATIVE TABOOS
IN ONLINE MEDICAL DISCOURSE

Т. А. Pivavarchyk (Yanka Kupala State University of Grodno)

Abstract. The problem of taboo creating in the practices of online medical discourse in the context of the communicative culture of online communities discussed in the article. The ways of verbal representation of communicative taboos in the messages of Internet users are revealed. The types of euphemisms used by the interlocutors instead of direct names of diseases are described as well as using them for mitigating notation of description of various situations related to treatment and medical care.

Keywords: communicative taboos, network discourse, medical discourse, taboo creating, communication culture, Russian, Belarusian, network community.

Дискурс о медицине и здоровье, кроме профессиональной, научной и научно-популярной разновидностей, всегда был представлен ещё и его бытовым, обывательским видом. В доцифровую эпоху, до появления глобальных социальных сетей «разговоры о медицине» были частью «наивного нарратива» в самых разных коммуникативных ситуациях – на кухне, в телефонных беседах, в очередях в поликлинике и т.д. Как известно, ритуализированные вопросы о здоровье и ответы на них составляют важную часть национального речевого этикета в каждой культуре. Смотрите соответствующие примеры белорусских приветствий, а также иллюстрации из

белорусской художественной литературы и эпистолярная: *Як чуеіся?; Як крэпііся?; Як чуеіся здароўем?; Як маецеся? – Як даглядаем, так і маем.* *Хварэю, Яначка* (В. Адамчык. Чужая бацькаўшчына); – *Дзядзька (да фельчара).* *Ну, як, ваша мосць, жывіце? Фельчар.* *Як шынкар пры шляху – ніхто не міне, так і ў мяне – едзе чалавек шляхам і не мысліць аб хваробе, а як глянуў на бальніцу, зараз каня пад пярэпляць – хваробу нашчупаў* (У. Галубок. Пісаравы імяніны); *Дарагі дружа Пімен! Пішы, як чуеіся здароўем і як шчасліва заехаў на месца* (А. Куляшоў да П. Панчанкі. 02.09.1944);

Денотаты, связанные с темами здоровья, телесности, болезни, рождения и смерти, а также соответствующие разговоры тем или иным образом табуировались во все времена и во всех культурах. Например, в белорусской народной культуре «было запрещено хвалить ребенка, говорить, как он здоров, красив, весел и т. п., так как считали, что такими действиями можно прогневить Небесные силы, и ребенок заболит» [5: 557]. Академик А.А. Гусейнов запрет считает сущностью морали, а существование в обществе разных типов запретов – основой для разнообразия моральных ценностей и нравственных требований [2]. Известный польский лингвокультуролог А. Домбровская в исчезновении табу из современных публичных сфер видит одну из серьезнейших угроз культуре и цивилизации [6: 174].

О коммуникативных табу и предназначенных для их обозначения словах и выражениях в славянских языках писали С. Видлак, Т.В. Володина, Л.И. Гришаева, А. Домбровская, В.И. Жельвис, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, А.К. Киклевич, М.М. Маковский, В.П. Москвин, Е.П. Сеничкина и многие другие авторы. При этом одними исследователями табу понимаются как самый древний тип запрета, «архаический механизм которого можно рассматривать как предпосылку всех последующих способов регуляции поведения» [1: 58]. Другие ученые широко трактуют понятие *табу* – например, как «культурно-детерминированное коммуникативное явление, которое отражает необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний» [3: 128]. Именно последнего подхода придерживаемся и мы, представляя табу как социально-культурные запреты, подкрепленные санкциями. Два основных признака отличают табу как тип регуляции от остальных видов запрета – обязательность соблюдения и неизбежное общественное порицание в случае нарушения. С точки зрения тех сфер, которые послужили источником запретов и в которых эти запреты в первую очередь функционируют, определяются

этические, политические, идеологические, социальные, культурные табу, с точки зрения общностей, в рамках которых установлены запреты, можно выделить общенациональные, корпоративные, субкультурные и т.п. табу.

Материалом исследования послужили тексты сообщений, посвященных медицинской тематике и размещенных пользователями в открытых разделах белорусского интернет-форума «Гродненский форум» (<https://forum.grodno.net/>, далее – ГФ). Все сообщения приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации; имена собственные заменены на инициальные буквы.

Как показывают наблюдения, форумы и блоги, самостоятельные или интегрированные в структуру других ресурсов, становятся новыми жанровыми форматами сетевого медицинского дискурса. Создаваемые на сетевых медиаплатформах онлайн-сообщества с медицинской тематикой существенно отличаются друг от друга по составу участников и их постоянству, регулярности участия в диалогах, предпочитаемым дискурсивным практикам, наличию сильных и слабых социальных связей, использованию практик табуирования и детабуирования. Но в любом случае такие сообщества непрофессионалов, пациентов, «интересующихся» и т.д. становятся одним из способов бытия знания медицинского и знания о медицине, а также особым способом ведения разговоров – со столкновением норм обыденной и профессиональной культуры (О.С. Иссерс).

В современном сетевом общении, в частности – на медицинские и «околомедицинские» темы, сфера запретного, на первый взгляд, существенно сузилась: интернет-пользователи свободно говорят об интимном и «постыдном», используют слабо завуалированную непристойную лексику. Снятию запретов в немалой степени способствовали такие особенности интернет-коммуникации, как анонимность и асинхронность. Анонимность создает иллюзию защиты от посягательств на приватное пространство, асинхронность ослабляет чувство реальности полилога с участием большого числа «свидетелей».

В то же время наблюдения за коммуникацией в онлайн-сообществах показывают, что в большинстве случаев участники сетевых полилогов не только придерживаются традиционных норм табуирования, но и совместно вырабатывают новые дискурсивные практики и приемы, устанавливают новые запреты. Так, среди пользователей социальных сетей широко распространено представление о том, что если в интернете размещаются фотографии детей младенческого возраста, то желательно не показывать открыто их лица. Безусловно, основой для этого стали суеверия: нельзя чужим показывать ребенка до крещения (вариант – до года, до трех месяцев) и т.п. В сетевом пространстве указанные представления стали основой, во-первых, для

распространения портретных фотоснимков с шаблонными ракурсами (например, ребенок сфотографирован со спины или на фотографии изображена только часть тела ребенка – затылок, ручки, ножки), во-вторых, для своеобразной моды на символы, которыми лицо ребенка на фотографии прикрывается, – смайлики, цветочки, сердечки, кружочки и т.п. О широкой распространенности своеобразных «визуальных» практик табуирования в интернете свидетельствует следующая ироническая реплика: «Родился ребенок – пора выбирать смайлик, чтобы закрыть его лицо в соцсетях». На потребность родителей, желающих поделиться фотографией своего ребенка, но при этом «защитить» его от глаза, сразу же отреагировала сфера цифровых услуг. На просторах интернета мы без труда можем найти не только рекомендации типа «Как на фото скрыть лицо ребенка смайликом» или «Интересные идеи, как закрыть лицо на фото в Инстаграм», но и специальные приложения-редакторы.

В сетевом медицинском дискурсе в качестве табуированных денотатов выступают болезни, диагнозы, условия лечения, оценка компетентности врачей, особенности взаимодействия с медицинским персоналом и т.д. Так, пользователи стараются использовать эвфемистические замены для описания ситуаций материального вознаграждения медицинским работникам, для нелицеприятных оценок профессионализма врачей, что связано с угрозой нарушения как этических, так и с правовых норм, например: *«Именно у нее наблюдаюсь, уже **пронаблюдаюсь в районе 1-го миллиона**»* (ГФ. 13.08.2010); *«Я сразу ходила к В., чего-то она мне не очень понравилась, **пассивенькая какая-то**»* (ГФ. 10.08.2010); *«И вообще «платить» это как-то противно звучит... **«поблагодарить» – так по моему лучше...**»* (ГФ. 30.04.2008).

Впрочем, и сообщений, в которых нарушаются всевозможные табу, появляются оскорбления и издевательские насмешки, дисфемизмы, в сетевом дискурсе хватает. В основном поводом для такого речевого поведения интернет-пользователей становится неудовлетворенность оказанной медицинской помощью: *«**Бегите от неё, только теряете время.** <...> Да и как врач – она ничто! Только время терять с ней!»* (ГФ. 20.02.2011); *«К К. я бы не советовала обращаться. Не лечит, а **только калечит!**»* (ГФ. 10.08.2010). В.И. Жельвис отмечает, что в повседневном общении «легкомысленное, тем более ёрническое отношение к смерти» табуируется, а потому «общественное мнение осуждает любые жаргонные выражения типа “сыграть в ящик”, “дать дуба” или “откинуть копыта”» [4: 81]. В анализируемых сетевых сообществах черный юмор – нередкое явление: *«Хорошо зафиксированный пациент в наркозе не нуждается»* (ГФ. 10.01.2007); *«Таких анестезиологов на органы сдавать только...»* (ГФ. 15.01.2007); *«Сердце остановилось, мозг может прожить ещё 2 минуты после такого конфуза. Если моторчик заведут – всё чики-пуки. Если нет – тогда всё, укатили сивку крутые горки»* (ГФ.

12.04.2007). Исключения составляют только те треды, где обсуждаются случаи с реальной угрозой жизни для самих собеседников или их родственников.

В анализируемых сетевых сообществах, в отличие от институционального медицинского дискурса, разрешается и даже приветствуется следующее: давать советы, опираясь исключительно на личный опыт; принимать советы неспециалистов; гордиться отсутствием профессионального образования; давать рекомендации со ссылками на сомнительные интернет-ресурсы и рассказы знакомых (с пометами ОБС – «одна баба сказала», ББС – «баба бабе сказала»); прибегать к юмору и иронии; активно использовать осуждение и упреки и т. д. Примеры: «**Лично на мой взгляд и по мнению еще одного моего знакомого, более менее адекватную консультацию можно получить в областной поликлинике**» (ГФ. 30.05.2015); «**Я далеко не врач, но в данной ситуации советовать ходить пешком и более правильно питаться (совет от врача) как минимум глупо**» (ГФ. 24.05.2015). При этом запрещено или не принято хвалиться выздоровлением, вступать мужчинам в «женские» разговоры и наоборот, избегаются наименования интимных частей тела.

В основном участники сетевого обсуждения стараются информацию деперсонализировать, нередко намеренно подчеркивают, что ищут информацию не для себя, а для кого-то другого или интересуются темой больше из любопытства, а не в силу нужды, например: «*Недуга нет. Был непраздный интерес*» (ГФ. 20.01.2011). Если же угроза деанонимизации усиливается (а участники онлайн-групп на интернет-форумах могут общаться в течение многих лет), если возникает, с точки зрения пользователя, угроза «сохранению лица», то табуирование сразу усиливается.

Прямым способом выражения табу в сетевых разговорах является эвфемизация – как узуальная, так и окказиональная. В целом ряде случаев участники сетевого полилога, даже если конкретная тема треды уже задана его названием (например, «Псориаз», «Хронический тонзиллит» и т. д.), в своих сообщениях стараются избегать прямой номинации болезни, особенно если речь идет о таких заболеваниях, которые в наивном сознании ассоциируются с особенно неприятными, неприличными, постыдными, унижительными болезнями. Среди используемых интернет-пользователями эвфемизмов можно выделить следующие наиболее распространенные типы:

– обобщенные, приблизительные, гиперонимические наименования в сочетании с неопределенными или указательными местоимениями, связывающими названия с актуальной коммуникативной ситуацией и актуальным речевым контекстом: «*И я столкнулся с этой проблемой нелично*» (ГФ. 13.04.2011); «*Мне 24 года, но «посчастливилось» уже получить эту болячку*» (ГФ. 07.04.2016);

– имена существительные с книжной и устаревшей окраской, выступающие в качестве родовых наименований вместо подразумеваемых видовых и обычно сопровождаемые указательными местоимениями: «*У вас сей недуг?*» (ГФ. 20.01.2011);

– оценочные имена существительные жаргонной или просторечной принадлежности в сочетании с указательными местоимениями, призванные ослабить значимость табуированного денотата – до уровня чего-то незначительного, ерунды, чепухи, например: «*Неприятно как для себя, так и для окружающих носить на себе эту фигню*» (ГФ. 20.01.2011); «*Лет 15 страдаю этой хренью*» (ГФ. 20.01.2011).

В двух последних типах мы видим, что задача табуирования решается собеседниками в том числе с использованием стилистических ресурсов языка, благодаря которым намеренно устанавливается предупредительно-вежливая или снисходительно-равнодушная тональность обсуждения.

При описании успешного результата лечения, в рассказах о выздоровлении у участников онлайн-сообщества не принято хвалиться, при этом в сообщениях могут включаться звукоподражательные фразеологизмы, фразеологизмы, опирающиеся в своей семантической структуре на суеверия и приметы, фразеорефлексы с компонентом бог (боже), например: «*Только она и помогла, сошло всё тьфу тьфу тьфу*» (ГФ. 06.02.2015); «*Никогда не была под общим наркозом (стучу по дереву)*» (ГФ. 23.02.2007); «*Может реальность, а может совпадение, но во вторую ночь дочка спала как ангелочек. тьфу-тьфу*» (ГФ. 23.10.2014); «*у меня не очень большой опыт общения с врачами (тьфу-тьфу..)*» (ГФ. 30.04.2008); «*Не дай Бог столкнуться лично*» (ГФ. 16.03.2008).

Способом косвенного выражения тематических табу служат высказывания с речеактовым значением просьбы или предложения о переносе обсуждаемой темы из публичного пространства треды в личную, закрытую от сетевого сообщества переписку – для разговора с глазу на глаз, например: «*Все ответы если можно в личку*»; «*Подскажите к кому можно обратиться (в личку)!*»; «*Напишите тут или в личку пжлст*»; «*Сообщения в личку*»; «*Подскажите кто может заговорить от рожи на ноге. Писать в ЛС*».

Если участники онлайн-сообщества опасаются, что их сообщение спровоцирует недоброжелательную реакцию, что своими вопросами или комментариями они могут нарушить некоторые табу, то высказывание может предвлекаться дискурсивными словами, имитирующими поиск денотата и его оптимального обозначения, а также речевыми актами извинения и предупреждения, например: «*Привет всем, помогите мне плиз вот с чем... делают ли у нас в городе литосакцию???*» (ГФ. 20.12.2006); «*Извините за вопрос, и чем в результате лечили молочницу?*» (ГФ. 17.08.2010); «*Прошу не принимать как язвительность. Может вы беременны?*» (ГФ. 15.05.2008).

Представляется, что анализ сетевого медицинского дискурса с точки зрения формируемых в разных типах онлайн-сообщества практик соблюдения и нарушения коммуникативных норм позволит увидеть специфику сетевой культуры с её культурными кодами и транслируемыми через коды смыслами и ценностями.

Литература

1. *Беляева Е.В.* Во что превратились табу? // Человек, 2010. – № 1. – С. 58-65.
2. *Гусейнов А.А.* Этика и культура. Статьи, заметки, выступления, интервью; научный редактор А.С. Запесоцкий. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2020. – 784 с.
3. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / Под науч. ред. Л.В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.
4. *Жельвис В.И.* Преуменьшение как средство усиления эмоционального напряжения в дискурсе // Массовая культура на рубеже XX – XXI вв. – М., 2003.
5. *Котович О., Крук Я.* Золотые правила народной культуры. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2018. – 592 с.
6. *Dąbrowska A.* Zmiany obszarów podlegających tabu we współczesnej kulturze // Acta Universitatis Wratislaviensis. Język a Kultura. – 2008. – Tom 20. – S. 173-195.

ИНТЕРНЕТ-СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ: ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Г.Н. Боева (Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна)

Аннотация. Комический коммуникационный интернет-дискурс исследуется на материале интернет-мемов с использованием образов русских классиков и цитат, имеющих характер литературной прецедентности. Теоретическая основа статьи – концепция литературных репутаций (И.Н. Розанов) и идеи социологов П. Бурдьё и М. Маклюэна. Анализируются трансформации литературных репутаций под влиянием современных аудиовизуальных технологий и ценностей. Делаются заключения о причинах популярности / непопулярности образов классиков в современном массовом сознании, явленном в интернет-пространстве; обнаруживаются новые культурные смыслы бытования литературных концептов.

Ключевые слова: классика, Интернет, мем, литературная репутация, рецепция, образ писателя, креолизованный текст, прецедентный текст.

INTERNET PERCEPTUAL STEREOTYPES RUSSIAN CLASSICS: VISUAL ASPECT

G.N. Boeva (St.-Petersburg State University of Technologies and Design)

Abstract. Drawing on Internet memes using images of Russian classics and quotes of precedence from their works, comic communication Internet discourse is investigated. The theoretical basis of the article is the concept of literary reputations (I.N. Rozanov) and the ideas of sociologists P. Bourdieu and M. McLuhan. Transformations of literary reputations under the influence of modern audiovisual technologies and values are analyzed. Conclusions are made about the reasons for the popularity / unpopularity of images of classics in the modern mass consciousness, revealed in the Internet space; new cultural meanings of the existence of literary concepts are discovered.

Keywords: classics, Internet, meme, literary reputation, reception, image of the writer, creolized text, case law.

На основе интернет-мемов [5] в открытых для доступа ресурсах Рунета проследим, какие составляющие литературных репутаций писателей наиболее актуальны, и зададимся вопросами: каким трансформациям они подвергаются под влиянием технологий и ценностей современной эпохи и какие новые культурные

смыслы бытования литературных концептов при этом возникают. Нас будут интересовать различные виды интернет-мемов, эксплуатирующие образы писателей: текстовые мемы (с использованием цитат и сюжетных коллизий из ключевых текстов классической литературы), мемы-картинки (реже), креолизованные тексты [4: 180-181] – «картинка + сопроводительный текст».

Степень прецедентности мемов различна [6: 163]. Большое количество интернет-мемов «литературного происхождения» или представляет собой лексические каламбуры, или обыгрывает звуковую оболочку эксплуатируемого литературного контента. Приведем несколько примеров таких поверхностных литературных мемов, «перепевающих» цитату или фамилию писателя и не предполагающих погружения в пре-текст: «Рубли бабки» (картинка с Раскольниковым); «Алло, это Грибоедов? Я тоже веган» (картинка с пингвином, говорящим по мобильнику); «Горький – сладкий» (портрет М. Горького как реклама пирожка в KFC); «Хук слева Хук справа Блок» (фотография А. Блока между двумя репродукциями портрета немецкого художника И.Г. Хука); «Лев Толстой не был толстым львом» (изображения, соответственно, писателя и льва).

В рамках нашей темы не столь важно различие между видами мемов, а потому ограничимся минимумом примеров, демонстрирующих разницу между простым мемом-каламбуром и мемом, объединяющим автора и реципиента на основе общего, пусть и поверхностного знания о предмете. Например, следующий мем-каламбур использует прием тавтологического созвучия и адресует ко всему корпусу классики, не углубляясь в ее особенности: «Русская классическая литература – все в одном классе» (на фоне типичной выпускной фотографии класса с портретами школьников в круглых рамках – вместо них классики из школьной программы от Пушкина до Горького). Второй мем представляет собой текст без картинки, черным по белому: «Вся русская литература построена целиком на страдании. Страдает либо автор, либо читатель» (вариант: «Все очень плохо. А теперь поговорим об этом подробнее на 700 страницах»). В последнем случае у автора сообщения и его адресата предполагается общее знание о психологизме русского классического романа и делается иронический намек на его многостраничность, а попутно звучит отсылка к важному для Достоевского концепту «страдание».

Представление интернет-пользователя об отечественном литературном каноне [2: 176] отражено, например, в следующем меме: «Так. Ну все. Меня не слушали, так вот они сейчас объяснят вам, в чем разница между “надел” и “одел”» (вариант: «У тебя три ошибки в одном слове») – с агрессивным видом, наступательно, шествуют Пушкин (в центре), Гоголь, Толстой, Достоевский и Чехов.

Непременное условие успешного восприятия мема, посвященного писателям, – культурная пресуппозиция: знакомство с творчеством и биографией писателя в объеме школьной программы. Например, следующий мем предполагает знание биографий русских поэтов и писателей, которые в карнавальном духе дискредитируются как «неистинные святые»: «Учителя литературы в школе заставляют 14-летних детей анализировать и понимать стихи взрослых алкашей, покончивших жизнь самоубийством».

Как и следовало ожидать, самый востребованный герой литературных мемов – находящийся в самом «ядре» национального канона Пушкин. Его центральное положение обыграно даже на метауровне: «Пушкин – это наш мем» (рядом с графическим автопортретом классика). Или так: «Сынок, уроки сделал? – Нет, еще не делал. – А че сидишь? Пушкин будет делать? – На *** мне это надо? Я умер» (последняя реплика принадлежит самому поэту). Текст: «Чукча не писатель, чукча – читатель!» – сопровождается, разумеется, изображением Пушкина, олицетворяющего писателя как такового. «Нет! Тока кружку!», – видим мы классика, отказывающегося от предложения выпить (аллюзия одновременно и на советский плакат, пропагандирующий трезвость, и на пушкинские строки «Выпьем с горя; где же кружка?»). Пушкин оказывается мифологизированным персонажем, прецедентность которого поистине неисчерпаема. А вот так переосмыслен один из последних сетевых мемовирусов «Наташа и коты»: множество Пушкиных встревожено будят «Наташу» (жену?): «Наташ, вставай, мы “Маленькие трагедии” все дописали», «“Евгения Онегина” даже дописали», «Дописали, честно», «Мы вообще все дописали».

В большинстве интернет-мемов о Пушкине мы найдем снижающие образ классика отсылки к хрестоматийной версии его биографии, преломленной массовым сознанием (многие из них сопровождаются известными изображениями поэта – портретом кисти О. Кипренского, В. Тропинина и др.): «Картежник, бабник, дуэлянт, африканские корни»; «Первый русский рэппер не Тимати. Первый русский рэппер – А.С. Пушкин. Он классно рифмовал, имел африканские корни и погиб в перестрелке». В некоторых мемах эксплуатируется только одна из черт этого стереотипного набора, например, дуэли поэта, или его семейная жизнь (портрет поэта и текст с использованием двух эмодзи-сердечек «Любовь – это... Че ты про жену мою сказал упырь пойдем выйдем наташа не лезь я сам»), или его «донжуанский список»: «Женщины обвиняют Пушкина» – текст сопровождает графическое изображение сокрушенной фигуры поэта в окружении женщин, гневно предъявляющих ему претензии. Очевидно, что здесь репутация классика становится поводом для актуального высказывания о харассменте,

порождающем информационные бури в СМИ и интернет-пространстве. Встречаются отсылки к модному певцу («*Запомнить стихи Пушкина! Запомнить все песни Фейса* [современный рэппер – Г.Б.] *наизусть!*») или к культовому фильму. Примечателен мем с кадром из «Криминального чтива» К. Тарантино: «*Ну давай скажи мне про Пушкина еще раз! Ты позоришь Пушкина*». Напомним, что в фильме в этой сцене один из главных героев, бандит Джулс, прежде чем убить человека, цитирует отрывок из проповедей пророка Иезекииля – замена Священного писания на имя Пушкина наводит на мысль о восприятии последнего как сакральной фигуры, эквивалентной святому или пророку.

Поскольку интернет-пользователь преимущественно аудиовизуал, в мемах немало переключек между образами литературных классиков и героями популярных фильмов. Например, русские писатели и поэты представлены в образах «неудержимых» из одноименного фильма 2010 г. (реж. С. Сталлоне) – американского боевика с участием самых знаменитых актеров 1980–90-х гг., играющих группу элитных наемников. А сюжет другого мема – проекция двух бандитов из уже упомянутого «Криминального чтива» на главных «героев» литературного канона: Пушкин и Гоголь направляют на зрителя пистолеты со словами: «*Ты прочитал Ревизора и Мертвые души? Если нет – иди и читай ****». Было бы логичнее требовать прочтения одного пушкинского и одного гоголевского текста – и встает вопрос: знал ли анонимный интернет-автор, что Пушкин отстаивает чужие авторские права?..

Закономерно, что вторая по значимости фигура в литературных интернет-мемах не Лермонтов (немногочисленные мемы сообщают нам только о его шотландском происхождении и любви к картам), а Гоголь, соперничающий народной славой с Пушкиным (как тут не вспомнить положение В. Белинского о двух направлениях русской литературы – «пушкинском» и «гоголевском»). Причем, как это неоднократно бывало последние десятилетия [3], славы писателю прибавил киносериял «Гоголь» (реж. Е. Баранов, 2017–2019), недавно вышедший в кинопрокат и отраженный в мемомтворчестве: «*Тебе не обязательно читать Гоголя, если ты можешь сходить на него в кино*». Впрочем, некоторые мемы, отстаивая литературоцентризм, транслируют критическое отношение к сериалу: «*Гоголь здорового человека* (портрет писателя кисти Ф. Моллера) / *Гоголь курильщика* (портрет актера, играющего писателя в сериале)» (вариант: те же изображения с подписями «*Хороший Гоголь / Плохой Гоголь*»).

Самый «мемогенный» факт жизни и творчества Гоголя – сожжение им второго тома «Мертвых душ»: «*Я тебя написал – я тебя и сожгу*» (налицо одновременно апелляция к факту биографии и прецедентной фразе из «Тараса

Бульбы»); «*А что если Гоголь сжег второй том “Мертвых душ”, потому что писал на латинской раскладке и заметил это только на последней главе?*»; «*Твою книгу не раскритикуют, если...*» (плюс изображение пламени); «*Гоголь к Булгакову: Миш, сегодня будем зажигать. Снова вторая часть не нравится?*» (Гоголь – М. Булгакову, автору знаменитой воландовской фразы «*Рукописи не горят*») и даже «*Фильм выйдет в 4 частях, но четвертую сожгут*». Примечательно, что интернет-авторы часто обыгрывают загадочные обстоятельства смерти писателя («*Ребята, хватит шутить: побаловались и хватит, открывайте уже*»), но совершенно игнорируют такие составляющие его репутации, как склонность к мистицизму, проповедничество, разногласия с современниками вследствие скандально знаменитых писем к друзьям и т.п. – все это, видимо, не остается в «сухом остатке» от школьной программы и не может стать надежной основой для мемов, делающих ставку на узнаваемость и общедоступность.

Среди мемов о Достоевском преобладают отсылающие к «Преступлению и наказанию» – произведению, прочно входящему в «школьный канон» и сюжетно остроумно спародированному так: «*Кот нагадил в ботинки... Пожалуй, не стану ругать, а лишь намекну, что я его подозреваю. Буду держать в нервном напряжении, пока кот не раскается*». Запечатлено в меме и общее представление о репутации писателя: «*Мне мешает быть счастливым Достоевский в голове*» (картинка с силуэтом головы ребенка, внутри которой помещен портрет писателя).

Столь же «мрачными» представляются мемомтворцам и поэты из литературного канона XX в.: «*Депрессия не приходит одна: она приводит с собой Маяковского, Есенина и Бродского*». Похоже, русская литература массовому сознанию открывается как предельно пессимистичная, настраивающая на страдание и боль, а не обнадеживающая и врачующая.

Лев Толстой славен среди интернет-пользователей прежде всего как автор эпопеи «Война и мир», самого объемного произведения в школьной программе. Именно этому посвящена большая часть «толстовских» мемов: например, изображающий две книги – толстую и тонкую – с соответствующими надписями: «*“Война и мир” / “Война и мир” без описания дуба*»; «*Иисус умел превращать воду в вино, а я в Войну и мир* (твит от имени Льва Толстого)»; четыре квадрата: «*Маг воздуха, маг огня, маг земли, Лев Толстой* [понимай как «вода» – Г.Б.]»; «*Перешиши меня полностью*» (слова Толстого, строго взирающего на адресата) и т.п. Очевидно, что современный массовый читатель отвергает формат романа-эпопеи, а другие произведения Толстого в меньшей степени укоренены в «школьном каноне». Имя Толстого не в чести у «среднего» выпускника средней школы, знающего «Войну и мир» понаслышке,

по краткому пересказу или по одной из экранизаций, и остается просто одним из имен «литературного иконостаса». Если учесть, что в русской литературе несколько писателей Толстых, то вполне понятен следующий мем, где однофамильцы практически взаимозаменяемы: «*На словах ты Лев Толстой, а на деле – Алексей*» (прилагается портрет Алексея Толстого). Лишь немногие могут почувствовать в нем противопоставление литературных репутаций двух Толстых, один из которых – непримиримый духоборец и, в современных понятиях, оппозиционер, а другой – сотрудничающий с властью успешный писатель.

В уже упомянутом меме «Неудержимые», где русские классики представлены в виде brutальных военных наемников, в сущности, дан весь литературный пантеон XIX в.: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Чехов. Интересно, что среди «неудержимых» нет Гончарова, автора «Обломова», который известен всем, хотя и немногими прочитан, поскольку традиционно «потеснен» в школьной программе своими более «удачливыми» конкурентами – Достоевским, Толстым и Тургеневым. Нет среди «неудержимых» ни одного писателя XVIII в., которые почти полностью «выпали» из школьного литературного канона. Из предшественников Пушкина видим только Грибоедова, который стойко «держится в обойме»: он не только автор комедии, ставшей непреходящим источником прецедентных фраз и выражений, но и обладатель яркой биографии (на эту тему мем «*Грибоедов обожал дуэли: стрелялся несколько раз в день и бросал перчатку в лицо каждому встречному*»). Из XX в. «повезло» только наиболее brutальным: Маяковскому и Есенину – они чаще всего являются героями интернет-мемов. Из их биографий «пригождаются» суициды и скандальные репутации (один хулиган, другой – футурист и глашатай), причем массовое сознание, разумеется, отождествляет поэтов и их лирических героев. Как видим, для того, чтобы стать популярным героем мемов, нужна не только укорененность в литературном каноне (т. е., прежде всего, в школьной программе [1: 107]), но и яркая, поражающая воображение биография, поддающаяся травестированию в духе карнавальной смеховой культуры (М.М. Бахтин). Поскольку с некоторыми классиками это проделать затруднительно (например, с Гончаровым или Некрасовым), они выпадают из поля мемов или присутствуют там периферийно. Непопулярен у современного массового читателя и романтизм, что проявляется в отсутствии стойкого интереса в Рунете к Лермонтову (он фигурирует лишь в «коллективном портрете» классиков). Из триады классиков-поэтов XX в.: Блок, Маяковский, Есенин, – первый выпадает как сложный. Причина очевидна: современное сознание сопротивляется «двомирному» тексту, а последние

герои воспринимаются в земной, близкой плоскости, причем столь же плоско и упрощенно: один – как глашатай, другой – как хулиган.

В преддверие одного из приближающихся юбилеев: 80-летия С. Довлатова, – Дом Русского Зарубежья и вдова писателя объявили марафон мемов о нем, что подтверждает следующую мысль. А именно: мем превращается в одну из современных форм рецепции творчества писателя массовым читательским сознанием, т.е. буквально до одной картинки «свернутую» формулу восприятия творчества классика (фигура редукции). В этой связи можно отметить как удачный мем, автору которого удалось в изящной, артистической форме, с помощью каламбура, отразить представление о литературной репутации и художественном мире писателя: «*Довлатте: Кофе со вкусом вчерашней горечи, заслоняющей вчерашний позор*».

Литература

1. Боева Г.Н., Шарафадина К.И. Интермедийный ресурс текстов новых медиа как теоретическая и методическая проблема // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки, 2021. – № 1. – С. 105-113.
2. Гуськов Н.А. I Международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки. Русский литературный канон: центры и периферия», Краков, 22-23 октября 2015 г. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2016. – Вып. 3. – С. 176-179.
3. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 452-489.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 180-186.
5. Шомова С.А. Мемы как они есть: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 136 с.
6. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог, 2012. – Вып. 3. – С. 160-172.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Л.Л. Сандлер (Воронежский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития речи в интернет-коммуникации; приведены примеры и обозначены причины падения речевой культуры в телевизионном общении под влиянием видеоблогинга; обозначены конструктивные и деструктивные явления функционирования речи в интернет-коммуникации; выявлены основные черты развития письменной разговорной речи в неофициальном интернет-общении.

Ключевые слова: упрощение и демократизация речи; экономия речевых средств; выражение эмоциональности и экспрессии; клиповое мышление; экспансия иноязычных слов; обеднение мышления и речи; язык в интернет-коммуникации.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE SPACE OF INTERNET COMMUNICATION

L.L. Sandler (Voronezh State University)

Abstract. The article is devoted to the study of the development of speech in Internet communication; examples are given and the reasons for the decline of speech culture in television communication under the influence of video blogging are identified; constructive and destructive phenomena of the functioning of speech in Internet communication are identified; the main features of the development of written colloquial speech in informal Internet communication are identified

Keywords: simplification and democratization of speech; economy of speech resources; expression of emotionality and expression; clip thinking; expansion of foreign words; impoverishment of thinking and speech; language in Internet communication.

Язык меняется на наших глазах под влиянием стремительно развивающихся технологий. Какой стала русская речь в эпоху интернета? Упрощение и демократизация, экономия речевых средств, эмоциональность и экспрессия, клиповое мышление, экспансия иноязычных слов, обеднение мышления и речи – вот, на наш взгляд, самые заметные черты современной интернет-коммуникации. Рассмотрим, как названные явления прослеживаются в речи.

1. Во-первых, под влиянием интернета речь становится более демократичной. Проследим это явление на примере телевизионной речи. Сегодня в телевизионный эфир мощной волной проникают характерные черты

видеоблогинга. Это отчетливо видно при анализе речи ведущих, которые являются и видеоблогерами (например, Жанна Бадоева, которая ведет программу на «Первом канале», Анастасия Ивлеева, ведущая программы «Орел и решка» на канале «Пятница»). Безусловно, это очень демократичная речь, с особенностями лексики, построения предложений, с особенностями интонации, чаще просторечной, тембра, не традиционного для телеведущих, и т.п. Впрочем, их появление в эфире центральных телеканалов легко объясняется – они ведут за собой миллионы своих подписчиков [2: 50-52].

2. С другой стороны, тенденцию демократизации языка можно связать с тенденцией его упрощения: язык становится примитивнее (суждения строятся при помощи оценок, слов-предложений), хуже по качеству (ограниченный лексикон), ближе к языку улицы (рост числа нелитературных элементов). Телевидение давно перестало быть образцом литературного языка, в первую очередь, за счет видеоблогеров, которые особенности своей речи переносят в телевизионный эфир, а также вследствие влияния непрофессиональных участников телевизионной коммуникации, например, в различных ток-шоу, играх. Таким образом, эта тенденция напрямую связана с падением уровня речевой культуры в обществе.

3. Положительной тенденцией в развитии языка является экономия языковых средств, что прослеживается на всех уровнях языковой системы. Заметим, что это явление не только сегодняшнего дня, но если раньше оно было характерно только для устной разговорной речи, то сейчас становится нормой и в письменной коммуникации. В интернет-сообщениях, в чатах и блогах часто встречаются лексемы, образованные при помощи усечения основ, много и сложносокращенных слов, которые позволяют очень быстро считывать текст без потери смысла: «коммент» – комментарий, «комп» – компьютер, «профи» – профессионал, «спец» – специалист, «чел» – человек, «фан» – фанат, СМС, ММС. Такие усеченные формы легко и естественно используются нами везде: и в письменной, и в устной речи. Мы хотим выразаться быстрее, чтобы передать больше информации за меньший отрезок времени.

4. Речь становится более эмоциональной, экспрессивной [1],[4]. В интернет-коммуникации активно используются нелитературные элементы языка: это и литературно-просторечные слова, и жаргон, и словосочетания с яркой оценочной семантикой, и создание необычных образов. Заметим, что самым мощным средством воздействия на аудиторию является мат. В 90-е годы во многих СМИ его использование было чуть ли не веянием эпохи – символом свободы слова. Но если постоянно употреблять инвективную лексику, то ничего, кроме отторжения, это в конце концов не вызовет. Мы наблюдаем, как публично в интернет-общении ругаются люди разных социальных статусов – и высокообразованные

профессионалы, и совсем уж необразованные. Заметим, что положительным фактом стало законодательное запрещение мата не только в печатных СМИ, на телевидении и радио, но и в интернет-коммуникации – в группах, блогах. Эмоциональность и экспрессивность речи можно проявлять как угодно, множеством способов, при этом обходясь без инвективной лексики. Существует целая область в исследовании языка, посвященная его защите. Экология языка важна, «потому что язык не только отражает, но и формирует мышление, регулирует поведение, межличностные и межкорпоративные отношения, является универсальным инструментом управления, воспитания и т.д.» [4].

5. Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению объема фразы и текста в целом. Это связано с тем, что тексты читаются чаще всего с дисплея телефона. Человеку нужно быстро усвоить фрейм информации, поэтому и форматирование текста (короткие абзацы), и его объем подчинены этому требованию письменной интернет-коммуникации.

6. Для наиболее удобного ориентирования пользователя в потоке информации текст снабжается хэштегом – *важным элементом* заголовочной позиции. Хэштег – *это знак «для расширения области видимости текста целевой аудиторией», который «приобретает функцию своеобразной свертки «концепт-смысл»: облегчает читателям-потребителям нахождение медиатекстов, сгруппированных по темам, по искомым сообщениям» [1]. Хэштеги представляют собой ключевые слова, которые снабжены своеобразным опознавательным знаком # и выделением цветом.* Принципы построения хэштегов – 5-7 – *соответствуют психологическим законам восприятия текста, в частности, соотносятся с «магическим числом Миллера» [1].*

7. Конвергентные редакции СМИ создают контент, содержащий очень много визуальной информации: фото, видео, инфографика. В этом отражается наше клиповое сознание – мы привыкли воспринимать мир фрагментами: одновременно, мгновенно, динамично. Клиповость восприятия информации лежит в основе подачи информации на таких круглосуточных информационных телеканалах, как «Вести-24», «iz», «Мир 24», «РБК», «Euronews», «Russia Today» (RT). Визуализация сообщений здесь проявляется и в двух динамичных бегущих строках, и в графических заставках, и в выведении на экран значимых частей высказывания в виде цитат. Эти же явления прослеживаются и в интернет-СМИ и в целом – в интернет-коммуникации.

8. Стремительно расширяется сфера использования иноязычных слов, и мы к этому уже привыкли. Это явление напрямую связано с глобализацией информационного пространства. Тем не менее у многих исследователей возникают правомерные опасения: не приведет ли эта экспансия заимствований

к разрушению идентичности русского языка? По нашему мнению, заимствования – это признак эволюционирования русского языка и вхождение его в международный коммуникационный процесс. Многие иноязычные слова прочно закрепились в нашем узусе, например, «файл», «чип», «сайт», «скайп», «спам». За этими русифицированными английскими заимствованиями (файлик, на сайте, в скайпе) стоит однозначное понятие – иногда широкое, а иногда очень конкретное. Такие слова короткие, ёмкие, и мы прекрасно понимаем их значения. Кроме того, если новое слово входит в обиход, оно начинает «обрастать» разными приставками, суффиксами, окончаниями. Например, слово «тролль» имеет формы «троллить» и «троллинг», слово «бан» – «банить», «забанить». Многие иностранные термины в русском языке упрощаются. Рассмотрим слова «блог», «блогер», «блогинг», которые произошли от английского «blog» (от web log). Мы видим, что в английском слове «blogger» две буквы «g», а в русском – одна «г». Почему это происходит? В английском языке это связано с произношением: в зависимости от количества букв слово произносится по-разному. У нас же «блогер» или «блоггер» произносится одинаково, поэтому язык, конечно, выбирает более простой вариант. То же самое случилось со словами «офис», «офлайн», «пудинг» – примеров много. Это показывает, что язык стремится к более простой форме – и в этом проявление тенденции к упрощению написания слов.

9. Наблюдаются иностранные слова, которые только начинают входить в язык, но лишь некоторые из них становятся общеупотребительными, другие так и остаются редко употребляемыми заимствованиями, а если речь идет о жаргоне, то большинство слов исчезнут через год-два и заменятся новыми, более модными сленговыми выражениями. Давно известно, что сленг – это самая изменяемая и самая неустойчивая часть языка. Это касается, в первую очередь, компьютерного сленга, который чаще всего встречается в речи молодежи. Технологии развиваются и меняются на протяжении одного поколения несколько раз – меняется и язык, на котором общаются молодые люди. Так, мало кто помнит такие сленговые синонимические выражения для названия компьютера, как «компухтер», «цампутер», «банка», «тачка», «аппарат», «машина». В языке закрепились только одно короткое и удобное слово – «комп». Как можно увидеть, в сленге, наряду с заимствованными словами и выражениями, широко употребляются и русские метафорические обозначения артефактов, ситуаций, процессов, связанных с интернет-общением. Например, в языке геймеров закрепились такие родовые названия компьютерных игр, как «стрелялка», «бродилка», «леталка», построенные по русской словообразовательной модели, характерной для разговорных слов «качалка», «читалка».

10. В современных условиях пандемии ограничения заставили людей разных поколений активно пользоваться компьютерами, различными программами, образовательными платформами, средствами связи. В наш узус вошли такие понятия, как «вебинар» (по модели латинизма «семинар»), «тренинг», сложные слова «видео-урок», «онлайн-курс», разговорные слова «дистант» (дистанционное обучение) и его русский синоним «удаленка» (удаленное обучение). Наряду с давно существующим в русском языке словом «тренер» широко внедряется лексема «коуч». Возможно, такое дублирование связано с тем, что за словом «тренер» закрепилось понятие «наставник в области спорта», а «коуч» обозначает «специалиста, помогающего своему клиенту в достижении конкретных целей».

11. Активно используются такие лексемы, как «месседж» – послание, «челленж» (от английского «вызов») – вид видеороликов блогеров, выполняющих определенное задание и рассылающих ролик своим подписчикам. Распространенное в пиар-отношениях слово «кейс» стало настолько популярным, что происходит расширение его значения. В русском языке оно становится элементом в сложных словах: кейс-метод, кейс-баттл, кейс-чемпионат, бизнес-кейс, кейс-стори, кейс-интервью и др.

12. Неофициальная письменная коммуникация в интернете напоминает разговорную речь. Здесь есть интересный парадокс. В рамках разговорного стиля возникает факт «письменной разговорной» речи. Это язык общения в чатах, блогах, комментариях. Часто в подобных сообщениях человек не может выразиться развернуто – у него бедная лексика, однотипные конструкции. Это происходит потому, что достаточно один раз определить предмет разговора и потом уже не называть его, а заменить местоимениями (это, туда, оно, он, она), ведь и так понятно, о чем или о ком идет речь, и не нужно тратить время на лишние разъяснения. Как видим, в этом проявляется известный принцип учёта конситуативности разговорной речи. Кроме того, сами технологии дают нам возможность экономии речевых (а в нашем случае – и физических) усилий. Чтобы сократить время написания сообщения, в том числе комментария к публикации, мы используем смайлики-эмотиконы, сложносокращенные слова, слова с усеченной основой, мемы (модные устойчивые сочетания в интернет-коммуникации). Использование стикеров позволяет достаточно точно визуализировать само содержание текста, эмоции получателя информации и его отношение к ситуации (обратите внимание, ведь это то же самое, что содержит в себе иероглиф!). Одна картинка заменяет целое сообщение, и пользователям интернета это нравится. Это и ярко, и якобы разнообразно, но... не оригинально. На наш взгляд, самое вредное в этой коммуникации – это выработка определенной стандартизации мышления. Вам предлагается выбор этих смайликов и картинок, в том числе и движущихся (gif) зачем же думать дальше? В «письменном устном»

языке вы не стараетесь выразить свои мысли словами, ведь это сложнее: нужно приложить усилие, чтобы логично выразить мысль, подобрать синонимы, иногда создать образ. А у пользователей нет времени, да и желания. Унификация сообщения при помощи смайликов и прочих визуальных средств обедняет наш лексикон, делает его очень ограниченным. Все это ведет к оскудению и нашего мышления, и нашей речи. Иногда все же не стоит бояться полноценно, развернуто и образно выражать свои чувства и мысли, и не надо на этом экономить.

Что касается развития такой «письменной устной» речи в целом, то здесь, на наш взгляд, нет ничего нового. В истории языка неофициального общения уже были такие моменты, но только в другой форме – в частной бумажной переписке [3:56-57]. Например, молодому человеку в царской России, чтобы сообщить своей даме о тайной встрече, надо было послать слугу с записочкой, чтобы он передал её в руки девушки, которая, в свою очередь, таким же образом давала ответ, часто украшенный цветочками, голубками – своеобразными «смайликами». Эти «образцы эпистолярного жанра» тоже были лаконичными и не отличались грамотностью. Если участниками переписки были люди из высших сословий, то письма были на французском, возможно, тоже с ошибками. Тем не менее нельзя не вспомнить, что именно в этом жанре написаны лучшие образцы исторических воспоминаний, философских, психологических, морально-этических, искусствоведческих, критических рассуждений, которые, несомненно, оставили ценный след в отечественной и мировой культуре.

Современный русский язык во всех его сферах и, главным образом, в интернет-коммуникации находится в постоянном развитии. Он безусловно эволюционирует под влиянием развития технологий, глобализации информационного поля и интернационализации общения. Именно поэтому многие явления, происходящие в нём, требуют пристального внимания исследователей.

Литература

1. *Богуславская В.В., Богуславский И.В.* Язык как средство общения в эпоху глобальной цифровизации / Релга. Науч.-культуролог. журнал, 2020. – № 4 [372].
2. *Сандлер Л.Л.* Трансформация речи ведущих под влиянием видеоблогинга в телевизионном развлекательном дискурсе / Альманах Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2019. – № 3-4. – С. 50-52.
3. *Сандлер Л.Л., Павлова Т.А.* Проблема экологии языка в СМИ. / Альманах Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2008. – №1-2. – С. 54-57.
4. *Сковородников А.П.* Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе. – Электронный ресурс: <https://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>. (Дата посещения 24.02.2021).

ЭМОДЗИ КАК ИНСТРУМЕНТ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Е.Н. Фатеева (Академия имени К.А. Тимирязева)

Аннотация. В статье рассматривается Интернет как новая коммуникационная среда, которая имеет свои преимущества и недостатки. Одной из тенденций развития Интернета являются социальные сети. Социальные сети являются эффективным инструментом продвижения брендов, способствуют расширению целевых аудиторий, увеличению продаж, повышению узнаваемости. Одним из способов выражения эмоций в социальных сетях являются эмодзи.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, коммуникация, продвижение, эмодзи, выражение эмоций, невербальные средства.

EMOJIS AS A TOOL FOR SUCCESSFUL COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS

E. N. Fateeva (Academy named after K.A. Timirjazev)

Abstract. The article considers the Internet as a new communication environment, which has its advantages and disadvantages. One of the trends in the development of the Internet is social networks. Social networks are an effective tool for promoting brands, helping to expand target audiences, increase sales, and increase awareness. One of the ways to express emotions in social networks is emojis.

Keywords: Internet, social networks, communication, promotion, emojis, expression of emotions, non-verbal means.

Интернет как новая коммуникационная среда благодаря своей высокой информационной насыщенности и оперативности информации значительно превосходит традиционные каналы коммуникации. Интернет отличается оперативностью, обеспечивает легкий доступ к информации, продуктам и услугам. Интернет – это обилие информации и ресурсов.

В настоящее время всё шире развиваются социальные сети, что является одной из главных тенденций развития Интернета. Социальные сети актуальны, ведь появляется много новых блогеров, каналов, которые способствуют продвижению контента.

Интернет стал той площадкой, которую принимают в любом возрасте, статусе, и пользоваться им можно из любой точки мира. Социальные сети

являются платформой возможностей, как для личностного развития, так и для продвижения различных брендов, даже если на рынке они находятся длительное время.

Интернет-площадка – это многогранная платформа с различными нюансами, тонкостями, как и оффлайн-деятельность. Существуют различные методы, этапы для создания успешного продвижения в социальных сетях, что помогает создавать интересный и качественный контент.

Социальные сети как инструмент продвижения могут способствовать большему и быстрому результату, так как технологии позволяют использовать различные инструменты, которые сейчас весьма разнообразны. Более того, постоянно появляются новые, например: опросы, голосования, обмен мнениями в режиме реального времени, что способствует оперативному сбору и обработке информации.

Необходимо отметить, что маркетинг в социальных сетях включает в себя множество разнообразных методов работы. Самыми популярными являются следующие: построение сообществ бренда (создание представительств предприятия в социальных медиа); работа с блогосферой; репутационный менеджмент; персональный брендинг; нестандартное SMM-продвижение [1].

Так, например, если раньше нулевых года XXI века были популярны такие социальные сети, как «Одноклассники», «ВКонтакте», «Twitter», то сейчас, в 2021 году, пользователи больше отдают предпочтения «Instagram», «YouTube» и «Tik-Tok». Выбор площадки зависит от направленности продвижения бренда. Контент может быть как брендированный, так и развлекательный. Четкой схемы, по которой необходимо размещать сообщения на специально отведенной площадке, нет [6].

«Instagram» появился в 2010 году, и представляет собой платформу по обмену передачи фото- и видеозаписей, в которой зарегистрировано более 1,2 млрд. пользователей, имеющая свои «фишки», алгоритмы и секреты. Социальную сеть может скачать любой пользователь, составлять контент в любой тематике (семья, спорт, культура и т.д.), проводить опросы, использовать эмодзи, фильтры и стикеры [5].

Любая коммуникация помогает донести ту или иную информацию, показать эмоции собеседника и понять, заинтересован ли он в предложении или нет.

Одним из способов выражения эмоций в Интернете является эмодзи. Это определенный язык, который используется в постах, рекламе, коротких видео, на картинках, при написании отзывов и комментариев.

Зарождение эмодзи как символа цифровой культуры началось в начале 2000-ых.

В настоящее время социальные сети имеют большую значимость в формировании общественного мнения, в продвижении малоизвестных брендов, в коммуникациях и т.д. SMM площадок множество, везде свои предпочтения, алгоритмы и методы. Выбор площадки для SMM продвижения бренда, зависит от конкретных целей и аудитории, с которой необходимо работать. В большинстве случаев используется не один, а сразу несколько инструментов для привлечения внимания целевой аудитории.

А также одной из главных причин популяризации социальных сетей является их расширенный функционал. Социальные сети дают не только возможность переписываться, делиться новостями, продвигать товары или услуги, но и общаться по аудио- и видеосвязи, слушать музыку, смотреть фильмы, передачи, видео, делиться фотографиями, вести блоги, снимать блоги, объединяться в сообщества по интересам, создавать коммерческие проекты и онлайн-представительства. Для разных людей одна и та же площадка может быть инструментом для заработка, общения или просто свободного времяпровождения.

Использование необходимых картинок, вставок или просто эмодзи способствует успешной коммуникации и передаче эмоций и экспрессии.

Литература

1. *Ершов В.Е.* Тенденции развития рынка рекламы в контексте влияния на потребительское поведение // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2013. – № 4(44). – С. 99.
2. История появления эмоджи. – Электронный ресурс: <https://timeweb.com/ru/community/articles/istoriya-royavleniya-emoji-1>. (Дата посещения: 21.01. 2021).
3. Как появились эмодзи и почему они так популярны. – Электронный ресурс: <https://rb.ru/story/emoji-story>. (Дата посещения: 21.01. 2021).
4. Откуда взялись Эмоji? – Электронный ресурс: <https://pixel-story.ru/2016/11/otkuda-vzyalis-emoji>. (Дата посещения: 21.01. 2021).
5. Социальная сеть Instagram. – Электронный ресурс: <https://www.instagram.com>. (Дата посещения: 19.01. 2021).
6. *Халилов Д.* Маркетинг в социальных сетях. – М., 2017. – С. 42.

Раздел VII. ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА, ИЛИ ЯЗЫК В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

О СТРУКТУРЕ «ЗВУКОВОГО ЛАНДШАФТА» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л.А. Горохова (Пятигорский государственный университет)

Аннотация. В статье рассматривается структура звукового ландшафта в произведениях литературы. Звуковой ландшафт художественного текста (звуковая среда в восприятии человека) складывается из двух компонентов: звучаний внешнего мира, окружающих героя, и звучаний, производимых человеком. При этом изображаемые звучания могут выполнять различные функции в тексте: информирующую, аттрактивную, экспрессивную, эстетическую.

Для отображения звукового ландшафта произведения используются разнообразные звукоизобразительные средства: звукоподражательная и звукоописательная лексика, аллитерация и ассонанс, графические средства и др. Для художественного текста более характерны не единичные звукоизобразительные элементы, а их скопления – т.н. агломераты звукоизобразительных единиц. Они служат для создания комплексной звуковой картины, данной в восприятии героя.

Ключевые слова: звуковой ландшафт, художественный текст, звукоизобразительные средства, звукоподражание.

ON SOUNDSCAPE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

L.A. Gorokhova (Pyatigorsk State University)

Abstract. The article looks into the soundscape structure in fiction. The soundscape of a literary text (the acoustic environment as perceived by the listener) consists of two components: sounds of the character's acoustic environment, and sounds produced by people. Representations of acoustic phenomena in the text may perform various functions: informative, attractive, expressive, aesthetic, etc.

Soundscape are created by various means such as onomatopoeic and sound-descriptive vocabulary, alliteration and assonance, graphic devices, etc. Elements representing sounds in a literary text typically come in clusters rather than as single sound-imitating or sound-descriptive units. They serve to create a complex sound picture given in the perception of the characters.

Keywords: soundscape, literary text, sound studies, onomatopoeia.

Термин *soundscape* (звуковой ландшафт), впервые предложенный Р. М. Шейфером [7] еще в 1967 г., в наши дни широко используется представителями самых разных областей знания. Под звуковым ландшафтом обычно понимается звуковая среда в восприятии человека. При этом данный термин применяется не только по отношению к реальному акустическому окружению человека, но и его отображению в произведениях искусства – от театра и кинематографа до музыки, литературы и даже живописи.

В нашем исследовании мы рассматриваем, какими средствами и с какой целью автор изображает звуковую среду, которая окружает героев литературного произведения. Для иллюстрации полученных выводов был выбран короткий рассказ А. П. Чехова «Ночь на кладбище» [3: 293-296], т.к. небольшой объем рассказа позволяет охватить сразу всю структуру его звуковой составляющей.

Звуковой ландшафт художественного текста складывается из двух компонентов: звучаний внешнего мира, окружающих героя, и звучаний, производимых человеком (речи персонажей и др. антропофонических элементов). Так, в вышеупомянутом рассказе звуки производят как одушевленные, так и неодушевленные объекты, создавая звуковую среду, в которой происходит основное действие. Самые разные звуки издает и сам рассказчик, пересказывая слушателям свою историю:

- Вглядываясь в потёмки и слыша над собой жалобный вой ветра, я торопился...
- Гляжу, а он сидит и обнимает памятник, а около него чей-то пёс воет...
- Иван Иваныч покрутил ус, кашлянул, причмокнул губами и, придвинувшись к барышням, начал...
- «Извозчик!» — закричал я.
- «Где ты его взял?» — допрашивал чей-то бас.

Изображаемые автором звучания могут выполнять различные функции в тексте: чаще всего информирующую, аттрактивную, экспрессивную и эстетическую.

Так, в нижеприведенном отрывке из чеховского рассказа рассказчик сообщает слушателям информацию об отсутствии каких-либо звучаний – «не услышал ни одного живого звука» (информирующая функция). Далее в тексте используется метафора, иллюстрирующая звуки, производимые калошами – «начали жалобно всхлипывать». Рассказчик уподобляет калоши живым существам, которые страдают от дождя и холода, при этом сохраняя достоверность звучания (экспрессивная функция):

- Шёл я с Мещанской на Пресню – дистанция для выпившего

почтенная... Пробираясь по тёмным и узким переулкам, я не встретил ни одной живой души, не услышал ни одного живого звука. Боясь набрать в калоши, я сначала шёл по тротуару, потом же, когда, несмотря на предосторожности, мои калоши начали жалобно всхлипывать, я свернул на дорогу: тут меньше шансов наткнуться на тумбу или свалиться в канаву...

Для создания звукового ландшафта произведения используются самые разнообразные звукоизобразительные средства: звукоподражательная и звукодекриптивная лексика, аллитерация и ассонанс, графические средства (курсив, заглавные буквы) и др.

Например, в следующем отрывке Чехов использует для создания атмосферы ненастной зимней ночи и ономотопы (выл, стонал, визжал, всхлипывала), и звукодекриптивные элементы (выводил ужасные нотки; точно в оркестре природы дирижировала сама ведьма), и аллитерацию (всхлипывала слякоть):

- Холодный и резкий ветер выводил ужасные нотки; он выл, плакал, стонал, визжал, точно в оркестре природы дирижировала сама ведьма. Под ногами жалобно всхлипывала слякоть...

Для художественного текста более характерны не единичные звукоизобразительные элементы, а их скопления – т.н. агломераты звукоизобразительных единиц. Они служат для создания комплексной звуковой картины, данной в восприятии героя. Вот пример такого агломерата в рассказе «Ночь на кладбище»:

- Но, пока наступило утро, мне пришлось пережить один невыразимый и не поддающийся описанию ужас. Сидя на плите и слушая вой обитателя могилы, я вдруг услышал новые шаги... Кто-то, тяжело и мерно ступая, шёл прямо на меня... Поравнявшись со мной, новый выходец из могилы вздохнул, и минуту спустя холодная, костлявая рука тяжело опустилась на моё плечо... Я потерял сознание.

Звуковая составляющая имеет немалое значение для данного рассказа, что подтверждается и тем фактом, что среди первых 10 слов (лемм) в рейтинге частотности, полученном с помощью программы статистической обработки текста AntConc [4], два слова относятся к звукоизобразительной лексике: «вить» (1 место, частотность 8) и «услышать» (9 место, частотность 5).

Выявив в рассказе все звукоизобразительные элементы, мы построили диаграмму их распределения в тексте, схематически отобразив таким образом количественную составляющую общего звукового ландшафта произведения (см. Рис. 1).

Как можно видеть из диаграммы, наибольшая концентрация звукоизобразительной лексики приходится на завязку и кульминацию рассказа. В первом случае звукоподражательные и звукодекриптивные средства

используются, как уже упоминалось выше, для создания атмосферы ненастной ночи, когда путник невольно испытывает безотчетный страх перед силами тьмы. Во втором случае автор еще больше сгущает краски: герой рассказа слышит загадочные и пугающие его звуки: сначала тихие шаги в темноте, потом вой – «ужасный, могильный, тянущий за душу».

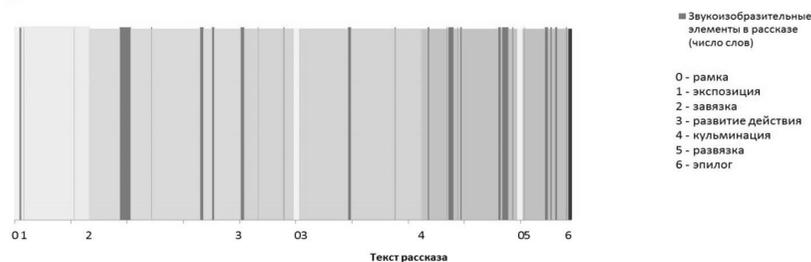

Рис. 1. Распределение звукоизобразительных элементов в тексте рассказа «Ночь на кладбище»

Как показали наши предыдущие исследования [1], ключевыми элементами всего арсенала звукоизобразительных средств, используемых в тексте, являются слова «звук», «шум» и «голос». По нашему мнению, их можно рассматривать как своего рода маркеры звукоизображения, т.к. они чаще всего применяются для указания на то или иное звучание, т.е. вводят акустическую информацию в текст. Подобными маркерами, но указывающими на прямую или косвенную речь, могут служить также глаголы говорения «сказать» и «говорить», однако здесь все не так однозначно, т.к. они не всегда связаны именно со звучащей речью. Используя набор маркеров (ключевых слов) `услыш*|слыш*|сказа*|звук*|звуч*|голос*|слуш*|шум*`, с помощью онлайн-сервиса для статистической обработки текста Voyant Tools [8] мы получили следующий график количественного распределения компонентов звукового ландшафта рассказа «Ночь на кладбище» (Рис. 2).

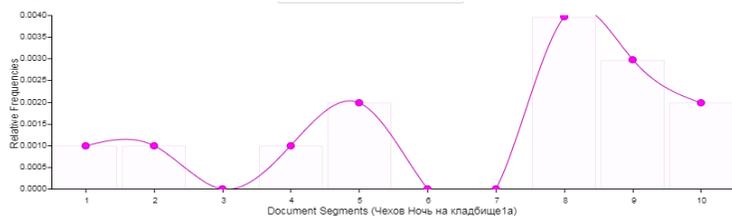

Рис. 2. Распределение звукоизобразительных маркеров в тексте рассказа «Ночь на кладбище»

Данный график в значительной степени коррелирует с диаграммой на Рис.1, построенной на основе сплошной выборки всех звукоизобразительных элементов текста.

Сравним график на рисунке 2 с графиком распределения звукоподражательной и звукодекриптивной лексики (Рис. 3), построенным в сервисе Voyant Tools с использованием полного набора звукоизобразительных элементов, встречающихся в рассказе (выть| вой| услышать| слышать| сказать| бас| вздохнуть| всхлипать| звук| плакать| стонать| тихий| визжать| выводить| голос| дуть| закричать| заплакать| кашлянуть| крикнуть| причмокнуть| слушать| слуша| хлестал| шлёпать). Мы видим, что два графика схожи между собой, хотя полного совпадения при этом не наблюдается.

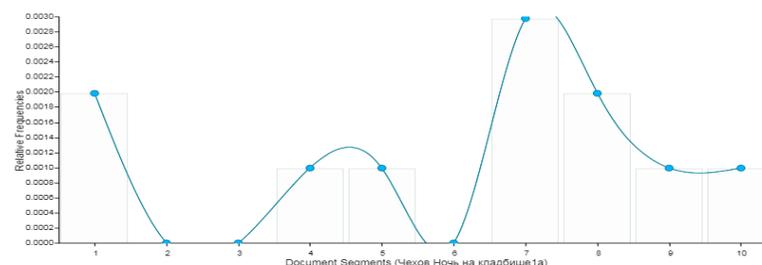

Рис. 3. Распределение звукоподражательной и звукодекриптивной лексики в тексте рассказа «Ночь на кладбище»

Таким образом, перечисленные выше маркеры звукоизображения могут использоваться для получения первичного, упрощенного представления о структуре звукового ландшафта произведения. Более детальная картина требует тонкой настройки с использованием большего числа звукоизобразительных компонентов. Вопрос, как получить детализированную схему звукового ландшафта произведения большого объема – например, романа, – на данный момент остается открытым.

Литература

1. Горихова Л.А. Использование возможностей сетевого анализа в исследовании звукоизобразительной лексики // Университетские чтения – 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – 2019. – С. 56-62.
2. Звуковой ландшафт. Что такое sound studies и как они помогают понять город // Электронный ресурс: <https://iq.hse.ru/news/227703157.html>. (Дата посещения 21.03.2021).

3. Чехов А.П. Ночь на кладбище // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том 4. Рассказы, юморески 1885-1886. – М.: Наука, 1976. – С. 293-296.
4. Anthony L. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. – Tokyo: Waseda University. – <https://www.laurenceanthony.net/software>. (Дата посещения 21.03.2021).
5. Calanchi A. Searching for Sounds in U.S. Literature: a Multisensorial, Multidisciplinary Project. – European Scientific Journal February. – 2015. – Vol.3. – <https://ejournal.org/index.php/esj/article/view/5202/5000> (Дата посещения 21.03.2021).
6. Eram C. In Search of Lost Soundscapes. – <https://arcade.stanford.edu/blogs/search-lost-soundscapes>. (Дата посещения 21.03.2021).
7. Schafer R.M. Ear Cleaning. Notes for an Experimental Music Course. – Toronto: Clark & Cruickshank, 1967. – 46 p.
8. Sinclair S., Rockwell G. Voyant Tools. – 2021. – <http://voyant-tools.org>. (Дата посещения 21.03.2021).
9. Soundscapes of the Kehä Vihreä Urban Park / Scientific Figure on ResearchGate. – https://www.researchgate.net/figure/Definitions-of-soundscapes-in-the-literature_fig3_324168186. (Дата посещения 21.03.2021).
10. Stanev M. On Record: Soundscapes as Metaphor and Physical Manifestation of Memory in Early Holocaust Novels and Contemporary Criticism // FIU Electronic Theses and Dissertations. 1907. – 2015. – <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/1907>. (Дата посещения 21.03.2021).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА Н.Н. УШАКОВА ПОВЕСТИ
М. КОЦЮБИНСКОГО «ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ»

*Ж.В. Грачева (Воронежский государственный университет)
П.О. Самсонов (Сайт «Православиум»)*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу текстов повести М. Коцюбинского «Тени забытых предков», написанной на украинском языке, и ее перевода на русский язык, сделанного Н. Н. Ушаковым.

Ключевые слова: перевод, М. Коцюбинский, Н. Н. Ушаков, украинский язык, русский язык.

PARTICULAR QUALITIES OF THE N.N. USHAKOV'S TRANSLATION
OF THE M. KOTSYUBINSKY'S STORY "SHADOWS OF FORGOTTEN
ANCESTORS"

*J.V. Gracheva (Voronezh State University)
P.O. Samsonov (Website "Pravoslavium")*

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the texts of M. Kotsyubinsky's novel "Shadows of Forgotten Ancestors", written in Ukrainian, and its translation into Russian, made by N.N. Ushakov.

Keywords: translation, M. Kotsyubinsky, N.N. Ushakov, Ukrainian, Russian.

«Тени забытых предков» – повесть украинского писателя-импрессиониста и модерниста Михаила Коцюбинского – одного из выдающихся украинских прозаиков начала XX века. Она была напечатана в 1911 году, после проживания автора на Гуцульщине – регионе юго-западной части Украинских Карпат. Это горные районы на территории Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей.

В основе повести – распространенный сюжет о влюбленных из враждующих семей. Произведение рассказывает о трагической любви Ивана и Марички из родов Палийчуков и Гутенюков. В повести детально описана жизнь гуцулов, природа Карпат, которые восхитили автора во время его проживания в селе Криворивня. Тонкое знание жизни гуцулов позволило М. Коцюбинскому передать гармоничное соединение христианства и язычества: он увидел, что гуцулы посещают храмы, отмечают христианские праздники, но верят в мистических обитателей гор, видят божественное в природе, а каждое важное дело сопровождают ритуальными языческими действиями.

Автор долго искал название повести. Известны такие черновые варианты, как «В зелёных горах», «Тени прошлого», «Голоса предвечные», «Дыхание веков», «Наследие веков», «Голос забытых предков», «По следам предков», «Сила забытых предков».

В 1964 году повесть была экранизирована классиком советского и армянского кинематографа Сергеем Параджановым. Фильм снимали в Карпатах, в местах проживания гуцулов.

Единственным переводчиком повести Михаила Коцюбинского «Тени забытых предков» на русский язык стал Николай Николаевич Ушаков (1899-1973). Он с золотой медалью закончил гимназию в Киеве, затем – юридический факультет. В молодости будущий переводчик подрабатывал газетным кинорецензентом, пробовал писать сценарии, а также фельетоны в стихотворной форме, а в 1923 году в газете «Пролетарская правда» впервые было опубликовано его стихотворение «Россия». Уже в 1924 году, будучи ещё совсем молодым, Н.Н. Ушаков занимался чтением лекций по поэтике в художественной студии. Позднее он возглавил литературное объединение в Киевском Доме печати. Некоторое время был членом группы молодых поэтов «Майна», но затем причислял себя к конструктивистам.

Н.Н. Ушаков занимался переводом стихотворений, в том числе произведений немецкого поэта Г. Гейне, австрийца Н. Ленау, узбекского поэта М.А. Мукими, осетинского поэта К. Хетагурова, а также казахских, монгольских, лезгинских, еврейских, венгерских, армянских поэтов. Н.Н. Ушаков внес свой вклад в украинскую культуру: «он был учителем некоторых украинских поэтов, занимался переводом с украинского стихов и прозы, осуществлял редактирование чужих переводов украинских классиков, в том числе Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского, П. Тычины» [1].

В повести «Тени забытых предков» Н.Н. Ушаков стремится максимально сохранить стиль М. Коцюбинского, крайне бережно относится к его тексту, стремясь вносить как можно меньше языковых трансформаций. Так, он широко использует гуцульскую лексику. В примечаниях М. Коцюбинский поместил список из 29 гуцульских слов с объяснением их значения. Большую часть их он оставил неизменными, сохранив авторские примечания. Например,

а) гачи – штаны: «*Йойкнула челядь, кинулась одтягати, а вже людина з лицем червоним, як його гачі, тяла барткою ворога в голову, і похитнувся Іванів тато, як підтята смерека*» [2]*; перевод: «*Охнули женщины, кинулись растаскивать, но человек с лицом, таким же красным, как его гачи, уже бил врага по голове, и зашатался Иванов отец, как подрубленная пихта.*» [3];

* Здесь и далее используется текст: Коцюбинський М. М. Тіні забутих предків / М. М. Коцюбинський. – Киев: Відкрита книга, 2011. – 109 с. [2].

б) грунь – вершина горы: «*Одного разу він покинув свої корови і подряпався на самий грунь (верх)*»; перевод: «*Однажды он оставил своих коров и забрался на самый грунь (вершину)*»;

в) вичера – гора, вся, кроме вершины, покрытая лесом: «*Не знати, чи то вічний шум Черемошу і скарги гірських потоків, що сповняли самотню хату на високій кичері, чи сум чорних смерекових лісів лякав дитину, тільки Іван все плавав, кричав по ночах, погано ріс і дивився на нею таким глибоким, старече розумним зором, що мати в тривозі одвертала од нього очі*»; перевод: «*Кто знает, вечный ли шум Черемоша и жалобы горных потоков, наполнявших одинокую хату на высокой кичере, или печаль черных пихтовых лесов пугали дитя, только Иван все плакал, кричал по ночам, плохо рос и глядел на мать таким глубоким старчески умным взором, что она в тревоге отводила от него глаза*»;

в) ботей – отара: «*Поглядаючи на овечки, що бляли в загородах, на свій писаний ботей (стадо, отара), на корови, що дзвонили та рули по випасах в лісі, – він не журився*»; перевод: «*Поглядывая на овечек, блявших в загородках, на свой пестрый ботей (стадо), на коров, звеневших по лесным лужайкам, он не горевал*»;

з) вуйко – медведь: «*Вниз западалися потоки, куди не ступала людська нога, де плакався тільки бурий ведмідь, страшний ворог маржини – вуйко*»; перевод: «*Склоны гор уходили в глубокие черные чащи, где рождались холодные потоки, куда не ступала человеческая нога, где нежился только бурый медведь – страшный враг скота – вуйко*»;

д) маржина – скот: «*Всякі злі духи заповнюють скелі, провалля, хати й загороди та чигають на християнина або маржину, щоб зробити їм шкоду*»; перевод: «*Всекие злые духи населяют скалы, леса, ущелья, хаты и огороды и подстерегают христианина или маржину, чтобы причинить им вред*».

Но 7 диалектизмов Н.Н. Ушаков всё-таки перевел на русский язык. Так, слово «гаджуги» заменил на «пихты». «Афины», по М. Коцюбинскому, – это «лесные ягоды», переводчик назвал их «черникой». Слово «суточки» заменил словосочетанием «огороженные горные тропинки»; «челядь» – «женщины». Последний вариант использовал и Н.Н. Ушаков.

Также в русском издании повести к авторским примечаниям были добавлены заметки литературоведа и переводчика Александра Дейча, который является составителем издания. Он указывает, в частности, что слова «нявки» и «мавки» называют лесных русалок, коварно завлекающих людей в чащу леса.

Анализируя переводческие соответствия, следует остановиться на сохранении украинского текста в русском переводе. Без изменения переводчик оставляет лирические песни, чтобы познакомить читателя с фольклорной культурой гуцульщины. Такие фрагменты позволяют передать этнический колорит, мелодичность украинского языка, тонкость поэтического восприятия мира. Подобный приём возможен лишь в том случае, если языки являются близко родственными, в этом случае основной смысл текста понятен будет понятен читателю.

*Ізгадай мні, мій миленький,
Два рази на днину,
А я тебе ізгадаю
Сім раз на годину»*

*«Співаночки мої милі,
Де я вас подію?
Хіба я вас, співаночки,
Горами посію, –*

*Гой ви мете, співаночки,
Горами співати,
Я си буду, молоденька,
Сльозами вмивати»*

*«Ой, як буде добра доля,
Я вас позбираю,
А як буде лиха доля,
Я вас занехаю...»*

*«Ой як будуть вівчарики
Білі вівці пасти,
Будуть мої співаночки
За кресаню класти...»*

*«Питається у баранця Круторіжска вівця,
Ци ти вробиш, баранчику,
Зеленого сінця?
Не знаєш ты, круторіжско,
Яка буде зима,
Ци ти вийдеш, ци не вийдеш
З полонинки жива...»*

*«Чорногора хліб не родить,
Не родить пшееницю,
Викохує вівчариків,
Сирок і жентицю...»*

В неизменном виде сохраняет Н.Н. Ушаков имена собственные: *антропонимы*: Иван, Иванко, Маричка, Палагна, Олекса; *зоонимы*: Жовтаня, Голубаня; *топонимы*: Черемош, Черногора, Игрец, Менчил. Практически все названия мифологических существ также переданы без перевода в русской графической системе: аридник (злой дух), чугайстир (леший).

В ряде случаев буквальный перевод, заключающийся в «пословном воспроизведении исходного текста в единицах переводящего языка, по возможности, сохранении даже порядка следования элементов» [4], используется при переводе тропов, среди которых:

- эпитеты:

а) *синє дихання чорних лісів* (синее дыхание черных лесов), *ясна зелень* (ясная зелень): «Звідси дивився на гори, близькі й далекі верхи, що голубили на небі, на смерекові чорні ліси з їх синім диханням, на ясну зелень царинок...»; перевод: «Оттуда смотрел на горы, на ближние и дальние вершины, голубевшие в небе, на черные пихтовые леса с их синим дыханием, на ясную зелень царинок...»;

б) *зелений дух, зелений сміх* (зелёный дух, зелёный смех): «Зеленим духом дихнули смереки, зеленим сміхом засміялися трави»; перевод: «Зеленым духом дохнули пихты, зеленым смехом засмеялись травы».

в) *плакучі трави* (плакучие травы): «Довгі плакучі трави крили тепер боки гори...»; перевод: «Длинные плакучие травы покрывали склоны...»;

г) *кучерявий Черемош* (Кучерявый Черемош (река))

«...а в долині кучерявий Черемош сердито поблискував сивиною та світлив попід скелі недобрим зеленим вогнем»; перевод: «...а в долине кудрявый Черемош сердито поблескивал сединой и мерцал под скалою недобрим зеленым огнем»;

- сравнения:

а) Черемош *простягся, як срібна нитка* (Черемош (река) *протянулся, как серебряная нить*): Черемош *простягся в долині, як срібна нитка, і шум його сюди не доходив*; перевод: «Черемош серебряной нитью протянулся в долине, и шум его сюда не доходил» (используется творительный сравнения);

б) вітер, *гострий, як наточена бартка* (Ветер, *острый, как наточенный топор*): «Вітер, *гострий, як наточена бартка, бив йому в груди...*»; перевод: «Ветер, *острый, как наточенный топор*, бил ему в грудь...»;

в) *дзвінки обзивались, як далеке зітхання* (Колокольчики отзывались, словно далёкие вздохи): «...дзвінки корів обзивались, як далеке зітхання...»; перевод: «...колокольчики коров казались далекими вздохами...»;

- **метафоры:**

а) *кров гір* (кровь гор): «А долом Черемош мчить, жене зелену *кров гір*, неспокійну й шумливу»; перевод: «А внизу Черемош мчится, гонит зеленую *кровь гор*, тревожную и шумную»;

б) *море гір* (море гор): «Блакитне небо замазалося сірим, море гір потемніло, полонина погасла, і отара овець повзе по ній, як сірий лишай»; перевод: «Голубое небо измазано серым, море гор потемнело, поляна погасла, и отара ползет по ней, как серый лишай»;

в) *позолочена сонцем вода* (позолоченная солнцем вода): «Теплі і ніжні, вони ховали у собі *позолочену сонцем воду* літніх дощів, м'яко вгинались і обіймали ногу...»; перевод: «Теплые и нежные, они таили в себе *позолоченную солнцем воду* летних дождей, мягко уходили под ногой и обнимали ее...».

В некоторых случаях в тексте **диалектизмы** заменяются русскими литературными общеупотребительными словами и выражениями, например:

а) *бартка* – топорик: «Вітер *гострий як наточена бартка*, бив йому в груди, його дихання в одно зливалось із диханням гір, і гордість обняла Іванову душу»; перевод: «Ветер, *острый, как наточенный топор*, бил ему в грудь, дыханье Ивана сливалось с дыханьем гор, и гордость обняла его душу».

б) *дзёбня* – гуцульская шерстяная сумка: «Іван теж дістав нову кресаню і довгу *дзёбню*, що біла його по ногах»; перевод: «Иван тоже получал кресаню и *большую сумку*, бившую его по ногам».

в) *кашиця* – деревянная или каменная плотина по берегам горной реки для защиты берегов от размывания: «Мусило ж *прибитись десь до кашиці*, десь люди мали його спіймати»; перевод: «Должно же было *прибить его где-нибудь к деревянной обшивке берегов*, где-нибудь должны были выловить люди»;

г) *вориння* – срубленный тонкий длинный ствол дерева или одна четверть расколотого ствола, используется для ограждения; шест: «Нечутно *ступают пастухи в постолах*, котиться м'яко вовниста хвиля по полонині, а вітер почина *грати на далеком воринні*»; перевод: «Неслышно *ступают пастухи в постолах*, мягко катится шерстяная волна по луку, а ветер начинает *играть на далекой изгороди*»;

д) *загорода* – огражденный участок в хозяйстве, в поле для летнего содержания или ночевки домашних животных и птиц: «А коли і їх вже не стало, на *засмучену полонину приволілась мара та й нипа по стаї й загородах*, чи не лишилось чого для неї». Перевод: «А когда и их уже не стало, на *опечаленное пастбище приволоклась всяческая нечисть и шарит в шалаше и в загородах* — не осталось ли чего-нибудь для нее».

е) *курбалю* – глубокое место в реке: «Вони робили собі *курбалю* у потоці, глибоке місце, і, роздягшись – бовтались в ній, як двоє лісних звірят, що не знають, що таке сором»; перевод: «Они разгребали камни в потоке, чтобы *было глубже*, и, раздевшись, болтались в нем, как два лесных звереныша, не знавших, что такое стыд».

ж) *заплітки* – лента или пучок скрученных цветных нитей, которые служили для плетения в конец косы, чтобы завязать ее и не дать расплетаться: «Марічка теж вже ходила в *заплітках*, а се значить мало, що вона вже готова й віддатись». Перевод: «Маричка тоже уже ходила с *заплетенными косичками*, а это означало, что она готовилась стать невестой»;

з) *заринок* – пологий берег реки, покрытый галькой: «Його вже витягли на *заринок*, але він не пізнав в ньому Марічки»; перевод: «Его уже *вытащили на прибрежную гальку*, но Иван не узнал Марички».

В переводе Н.Н. Ушакова имеет место также семантический перевод с трансформациями. Семантический перевод – «более полная подача контекстуального значения элементов исходного текста в единицах переводящего языка. Происходит взаимодействие двух стратегий. Первая стратегия ориентирована на «способ выражения, принятый в переводящем языке, т.е. она применяется к общеупотребительным лексико-грамматическим элементам исходного текста, таким как стандартные синтаксические структуры, пунктуация, длина предложений, типичные метафоры, союзы, синтаксические обороты, морфологические структуры, общекультурные и научно-популярные термины» [5]. Вторая стратегия ориентирована на «сохранение особенностей исходной формы выражения. Она применяется при переводе нестандартных, авторских оборотов, оригинальных стилистических приемов, необычной лексики и т.п. В таких случаях семантический перевод ориентируется на специфику исходного знака и сохраняет в переводе как можно больше его особенностей» [5].

В повести «Тени забытых предков» семантический перевод с трансформациями имеет место в случае перевода фразеологических выражений. Например:

1) *«Ізі на тебе!»*: «Тоді *мати виймала люльку з зубів і, замахнувшись на нього, лютю гукала*».

— *Гі на тебе! Ти, обмініннику. Щез би у озеро та в тріски!..*»; буквальный перевод: «Чтоб тебя!»; перевод Н.Н. Ушакова: ««Мать тогда вынимала трубку изо рта и, замахнувшись на ребенка, сердито кричала:

— *Чтоб тебе ни дна ни покрывки!* Подмененный! Пропади ты пропадом, исчезни с глаз моих!»;

1) *«Щез би в озері та в тріски!»*; буквальный перевод: «Исчез бы в озере и в трясине!»; перевод Н.Н. Ушакова: «Пропади ты пропадом, исчезни с глаз моих!»;

2) *«Шляг би ті трафив!»*: «*А ти куди?.. Шляг би ті трафив! Бир-бир!.. Мурко!.. Але Мурко вже навертає*»; буквальный перевод: «Потеряй путь!»; перевод Н. Ушакова: «*А ты куда? Чтоб тебе лопнуть! Быр-быр!.. Мурка!.. Но Мурка уже бросилась вперед*»

3) *«Сіль тобі в оці!»*: «*Траплялось, що і Іван звертався до нього, але за кожним разом, стрічаючи погляд чорних пекучих очей моль-фара, спльовував непомітно: "Сіль тобі в оці!.."*»; буквальный перевод: «Соль тебе в глаза!»; перевод Н. Ушакова: «*Случалось, что и Иван обращался к нему, но каждый раз, встречая взгляд черных, обжигających глаз знахаря, сплевывал незаметно: «Чтоб тебе ослепнуть!»*»

4) *«Аби так здоров був!»*: «*Став я й дивлюся, а воно по царинці, через воринне та й просто в Химині двері... Аби так здоров був!.. Якби був догадався та зняв свої гачі, може б, ними відьму їмив, а так пропало...*»; буквальный перевод: «Чтоб ты здоров был!»; перевод Н. Ушакова: «*Здорово живешь!»*: «*Остановился и гляжу, а оно по царынке через изгородь да прямо в Химины двери... Здорово живешь!.. Догадался бы — снял с себя штаны, может, ведьму и поймал бы, а так ничего не вышло...*».

Как видим, семантический перевод затрагивает фразеологические выражения, перевод которых осуществляется на основе поиска речевых соответствий как с семантической, так и с эмоциональной точки зрения.

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что переводчик Н.Н. Ушаков стремится к сохранению самобытности языка автора, сохранению образной структуры и стилистических особенностей текста, отдавая предпочтение тем языковым средствам, которые позволяют сохранить неповторимость авторского стиля. Н.Н. Ушаков стремится выбрать тип перевода в зависимости от характера текста и коммуникативных задач автора, помня, что буквальный перевод не всегда целесообразен, обращает внимание на тонкие семантические различия слов, словосочетаний и предложений; учитывает коммуникативные задачи, решаемые автором исходного текста.

Литература

1. Ушаков Николай Николаевич. Биография: [сайт]. – Электронный ресурс: <http://romnipro.ru/memopage23318/biography>. (Дата посещения: 14.03.2021). – Текст: электронный.
2. *Коцюбинський М.М.* Тіні забутих предків. – Киев: Відкрита книга, 2011. – 109 с.
3. *Коцюбинский М.М.* Фата моргана (Fata morgana). Рассказы, новеллы, повести. – Москва: Правда, 1987. – 656 с.
4. Переводчик Николай Ушаков: [сайт]. – Электронный ресурс: <http://www.ruthenia.ru/moskva/encycl/u/ushkov.htm>. (Дата посещения: 18.03.2021).
5. Способы перевода. Виды эквивалентности: [сайт]. – Электронный ресурс: <http://teoria-perevoda-likhovid.narod.ru/index/0-3>. (Дата посещения: 18.03.2021).

«ОСЕНЬ» А.С. ПУШКИНА КАК РИТОРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Е.В. Погадай (Ростовский государственный экономический университет)

Аннотация. В статье стихотворение А.С. Пушкина «Осень» рассматривается с позиции риторического подхода, отыскиваются точки соприкосновения между предполагаемым «романтизмом» пушкинской поэтики и риторическими формами ее воплощения, пушкинский текст сопоставляется с положениями учебника «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского. Это сопоставление позволяет сделать вывод о возможностях риторического анализа поэтического текста, но и продемонстрировать взаимодействие установок жанра «отрывка» с риторической основой текста.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, риторика, Н.Ф. Кошанский, жанр отрывка, поэтика, романтизм, классицизм, топика, композиция.

"AUTUMN" A.S. PUSHKIN AS A RHETORICAL WORK

E.V. Pogaday (Rostov State University of Economics)

Abstract. The article explores the poem by A.S. Pushkin "Autumn" from the position of a rhetorical approach. Points of contact are found between the alleged "romanticism" of Pushkin's poetics and the rhetorical forms of its embodiment. Pushkin's text is compared with the provisions of the textbook "General Rhetoric" by N.F. Koshansky. This comparison allows us to draw a conclusion about the possibilities of a rhetorical analysis of the text.

Keywords: A.S. Pushkin, rhetoric, N.F. Koshansky, genre of excerpt, poetics, romanticism, classicism, topic, composition.

На протяжении долгого времени в литературоведении и в истории литературы считалось, что поэзия пушкинского времени (и шире – романтическая поэзия в целом) – явление глубоко чуждое риторическим предписаниям. Так, А.П. Рогачевский в монографии, посвященной риторическим основам поэтики Пушкина, говорит о подобных представлениях (несовместимости романтической «индивидуалистской» поэтики и риторических предписаний) как об общем месте [8: 1]. Н.И. Михайлова в книге «Витийства грозный дар» пишет о «проблеме соотношения творчества Пушкина с теорией и практикой ораторского искусства его времени» как о «неизученной» [5: 4].

Вопрос о взаимодействии риторического начала и романтических установок авторов первой половины XIX века, тем не менее, не кажется праздным, т.к. «Аристотелевы правила», очевидно, не могли быть отвергнуты бесследно и безболезненно. Л.Я. Гинзбург подчеркивала разность романтической и традиционно-риторической поэтических систем, заключающуюся в принципе отбора форм выражения: заранее заданные формы предполагала традиционалистская поэтика, в то время как романтическая поэтическая система была настроена на поиск новых, еще не известных и не описанных форм [2: 15]. Взгляд на романтическую поэтику как на особую новую художественную систему, «освобождающую» лирического субъекта (Творца) от требований стиля, жанра, композиции и других, более частных «требований», ни в коем случае не оспаривается в настоящей работе. Однако, как нам кажется, существует необходимость в разграничении сфер влияния «поэтики» и «риторики», которые, очевидным образом, смешиваются в приводимых выше суждениях. Существуют исторические предпосылки для подобного неразличения, о которых писал В.В. Виноградов. Описывая «Риторику» начала XIX века (в частности, «Риторику» А.Г. Глаголева и И.С. Рижского), ученый подчеркивает принципиальное для авторов разделение словесности на «естественную» прозу и поэзию, «чрезмерно живо поражающую красотами слова». Для учебников риторики более поздних (1820-1830 гг.) характерна, по замечанию В.В. Виноградова, тенденция к постепенному «скрещиванию» поэтических и прозаических форм в «риториках», появляющихся в 1820-30-х гг. [1: 78] Именно эта тенденция в рамках настоящей работы выступает как формальное «разрешение» на применение риторической оптики к поэтическому тексту. В «Общей риторике» Н.Ф. Кошанского проблемы взаимодействия риторики и поэтики сформулированы следующим образом: «Прозу противопоставляют стихам, но забывают, что древние противопоставляли стихам не прозу, которой не знали, а периоды, и что в Средние века – когда узнали прозу – противопоставляли ее не только стихам, но и периодам. Должно отличать прозу безискусственную (безграмотную) от изящной. Безграмотная не знает никакого искусства, изящная употребляет все усилия, чтобы казаться безискусственной. – Обе согласны в том, что ни та, ни другая не употребляют ни стихов, ни периодов, но первая потому, что их не знает, вторая – потому, что хочет от них отличаться. Первая не умеет писать, вторая пишет новым способом между стихами и периодами. Первая редко нравится, вторая пленяет нас и часто восхищает как поэзия» [3: 65]. По мысли Н.Ф. Кошанского стихи и проза (и соответственно, поэтика и риторика) не могут быть однозначно противопоставлены, т.к. между

ними находится еще один, едва ли не важнейший, риторический способ высказывания – период.

Сложный комплекс вопросов, связанный с одной стороны с взаимодействием «романтической» и «рационалистической» систем координат в литературе, а с другой – разграничение собственно риторических установок и правил, сформулированных в классицистических «поэтиках», очевидно, требует разрешения. Первыми попытками преодолеть сопротивление «общего места» («романтизм и риторика – "две вещи несовместные"») стали упомянутые выше работы А.П. Рогачевского, Н.И. Михайловой, а также Н.Н. Петруниной, С.В. Шервинского и др. Так, в работе Н.И. Михайловой представлен подробный анализ риторического «ареала», в котором находился Пушкин: «С какими произведениями ораторских жанров мог познакомиться Пушкин-лицеист, читая газеты и журналы 1812-1814 годов? Это были манифесты, воззвания, приказы, рескрипты, речи, проповеди, пастырские наставления – причем им отводилось в газетах и журналах значительное место...» [5: 27] Здесь очевидно, что ораторское искусство понимается равнозначным «витийству» и, соответственно, автор исследования сосредоточен на анализе жанров, отчетливо вписывающихся в традиции «витийства» («Вольность» 1817, «Деревня» 1819, «Кинжал» 1821 и др.). Другой полнос пушкинской лирики, демонстрирующий связь с риторической традицией, – пародийный (эпиграммы, «ода», посвященная Хвостову, арзамасская речь и др.). И если в первом случае – «витийства» – риторическая «пафосная» основа «вшивалась» в поэтическое произведение, то во втором случае – «пародии» эта основа служила предметом иронической рефлексии лирического субъекта. Характерно, что об «Оде графу Хвостову» Ю.Н. Тынянов пишет: «“Ода графу Хвостову” явилась полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на современного воскресителя старой оды Кюхельбекера и на защитника новой оды Рылеева. «Ода» в малом виде осуществляла проект Пушкина о *Revue des Bévues*» [9: 115]

Из положений, описанных выше, следует, как минимум, следующие вопросы: сводится ли «риторичность» Пушкина исключительно к пародийным или «витийственным» формам? Возможно ли вообще «риторическое» оформление жанра «романтического», предельно далёкого от собственно ораторских прозаических жанров? Можно ли смотреть на лирическое произведение, крайне далекое от привычных риторических форм «витийства» или пародии, сквозь призму риторического анализа?

В первом приближении кажется, что риторическая оптика не подходит для описания лирического текста, тем более, жанра «отрывка», к которому относится пушкинская «Осень». А.Е. Махов указывает на принципиальную

особенность романтического «отрывка» (в приведенной работе обозначения «фрагмент» и «отрывок» являются синонимичными): «фрагмент – не просто текст, у которого нет начала и конца. Это текст, который структурирован иначе, чем обычный текст. Он весь фрагментарен, он фрагментарен внутри себя. И здесь очень важна теоретическая работа романтиков над отменой традиционных представлений о связях, которые были в классической риторике.

Согласно Квинтилиану, хорошая речь – это речь, в которой все части связаны между собой так, чтобы стыки не просвечивали. У романтиков, наоборот, всё просвечивает, ничего не смыкается» [4: 2] С.А. Бойко утверждает, что жанр отрывка призван воспроизвести «в режиме реального времени» процесс создания текста, и установка на принципиальную незавершенности является одной из жанровых доминант отрывка [Бойко С.А. Лермонтовская энциклопедия: вчера и сегодня].

Жанр отрывка, принципиально аструктурный, в случае с «Осенью» все же имеет условные «начало» (в виде эпиграфа из «Жизни Званской» Г.Р. Державина) и «конец» (XII строфа и «черновое» окончание строфы).

Строфы со II по V представляют собой своеобразный апофазис (последовательное перечисление всех времен года и выбор одного из перечисленных). Сама отправная точка стихотворения – рассуждение о временах года – вполне согласуется с предписаниями «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского, согласно которым любое описание может начинаться обращением к самому предмету речи, местом, случайностью и временем (в т.ч. временем года) [3: 71].

В «Осени» фрагменты экфрастические (т.е. собственно «описания», если следовать терминологии Кошанского) попеременно чередуются с «повествованием», однако даже включение в описание «действий» (или картин по Кошанскому) вписано во вневременной идиллический топос благодаря использованию инфинитивов вместо личных глагольных форм, существительного «бег» вместо глагола-действия (такие замещения преобразуют «повествовательную» часть стихотворения в продолжение описательной, экфрастической: «<...> Как легкий бег саней с подругой быстр и волен// <...>...Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек! / Кататься нам в санях с Армидами младыми / Иль киснуть у печей за стеклами двойными» [7: 380].

У Кошанского к «способам изобретения мысли» относятся следующие источники: «Всякое предложение распространяется до известных только пределов, назначаемых умом и вкусом. – И вот способы к его распространению: первый род источников изобретения – а з б у к а р е т о р и к и. – Их десять. Первые три – синонимы, эпитеты и противные – служат к приисканию слов. Последние семь известных вопросов – к прибавлению выражений и кратких обстоятельств. Вот семь известных вопросов: кто? что? где? при чьей помощи?

для чего? каким образом? когда? – На вопрос кто? всегда отвечают подлежащим, на вопрос что? – всегда сказуемым, а на прочие вопросы приискиваются приличные, краткие ответы» [3: 43]. Пушкинский стих выбирает из первой категории эпитеты, с помощью которых определяется, «атрибутизируется» описываемая реальность: «<...> Последние листы с нагих своих ветвей; / Дохнул осенний хлад <...> // <...> И страждут озими от бешеной забавы, / И будит лай собак уснувшие дубравы // <...> Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек! / А зимних праздников блестящие тревоги?» [7: 380].

«Осенний хлад» в I строфе выступает элементом «формульным» (ср. у В.А. Жуковского: «<...>В осенний хлад и летний зной / Он с верным псом на ловле» или «И ветхий дом, где мы в осенний хлад / Святой союз любви торжествовали»), то в стихе из III строфы происходит метонимическое «перепутывание»: «блестящий» в поэтической традиции, скорее, должен относиться к «праздникам», а не к «тревогам» – в поэтической традиции того времени «праздник» требовал рядом с собой эпитета в форме согласованного или несогласованного определения (и часто это определение носило «метафоризирующий» характер: «шумный» праздник, «праздник юности», «праздник весны», «светлый праздник» и т.д.)

Если первой категории «источников изобретения мыслей» пушкинский текст вполне соответствует, то со второй категорией – средств распространения предложения – возникают весьма примечательные трансформации. Прежде всего, синтаксическое устройство «Осени» акцентирует внимание читателя на пропусках: нет требуемого риторическими установками распространения в «экфрастических» строфах, подлежащее изъято из «описательных» стихов, а действия переданы формами абсолютного настоящего времени глаголов.

Строфы V-VII представляют собой разворачивающееся сравнение, своеобразный антаподозис, начинающийся с сопоставления осени с «нелюбимым дитя» и «чахоточной девой», VI строфа начинается с объяснения причины (causa), по которым лирический субъект предпочитает осень остальным временам года: «<...>Как это объяснить? Мне нравится она, / Как, вероятно, вам чахоточная дева / Порою нравится...». Отметим здесь интересное пересечение, имеющееся между пушкинским образом «чахоточной девы» и строками из стихотворения А.И. Полежаева «Погребение» 1826 года: «Я знал ее – она, играя, / Цветок недавно мне дала, / И вдруг, бледнея, увядая, / Как цвет дареный, отцвела» [6: 104].

Композицию «Осени» можно изобразить как последовательный переход от описания через повествование к рассуждению: точка зрения лирического субъекта, перемещается с внешних границ описываемого в пределы воображенья: «То тлеет медленно – а я пред ним читаю / Иль думы долгие в

душе моей питаю <...> // И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем...» [7: 382]. В XI строфе предельно подробно описан процесс творчества: анадиплозис (повтор слова «перо») передает значимую последовательность действий, риторический прием здесь становится «графическим» отображением процесса пересечения границ внешнего и внутреннего мира стихотворения. Крайне важным представляется конец стихотворения, заканчивающийся (в соответствии с жанровыми установками «отрывка» апопсиопезисом – обрывом, резким приостановлением потока речи как раз в момент «пересечения границ». Однако в собрании сочинений Пушкина приводятся черновые строфы, встающие на место конечных пропусков в X и XII строфах, перечисляющие список «знакомцев», встающих перед взором поэта, и страны, в которые можно было бы «плыть» в воображаемом путешествии. Список «знакомцев», созданный по принципу амплификации – намеренного расширения поэтического текста, так же, как и список стран, включающие в ткань стихотворения хронописическую аксиологию, в итоге, в беловой рукописи стали лишними, возможно, в силу своей избыточной конкретности. Тем не менее сам факт существования этих черновых стихов укладывается во вполне традиционное композиционное членение поэтического высказывания.

Таким образом, можно утверждать, что «Осень», будучи произведением крайне далеким по установкам относительно классицистической лирики, демонстрирует многие значимые элементы риторического канона (причем на разных уровнях – топики, композиции и элокуции). Риторическая основа, как нам кажется, в данном случае является важнейшей составляющей поэтического мира стихотворения. Это, в свою очередь, дает основания предполагать, что «риторическая» оптика может применяться не только по отношению к текстам, заведомо «риторическим», *a priori* имеющим риторический потенциал, но и к текстам, на первый взгляд, явно далеким от риторических установок.

Литература

1. Виноградов В.В. О художественной прозе. – М.; Л.: Наука, 1930. – 186 с.
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
3. Кошанский Н.Ф. Риторика. – Электронный ресурс: https://www.pushkin.institute/shkola_russkogo_slova/Koshanskiy.pdf. (Дата посещения: 30.04.2021).
4. «Фрагмент и цикл» / Материалы круглого стола в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН) // Культурологический журнал. – 2014. – №1 (15). – Электронный ресурс: http://cr-journal.ru/files/file/04_2014_14_51_02_1397559062.pdf. (Дата посещения: 30.04.2021).

5. Михайлова Н.И. Витийства грозный дар. – М.: Русский путь, 1999. – 416 с.
 6. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. – М.: Сов. писатель, 1987. – 584 с.
 7. Пушкин А.С. Стихотворения 1823-1836 // Собрание сочинений в 10 томах. – М.: ГИХЛ, 1959-1962. – Том 2. – 799 с.
 8. Рогачевский А.П. Риторические традиции в творчестве А.С. Пушкина. – М.: Пушкинский кабинет ИРЛИ, 1994. – 174 с.
 9. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. – С. 23-121.

МИФЫ И МОТИВЫ МОСКОВСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

П.Е. Белова (Высшая школа экономики – НИ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию московского текста и особенностям его мифотектоники на материале литературных произведений и бытовых текстов XXI века о Москве, содержащих лингвокультурные представления о российской столице. В статье называются мифы и мотивы, содержащиеся в московском тексте русской литературы XVIII-XIX веков, указываются компоненты, привнесённые в него литературой XX века (Москва – град Божий, новый Иерусалим, новый Вавилон), и представляются мифы и мотивы новейшего московского текста. В XXI веке отмечается сохранение традиций в изображении Москвы как сердца России, третьего Рима и города-матери, но происходит отказ от некоторых мифологем, возникают новые мифы и мотивы: Москва предстант другим городом, городом-магнитом, пространством карьеры, успеха и финансового благополучия.

Ключевые слова: городской текст, московский текст, мифологема, мотив, свертхтекст, лингвокультурология, русская литература.

MYTHS AND MOTIFS OF THE MOSCOW TEXT IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE OF THE XXIST CENTURY

P.E. Belova (High School of Economics – NN)

Abstract. The article is devoted to the study of the Moscow text and the peculiarities of its mythotectonics on the material of literary works and everyday texts of the XXIst century about Moscow, containing linguistic and cultural ideas about the Russian capital. The article names the myths and motifs contained in the Moscow text of Russian literature of the XVIII-XIXth centuries, specifies the components introduced into it in the literature of the XXth century (Moscow – the City of God, new Jerusalem, new Babylon), and presents the myths and motifs of the latest Moscow text. In the XXIst century, the preservation of traditions in the image of Moscow as the heart of Russia, the third Rome and the mother city is noted, but there is a rejection of some myths and the emergence of new myths and motifs: Moscow appears as a different city, a magnet city, a space for career, success and financial well-being.

Keywords: urban text, Moscow text, mythologeme, motif, super-text, linguoculturology, Russian literature.

В русле современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике всё большее внимание уделяется изучению локальных, или городских, текстов и сверхтекстов, а также исследованию глубинных основ их существования. Город как социально-культурное образование рассматривается, «с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов» [1: 65]. Само понятие «городской текст» было введено в научный оборот В.Н. Топоровым в 1973 г.

В исследовании городских текстов важное место занимают тексты, организующиеся вокруг образа большого, имеющего богатую историю города. В их число, бесспорно, входит и московский текст, который включает в себя изображение столицы в литературных, публицистических и других произведениях. Изучение московского текста русской лингвокультуры способствует осознанию современным человеком индивидуальности нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства её культуры.

Целью данной статьи стало выявление особенностей мифотектоники московского текста на материале литературных и бытовых текстов XXI века о Москве. Анализировались 45 прозаических текстов современных авторов, вошедших в сборник «Москва: место встречи», 87 стихотворений, написанных в XXI веке, и 915 бытовых текстов жителей и гостей столицы различных жанров, размещённых за последние десять лет в сети Интернет (отзывы, сообщения, комментарии, посты).

Существование московского текста, в отличие от петербургского, долгое время не признавалось. Аргументы противников основывались на том, что создаваемые художественные тексты о Москве «не обладали внутренней цельностью». Кроме того, у Москвы отсутствовала «та фундаментальная текстопорождающая основа, каковую образует креативный либо эсхатологический миф» [2: 24]. И только во втором десятилетии XXI века московский текст оформился как ментальная сущность со своей системой знаков и мифопоэтикой. Но прежде чем говорить о московском тексте XXI века, проследим процесс его становления.

В русской литературе XVIII и даже XIX столетия тексты о Москве только начали появляться и не осознавались как идейное и художественное единство. Первыми здесь стали произведения Н. Карамзина, Ф. Глинки, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова и др. У названных авторов выражена мысль о том, что Москва не просто город, а целый мир, олицетворение всей России. Город находится под небесным покровительством, всё в нём устроено гармонично и в то же время разнообразно. В Москве смешаны древнее зодчество и новая архитектура, восточные и европейские обычаи, богатство и бедность, величие и суета, то есть столица – город контрастов, где всё движется, вертится, живёт.

Мифопоэтическую основу московского текста составляют такие мифологемы, как «Москва – город-государство», «сакральный город на семи холмах», «Москва – жертва огненной стихии 1812 года» и «Москва – воплощение женского начала, мать городов русских». У Н. Гоголя, например, столица предстаёт хлебосольной хозяйкой, которая принимает всех гостей, в том числе инакомыслящих людей. Мифологема «Москва-матушка» была актуальна до конца XIX века в творчестве С. Аксакова, А. Герцена, А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова, однако в романе Льва Толстого «Война и мир» наряду с ней появились мифологемы «Москва – хранительница национальных традиций русского народа», «обитель православия» и «воплощение соборности».

В лирике Серебряного века (А. Блок, М. Цветаева, С. Есенин, О. Мандельштам) развиваются мифологемы о Москве – городе-женщине со своей статью и характером, хранительнице национальных традиций и обители православия. Вместе с ними возникают мифологемы о Москве – общем доме и сердце России. Столица вбирает в себя всю страну, символизирует полноту и богатство жизни людей.

В прозе первой половины XX века присутствуют мифологемы: Москва – «город-храм», «матушка Москва», несущая культ дома и покровительствующая другим городам и людям, живущим в ней или приезжающим в неё, и появляется эсхатологический миф (гибель старой Москвы в эпоху революционных преобразований). В московском тексте первой половины XX века прослеживается антитеза Москвы православной и Москвы светской, антихристианской. Образ Москвы – обители русского православия, воплощения соборности, хранилища национальных традиций встречается в русской эмигрантской прозе первой волны (у Б. Зайцева, М. Осоргина, И. Шмелёва), образ Москвы – индустриального центра, гигантской стройки, оплота мирового социализма сложился в советской прозе (у А. Платонова и Л. Леонова).

Отдельно в московском тексте XX века стоят произведения А. Белого, М. Булгакова и Б. Пастернака. А. Белый не идеализировал Москву уходящую и не утверждал Москву советскую, а создал образ Москвы-старухи. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» формируется индивидуально-авторский миф о советской столице, наказанной очистительным огнём за грехи её жителей. В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» Москва предстаёт в традиционном образе города-женщины и новом образе города-леса.

Московский текст как локальный текст русской литературы оформился к середине XX века, и у него образовалось своё знаково-символьное поле. В основу произведений о столице легли почти все появившиеся ранее

мифологемы: «Москва-матушка», «Москва – третий Рим», «Москва – обитель православия», «Москва – хранительница национальных традиций», «Москва – новый Вавилон» и другие.

Обобщая изображение столицы в литературе XX века, отметим, что этот город, вобравший в себя и азиатскую, и европейскую культуру, всё так же остаётся оплотом православия, религиозным центром страны. Но это уже непригодное для спокойной жизни место. В нём появился криминал, люди разделились на бесправных и всемогущих. Отныне Москва ассоциируется с властью. Столица начинает терять семантику патриархальности и семейственности, на смену которым приходит карьеризм, нажива, разобщённость и одиночество людей.

Новейшая русская литература обозначает новые направления в формировании московского текста, а её изучением активно занимаются М.В. Селеменова, О.С. Шурупова, Е.А. Попова, А.П. Люсьи и другие. Тем не менее, в целом московский текст XXI века исследован недостаточно, особенно это касается поэтических и бытовых текстов о столице.

В московском тексте XXI века активно развиваются традиционные мифологические образы. У А. Аствацатурова и Ю. Полякова это «Москва – город-женщина». Кроме того, во всех «московских» произведениях Юрия Полякова живёт вера в то, что столицу империи невозможно погубить, это вечный город (мифологема «Москва – третий Рим»).

Отталкивающий образ Москвы создан в романе Д. Рубиной «Синдикат». Столица представлена через доминантные точки, появившиеся в конце XX века: памятник Петру Первому скульптора З. Церетели, элитные ночные клубы и многоэтажные блочные дома. Это уже не привычная Москва, а «притягательный город-монстр».

В прозе Е. Гришкова Москва предстаёт огромным мегаполисом, который в поединке с природой всегда побеждает. Традиционную мифологему «Москва – город-женщина» Гришковец трактует оригинально и даже провокационно: в столице он не находит оберегающего материнского начала, она либо равнодушна, либо враждебна, жестока к тем, кто пытается её покорить, найти в ней своё место.

В прозе О. Славниковой, Р. Сенчина и С. Шаргунова Москва изображается как «имперская обманка» [3: 193], обещающая быстрый успех, финансовое благополучие и счастье в личной жизни, а в итоге навязывающая герою рутинную работу в офисе, одиночество, усталость от погони за успехом и существование, доведённое до автоматизма. Мифологема «Москва – город-дом» трансформируется в мифологему «Москва – город карьеры».

Таким образом, в московской прозе XXI века складываются новые мифологемы: «Москва – город-монстр», а также «пространство карьеры, успеха и финансового благополучия» (Е. Гришковец, А. Иличевский, Р. Сенчин).

В московском тексте XXI века городская среда воспринимается авторами не как знакомое и родное место жительства, а как преобразованная в угоду нынешнему времени искусственно созданная действительность, безжалостно отбирающая у человека привычный для него уклад жизни. Образ современной Москвы теряет семантику родства, соборности, вбирая в своё смысловое поле такие черты, как разобщённость и одиночество.

В стихотворениях XXI века о Москве воплощены все традиционные мифологемы. Так, у Ю. Левчука («Москва») столица представлена в образе матери: «Со всей страны летят в столицу – / Москва, как мать, к себе влечёт». У М. Гуськова («Три вокзала», «Есть Москва – Великий Рим...») и «Ты не Третий Рим, Москва!») присутствует мифологема «Москва – третий Рим».

В стихотворении М. Медведевой-Якубицкой «Москва!» воплощаются мифологемы «Москва – обитель православия» и город, возрождённый из пожара:

*Москва! Великий златоглавый город!
Богатства яств прошла и лютый голод...
Тебя бросали, жгли свои, чужие,
Но не сомкнула Ты глаза свои большие;
В себе хранишь Ты православные святыни
И птицей феникс возрождаешься поныне!*

Л. Малкова в стихотворении «Взгляд на мегаполис Москва» развивает новый миф Д. Рубиной о «городе-монстре», называя бетонно-блочную Москву «монстром-неудачником».

В литературных текстах идёт сравнение облика города середины XX века (периода детства авторов) с Москвой конца XX – начала XXI века (нынешним временем) и звучит ностальгия по уходящей уютной столице. Уход старой Москвы – один из главных мотивов современного московского текста: «Москва исчезала на моих глазах...» (Л. Улицкая) [4: 7], «Мне действительно очень жаль, что больше не существует тот город моего детства» (И. Цыбин) [4: 75]. Писатели констатируют, что наступило «другое время и другая эпоха» (Ю. Арабов) [4: 169].

Искажение облика привычной людям столицы не встречает поддержки. Так возникает мотив искусственности создаваемой ныне городской среды. А. Варламов, говорит, что на его родной улице, как и по всей столице, появились магазины, банки, реклама. Но всё это «казалось здесь наносным, чужеродным, нелепым» [4: 208].

Таким образом в современном московском тексте прослеживается мотив лицемерия. В Москве стало «всё напоказ, на продажу» (Н. Филатова). М. Кучерская замечает, что теперь произошло перерождение Арбата «из живой улицы в глянцевою» [4: 102].

Ещё один мотив – волшебство, тайна, которыми столица очаровывает людей, кто постоянно живёт в ней. Когда, например, В. Долина говорит, что её любимая улица Сретенка «держит и по сей день», то считает: «Какая-то тайна в этом есть, всего не расскажешь» [4: 160].

Авторы бытовых текстов склонны возвышать историю и культуру Москвы и уважительно относиться к этому городу. Многие называют столицу «живым существом», «большим организмом» со своим характером. Люди отмечают, что Москва «никогда не спит», «город живёт 24 часа в сутки», у него «свой пульс», можно почувствовать «его ритм, его сердцебиение» и его душу. Москва предстаёт и в мужском, и в женском обликах. Но чаще видится не девушкой и не старушкой, а «роскошной женщиной со стержневым характером». Она «холодная и неприступная», «сурова и в то же время поучительна».

В современных бытовых текстах возникает мифологема «Москва – место для заработков». Столица названа «огромным цехом», «площадкой для работы», «городом-заводом» и т.д. Прослеживается и мотив противостояния бедных регионов и богатой столицы. Москва в бытовых текстах предстаёт городом-сказкой, городом-мечтой, многие хотели бы жить в столице, но не у всех есть такая возможность. Поэтому Москву многие считают «городом притяжения», местом силы, «которое меняет людей, даря им новые открытия и возможности».

«Москва – город возможностей» – ещё одна мифологема московского бытового текста. Столицу называют «реализатором желаний», «городом, воплощающим мега-возможности потребления, профессиональной реализации и самого разнообразного отдыха», городом «гигантских», «стоцентных» и «супер-» и даже «сверхвозможностей». Но при этом отмечено, что Москва – «большая лотерея», «место, где можно в один момент и найти, и потерять своё самое большое счастье».

Поэтому другой мотив бытовых текстов: Москва – «город контрастов», «квинтэссенция всего хорошего и плохого, что есть в России». «Москва – это воронка. Сюда затягивает все бриллианты и все нечистоты одновременно».

Главными мотивами бытовых текстов являются энергетика столицы и размеры Москвы. Столицу называют «собирателем людской энергии», «сгустком пульсирующей энергии», «самым энергонакачаным городом». Кому-то трудно жить в условиях постоянного шума и суеты, но в большинстве бытовых текстов отмечено, что Москва «напитывает энергией» и привлекает людей. Почти во всех бытовых текстах упоминаются огромные размеры

Москвы, авторы говорят, что столица стала «переуплотнённым везде и всюду городом», «переполненным», «суетливым», а потому неудобным для жизни.

В ироничных суждениях наблюдается возвеличивание столицы: «Москва – это цивилизация», «абсолютно другой мир», «столица другой планеты», «отдельное государство», «страна в стране».

Таким образом, московский текст, развивающийся на протяжении более двух столетий, является важнейшей частью национальной российской культуры и влияет на формирование русской языковой картины мира.

Новейший московский текст образует особый поликодовый сверхтекст, существующий в рамках всего московского сверхтекста. В нём по-прежнему актуальны мифы о Москве как главном и красивом городе России (городе-государстве), который должен жить вечно (Москва – третий Рим) и который предстаёт в женском облике (Москва – город-женщина). Кроме того, появляются новые мифы о Москве как городе – живом организме и городе-магните.

Новейший столичный сверхтекст построен на оппозиции старой и новой Москвы, и единым концептом его является ностальгия по уходящей столице. Наряду с ним присутствует мотив другой, отличающейся от привычной людям старшего поколения Москвы. Она воспринимается ими как чужая, холодная, высокомерная и пафосная. Тем не менее люди любят столицу и очарованы её красотой и величием. Этот город остаётся для них местом притяжения.

Литература

1. *Деткова Н.Ю.* Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 12. – С. 63-69.
2. *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. – 170 с.
3. *Немзер А.С.* Замечательное десятилетие русской литературы. – М.: Захаров, 2003. – 241 с.
4. *Улицкая Л.Е., Глуховский Д.А., Быков Д.Л. и др.* Москва: место встречи. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.

СЮЖЕТ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. АКСЁНОВА
«ЗАТОВАРЕННАЯ БОЧКОТАРА»

А.О. Витович (Воронежский государственный университет)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности формирования сюжета героя в повести В.П. Аксёнова «Затоваренная бочкотара». Он включает в себя такие элементы, как мотивы (среди них самый важный – мотив пути), хронотоп, сны, имена и аллюзии. Автор рассматривает каждый из них как по отдельности, так и включённым в общую систему произведения.

Ключевые слова: сюжет, герой, хронотоп, сны, аллюзии, имя, мотив, Василий Аксёнов, «Затоваренная бочкотара».

THE PLOT OF THE HERO IN THE STORY OF V. AKSENOV
"OVERSTOCKED BARREL"

A. O. Vitovich (Voronezh State University)

Abstract. This article discusses the features of hero plot formation in the story of V. P. Aksenov "Overstocked barrel". It includes elements such as motives (the most important of which is the path motive), chronotope, dreams, names, and allusions. The author considers each of them both individually and as included in the general system of the work.

Keywords: plot, hero, chronotope, dreams, allusions, name, motive, Vasilii Aksenov, Overstocked barrel.

Повесть Василия Павловича Аксёнова «Затоваренная бочкотара» появилась на закате эпохи «оттепели» – в 1968 году. К этому моменту стало очевидным, что время относительной свободы, в том числе и свободы слова, подошло к концу. Противоречивостью периода – заканчивающаяся свобода, но ещё не исчезнувшие полностью надежды – можно объяснить необычную форму аксёновского произведения. Именно она вызвала неоднозначные оценки критиков. О «Затоваренной бочкотаре» Евгений Сидоров высказался так: «Аксёнов написал странную повесть» [7: 66]. Геннадий Карпенко, говоря об отношении критиков 1960-х годов к творчеству Аксёнова, писал следующее: «Критиков поражал аксёновский способ “разворачивания” образов героев» [2: 22]. Дмитрий Петров, ссылаясь на самого Василия Павловича, отметил, что «Аксёнов звал “Бочкотару” сюрреалистической вещью» [6: 139]. Владимир Немцев подчеркнул, что «повесть “Затоваренная бочкотара” уже вся – эстетический нокаут современной

литературе, точнее, редакторам и литературным критикам, настроенным на поддержание канона» [4: 27].

Модернистский характер повести, нетипичный для произведений того времени, проявился и в формировании *сюжета героя*. Под термином «сюжет героя» мы имеем в виду то, что Л.С. Левитан и Л.М. Цилевич в книге «Основы изучения сюжета» определяют как «картину непрерывно изменяющейся, движущейся жизни людей, прежде всего в ее духовном содержании» [3: 70].

В этой связи важно сказать о роли слова в произведении. Как замечает Тамара Никонова, «слово становится действующим лицом» повести [5: 242]. Отсюда и множество аллюзий к оттепельной культуре и классическим произведениям, индивидуализированная стилистика речи героя и обилие привычных советскому читателю штампов. Поэтому, как метко написал в своей работе Владимир Немцев, говоря о проблеме цензуры повести, «служебная инструкция не предусматривала запрета подобных, внешне лояльных стилистических оборотов, но по сути – *взрывающих изнутри фразу зарядом сарказма*» [4:30] (курсив наш. – *А.В.*). Именно игра со словом позволяет автору выстраивать сюжеты героев. Свой мотивный ряд есть у каждого, он легко обнаруживается в тексте, становясь обозначением сюжета персонажа, его меткой.

Для сюжета учительницы Ирины Валентиновны Селезнёвой доминирующими являются *звериные мотивы*. В этой связи фамилии героев – Селезнёва и связанный с ней «удивительный семиклассник» Курочкина – оказываются говорящими. Исходя из значений фамилий, герои гендерно меняются местами. Подобная путаница указывает на сложившуюся в их отношениях иерархию. Интерпретируя эту ситуацию, Щеглов ссылается на труды Фрейда, согласно которым, «появление во сне диких животных означает необузданные страсти» [9: 41]. На наш взгляд, такое осмысление возможно, поскольку органично вписывается в сюжет учительницы, которая на протяжении произведения движется по пути принятия и осмысления своей женской силы. Примечательно, что во сне героини неоднократно появляется лев, причем в двух ипостасях: непосредственно живой, звериной и неживой (изображённый лев). Так, дети превращаются в маленьких львов («Встали львы с лукавыми глазами» [1: 519]) и сразу же появляется изображение льва («Ой, вспомнила – это лев Пиросманишвили» [там же]). Звериный мотив звучит даже в фамилии руководителя практики – Рейнвольф (от нем. *wolf* – волк и названия реки Рейн). Львята же ещё раз появляются в третьем сне Ирины Валентиновны: «<...> а за ним на цепочке плелись мраморные львята мал мала меньше» [1: 551]. На этот раз они уже следуют за Хорошим Человеком, в образе которого легко узнаётся моряк Глеб Шустиков.

Последний тесно связан с сюжетом учительницы. Поэтому в середине повести появляется как бы общая для них двоих аллюзия: «Шутиков Глеб предложил Ирине Валентиновне “побродить, память в степях багряных лебеды”, и они церемонно удалились» [1: 547]. В этой отсылке к есенинскому стихотворению «Не бродить, не мять в кустах багряных...» проявляется одна из особенностей сюжетостроения повести – контаминация сюжетов героев. Так, есенинские аллюзии, «зацепившие» Ирину и Глеба, характерны в первую очередь для мотивного ряда Володи Телескопова.

Для сюжета Глеба доминирующим является *мотив воды*. Его появление обусловлено профессией персонажа: Шутиков – моряк. Так, в первом сне он вместе с сослуживцами плавает в подводном царстве («Прямо с пончиком в зубах в подводное царство» [1: 517]). В сцене с Романтикой находим причудливое морское сравнение: «А Глеб боролся как мог, и все его бронированное тело дрожало, как дрожит палуба эсминца на полном ходу» [1: 527]. Наконец, в третьем сне моряка встречаем фамилию «Рейнвольф» – отголосок сюжета учительницы и свидетельство контаминации сюжетов. В этом же сне Глеб участвует в соревнованиях по перетягиванию канатов с *подводниками*. В конце же сна и вовсе «хлынул тропический ливень» [1: 553].

Для «старика Моченкина деда Ивана» наиболее характерным оказывается *мотив еды*, который в сюжетах других героев редуцирован. Мочёнкин из всех путешествующих, кажется, больше всех ценит сытные застолья. Так, в первом сне реализуется его желание о кислом квасе. В придачу к нему выдают сухой паёк: «Нате вам сала шашнадцать кило, нате урюку шашнадцать кило, сахару для самогонки шашнадцать кило» [1: 518]. А в третьем сне ему выпишут ещё «узюму ... шашнадцать кило» [1: 557]. В Мышкине старик Мочёнкин от души трапезничает у знакомой кумы Настасьи: «во-первых, съел яичницу из десяти яиц; во-вторых, выпил браги чуть не четверть<...>» [1: 535]. И при этом герой жалеет, что не удалось Настасью заранее предупредить о своём приезде, ведь тогда «на столе бы уж ждал корифей всех времен и народов — пирог со шукой» [1: 536]. Яства преследуют героя и во сне, где он в бюллетень вводит «крем-бруле, студень, лапшу утячаю, яичнаю болтанку» [там же]. Отъезжая из Мышкина, Мочёнкин вкушает «любимый сердцу слабый запах огуречного рассола пополам с пивом» [1: 542]. Таким образом, для Мочёнкина как человека с народными корнями характерно предпочтение старорусской кухни, что отмечает в комментариях Щеглов. В этом смысле говорящей оказывается и фамилия героя – Мочёнкин. Она вызывает ассоциации с мочёными яблоками, которые также считаются старинным блюдом.

Доминирующим в сюжете Вадима Афанасьевича Дрожжинина становится *вещный мотив*. Так, первый раз мы встречаем героя во время ожидания машины. Аксёнов делает акцент на его одежде, которая станет одной из неизменных визиток англичанства Дрожжинина, – это серый дорожный костюм из лёгкого твида [1: 505]. Далее даётся ещё более детальная характеристика «атрибутов» героя: «В конце концов, всего, чего он добился, – этого костюма “Фицджеральд и сын, готовая одежда”, и ботинок “Хант” <...>» [1:506]. Заметим, что нечто подобное встречаем и в сюжете Мочёнкина: «По сути дела, и радиола «Урал», и шифоньерка, и мотоцикл, хоть и без хода, – всё дело рук старика Мочёнкина» [1: 508]. Мы наблюдаем целую галерею костюмов Дрожжинина в разные периоды его жизни. Так, в начале повести встречаем его в сером дорожном костюме из лёгкого твида, затем появляется вельветовый костюм [1: 506], ещё позже – строгая серая (коричневая) тройка [1: 507]. Маркировка одежды и разнообразие вещей свидетельствуют о характерном для той эпохи культе бирок. Как замечает Щеглов, это мир, в котором «существует детальная, безошибочно всеми осознаваемая иерархия вещей по таким линиям, как дефицитность, “престижность”, материал, модель, страна происхождения, специальные черты <...>» [9: 33].

Главной особенностью сюжета Володи Телескопова является есенинский аллюзивный код. В отличие от других, он выстроен наиболее последовательно. Так, в начале повести встречаем обращение Володи к поэту: «– Эй, Сережка Есенин, Сережка Есенин, – говорит он месяцу, – видишь меня, Володю Телескопова?» [1: 505]. Думается, выбор этого поэта неслучаен. Легкомысленному, как кажется на первый взгляд, парню, любящему впадать в философские размышления во время праздника жизни, именно Сергей Есенин видится наиболее близким по духу человеком (о дружественности свидетельствует фамильярное и при этом душевное в своей простоте обращение).

Следующие отсылки к стихотворениям поэта встречаем в письмах Володи Симе: «не грусти и не печаль бровей <...> Пусть струится над твоей избушкой вечерний несказанный свет» [1: 526], «<...> взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне <...> вы говорили, что нам пора расстаться» [1: 559]; а затем в воспоминаниях о диалоге с Симой: «Зверье такого типа я люблю как братьев наших меньших, а также, Серафима, любите птиц — источник знаний!» [1: 532]. Отметим, что все упомянутые стихотворения, к которым нас отсылают фразы Телескопова (а это «Я иду долиной. На затылке кепи...» (1925) «До свидания, друг мой, до свидания» (1925), «Письмо матери» (1924), «Письмо к женщине» (1925), «Мы теперь уходим понемногу...» (1924)), относятся к позднему периоду творчества поэта, когда момент рефлексии и осмысления прожитой жизни был особенно остр. Поэтому закономерным видятся

философские размышления Володи об одиночестве человека во Вселенной. В них открывается глубина кажущейся на первый взгляд простоватой натуры Телескопова. Володя приходит к выводу, близкому идее произведения, – «где любовь, там и человек <...> и потому ищут люди любви, и куролесят, и дурят, а в каждом она есть, хоть немного, хоть на донышке» [1: 548].

Необходимо отметить говорящую фамилию героя. Согласно словарю русских фамилий, такие фамилии, как Телескопов, «давались ученикам духовных семинарий» [8]. Это объясняет философские устремления и томления Володи. Также очевидно, что фамилия образована от слова «телескоп», обозначающего предмет для наблюдения отдалённых объектов. Володя, в отличие от всех героев, мудрее, он способен постигать тайны жизни, так как его сознание не сковано рамками вещного мира, в котором существует иерархия статусов и престижа. Юрий Щеглов справедливо замечает, что «именно таким персонажам, как Телескопов, т.е. лишенным солидности, неуважаемым и выключенным из истэблшмента, часто оказывается известна тайная мудрость жизни» [9: 20].

Определяющим для всей повести становится *мотив пути*, характерный для всей прозы Аксёнова. Он связан с хронотопом дороги: герои совершают путешествие до станции Коряжск. Как это часто бывает, путешествие вообще оборачивается путешествием к самому себе, внутрь себя. Герои, проходя через различные испытания, переживают перерождение, обретение нового «я». Кроме того, в повести Аксёнова они проходят и путь объединения, что проявляется в соединении сюжетов героев. Это наблюдается во снах героев, где вскрываются их страхи и страсти, персонализирующиеся и становящиеся антагонистами. С ними каждый из путешественников ведёт борьбу, которая и запускает процесс духовного перерождения.

В третьей серии снов начинается процесс объединения героев. Мы перечислим наиболее явные моменты контаминации сюжетных элементов. Так, Генрих Анатольевич Рейнвольф из первого сна учительницы превращается в Генриха Анатольевича Допекаило (отголосок сна Глеба Шустикова). Далее появляется герой из мира Дрожжинина – Диего Моментальный. Здесь же находим и бюрократическую линию, характерную для старика Мочёнкина («Ждали юриконсультанта из облсобеса <...>» [1: 551]). Во сне Глеба возникает фамилия руководителя практики Селезнёвой – Рейнвольф Козьма Елистратович. Шустиков встречает и Лженауку, которая напоминает Хунту «из какой-то жаркой страны» – отголосок сюжета Вадима Афанасьевича. Аналогичные образы-символы есть и во сне Володи (огромные Физика и Химия), и во сне Мочёнкина (Характеристика). Во сне Дрожжинина находим характерные для сюжета Телескопова гастрономические мотивы – бычки в томате.

Поезд, на который спешили герои, приходил в 19.17. Назначенное время, безусловно, символично. Оно может трактоваться как свершение личной революции для каждого из персонажей: переход от «я» к «мы». Герои уходят от одиночества, разобщённости и заново открывают главную общечеловеческую ценность – добро, персонализированное в образе Хорошего Человека. Финалом повести «Затоваренная бочкотара» становится не достижение поставленной цели, но объединение всех очень разных персонажей рекой жизни, ее неостановимостью и внутренней устремленностью к добру.

Таким образом, контаминация сюжетов героев обозначает процесс их внутреннего перерождения, который, в свою очередь, соотносится с идеей всей повести – объединением людей, открытием лучшего в себе и постижением любви как объединяющего начала. Неостановимость человеческого движения и надежда на непереносимое чудо взаимопонимания – единственное, что может противопоставить Василий Аксёнов неблагоприятной позднеоттепельной реальности.

Литература

1. Аксёнов В.П. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017. — 672 с.
2. Карпенко Г.Ю. Литературная критика 1960-з годов о творчестве Василия Аксёнова // Василий Аксёнов: литературная судьба. — Самара: Издательство «Самарский университет». — С. 16-25.
3. Немцев В.И. О нарушении канона в прозе Василия Аксёнова: (К проблеме гротеска) // Василий Аксёнов: литературная судьба. — Самара: Издательство «Самарский университет». — С. 25-32.
4. Левитан Л.С. Основы изучения сюжета. — Рига: Звайгзне, 1990. — 187 с.
5. Никонова Т.А. Людей неинтересных в мире нет «молодежная» проза 1960-х годов. В. Аксёнов // Русская литература XX века: учеб. Пособие: в 2 ч. / под ред. Т.А. Никоновой. — 2-е изд. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — 2018. — С. 229-244.
6. Петров Д. Жизнь замечательных людей. Аксёнов. — М., 2012. — 440 с.
7. Сидоров Е. Регтайм в стиле Аксёнова // Необходимость поэзии: критика, публицистика, память. — Москва : Geleos, 2005. — С. 66-75.
8. Словарь русских фамилий // Электронный ресурс: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/russian-surname/index.htm>. (Дата посещения: 3.04.2021).
9. Щеглов Ю.К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксёнова: Комментарий. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 152 с.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТИКЕТНОЙ РАМКИ
В ПИСЬМАХ А.П. ЧЕХОВА, АДРЕСОВАННЫХ О.Л. КНИППЕР

Я.Ю. Нefeldова (Пензенский государственный университет)

Аннотация. В данной статье рассматривается важнейший элемент частного письма – этикетная рамка, на материале писем А.П. Чехова к О.Л. Книппер. Автором исследуются формулы приветствия и прощания на материалах эпистолярных текстов. Статья посвящена осмыслению понятия «этикетная рамка», рассматриваются особенности этикетных формул. В данной работе проводится анализ особенностей обращений и подписей.

Ключевые слова: этикетная рамка, приветствие, прощание, эпистолярный жанр, этикетная формула.

LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF THE ETIQUETTE FRAME IN THE
LETTERS OF A. CHEKHOV ADDRESSED TO O. KNIPPER

Ya. Yu. Nefedova (Penza State University)

Abstract. This article discusses the etiquette frame in the personal letters of A.P. Chekhov. The author researches the formulas of greeting and saying goodbye in epistolary texts addressed to O.L. Knipper, the writer's wife. The article is devoted to understanding the concept of "etiquette frame" and discusses the features of etiquette formulas. This paper provides an analysis of the characteristics of appeals and signatures of A.P. Chekhov in letters to O.L. Knipper.

Keywords: etiquette frame, greeting, saying goodbye, epistolary genre, etiquette formula.

Частные письма как разновидность эпистолярного жанра немало лет вызывают интерес у ученых (А.А. Акишина, Н.И. Формановская, Л.П. Гроссман, Е.М. Виноградова, З.М. Данкер, А.И. Бирюлина, Е.К. Куварова, С.Л. Катаржина, К.А. Баршт и др.). Исследователей привлекает авторский стиль, речевые особенности, присущие времени написания письма.

Сохранилось большое количество личных писем русских писателей (М.В. Ломоносова, П.И. Фонвизина, И.И. Дмитриева, А.С. Пушкина и т.д.). Эпистолярное наследие А.П. Чехова является одним из самых больших. По мнению А.М. Малаховой, переписка Чехова занимает важное место среди эпистолярных текстов по объему, по масштабу хронологического охвата и по своим художественным достоинствам [1: 310]. Переписка писателя и является объектом нашего исследования.

Структура частного письма обусловлена его жанровой принадлежностью и обычно имеет следующую структуру:

1. Приветствие;
2. Основная часть (содержание);
3. Прощание.

Приветствие и прощание образуют так называемую этикетную рамку, где стилистическими средствами выражения являются этикетные клишированные эпистолярные формы. Этикетная формула – это ритуальная форма речевого поведения, выраженная особыми языковыми средствами – клишированными выражениями [3: 68]. Этикетные формулы выполняют функцию установления и прерывания контакта. С одной стороны, выбор тех или иных формул обусловлен личностными особенностями и целевой установкой автора. С другой стороны, этикетные формулы являются достаточно клишированным: в их основе лежат историко-культурные традиции оформления частного письма.

Эпистолярный текст, по мнению О.П. Фесенко, является «формой речевого общения» [4: 21]. Письмо не является монологом автора, предполагается создание и поддержание диалога, выраженного в письменной речи. Для этого используются формы речевого этикета (приветствия, прощания и др.). Н.И. Формановская, говоря о речевом этикете, дает ему такое определение: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфических стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [5: 53].

Концовка (или прощание) является обязательной частью письма. Целью этого элемента является прерывание, размыкание контакта. Эта часть включает в себя ряд устойчивых этикетных актов:

1. Косвенно-фатическая адресация (передача приветствий, поклонов, объятий и т.п. родным, общим друзьям и т.д., т.е. лицам, не участвующим в эпистолярном диалоге).
2. Здравница (пожелания различных благ).
3. Формулы личной адресации (указание на координаты для ответного письма, особые синтаксические клишированные конструкции, предназначенные для самонаименования автора письма) [2: 310].

Эти акты могут содержаться в письме как все вместе, так и по отдельности, в различных комбинациях.

Как было сказано выше, письмо содержит клишированные формулы приветствия и прощания, призванные поддержать или прервать диалог. А.П. Чехов редко пренебрегает этими формулами в своих письмах. Писатель жил и творил на рубеже XIX и XX веков, а в то время этикетные формы были регламентированы.

Письмо было наиболее популярным средством связи между людьми; в письмах люди старались передать как можно больше новостей, поделиться событиями своей жизни. Доставка посланий занимала время, поэтому каждое письмо было долгожданным. Эпистолярный текст, не оформленный в соответствии с нормами речевого этикета, мог обидеть получателя. А.П. Чехов в письмах к друзьям, коллегам, работодателям следует принятым нормам. Лишь в письмах к родным писатель позволяет себе либо «вплести» приветствие и прощание в текст письма или же вообще от них отказаться.

Особую группу писем составляют послания, адресованные жене А.П. Чехова – Ольге Леонардовне Книппер. Актриса и писатель познакомились в 1898 году во время театральных репетиций.

Нами были исследованы письма, адресованные А.П. Чеховым Ольге Леонардовне до свадьбы, состоявшейся в 1901 году.

Чехов остается верен себе: его письма ироничны, но при этом не лишены нежности. И в приветствии, и в прощании чувствуется любовь писателя к Ольге. Он искренне восхищается её красотой и её талантом, тревожится, беспокоится (*Здравствуйте, милая, драгоценная, великолепная актриса! Здравствуйте, моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай! Здравствуйте, моя радость!...; Милая, знаменитая, необыкновенная актриса...; Милая актрисуля!...; Милая, шустрая моя девочка...; Милая актриса, очаровательная женщина...; Милая моя Оля, радость моя, здравствуй!...; Актрисочка моя чудесная, ангел мой...).* Постепенно в переписке между Чеховым и Книппер появляются неформальные обращения и подписи (*Ну, будь здорова, бабуся...; Актриска...; ...жидовочка, здравствуй!...; Милая моя собака...; Книпищиц милая...; Милая пьяница...; Жестокая, свирепая женщина...; Милая актрисуля, эксплуататорша души моей...; Милося, мамуся моя дивная...; Дуся моя, замечательная женщина... (обращения); Твой иеромонах Антоний; Иеромонах Антоний; Твой иеромонах; Твой старец Antoine; Твой мужчинка; Академик (подписи)).*

В каждом письме Чехов создает новое, необычное обращение к своей возлюбленной. Стоит отметить, что писатель в письмах к Ольге избегает формальных и привычных приветствий. Практически все письма начинаются не с приветствия, а непосредственно с передачи информации, а само приветствие появляется далее в тексте; или же оно максимально сокращено и не отвлекает от содержания письма.

Обращения были разделены нами на следующие группы:

Распространенные обращения:

а) прилагательное (прилагательные)+существительное: *Милая актриса; Милая, драгоценная, великолепная актриса; Милая, знаменитая, необыкновенная актриса; Милая, восхитительная актриса; Милая пьяница; Книпищиц милая;*

б) прилагательное (прилагательные) + местоимение + существительное: *Милая, славная, великолепная моя актриса; Милая моя Оля; Милая моя дуся; Хорошая моя девочка; замечательная моя собака; Милая, славная моя Книпищиц;*

в) существительное+существительное: *Собака Олька.*

Нераспространенные обращения отсутствуют. Чехов в каждом своем письме старается найти теплые, ободряющие слова для своей возлюбленной. С присущим ему юмором и иронией он помогал ей пережить трудные моменты жизни, в том числе, и жизни театральной. Само имя «Ольга» используется им редко, о чем Книппер с легкой обидой писала ему в одном из писем.

Наиболее частотное употребление прилагательного «милая» и существительного «актриса». Чехов еще в первые встречи с Ольгой отмечал ее талант и восхищался им до конца жизни.

Чехов, оставляя подпись в письме, играет с собственным именем, создавая разнообразные производные, используя латинские буквы (*Antoine, Tomo, Антоний*).

При анализе подписей нами выделены следующие типы конструкций.

1) имя: *Antoine*;

2) фамилия: *Чехов*;

3) инициалы + фамилия: *А. Чехов*;

4) местоимение + имя: *Твой Tomo; Твой Antonio; Весь твой Antoine*;

5) Местоимение+ существительное: *Твой иеромонах; Твой мужчинка*;

6) местоимение + инициалы + фамилия: *Весь Ваш А.Чехов*;

7) местоимение+существительное+существительное: *Твой старец Антоний; Твой Антоний, Иеромонах; Твой Антоний, старец; Твой иеромонах Антоний; Ваш Antonio, academicus*;

8) профессия/должность: *академик*;

9) профессия/должность+ имя: *академик Tomo*;

Таким образом, среди писем, написанных Чеховым, особое место занимают его письма жене О.Л. Книппер. Эти любовные письма лишены излишней сентиментальности и романтики, присущей данному типу корреспонденции. Они наполнены иронией, юмором и бесконечной заботой и нежностью. Каждое слово он выбирает тщательно. Зачастую в этих письмах он отходит от принятых правил, свободно обращаясь с этикетной рамкой: он перемещает или вовсе игнорирует обращения и подписи. Именно в письмах к Ольге Книппер Чехов открывает свою душу, честно и искренне признается ей в любви. Эти письма ярко демонстрируют писательский талант писателя и являются интереснейшим объектом для дальнейшего и всестороннего исследования.

Литература

1. Малахова М.Н. Поэтика эпистолярного жанра // В творческой лаборатории Чехова / ред. Л. Д. Опульская, З. С. Паперный, С. Е. Шаталов. – М., 1974. – 310 с.
2. Фалина В.А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века // Вестник ИГЭУ, 2008. – № 3. – С. 262-266.
3. Фалина В.А. Традиционное и новое в формуляре зачина неофициального письма владимирского купечества середины XIX – начала XX века // Вестник ИГЭУ, 2007. – № 1. – С. 1-4.
4. Фесенко О.П. Фразеология дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры. – Омск, 2009. – 156 с.
5. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. – М., 2002. – 233 с.

Раздел VIII. ЖУРНАЛИСТИКА

ЮБИЛЕЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «АКЦЕНТЫ. НОВОЕ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Е.М. Бебчук, В.В. Тулунов (Воронежский государственный университет)

Аннотация: Статья посвящена юбилею научно-практического альманаха факультета журналистики ВГУ «Акценты. Новое в массовой коммуникации», который выходит на факультете журналистики Воронежского государственного университета с 1996 г. В центре внимания авторов – тематика и проблематика периодического издания, имеющего широкое признание не только в России, но и за рубежом.

Ключевые слова: научно-практическая конференция, научно-практический альманах, массовая коммуникация, журналистика, реклама, связи с общественностью, статья, диссертация, диссертационный совет.

ANNIVERSARY OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL ALMANAC «ACCENTS. NEW IN MASS COMMUNICATION»

E.T. Bebchuk, V.V. Tulupov (Voronezh State University)

Abstract: The article is devoted to the anniversary of the scientific and practical almanac of the Faculty of Journalism of VSU "Accents. New in Mass Communication", which has been published at the Faculty of Journalism of Voronezh State University since 1996. The authors focus on the topics and problems of the periodical, which is widely recognized not only in Russia, but also abroad.

Keywords: scientific and practical conference, scientific and practical almanac, mass communication, journalism, advertising, public relations, article, dissertation, dissertation council.

С начала 1990-х годов факультет журналистики Воронежского государственного университета ежегодно проводит научно-практические конференции: в середине мая с докладами и сообщениями выступают вузовские преподаватели, исследователи массовой коммуникации, в конце октября – магистранты и аспиранты, изучающие вопросы журналистики, рекламы и связей с общественностью. В последние годы добавились еще два

форума: мартовская Всероссийская с международным участием конференция «География и журналистика» и декабрьская журналистская секция Митрофаньевских чтений, проходящих в рамках Международных Рождественских образовательных чтений. Сборники материалов этих конференций с каждым годом становятся всё объёмнее и объёмнее, и часть тезисов публикуется в виде мини-статей на страницах научно-практического альманаха «Акценты», который в этом году отмечает своё двадцатипятилетие.

Именно после очередной конференции возникла идея выпуска межфакультетского периодического издания, посвященного проблемам журналистики, литературы, рекламы и публичных рилейшнз. Коллеги из МГУ, СПбГУ, УрГУ, РГУ, ТГУ охотно откликнулись на предложение войти в редколлегию журнала, и пошёл поток статей, ведь в те годы специализированных журналов по проблемам массовой коммуникации было мало, напечататься в них было непросто. И вот прошло 25 лет, выпущено 175 номеров журнала.

«Акценты» – это одновременно журнал и альманах: с одной стороны, есть четкая – годами апробированная – структура специализированного издания, стабильные периодичность, объем; с другой – это широкая гуманитарная тематика (история, теория и практика журналистики, рекламы, PR, книгоиздания, литературы, дизайна, образования), это подборка не только сугубо научных статей, но и материалов практической, в том числе учебно-методической, направленности, а также публицистических и литературно-художественных текстов, имеющих отношение к проблематике журнала или к университетскому сообществу в целом.

Следует заметить, что «Акценты» выполняли и выполняют интегрирующую функцию по формированию межвузовской научной среды и профессионального медиасообщества в России: ведь среди авторов – учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Барнаула, Томска, Владивостока и других городов России. На страницах «Акцентов» нередко публикуются и авторы, представляющие страны ближнего и дальнего зарубежья. Достаточно обратиться к подшивке альманаха, чтобы удостовериться: большинство наиболее заметных отечественных работ в сфере теории журналистики проходили апробацию в «Акцентах», имеющих репутацию серьёзного и в то же время новаторского издания. Каждый из авторов знает: если его статья действительно имеет научный интерес – она обязательно будет опубликована (за четвертьвековую историю не был сорван не единый выпуск журнала). «Акценты» – это свободная трибуна. Критерий отбора текстов – качество мысли, профессионализм. Журнал «собирает» научное сообщество, давая возможность выступить с некими идеями как

маститым исследователям массовой коммуникации, так и аспирантам, а также студентам. Коллеги приветствуют то, что ещё до выхода в свет бумажной версии электронный вариант альманаха выставляется в свободное пользование в интернете (<http://jour.vsu.ru/izdaniya/zhurnaly-izdaniya/>) [1].

«Акценты» являются одной из первых площадок для апробации научных исследований соискателей ученых степеней, которые защищаются в нашем диссертационном совете. За 18 лет его работы защищено более 10 докторских и более 100 кандидатских диссертаций. География соискателей: Белгород, Волгоград, Воронеж, Елец, Старый Оскол, Калининград, Краснодар, Курск, Москва, Нижний Новгород, Тамбов, Тольятти, Томск, Одесса, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Уфа. Успешно защищаются и иностранные граждане из Бангладеш, Вьетнама, Ирака, Йемена, Палестины, Таджикистана и др.

Тематика альманаха была обозначена уже в первом номере и нашла отражение в заглавии: «Акценты. Новое в журналистике и литературе». Открывали номер статьи И. Дзялошинского (г. Москва) «Российская периодика: опыт прогноза» и С. Корконосенко (г. Санкт-Петербург) «Старые и новые концепции в теории журналистики». Под рубрикой «Типология печати» были опубликованы исследования А. Андреевой и Э. Худяковой (г. Воронеж) «Система периодических изданий Центрального Черноземья», С. Поживилко и В. Рунова (г. Краснодар) «Некоторые особенности СМИ в условиях переходного периода». Ученый из г. Ростова-на-Дону В. Смирнов подготовил статью об информационной политике «Радио России». Остальные публикации принадлежали перу воронежцев (Л. Кройчик. «Анекдот – малая форма сатирической публицистики»; В. Тулупов «Современная российская пресс-реклама: особенности и стили»; О. Осетрова «Из опыта работы рекламного отдела телекомпании “9 канал”»; Е. Цецура «Публик рилейшнз: что это такое?»; Т. Лебедева «Аудиовизуальные СМИ 90-х годов»; Н. Козлова «Как появился отдел “Из Общественной Хроники” в журнале “Вестник Европы”»; С. Филюшкина «Русская литература и споры о романе в англоязычной критике»; В. Хорольский «Оскар Уайльд и русская журналистика рубежа XIX–XX веков»; О. Дурова «Концепция жанра эссе Т.В. Адорно»; О. Баранникова «Трилингвизм Марины Цветаевой»). Как видим, уже в первом выпуске альманаха были представлены авторитетнейшие ученые из главных университетских центров подготовки отечественных журналистов; тематика издания отражала наиболее актуальные вопросы теории и практики журналистики (типология СМИ; типология жанров; радиопублицистика; история журналистики; реклама и публичных рилейшнз).

Следующий выпуск альманаха вышел сдвоенным (в будущем такой формат стал постоянным), включив в себя двадцать статей, среди авторов которых были С. Шайхитдинова (г. Казань), М. Ким, Г. Жирков, Б. Мисонжников, О. Тульсанова, М. Шишкина (г. Санкт-Петербург), Е. Ахмадулин (г. Ростов-на-Дону). Помимо названных выше воронежских исследователей, авторами «Акцентов» стали С. Гладышева, С. Гостеева, Б. Кривенко, Л. Сандлер и др.

К четвертому выпуску определилась редакционная коллегия издания, в которую вошли главный редактор В. Тулупов, а также С. Гостеева, Л. Кройчик, М. Стюфляева (ВГУ), С. Галкин (МГУ), С. Корконосенко (СПбГУ), Е. Корнилов (РГУ), Ю. Мясников (ТГУ) и В. Олешко (УрГУ). В 2001 г. в состав редколлегии пополнил А. Факторович (КубГУ). Выпускающим редактором первых номеров была Л. Люличева, она же осуществляла верстку. Сегодня этим занимается А. Сундуков, неизменным же корректором являлась и является до сих пор Т. Коновалова, которая вместе с печатниками В. Гаагом и М. Ткачуком также входит группу выпуска альманаха.

С № 3-4 за 1999 г. изменился подзаголовок альманаха («Новое в массовой коммуникации»), что было связано, в частности, с появлением на факультете журналистики ВГУ двух новых специальностей «Реклама» и «Связи с общественностью», а также курирующей их выпускающей кафедры средств массовой коммуникации и рекламы. Окончательный вид обложка «Акцентов» приобрела в 2002 г., когда в ее анонсной части впервые были обозначены основные тематические направления: журналистика, реклама, паблик рилейшнз, язык, литература, книгоиздание, образование. Помимо традиционных рубрик «Слово редактора», «Теория и практика журналистики», «История отечественной журналистики», «История зарубежной журналистики», «Язык массовой коммуникации», редакция принимала к опубликованию статьи в разделах «Научная школа», «На стыке наук», «Приглашение к дискуссии», «Из архива исследователя», «Типология печати», «Университетская лекция», «Сообщения», «Кто есть кто в журналистском образовании», «Методика преподавания журналистики», «Новые книги», «Конференции, симпозиумы, семинары», «Студенческие опыты» и др.

На основе публикаций рубрики «Слово редактора», которая впервые появилась в 2003 г (№1-2) и которая до сих пор открывает номера альманаха, были выпущены две книги [2].

Когда вышел № 50-51, редакция решила подвести предварительные итоги – в передовой статье говорилось, в частности, следующее: «За эти годы более тысячи научных статей, обзоров и сообщений увидело свет в “Акцентах”; наша география – это не только вся университетская Россия, но и вузы ближнего и дальнего зарубежья (Армения, Латвия, Польша, Узбекистан, Украина и др.).

С гордостью констатируем, что основные параграфы и даже главы многих успешно защищенных докторских и кандидатских диссертаций впервые были напечатаны в нашем альманахе (Е. В. Ахмадулин, Н.В. Бергер, В.М. Березин, В.В. Богуславская, А.А. Грабельников, Ю.Н. Веремеенко, С.Н. Гладышева, Ю.А. Гордеев, А.Л. Дмитровский, Л.Р. Дускаева, С.С. Ефремова, Р.В. Жолудь, Г. Э. Кучерова, П. Е. Лисаневич, С.М. Логачева, А.А. Кажикин, М.Н. Ким, О.С. Кобзева, А.П. Короченский, М.М. Колесникова, Б.Я. Мисонжников, Е.Б. Курганова, О.А. Козлова, Г.Н. Манаенко, В.Д. Мансурова, В.И. Сапунов, С.И. Сметанина, В.В. Смирнов, Г.М. Соловьев, Е.Г. Сомова, Д.Л. Стровский, В.В. Тулупов, Л.Н. Федотова, Л.Г. Фещенко, Е.А. Цуканов, А.М. Шестерина, Е.С. Щелкунова и др.

Редакция всегда с уважением относилась к позиции каждого автора, принимая к печати в том числе и спорные, новаторские статьи, приглашая к конструктивному диалогу, давая возможность выступить оппонентам.

С каждым годом рос уровень альманаха: достаточно перечислить имена лишь некоторых авторов “Акцентов” – всеми признанных исследователей журналистики, рекламы и паблик рилейшнз: А.И. Аكوпова, Г.В. Антюхина, Г.В. Жиркова, М.М. Ковалевой, Л.Е. Кройчика, С.Г. Корконосенко, Е.А. Корнилова, Б.В. Кривенко, Г.В. Лазутиной, Т.В. Лебедевой, Г.С. Мельник, В.Ф.Олешко, Е.П. Прохорова, Л.Г. Свитич, В.Б. Смирнова, А.И. Станько, М.И. Стюфляевой, А.Л. Факторовича, В.В. Хорольского, С.К. Шайхитдиновой, М.А. Шишкиной, М.В. Шкондина, О.Д. Якимова и др.

У нас, естественно, много планов. Ведь утверждение о том, что нет ничего практичнее серьезной теории, давно приобрело характер аксиомы. Но это – в научной среде, профессионалы же (в нашем случае практикующие журналисты, рекламисты, пиармены) нередко иронически относятся к теоретическим изысканиям, доверяя больше личному опыту. Между тем серьезная, эффективная практика так или иначе ведет к обобщениям, созданию рабочих формул или моделей. Жаль, если этот процесс становится похож на “изобретение велосипеда”...» [3].

Поздравляя читателей и авторов, членов редколлегии и группу выпуска научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации» с выходом сотого номера, редакция напомнила о своей политике, которой продолжает придерживаться и поныне: «“Акценты” и впредь останутся открытой трибуной для изложения самых разных взглядов исследователей на проблемы теории и практики журналистики, рекламы и PR, шире – теории и практики массовой коммуникации. Нас по-прежнему будут интересовать статьи, касающиеся и вопросов культуры, образования, языкознания, литературоведения, социологии и психологии массовых информационных процессов» [4].

Литература

1. Бибчук Е.М. Научно-практическому альманаху «Акценты» 20 лет // УМО-регион: сборник научно-методических. – 2016. – № 16. – Электронный ресурс: http://jour.vsu.ru/editions/journals/umo_region/umo_2016.pdf. (Дата посещения 24.02.2021).
2. Тулунов В.В. Слово редактора: Сборник статей. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2009. – 180 с.; его же. Наше дело. Из дневника медиакритика. – Воронеж: Кварта, 2016. – 304 с.
3. Тулунов В.В. Наука и практика: расставляем акценты // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2004. – № 7-8. – С. 3-4.
4. Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2011. – № 100-101. – Электронный ресурс: http://jour.vsu.ru/editions/journals/accents/2011_5-6_accents.pdf (Дата посещения 25.02.2021).

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС В ЗЕРКАЛЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

М. Альдауд (Воронежский государственный университет)

Аннотация: Газетно-журнальная публицистика в Сирии содержит немного объективных аналитических исследований. Чаще всего это платформа для распространения предвзятой информации, а также основа для манипулирования сознанием читателей на всех уровнях. Данная статья направлена на изучение толстого литературного журнала «Аль-Маарифа», который является трибуной официального искусства, и газеты «Аль-Маджд», относительно независимого и либерального толка. Важно показать, что освещение того, что происходит внутри Сирии, есть во многом результат внешних влияний. Сделан вывод о противоречивости общей картины в стране, созданной в публицистических текстах, о специфике художественного отражения событий в журналах и газетах последних лет.

Ключевые слова: писательская публицистика, толстый журнал, массмедиа, Сирия, локальный конфликт, методы манипуляции, стиль повествования.

THE SYRIAN CRISIS IN THE MIRROR OF PUBLIC WRITINGS
IN NATIONAL NEWSPAPERS AND MAGAZINES

M. Aldaud (Voronezh State University)

Abstract. The article deals with public writing in Syrian magazines and newspapers which contains little objective analytical research. More often it is a platform for the proliferation of fake information, as well as the basis of manipulation at all levels. This article is aimed at studying the official magazine “Al-Maarifa” and the relatively liberal “Al-Majd” newspaper. It’s important to show that the coverage of what is happening inside Syria is the result of external influences. Conclusions are made about the controversial pictures created by mass media texts and the specific features of the artistic exposition of events in magazines in 2010-s.

Keywords: personal public writings, “thick magazine”, mass media, Syria, local conflict, coverage, mass media, methods of manipulation, narrative style.

1. Вступление

Сирийская публицистика последних лет регулярно освещала события в стране, что вполне естественно в условиях гражданской войны и многолетних боевых столкновений, о чем уже писали многие авторы [2;5;6]. Там, где

публицистические тексты (ПТ) ясно проявили свою миротворческую роль в объективном освещении войн и кризисов на Ближнем Востоке, они играли положительную роль, но многие исследователи согласились с тем, что в последнее время толстые журналы, как и средства массовой информации (СМИ) в целом, широко используются для манипуляций и пропаганды, создавая дезинформацию и утаивая правдивую информацию, о чем хорошо написал А.М. Джума, подчеркнувший лицемерие американских и турецких «миротворцев» [1].

Цель данного исследования – показать особенности отображения конфликта в Сирии и вокруг него, проанализировать способы репрезентации событий, методы манипуляции, применяемые сторонами в кризисной ситуации, а также охарактеризовать стилевые тенденции в газетах и журналах, освещающих события вокруг сирийского кризиса.

Эмпирической базой послужили сирийские газеты и журналы 2010-20 гг. Метод исследования сочетает в себе социологическое и информационно-культурологическое рассмотрение мнений о войне в Сирии и около неё.

2. Специфика отражения системного кризиса в публицистике сирийских авторов.

В ходе так называемой «арабской весны» 2010-х годов, писательская публицистика и журналистика арабо-мусульманского мира приобрела более радикальный характер. Язык журнальных статей часто имеет характер непримиримого обличения врага, т.е. сепаратистов, сторонников западной демократии и феминизма, оппонентов фундаментализма, атеистов и других представителей инакомыслия и духовной оппозиции. Противостояние политических сил повлекло за собой размежевание и в культуре, наблюдается усиление манипулятивного потенциала ПТ. Сегодня трудно анализировать политическую ситуацию с позиций независимого наблюдателя: режим военного времени уничтожил многие гражданские свободы. Трагедия гражданской войны и интервенции привела к кризисной ситуации, в которой находится весь арабский мир, но в таких странах, как Сирия, Йемен, Ливан кровавая война постоянно дает о себе знать, влияя на усиление цензуры, на сокращение тиражей газет и журналов, на материальное положение граждан [3: 535].

Работники литературных журналов знают: необходимо при освещении событий соблюдать осторожность в связи со сложностью вопроса. Стиль большинства публикаций в СМИ, манера письма и характер нарративов в художественных произведениях при изображении сирийских событий в ПТ обусловлены наличием государственной цензуры и отсутствием стабильности в стране. Сирия долгие годы отказывается заключать мирный договор с

Израилем, так как поддерживает палестинское сопротивление. Конфликт между политическими и этно-конфессиональными группами внутри Сирии усиливает напряженность, о чём регулярно пишут авторы «толстых» изданий, рассчитанных на образованную часть потребителей медиапродукта [7:5].

Но вопреки преградам журналисты и публицисты продолжают оповещать население о ходе урегулирования, о вспышках военных действий, в основном поддерживая действия правительства Б. Асада. Российские военные поддерживают мир и порядок в стране, хотя банды сепаратистов не были уничтожены полностью.

Самыми известными газетами и журналами в стране остаются следующие: газета «Ас-Саура», учрежденная в 1963 году, газета «Тишрин», учрежденная в октябре 1974 г., официальная ежедневная газета «Аль-Баас», частное издание «Аль Ваган» (Родина), участвующая газета «Аль-Вахда», партийная подконтрольная правительству газета «Кабас» (издатели «Национальный блок – Национальная партия», Дамаск.), а также «Аль-Назир» («Национальный блок – Народная партия»), ежедневная газета «Алеппо», основана Ахмадом Канбаром в ещё в 1936 году. Издаются, хотя и с потерей тиража, культурологические журналы: литературно-художественный ежемесячник «Аль-Маарифа», единственный частный политический и социокультурный оппозиционный еженедельник «Abyad wa Aswad» («Чёрное и белое»), «Аль-Хакика» – журнал для студентов, «Аль-Джадидла» («Культура»), «Аль-Манар» («Братья-мусульмане») – политический журнал, принадлежит д-ру Мустафе Аль-Себаи, его главный редактор Ахмед Кудама выразил несогласие с политикой Б. Асада и ушел в отставку. Молодежный журнал «Chabâblek» («Ваша молодость») отличается наиболее сатирическим стилем изложения и образностью историй.

Журнал «Аль-Маарифа» («Истина») был создан в 1960-е годы. Несмотря на официальный статус, конкурируя с частными изданиями, журнал изменил свою стилистику, в рамках ребрендинга улучшилась цветовая гамма. Сегодня статьи таких авторов, как Омар Юсеф (статья «Сирийский режим намерен конфисковать имущество тех, кто покинул армию») или Усама Юнес (статья «После ссоры в Сирии: Действительно ли закон позволяет изымать средства родственников разыскиваемых лиц для прохождения военной службы?») отличаются живым разговорным языком; основной тон редакторских статей стал более смелым, критика чиновников – более острой. В то же время медиакритик Салам Кавакиби справедливо отметил страх авторов, критикующих правительства Асада. Факты преследования писателей и публицистов многочисленны. Но писатели и журналисты свободно освещают международную жизнь, религиозные конфликты, проблемы молодежи, досуг и сельскую жизнь. Протесты против долгой военной службы выразили многие

писатели, сотрудничающие в молодежной прессе. Например, Сара Каяли, сирийская исследовательница, работающая в отделе Ближнего Востока и Северной Африки журнала, в статье «Сирийцы, уклоняющиеся от военной службы, сталкиваются с незаконным изъятием их денег и имущества»,

Амид аль-Кули, бывший редактор газеты «Тышрин», посвятил серию очерков коварной политике США на Ближнем Востоке. Сирийско-американские отношения характеризовались в последние годы особым напряжением, что связано с позицией войск США в Сирии. Борясь с террористами, американцы часто громят друзей Б. Асада, что вызывает гнев Дамаска. В прошлом позиция по Сирии зависела от «холодной войны» и отношений с Советским Союзом, а после распада Советского Союза ситуация требовала гарантий Израиля. Сегодня журналы и газеты призывают мировое сообщество помочь сирийцам, восстанавливающим экономический и культурный потенциал государства.

Характерной для наблюдения над эволюцией стиля прессы считается газета «Аль-Маджд» («Слава»), это пример того, как сирийская пресса справляется с показом кризиса в государстве. Логотип газеты «Аль-Маджд» – Меч и Солнце, где меч символизирует силу, а солнце – просветление. Газета «Аль-Маджд» считается самой популярной универсальной национальной газетой, её стиль можно назвать «кваллоидным», т.е. сочетающим таблоидную стилистику оформления и качественные ПТ, причем язык и стиль наррации характеризуются восточным орнаментализмом и наличием таких приёмов выразительности, как языковая игра, метафоричность заголовков и т.п., что делает облик издания заметным и популярным. Об этом свидетельствуют фразы в самом начале газеты, которые украшают первую страницу: «И приготовь для них всё, что сможешь, из силы и связи коней» (Священный Коран); «Тот, у кого нет меча, пусть продаст свою одежду, чтобы купить его» (Библия, Господь Христос); «То, что взято силой, можно вернуть только силой» (Гамаль Абдель Насер).

Основной стиль газеты «Аль-Маджд» как медиапродукта определяет «серьезная классика в оформлении», образцом которой служит западная композиционно-графическая модель. Газета «Аль-Маджд» считается элитной газетой, адресованной аудитории с высокой политической и литературной культурой. С момента своего создания газета ставила своей целью повышение читательского уровня и приобщение их к национальной мысли. «Аль-Маджд» с самого начала полагался при получении информации на сотрудничество с арабскими и международными газетами.

В начале сирийского кризиса в 2011 году газета «Аль-Маджд» какое-то время не выражала никакой реакции на происходящее. В течение трех месяцев владельцы газеты думали над тем, что происходит в Сирии. Потом газета, поддерживая популярное реформистское движение, которому может наступить

конец, стала смелее. Подход газеты поддержал в начале 2010-х гг. идею внутренней реформы в Сирии. Но по прошествии трёх лет видение кризиса в газете стало меняться. Сегодня редакция издания считает, что оппозиционные движения в Ливии, в Йемене и в самой Сирии – это волна американского сионизма. То, что там происходило, отличается от того, что происходило в Тунисе и Египте [1:65].

Другие авторы, стоящие на позиции Б. Асада и его сторонников, увидели в таких мнениях неподчинение режиму, они отвергли идею радикальной смены власти и возвращения к фундаментализму. Началась полемика о путях выхода из кризиса, которую СМИ в Сирии показали по-разному. Между тем, газеты и журналы охватывают широкий круг вопросов, и их панорама отличается глубиной и детализацией [3:85].

Заключение

Рассмотрение материалов в газетах и журналах Сирии и исследование мнений обозревателей Запада показало, что журнал «Аль-Маарифа» и газета «Аль-Маджд» постоянно и добросовестно занимались освещением событий сирийского кризиса. Через журнал «Аль-Маарифа» и газету «Аль-Маджд», популярные в широкой аудитории национальные издания, писатели и публицисты выразили следующее: а) важность диверсификации стиля журналов и газет, используемых для освещения сирийской проблемы; б) проведение исследований ПТ, изучение арабских газет и журналов показывает их близость к модели мировой глобализирующейся журналистики и в то же время наличие национальной специфики (декоративность, высокий градус религиозности, притчевость речевых актов); в) равенство авторов ПТ на качество содержания и стиля западных материалов, освещающих сирийские события, что выявляет важность соблюдения стандартов, поскольку это имеет большое значение для донесения правды фактов до общественности.

Литература

1. Джума А.М. Сравнительный анализ освещения сирийского конфликта в российских и западных СМИ. – Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-osvescheniya-siriyskogo-konflikta-v-rossiyskih-i-zapadnyh-smi>. (Дата посещения: 24.02.2021).
2. Есионов Н.А. Специфика освещения конфликта в Сирии российскими и западными СМИ. – Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-osvescheniya-konflikta-v-sirii-rossiyskimi-i-zapadnymi-smi>, 2018. (Дата посещения: 24.02.2021).
3. Омран, Джихад Мухаммед. Социокультурная проблематика в сирийской публицистике 1980-х – 1990-х годов : На примере журнала «Аль-Маарифа»/

Автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 21 с.

4. *Омран Д.М.* Литературно-художественный журнал «Аль-Марифа» и особенности сирийской культурологической публицистики // Журналистика в 1997 году. Тезисы научно-практической конференции. – М., 1998. – Ч.1. – С.48-50.

5. *Хорольский В.В., Ба Харон А.* Йеменский сектор Интернета о политических событиях в стране (2017-2019 гг.) // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Сб. мат-в междунар. научно-практ. конф. – М.: МГУ, 2020. – С.535-536.

6. *Шанке Р.* Лев Дамаска. Хафез Асад и современная Сирия / Пер. с нем. А. Игнатьева. – Электронный ресурс: <http://www.nb-info.ru/asad.html>. (Дата посещения: 24.2.2021).

7. In besieged Syria, one wasting death "just the start of a tragedy" // The Washington Post, 2018. – №139. – P. 6.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ АРАБСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

Альтамеми Мохамедалмустафа шукур Махмуд (Белгородский гос. университет)

Аннотация. Данная статья призвана дополнить отечественные исследования в сфере изучения арабской публицистики и кинодокументалистики. Цель исследования – определить основные стилевые особенности языка арабской публицистики, в частности писательской, и арабоязычного документального кинематографа на основе лингвокультурологического подхода. Сделан вывод о том, что главной особенностью стиля арабского документального дискурса, как в работах писателей, так и в творчестве создателей документального кино, является использование большого количества метафор, а также паремий, пословиц и поговорок. Это отражает культурно-исторические особенности арабского публицистического нарратива, его социокультурный контекст. С этим связано влияние национального медийного стиля на эпоху, на арабоязычную аудиторию.

Ключевые слова: Арабский язык, документально-художественный стиль, публицистика, кинематограф, метафора, пословица, паремия.

THE MAIN FEATURES OF ARABIC-LANGUAGE STYLE IN PUBLIC WRITINGS AND DOCUMENTARY FILMS

Mohamed al Mustafa Shukur Mahmud (Belgorod State University)

Abstract. This article is intended to supplement domestic research in the domain of public writing and documentary cinema language. The aim of the research is to determine the main stylistic features of Arab public writing and literary language of documentary cinema. The survey is based on the linguoculturological approach to linguistic style. The main feature of Arab public writing and Arab documentary-artistic cinema is the use of a large number of metaphors, paroemia, proverbs. This stylistic trend reflects the cultural and historical features of Arabic public writing, its narrative, the socio-cultural context. It shows the impact of the media on the Arabic-speaking audience and socio-political processes.

Keywords: Arab language, public writing, documentary-artistic film, publicist writing, cinematography, metaphor, proverb, paroemia.

Арабский язык занимает пятое место в мире по распространенности, на нем говорят почти 700 миллионов человек по всему миру. Это официальный язык в 22 странах. Но насколько он важен и распространен по всему миру, настолько непростой загадкой он остается для изучающих его.

Когда мы говорим об арабском кино, мы обычно имеем в виду фильмы, снятые арабскими режиссерами, снятые в арабском мире и/или повествующие о происходящем в арабском мире. Поскольку термин «арабский» не относится к одной конкретной стране или даже к одной конкретной культуре, важно отметить, что это также не относится к конкретной религии. Араб и мусульманин не являются синонимами или взаимозаменяемыми понятиями. Хотя большая часть арабов – мусульмане, в арабском мире также имеются многочисленные христианские, еврейские и другие религиозные общины.

Одним из основных источников информации для понимания специфики и стилевых особенностей арабского языка являются писательская публицистика и документальный кинематограф. Целью данной статьи является анализ особенностей языкового стиля политической публицистики и документально-художественного кино арабоязычных стран [1; 2; 4; 7]. Основным методом исследования – лингвокультурологический.

Документально-художественный фильм (ДХФ), как и публицистический текст (ПТ) – это особый языковой код, основанный на многочисленных навыках: устных, письменных, аудиовизуальных и других. Арабский документальный кинематограф развивался в русле мировой кинематографии, используя опыт С. Эйзенштейна, Д. Вертова, Д.У. Гриффита, Р. Клера и других великих мастеров. Особенности арабской кинематографии обусловлены общим характером этого вида искусства и средства массовой коммуникации.

Главной особенностью стиля арабоязычного кино, как и арабоязычной публицистики, является метафора. В стилистике арабского языка метафора переводится как أَرَّارٌ عَيْسٌ AL-ISTI'ĀRA – это иносказание, в котором слово использовано в переносном значении с целью сравнения. Слово أَرَّارٌ عَيْسٌ AL-ISTI'ĀRA является отглагольным именем (масдаром) глагола أَرَّارَ عَيْسًا ISTA'ĀRA «одалживать, брать взаймы». Данный термин назван этим именем потому, что говорящий как бы «одалживает» другое слово для обозначения того, что он сравнивает بَ مَشَّ هَ MUSHABBAH [3].

Процессы метафоризации в кинематографе и публицистике нельзя рассматривать без изучения логических и семантических законов сопоставления образов природных объектов и образов людей, семантики и синтагматики в художественной речи. Как правило, в процессе метафорических сравнений важны три элемента: 1) что-то сравнивается с чем-то другим, например, девушку на Востоке часто сравнивают с газелью, в этом случае субъект сравнения – девушка; 2) объект сравнения, что-то похожее на субъект, в данном случае это газель, стройное и стремительное животное; 3) основание для сравнения (признак, объединяющий два предмета или лица) [1]. В нашем случае общим для девушки и газели является сема грациозности и одновременно динамики.

Ещё один иллюстративный пример: в Древнем Египте понятия «алчность» и «жадность» изображались в образе крокодила, слово «бдительность» передавалось изображением головы льва (лев, согласно египетским преданиям, спит с открытыми глазами).

Важнейшую роль в метафоризации играют коранические тексты. Например, связанные с понятием «путь». В наиболее известном кораническом тексте (1–5) верующий молит Аллаха вести его по «дороге прямой» (ас-сират ал-мустанаким). Один из 99 эпитетов Аллаха – «ведущий прямым путем» (ар-рашид). Термин, обозначающий мусульманское предание (сунна), первоначально означал «верное направление». Словом «путь» (тарик) называется также серия передатчиков известий о речениях и делах Пророка, восходящая к общему источнику, а один из популярнейших сборников таких речений озаглавлена «Торная трона» (Ал-муватта).

По учению суфиев, мистический путь разделяется на стадии (макамат), или стоянки перехода. Однако главная метафора этого рода заключена в термине «шариат» (шариа), когда-то означавшем у бедуинов «Путь к воде». Вода же, как и дождь, это традиционный образ арабской поэзии, выражающей понятия о щедрости и милости.

Немало арабских метафор связано с деревом. Источники мусульманского права названы «Корни» (усул), от них отходят «ветви» (фуру), т.е. казусы, разрешаемые при помощи «корней». О безродном арабы говорят: «У него нет ни корней, ни ветвей» [2].

В арабском языке метафоры выполняют не только номинативную, но и смыслообразующую функцию, которая, в свою очередь, включает в себя структурно-семантическую и когнитивную подфункции. В процессе восприятия и моделирования действительности смысловые механизмы метафоры обуславливаются влиянием ситуации или контекста, где содержание элементов значения метафоры изменяется в связи с выделением или пропуском тех или иных компонентов.

Примеры арабоязычных метафор:

$\text{أَبَ ابٍ نَصَّ أَحَبُّ إِيَّوْ عَ اجَالَ أُو}$ IN ŠĀHABTA IBN ALĀWĀ 'ABDĀKA ĀJILAN AW 'ĀJILAN «Если будешь дружить с шакалом, он рано или поздно тебя укусит».

$\text{بُ بُلُّ لُ بَابُ الِ تَغْتُ عَمِيلٌ يِلُّ الِ كَالِمَ قَل}$ TAGHTARRA LĀ' BULBUL JĀMĪL AL-KALĀM QALĪL AL-'AMAL «Не обманывайся соловьем, говорящим красиво, но делающим мало».

Возьмём, например, палестинский документальный фильм «Битва в море Сектора Газа» (2011 год). Краткий сюжет фильма, снятого по мотивам всемирно известного романа Валери Зенатти. 17-летняя Таль эмигрировала из Франции в Иерусалим

со своей семьей. Она пишет письмо, в котором выражает отказ признать, что между израильтянами и палестинцами может царить только ненависть, закупоривает письмо в бутылку, и её брат бросает послание в море недалеко от Газы, где он проходит военную службу. Несколько недель спустя Таль получает по электронной почте ответ от таинственного «Газамана», молодого палестинца по имени Наим. Так начинается бурная, но нежная дружба на расстоянии между двумя молодыми людьми, которых разделяет история, которую они пытаются понять и изменить. [5]

В фильме используются метафоры:

Брат – это крыло.

القطوس في عين أمه غزال

Любовь – не птица, которую можно удержать в клетке.

لجمال ليس عصفور ف قفصا

Рай находится под ногами матерей.

الجنة تحت اقدام امهات

Ещё одна важнейшая речевая фигура для арабского документального кинематографа – метонимия. Метонимией называется перенос названия с одного предмета на другой на основании их смежности. В отличие от метафоры метонимия не предусматривает не сходство между обозначаемыми предметами, а перенос значения с одного предмета или явления на другой по принципу смежности. Метонимия, имеющая место во всех языках мира, широко используется и в арабском языке. Арабский глагол نَكَأ KANĀ, от которого образовано َوَّوَّ слово َوَّوَّ AL-KINĀYA, означает «намекать, давать знать знаком».

Примером может быть следующая пословица: رَسَقَ بَيْنَهُ وَالْ يَعْصَى ه َوَّوَّ: َوَّوَّ اَلْمَلْدَخْنَ اَلْ يَ اَلْ كَلْبِ َوَّوَّ اَلْمَلْدَخْنَ اَلْ يَ اَلْ كَلْبِ AL-MUDAKHKHIN LĀ YUSRAQ BAYTUHU WA LĀ YA'UḌḌUHU AL-KALB «Курильщика не ограбят воры, и не укусит собака» [3].

В отличие от метафоры, в которой исключается возможность буквального понимания, намек не исключает возможности того, что говорящий хотел передать именно основной смысл, содержащийся в метонимии.

Для примера рассмотрим фильм 2010 года «Амрека». Эта документальная кинолента была создана в Саудовской Аравии. «Амрека» повествует о жизни Муны, матери-одиночки, которая покидает Западный берег вместе с Фади, её сыном-подростком, с мечтами о лучшем будущем в обетованной земле маленького города Иллинойс, США. Будучи волевой женщиной, Муна помогает сыну учиться, так же, как она помогала ему проходить через блокпосты во время войны. Муна работает в кафе, готовит гамбургеры, пока её сын учится, адаптируясь к непростой обстановке в местной школе. Как рассказала с проникновенным юмором сценарист и режиссер Шериен Дабис о

своём дебютном полнометражном фильме, «Амрека» – это обобщение и типизация жизни семьи иммигрантов и подростков первого поколения, зажатых между своим наследием и новым миром, в котором они сейчас живут, и горько-сладким поиском места, которое можно было бы назвать *своим домом*. «Амрека» – это документально-художественное воспоминание о жизни семьи Дабис в сельской Америке во время первой войны в Ираке [6].

В этом фильме используются метонимии.

إِذَا تَرَا بَكَ الشَّرَّ فَاقْعُدْ بِهِ َوَّوَّ

Если зло (хочет) увлечь тебя за собой, сиди и не двигайся.

عندما تفشل الكلمات, تتكلم الموسيقى

Когда заканчиваются слова, говорит начинает музыка.

لا تكن كقمة الجبل.. ترى الناس صغاراً ويرأها الناس صغيرة

Не будь как вершина горы. Она видит людей маленькими, но и люди её видят такой же.

Ещё одна важнейшая составляющая стиля арабоязычного стиля – пословицы и поговорки. Это неотъемлемая часть арабской культуры, истории, религии, филологии (особенно устного творчества) и стиля жизни. Ибн Салям Аль-Азди отмечает, что пословицы являются мудростью арабов [10: 85]. Ибрагим Ан-Наззам называет пословицы «вершиной стилистики арабского языка» [11: 1].

В данном случае мы рассматриваем пословицы и поговорки безотносительно метафор и метонимий.

Возьмём для примера алжирский фильм «Рашида» (2002). Сюжет первого полнометражного художественного фильма режиссёра Ямины Башир, основанного на реальных событиях, вызывает воспоминания о самых ужасных зверствах террора в Алжире. «Рашида» – это трогательный сюжет о мужественных женщинах, находящихся под постоянной угрозой террора. Это мир, в котором мало спасения от терроризма, где вас могут похитить, изнасиловать или застрелить в любой момент. Юная Рашида преподаёт в школе в Алжире. Однажды на улице её останавливает группа молодых людей, которые требуют, чтобы она взяла бомбу и заложила её в школу.

Когда Рашида отказывается, в неё хладнокровно стреляют и оставляют умирать. Рашида чудом выживает и, чтобы выздороветь, прячется с матерью в деревне вдали от города. Несмотря на свой бесконечный страх, Рашида снова начинает чувствовать себя цельной личностью, когда начинает учить детей и заводить новых друзей. К сожалению, насилие здесь тоже неизбежно, и она и другие жители деревни должны храбро продолжать находить небольшие признаки надежды среди бесконечного отчаяния [7].

В фильме используются пословицы:

اللي عنده فلوس يأكل و يبوس

У кого есть деньги, тот и целует женщину.

اللي ببسال ما يتوهش

У кого есть язык, тот не заблудится.

باب النجار مخلع

Плотник, а дверь сломана.

Теперь обратимся к стилю писательской публицистики арабских стран. Возьмём пример двух современных иракских писателей – Луая Хамзы Аббаса и Хассана Бласима.

Луай Хамза Аббас добился международного признания благодаря своим интригующим сборникам художественной литературы, написанным в песенном стиле. Хамза Аббас родился в Басре и получил докторское образование в Университете Басры в 2002 году. В настоящее время он читает лекции по литературной критике, а его творческие произведения опубликованы не только в Ираке, но и во всем англоязычном мире. Его рассказы были переведены на английский язык литературным журналом *Vanipal*, его сборник «Закрывая глаза» (2008) тоже был переведен на английский язык за счёт гранта, присужденного Национальным фондом искусств.

Названный *The Guardian* «возможно, величайшим из ныне живущих писателей арабской фантастики», Хасан Бласим начинал свою карьеру не как писатель. Изучая кино в Академии кинематографических искусств, Бласим быстро привлек к себе внимание, получив премию Фестиваля Академии за лучшую работу за «Гардению» (сценарий), так и за «Белую глину» (сценарий и режиссер). Эссе Бласима о кино можно найти в «Буклетах о кино» (*Emirates Cultural Foundation*), а небольшую часть его художественной литературы – в блоге «Иракская история». Его самый известный сборник рассказов «Безумцы на площади Свободы», вошедший в лонг-лист премии «Независимая иностранная фантастика» в 2010 году и с тех пор переведенный на пять языков, был тщательно отредактирован и выпущен на арабский рынок в 2012 году – и немедленно запрещен во многих арабских странах. Несмотря на неоднозначный статус писателя, нельзя отрицать его метод успешного использования уникальной стилистики повествования.

Оба писателя активно используют в своих произведениях паремиию.

У Хасана Бласима в рассказе «Аллах» мы можем встретить следующие примеры, так или иначе связанные с наукой и знаниями [8]:

الحكمة ضالة المؤمن

Мудрость – достоинство верующего.

العِلْمُ فِي الرَّأْسِ وَلَيْسَ فِي الكُرَّاسِ

Знания (должны быть) в голове, а не в тетради.

العُلَمَاءُ وَرَثَةُ الأنبياء

Учёные – наследники пророков.

У Хамзы Аббаса встречаем следующие паремии [9].

العَيْنُ بَصِيرَةٌ وَالْيَدُ قَصِيرَةٌ

Глаз зрячий, а рука коротка.

أنا أَمِيرٌ وَأَنْتَ أَمِيرٌ فَمَنْ يَسُوْقُ الحَمِيرِ

Я – эмир и ты – эмир, а кто же погонит ослов?

По результатам исследования можно сделать следующий вывод. Главной особенностью языкового стиля арабского документально-художественного кинематографа и писательской публицистики является использование большого количества метафор, метонимий, пословиц и поговорок, паремий. При этом метафоры, метонимии и паремии щедро используются именно в пословицах и поговорках. Это отражает культурно-исторические особенности арабского нарратива и должно помочь понять сущность соответствующих языковых явлений и их социокультурный контекст, влияние на арабоязычную аудиторию и социально-политические процессы. В этом направлении мы будем продолжать наши исследования.

Литература

1. *Абдулрахман Хасан Абдул Рахман Ба Харон*. Язык Йеменских сетевых СМИ в контексте эволюции национального интернет-пространства // Вестник ВГУ. – №4, 2020. – С. 151-154.
2. *Омран, Джихад Мухаммед*. Социокультурная проблематика в сирийской публицистике 1980-х – 1990-х годов: На примере журнала «Аль-Марифа»: автореферат дис. ... канд. филологических наук / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 21 с.
3. *Омри А.* Выражение метафоры и метонимии в устойчивых конструкциях арабского языка // Исламские исследования. Институт востоковедения РАН, 2013. – №2. – С. 360-365.
4. *Есионов Н.А.* Специфика освещения конфликта в Сирии российскими и западными СМИ. – Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-osvescheniya-konflikta-v-sirii-smi-2018>. (Дата посещения: 25.02.2021).
5. *A Bottle in the Gaza Sea* // Электронный ресурс: <https://www.amazon.com/Bottle-Gaza-Sea-Agathe-Bonitzer/dp/B009V0LRJI>. (Дата посещения: 25.02.2021).

6. Amreeka // Электронный ресурс: <https://www.amazon.com/Amreeka-Yussuf-Abu-Warda/dp/B002T921C0>. (Дата посещения: 24.02.2021).
7. Rachida // Электронный ресурс: <https://www.amazon.com/gp/product/B0006Z2NKO>. (Дата посещения: 25.02.2021).
8. حسن بلاسم الله // Электронный ресурс: <https://hassanblasim.net>. (Дата посещения: 25.02.2021).
9. حمزة عباس يغلق عينيه // Электронный ресурс: <https://books.google.ru/books?id=MJZLDwAAQBAJ&pg=PT415&lpg=PT415&dq>. (Дата посещения: 24.02.2021).
10. ص 202 – 1981 أبو عبيد البكري. فصل المقال في شرح الأمثال. – بيروت،
11. د. محمد إسماعيل صيني، ناصف مصطفى عبد العزيز. معجم الأمثال العربية. مكتبة لبنان. بيروت، 1996. – 181ص

Раздел IX. РЕЦЕНЗИИ

ПО СЛЕДАМ ШТУТГАРТСКОГО НАУЧНОГО ТРУДА «МЕЖДУ ДЕРПТОМ, ПРЕССБУРГОМ И ВЕНОЙ», ПОСВЯЩЕННОГО ЯНУ КВАЧАЛЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Е.Ф. Фирсов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Рецензия на книгу: Zwischen Dorpat, Pressburg und Wien. Ján Kvačala und die Anfänge der Jablonski – Forschung in Ostmitteleuropa um 1900. Herausgegeben von Joachim Bahlcke und Karl W. Schwarz. 2018. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 398 p.

Прежде всего, выражаю благодарность историку, профессору Иоахиму Бальке, зав. кафедрой истории раннего нового времени Штутгартского университета, за присланный экземпляр научного труда, посвященного Яну Квачале (1862-1934), замечательному российскому и словацкому ученому-теологу и философу, ставшему после эвакуации из Дерпта-Юрьева с 1918 по 1920 годы ненадолго воронежцем. По независящим от меня причинам труд прибыл с запозданием (получен лишь в апреле 2020 г.) и сразу по горячим следам рецензия не могла появиться. В то же время посвященное Квачале научное исследование не может остаться незамеченным российским историческим сообществом. Отрадно видеть, что как крупный исследователь с мировым именем Ян Квачала вызывает интерес не только в России, Чехии и Словакии, но и в европейских немецко-язычных странах – Австрии и Германии.

Для тех, кто имеет отдаленное представление о Квачале, напомним, что именно он способствовал развитию в России и за рубежом такой отрасли науки как комениология, которая занимается изучением жизни и творчества Яна Амоса Коменского. Его научные труды издавались на многих европейских языках в различных российских и зарубежных журналах. Его вклад в науку как теолога и философа был весьма значительным. Им опубликованы многие новые исторические источники, особенно в сфере комениологии. На их основе современные исследователи могут развивать поднятые в свое время научные проблемы по комениологии, гусизму, реформации и по большому счету по педагогике.

За 25 лет, проведенных Яном Квачалой в России в Юрьевском (Дерптском) университете в качестве профессора, он во многом интегрировался в российскую научную элиту и стал её неотъемлемой составной частью. И об этом не следует забывать европейским исследователям в настоящее время.

Стоит сказать, что европейская историография до недавнего времени очевидно оставалась в долгу перед Яном Квачалой. После выхода в свет в 2005 г. посвященного ему сборника под редакцией Киша [1] до сих пор так и не появилось с учетом расширенной источниковой базы специального монографического исследования о нём. По инерции он представляется европейскими исследователями чуть ли не обрусевшим в России учёным, оторванным от внутренней жизни Словацких земель того времени. Отрядным явлением последнего десятилетия развития словацкой историографии является публикация ценной переписки Квачалы со словацким деятелем Йозефом Шкултети (Jozef Škultéty), моравским комениологом Йозефом Крумпфольцем (Josef Krumpholz), историками – представителями школы Голла [2, 3, 4]. Из доступных архивных материалов, а также из опубликованной Л. Бернатом переписки Квачалы становится очевидно, что он был связан не только с Чешскими землями, где вел научные проекты по Коменскому, но также активно сотрудничал со Словацкими землями и был составной частью словацкого национального движения того времени. Он всегда находился в тесной связи со своей исторической родиной, особенно с регионом Ружомберка. Квачала, за что ему честь и хвала, принимал активное участие в деятельности Словацкого музейного общества и являлся его меценатом. При поддержке Шкултети Квачала внес существенный вклад в общественно-политическую, научную и конфессиональную жизнь словацких земель рубежа XIX-XX вв. и заметно её оживил.

Признаюсь, что пристальное внимание к научному труду штутгартских коллег объяснимо тем, что после моих важных архивных открытий о Квачале на немецком и русском языках (в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге и в личном фонде Квачалы в университете Коменского в Братиславе) мой собственный научный интерес к этой фигуре ученого и педагога тем временем не ослабевал [5, 6, 7].

Что касается представленного немецкого труда, то вызывает некоторое удивление само его название. Условно, конечно, можно ограничиться в географическом отношении тремя названными городами, однако встаёт вопрос – почему остались в стороне такие важные научные центры как хотя бы Санкт-Петербург, Прага и другие европейские города, с которыми были связаны многие научные открытия Квачалы в ходе его непрерывных разъездов и командировок. За пражские издания переписки Коменского со своими сверстниками, как известно, Квачала удостоился в 1903 г. в России престижной премии профессора Котляревского. Однако в данном труде об этом даже не упоминается. В Санкт-Петербурге Квачала существенно оживил деятельность Отдела Коменского Педагогического музея и сделал немало архивных

комениологических находок. Перечень подобных европейских научных центров можно было бы продолжать.

Первую часть труда открывают несколько научных статей, посвященных следующей тематике. Непосредственно творческому развитию Квачалы как историка культуры и церкви с особым акцентом на австро-венгерские корни рассматривает статья венского теолога, профессора евангелического факультета Венского университета Карла Шварца (Karl W. Schwarz) «Между Бачки Петровац и Веной». Квачала был выходцем из смешанного словацко-немецкого местечка Петровац (в регионе Бачка). Рассмотрена его дальнейшая учеба в Прессбурге и Лейпциге, его начальные турне в поисках новых источников о Коменском и особенно подробно освещаются его творческие связи с Веной, где Квачала получил степень доктора теологии, а затем переезд в российский Дерпт. Исследование строится в традиционном ключе и учитывает современные достижения словацкой и европейской историографии и вносит новые штрихи о контактах Квачалы с Веной. Завершает работу изложение интересного письма Квачалы своему австрийскому другу Георгу Лёше (Georg Lösche), датированного 1921 г. и содержащего некоторые новые подробности переезда Квачалы из России в Братиславу, на теолого-евангелический факультет университета Коменского.

Автор прав, считая, что Квачалу не следует рассматривать изолированно лишь в узко словацком контексте. Его творческое наследие выходит далеко за рамки этой этнической области. Квачала – ученый европейского покроя, его исследования по праву носят междисциплинарный характер и сближают научные подходы Восточной, Центральной и Западной Европы. Его научное наследие закономерно заслуживает пристального внимания современной культурологии.

Статья Петера Блота (Peter C. Bloth) также посвящена Квачале, она озаглавлена «Наука на краю российской империи. Ян Квачала – профессор исторической теологии в Дерптском университете». Работа заслуживает особой похвалы, поскольку это единственный европейский исследователь (наряду с проф. И. Бальке), привлечший эстонские архивные фонды, будучи в 1997-1998 гг. на определенном этапе приглашенным профессором Тартуского университета.

Немало места в статье уделено уточнению начальной и завершающей дат пребывания Квачалы в Дерптском университете, что расширило её объем. При этом очевидно, что автору исследования были малоизвестны данные современной историографии о том, что Квачала долгое время оставался австро-венгерским подданным и лишь в 1915 г. принял российское подданство, поэтому и был эвакуирован вместе с остальными университетскими коллегами и богословским факультетом в Воронеж. Иначе не возникли бы в связи с этим недоуменные вопросы автора по поводу эвакуации в Воронеж и не потребовали бы излишних рассуждений. Хотя в целом П. Блоту присуща ориентация в

российской литературе и в статье присутствует ссылка на труд Д.М. Карпачева об истории основания Воронежского университета, датируемый 2001 г. Однако по неизвестной мне причине, как и большинство европейских исследователей Квачалы, характеристики воронежского периода автор статьи избегает. Хотя этот вопрос заслуживает более подробного рассмотрения [7]. Пребывание в Воронеже стало для Квачалы весьма поучительным и надеюсь вернуться к этой теме в дальнейшем.

Автор отмечает, что уже с первых лет пребывания в российском Дерпте-Юрьеве Квачале было свойственно стремление к выявлению в Европе новых источников, как о великом учителе народов Коменском, так и о другом крупном представителе рода Коменских – внуке Коменуса Даниэле Эрнесте Яблонском (Daniel Ernest Jablonski, 1660-1741), польском протестантском деятеле, бывшем проповедником при прусском дворе (в 1693-1741) и основателем Берлинской Академии наук (s. 38). Итогом проведенных Квачалой разысканий стали труды, посвященные этому славянскому деятелю, славно трудившемуся на ниве немецкой науки и культуры. Уже в мае 1899 г. состоялась первая большая командировка Квачалы с этой целью.

Две статьи первой части труда рассматривают комениологические исследования Квачалы (Uwe Voigt) и влияние Квачалы на развитие комениологии в Германии (Werner Korthaase). Четыре остальные статьи посвящены главной теме научного труда – Квачала и начало исследований о Д.Э. Яблонском в Европе на рубеже XIX-XX вв.

Р. Хармут (Rudolph Harmut) останавливается на издании Квачалой переписки Д.Э. Яблонского с Готфридом В. Лейбницем и её научном значении.

Все работы выполнены на высоком научном уровне. Однако по своей солидной источниковой базе, на мой взгляд, выделяется статья Л. Берната (Libor Bernát) – лучшего словацкого знатока архивного наследия Квачалы. Он удачно рассмотрел восприятие Квачалы современниками и в последующей чехословацкой историографии, а также разработку им темы Яблонского. Солидным и весьма содержательным является также исследование штутгартского профессора Иоахима Бальке (Joachim Bahlke) жизни и деятельности Д.Э. Яблонского: «Исследовательские поездки, изучение источников и международное сотрудничество». И. Бальке вносит много нового в методологическую базу исследования, подробно изучил архивные фонды Германии и Эстонии и обильно на них ссылается, украсив статью ценными документальными иллюстрациями. Наибольший интерес вызывают части работы, касающиеся сотрудничества Квачалы с Академией наук, искусств и литературы Франца Иосифа в Праге 1890 г., а также роли российского дерптского университета в перспективном исследовании миссии Яблонского.

И. Бальке не случайно делает вывод о том, что Квачала может служить примером исследователя своего времени. Квачалу следует расценивать инициатором и основоположником самостоятельного направления в исследовании о Яблонском, преуспевшим в этой сфере.

С присущей ему большой самооценкой Квачала творил и перемещался одновременно в нескольких пространствах с точки зрения языка и культуры, чему также способствовала несвязанность семейными узами. Причём в финансовом отношении он мог в долгосрочной перспективе рассчитывать на стипендии и поддержку различных фондов. Этому способствовало также членство в различных научных организациях, обществах и академиях, компенсировавших неразвитость научной инфраструктуры государственного уровня. Приобретенный ранее опыт международного сотрудничества пошёл на пользу Квачале в разработке темы о Д.Э. Яблонском. И российский университет в Дерпте создал весьма благоприятные условия для научной деятельности Квачалы, начиная с 1893 г.

С конфессиональной точки зрения вклад Квачалы в исследование «Яблонианы» рассмотрел Мартин Роткегель (Martin Rothkegel) в статье о славянском космополите и проповеднике с позиций лютеранского теолога Яна Квачалы.

Объёмная вторая часть труда содержит опубликованные источники – избранные исследования Квачалы, касающиеся жизни и деятельности Д.Э. Яблонского. Здесь воспроизводится 12 научных статей Квачалы, давно ставших библиографической редкостью. Эти источники будут способствовать более глубокому постижению исследуемой эпохи.

В приложении даётся избранная библиография сочинений Квачалы, именной и географической указатели.

В целом характеризуемый труд выполнен на весьма высоком уровне. К отдельным недочётам, на мой взгляд, можно отнести рассмотрение исследуемой проблематики в отрыве от основного рода занятий Квачалы – преподавания на богословском факультете Дерптского-Юрьевского университета. Целиком опущены также вопросы адаптации Квачалы в российском университете и срастания его с российской интеллектуальной средой, обходятся стороной тесные контакты Квачалы с российской научной элитой.

Труд коллег, изданный в Штутгартском университете, несомненно представляет собой научную ценность. Большинство исследований носит весьма позитивный характер и представляют серьёзный вклад в развитие современной европейской историографии исследуемых проблем, будь то рассмотрение творческой стези Квачалы, его комениологических трудов, или особенно характеристики вновь открытого Квачалой важного оригинального направления в современной исторической мысли – а именно жизни и деятельности Д.Э. Яблонского, доводившегося знаменитому Я.А. Коменскому внуком.

Данная книга выявляет существенный вклад Квачалы в развитие международного сотрудничества, а также углубление европейских научных, культурных и конфессиональных связей. Книга станет без сомнения важным подспорьем в научной деятельности как историков и филологов, так и представителей гуманитарных наук в целом.

Литература

1. Ján Kvačala otec modernej koleniologie. Zbornik z medzinárodného sympozia v Bratislave v dňoch 13 a 14. Septembra 2004 na Evanjelickej bohosloveckej fakulte Univerzity Komenského. Ed. I. Kišš. Bratislava: Univerzita Komenského, 2005.
2. Bernát L. a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétym. Bratislava: Eko-konzult, 2015. – 206 p.
3. Bernát L. a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Josefom Krumpholcom. Bratislava: Eko-konzult, 2016. – 441 p.
4. Bernát L. Ján Kvačala a Gollova škola vo svetle vzájomnej korešpondencie. Bratislava: 2017. – 281 p.
5. Фирсов Е.Ф. Ученый-комениолог Ян Квачала в России (источники о научной деятельности из Рукописного отдела Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 гг. СПб., 2009. – С. 223-245.
6. Фирсов Е.Ф. Профессор теологии Ян Квачала в свете архивных открытий в России и Словакии // Liberté et Patrie Mélanges offerts à Jozef M. Rydlo, membre de l'Institut slovaque. Institut slovaque, Rome. Chaire de l'histoire slovaque de la Faculté des Lettres de l'Université Comenius, Bratislava. Post Scriptum, 2020. – P. 233-246.
7. Фирсов Е.Ф. Российский профессор-геолог Ян Квачала и его роль в развитии межславянских научных и культурных связей // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований. – М., 2021.

ОБ АВТОРАХ

- Альдауд Мохаммад*, аспирант, Воронежский государственный университет;
- Альтамеми Мохамедалмустафа шукур Махмуд*, аспирант, Белгородский государственный университет;
- Барабаш Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук, Пензенский государственный университет;
- Белова Полина Евгеньевна*, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород;
- Белянин Валерий Павлович*, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, независимый исследователь;
- Боева Галина Николаевна*, доктор филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна;
- Бондаренко Наталья Александровна*, кандидат филологических наук, Институт языков и культур им. Л. Толстого;
- Витович Анастасия Олеговна*, студент, Воронежский государственный университет;
- Гарсия де ла Пуэнте Инес*, профессор, Бостонский университет, Школа наук и искусств;
- Гладышева Светлана Николаевна*, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Горохова Лариса Анатольевна*, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Грачева Жанна Владимировна*, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Девлин Анн-Мари*, профессор, Ирландский национальный университет, Корк;
- Заварзина Любовь Эллиевна*, кандидат педагогических наук, Воронежский государственный педагогический университет;
- Каверина Валерия Витальевна*, доктор филологических наук, Московский государственный университет;
- Калинин Степан Сергеевич*, кандидат филологических наук, Международный славянский институт, Москва;

- Карначук Ирина Юрьевна*, учитель русского языка и литературы, Бродовская средняя образовательная школа;
- Катермина Вероника Викторовна*, доктор филологических наук, Кубанский государственный университет;
- Ковалев Геннадий Филиппович*, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Килар Агата*, аспирант, Академия Игнатианум, Краков;
- Королева Ангелина Максимовна*, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Москва;
- Крапчина Людмила Николаевна*, кандидат экономических наук, Пензенский государственный университет;
- Кривотулова Елена Владимировна*, кандидат педагогических наук, Воронежский государственный университет;
- Лазарев Юрий Васильевич*, доктор педагогических наук, Рязанский государственный университет;
- Лазарев Андрей Иванович*, кандидат педагогических наук, учредитель Фонда им. А.А. Хованского;
- Лукин Олег Владимирович*, доктор филологических наук, Рязанский государственный педагогический университет;
- Межецкая Галина Николаевна*, кандидат филологических наук, ВУНЦ ВВС «ВВА» им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина;
- Меркулова Инна Александровна*, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Мерунка Войтех*, профессор, Пражский университет естественных наук;
- Микулаш Софья Романовна*, аспирант, Карлов университет в Праге;
- Молчанова Людмила Викторовна*, кандидат филологических наук, ВУНЦ ВВС «ВВА» им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина;
- Нефедова Яна Юрьевна*, ассистент, Пензенский государственный университет;
- Олейник Андрей Юрьевич*, кандидат филологических наук, независимый исследователь;
- Опперман Павел Алексеевич*, курсант, ВУНЦ ВВС «ВВА» им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина;

- Панина Людмила Юрьевна*, кандидат педагогических наук, Воронежский государственный педагогический университет;
- Пивоварчик Тамара Анатольевна*, кандидат филологических наук, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы;
- Погадай Елена Владимировна*, старший преподаватель, Ростовский государственный экономический университет;
- Посацкий о. Александр*, доктор философский наук, доктор теологии, Collegium Vegum, Warszawa;
- Ратникова Ирина Эллиевна*, доктор филологических наук, Минский государственный университет;
- Русинова Елена Евгеньевна*, кандидат филологических наук, Воронежский институт высоких технологий;
- Сандлер Людмила Леонидовна*, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Сапунов Владимир Игоревич*, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Сичинава Нелли Гарриевна*, кандидат филологических наук, Кутаисский университет им. А. Церетели;
- Тулунов Владимир Викторович*, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Фатеева Елизавета Николаевна*, магистр, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева;
- Фирсов Евгений Федорович*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
- Хорольский Виктор Васильевич*, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Церцвадзе Мзия Гиглаевна*, кандидат филологических наук, Кутаисский университет им. А. Церетели;
- Чен Хайндун*, старший преподаватель, университет Санья, о. Хайнань;
- Швецова Ольга Анатольевна*, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет;
- Щеголев Борис Андреевич*, профессор, Пражский университет естественных наук.

Научное издание

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ:

К 160-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

*Сборник статей
международной научно-практической конференции*

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе
при поддержке
Фонда им. А.А. Хованского

Подписано в печать 12.10.2021. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 20,23. Тираж 50 экз. Заказ 116

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в ООО «Квалис»
394026, Воронежская обл., г. Воронеж,
ул. Еремеева, ба, к. 3, оф. 5/1
E-mail: kvalis@list.ru